БИБЛІОТЕКА
Н. П. КАВЕРИНА
№ 1336

18.30.1.1-5a

Д А Р
Заслуженного деятеля науки
Профессора
А. М. ЗАБЛУДОВСКОГО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ V.

1848 г.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л. 7.

1880.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 ЛИН. 7.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ

СОЧИНЕНІЕ

КНЯЗЯ ПЕТРА ВЯЗЕМСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1880

Представляемая мною въ 1848 г., на судъ читателей, книга начата лѣтъ за двадцать предъ симъ и окончена въ 1830 году. Въ 1835 году, была она процензирована и готовилась къ печати. Въ продолженіе столь долгаго времени, многія изъ главъ ея напечатаны были въ разныхъ журналахъ и альманахъ: въ „Литературной Газетѣ“ Барона Дельвига, въ „Современникѣ“, въ „Утренней Зарѣ“, и въ другихъ литературныхъ сборникахъ. Самая рукопись читана была многими литераторами. Въ разныхъ журналахъ и книгахъ встрѣчались о ней отзывы частію благосклонные, частію нѣтъ. Эта метрическая справка, о лѣтахъ являющагося нынѣ въ свѣтъ сочиненія, показалась мнѣ неизлишнею, для предупрежденія недоразумѣній, и для правильнаго заключенія объ относительномъ достоинствѣ и объ относительныхъ недостаткахъ предлагаемой книги. Такія метрическія и, такъ-сказать, личныя указанія, равно нужны какъ въ оцѣнкѣ книгъ, такъ и въ оцѣнкѣ людей. Въ сужденіи о тѣхъ и другихъ, не должно никогда терять изъ вида, въ какое время книга была написана или человѣкъ дѣйствовалъ. Можетъ быть, спросятъ: почему же книга, имѣющая уже столько лѣтъ отъ рода, такъ поздно является въ свѣтъ? Объясненіе этого вопроса не доставитъ никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы имѣть какую-нибудь занимательность для читателей. Впрочемъ, любопытнѣйшихъ изъ нихъ отсылаю къ статьѣ, напечатанной мною въ 3-й книжкѣ „Современника“, на 1837 годъ (стран. 373). Знаю, что объявляя о возрастѣ книги моей, подвергаю ее пред-

варительному подозрѣнію и осужденію нѣкоторыхъ критиковъ. Они рѣшили, что книги стараго поколѣнія никуда не годятся, и что, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, литература наша такъ далеко ушла, что все прежнее должно быть предано забвенію или равнодушно принято къ свѣдѣнію. Но опасеніе съ этой стороны на меня нисколько не дѣйствуетъ. Мнѣ никакъ не вѣрится, что послѣдній періодъ литературной дѣятельности Карамзина и Пушкина долженъ быть признанъ за младенчество, а нынѣшній періодъ за періодъ возмужалости и совершенолѣтія литературы нашей. Каюсь въ невѣріи своемъ, и откровенно и смѣло выставляю годъ рожденія книги моей.

Позволю себѣ еще нѣсколько дополнить эти свѣдѣнія біографическими подробностями о самой книгѣ. По первоначальной смѣтѣ, сочиненіе мое о Фонъ-Визинѣ должно было ограничиться предѣлами статьи, то есть, краткаго введенія къ твореніямъ его. Отъ обстоятельствъ, статья разрослась въ книгу. Холера, свирѣпствовавшая въ 1830 году, застигла и заперла меня съ семействомъ въ подмосковной моей. Послѣ первыхъ опасеній и безпокойствъ въ виду роковой посѣтительницы, для развлеченія и успокоенія своего, я почувствовалъ потребность въ постоянномъ занятіи. Фонъ-Визинъ явился мнѣ тогда на помощь и въ отраду. Подъ руками моими была обширная библіотека, много рукописей, записокъ и писемъ, относящихся до царствованія и эпохи Екатерины Великой; къ тому же было много времени и досуга. Открытіе каждаго новаго свѣдѣнія влекло меня къ новымъ розысканіямъ. Кругъ дѣйствія моего безпрестанно разширялся подъ изыскательнымъ перомъ. Такъ, напримѣръ, письма Бибикова и Сальдерна заставили меня перечитать записки Фридриха Великаго, и т. д. Старыя Русскія книги и старые Русскія журналы прочитаны мною были съ любопытствомъ и добросовѣстностію. Всѣ эти запасы отозвались въ трудѣ моемъ, съ большею или меньшею пользою, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, одинокое лицо писателя Фонъ-Визина вошло въ общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила живою рамою написанное мною его изображеніе. Умѣлъ ли я съ удовлетворительнымъ искусствомъ и зна-

ніемъ дѣла исполнить задачу, которую себѣ выбралъ? этотъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію не моему, а моихъ читателей. Но мнѣ кажется, что, безъ неприличнаго самохвальства, могъ я себѣ дозволить опредѣлить, въ вышеписанныхъ строкахъ, точку зрѣнія, съ которой, во слѣдъ нѣкоторымъ благосклоннымъ ко мнѣ судіямъ, должно оцѣнить книгу, едва ли не первую у насъ попытку, въ родѣ біографической литтературы. Особенно обращаю вниманіе читателей на приложенія. Въ нихъ моего ничего нѣтъ. Слѣдовательно, тѣмъ свободнѣе можно мнѣ указать на занимательность и важность нѣкоторыхъ матеріаловъ, въ нихъ заключающихся.

Кн. П. Вяземскій.

С.-Петербургъ,
2-го Февраля 1848 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Стран.

Значеніе исторіи литтературы вообще. — Двойственный ея характеръ. — Русская литтература: Ломоносовъ, Державинъ, Богдановичъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Крыловъ. Жуковскій, Пушкинъ.—Имѣетъ ли Русская литтература свою оригинальность? Литература наша выражаетъ-ли вполнѣ наше общество, его нравственную самобытность. — Подъ какими условіями литтература можетъ имѣть вліяніе на народъ.—Одностороннее направленіе Русской литтературы, выразившееся въ лирической поэзіи. — Оригинальное образованіе нашего общества (побѣдами.—Явленіе Ломоносова. Петрова, Державина и другихъ, какъ поэтовъ народа-побѣдителя.

Вѣкъ Екатерины Великой. — Новое побужденіе къ преложенію лирическаго направленія нашей поэзіи. — Любовь Императрицы къ Французской литтературѣ.—Вліяніе Французской литтературы на Русскую.—Посредничество въ этомъ Ив. Ив. Шувалова. — Борисъ Михайловичъ Салтыковъ.—Его литтературный агентъ въ Женевѣ.—Сношеніе Сумарокова съ Вольтеромъ.—Дидеротъ. Альфіери. Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ и другіе литтераторы въ С.-Петербургѣ.—Вліяніе образованности Двора на наше общество. — Общія замѣчанія о Фонъ-Визинѣ.—Оригинальность его.—Эпоха покровительства талантовъ Дворомъ и вельможами.—Фонъ-Визинъ, дѣйствующее лицо на сценѣ Петербургской, и какъ писатель драматическій и сатирическій.—Кругъ наблюденій Фонъ-Визина, ограничивавшійся единственно обществомъ провинціальнымъ.—Различіе между Фонъ-Визинымъ и Мольеромъ. — О жизни и литтературныхъ трудахъ Фонъ Визина вообще.—Скудость матеріаловъ для его біографіи.—Бумаги оставшіяся послѣ него. — Исповѣдь.—Письма къ родственникамъ и пріятелямъ. — Письма къ нему отъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ.—
Разныя бумаги: дѣловыя, политическія и семейныя 1

ГЛАВА II.

Стран.

Генеалогія Фонъ-Визиныхъ.—Баронъ Петръ Владиміровичъ Фонъ-Визинъ.—Денисъ Фонъ-Визинъ.—Грамота Царя, Великаго князя Михаила Феодоровича, пожалованная Денису Фонъ-Визину.—Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ (отецъ автора).—Павелъ Ивановичъ (братъ его).—Сестра Фонъ-Визина, вышедшая за Аргамакова, и ея сынъ.—Нравственность родителей Фонъ-Визина.—Рожденіе его.—Дѣтство.—Вліяніе старинняго образа воспитанія на способъ выражаться, а слѣдовательно и на слогъ Фонъ-Визина.—Славянизмы и галлицизмы—главный недостатокъ его слога.—Хорошая сторона прежняго домашняго воспитанія.—Мнѣніе Карамзина о [illegible].—Фонъ-Визинъ въ Московскомъ Университетѣ.—Иванъ Ивановичъ Мелиссино отправляетъ Фонъ-Визина съ братомъ, въ числѣ 10 лучшихъ воспитанниковъ, для представленія куратору Университета Ивану Ивановичу Шувалову, въ С.-Петербургъ.—Путешествіе.—Встрѣча съ Ломоносовымъ въ домѣ Шувалова.—Впечатлѣнія Двора и театра на умъ Фонъ-Визина.—Первый литературный трудъ его: переводъ басенъ *Гольберга*.—Награда за него, состоявшая въ платежѣ соблазнительными книгами.—Второй переводъ его: *Жизнь Сифа, Царя Египетскаго*.—Замѣчанія о содержаніи этого сочиненія и переводѣ.—*Превращенія Овидіевы*.—Поэтическія произведенія Фонъ-Визина: *Посланіе къ слугамъ моимъ* и басня *Лисица Казнодей*.—Отсутствіе въ Фонъ-Визинѣ поэтическаго таланта.—Переводъ *Ельзиры*.—Сатирическое посланіе А. С. Хвостова.—Конецъ перваго періода жизни Фонъ-Визина.—Взглядъ на тогдашнее время. . 15

ГЛАВА III.

Вступленіе Фонъ-Визина, въ 1762 году, въ службу.—Вице-Канцлеръ К. Голицынъ опредѣляетъ его въ Иностранную коллегію.—Первое время службы.—Отправка его въ *Шверинъ*.—Расположеніе къ нему кабинетъ министра Ив. П. *Елагина*.—Замѣчаніе объ Елагинѣ.—Романъ: *Приключенія Маркиза Г.*—[illegible].—Вражда съ Лукинымъ.—Тогдашнее вольнодумство.—Москва и Петербургъ.—Дружба съ Тепловымъ.—Замѣчаніе о Тепловѣ.—Непоколебимость въ вѣрѣ.—Переводъ сочиненія *Самуила Кларка* «Доказательство бытія Божія».—Взглядъ на роль Кутейкина (въ комедіи Недоросль), какъ вывѣску тогдашней эпохи.—Раскаяніе Фонъ-Визина.—Нѣкоторыя извѣстія о посланіи къ слугамъ моимъ.—Объ ус-

Стран.

пѣхѣ комедіи: *Бригадиръ*. — Фонъ-Визинъ читаетъ свою комедію Императрицѣ. — Конецъ записокъ его «Исповѣди». — Недостатокъ матеріаловъ для дальнѣйшаго продолженія его біографіи 26

ГЛАВА IV.

О сочиненіяхъ Фонъ-Визина, написанныхъ въ предыдущемъ періодѣ его жизни.—Переводъ повѣсти: *Іосифъ*, сочиненіе *Битобе*.— Разборъ этого перевода.—Объ употребленіи Славянскихъ словъ въ смѣшеніи съ Русскими.—О недостаткахъ Русскаго языка того времени.—Пристрастіе къ Славянскому языку Ломоносова. — О славянизмахъ Фонъ-Визина, въ переводѣ повѣсти: *Іосифъ*.—Слогъ Фонъ-Визина. — Переводъ: *Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному* 35

ГЛАВА V.

О службѣ Фонъ-Визина.—Начало его политическаго поприща со времени поступленія подъ начальство Графа Никиты Ивановича Панина.— Важность тогдашней эпохи, въ политическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ.—Значеніе Графа Панина въ исторіи Русской дипломатіи.—Участіе Фонъ-Визина въ дѣлахъ государственныхъ.—О переписке его съ главнѣйшими современными Русскими дипломатами и другими замѣчательными лицами.—Значеніе писемъ ихъ къ Фонъ-Визину. Отношеніе его къ Графу Н. И. Панину.—Дружба съ А. Ил. Бибиковымъ.—Достоинство Бибикова и успѣхи его въ Польшѣ и противъ Пугачева.—Письма его изъ Варшавы и Казани къ Фонъ-Визину.— Ив. Ив. Булгаковъ.—Литературные труды его.—Политическая дѣятельность.—Письма его къ Фонъ-Визину.—Марковъ.—Сальдернъ.— Письма Маркова. — Ал. Мих. Обрѣсковъ. — Сношенія его съ Фонъ-Визинымъ.—Гр. Стакельбергъ.—Письма его. — Гр. Петръ Ив. Панинъ.—Мнѣніе о немъ Императрицы Екатерины II. — Сношенія съ нимъ Фонъ-Визина.—Письма Фонъ-Визина къ гр. Панину, заключающія въ себѣ дѣла внутренней и внѣшней политики того времени.— Письма Гр. Н. И. Панина къ Фонъ-Визину. — Отношенія Фонъ-Визина къ князю Потемкину 40

ГЛАВА VI.

Путешествія Фонъ-Визина въ чужіе краи.—Второе путешествіе.— Пребываніе въ Парижѣ.—Третье путешествіе.—Ударъ паралича.— Четвертое путешествіе.—Заграничныя наблюденія его.—Одностеро-

Стран.

нее направленіе Фонъ-Визина.—Разборъ писемъ его, писанныхъ изъ-за границы къ Гр. П. И. Панину. — Дидеротъ и Мармонтель. — Пріѣздъ Вольтера въ Парижъ, во время пребыванія въ немъ Фонъ-Визина.—Мнѣніе иностранныхъ писателей о тогдашнемъ духѣ Французовъ.—Письмо Гиббона.—Свидѣтельство Кн. Дашковой о состояніи *Парижскаго общества*.—Дидеротъ у Кн. Дашковой въ Парижѣ.—Г-жа Жофренъ. — Рюльеръ. Мнѣніе Кн. Дашковой о Дидеротѣ.—Многое въ письмахъ Фонъ-Визина, писанныхъ изъ Парижа къ Гр П. И. Панину, заимствовано изъ сочиненія *Дюкло* «Considérations sur les moeurs de ce siècle: въ комедіяхъ же изъ сочиненіи *Лабрюйера*, *Ларошфуко* и *Лабомелля*.—Анекдотъ о Дидеротѣ и Майковѣ. — Ученыя занятія Фонъ-Визина въ Парижѣ и кругъ его знакомства.—Франклинъ.—Серъ-Жермень.—Прощальное письмо Гр. П. И. Панина, передъ отъѣздомъ Фонъ-Визина за границу.—Фонъ-Визинъ оставляетъ службу.—Связи его съ Клостерманомъ.—Пребываніе Фонъ-Визина въ Италіи. — Замѣчанія его о художествахъ.—Поѣздка въ Лукку.—Письма Фонъ-Визина изъ Вѣны.—Пріѣздъ его въ Россію и начало страдальческой жизни. — Намѣреніе Фонъ-Визина опять отправиться за границу.—Ложные слухи о женитьбѣ жены развестись съ нимъ.—Послѣдняя поѣздка за-границу.—Письма изъ Вѣны.—Выписки изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ.—Выписки изъ журнала путешествія въ Ригу, Кальдонь и Митаву . . . 74

ГЛАВА VII.

Есть ли у насъ театръ? — О старой Русской комедіи. — Представляетъ ли наше общество матеріалы для драмы? — Необходимъ ли у насъ театръ? — Сумароковъ.—Комедіи его.—Замѣчаніе на комедію: *Опекунъ*.—Трисотиніусъ.—Комедія Лукина «*Мотъ, любовью исправленный*». — Веревкинъ. — Содержаніе его комедіи «*Такъ и должно*».—Роль Добролюбина.—Творенія Екатерины Великой. — Комедія Кн. Дашковой «*Тщеславные*».—Княжнинъ, комедія его *Хвастунъ*, *Чудаки*. — Клушинъ. — Ефимьевъ.—Заключеніе о старой комедіи 111

ГЛАВА VIII.

Фонъ-Визинъ, какъ драматическій писатель. — *Бригадиръ*. — Разборъ его. — Замѣчанія на комедію *Недоросль*. — Успѣхъ Недоросля.—Слова Потемкина. — Общее заключеніе о характерѣ комедій Фонъ-Визина.—*Горе отъ ума*. — Роль Софіи, Чацкаго. — Отзывъ

Стран.

Пушкина о Чацкомъ.—Фамусовъ.—Особенное достоинство твореній Грибоѣдова и Фонъ-Визина.—*Вѣсти или убитой женой*, комедія Гр. Ростопчина . . . . . 132.

ГЛАВА IX.

Невозможность соблюденія строгой послѣдовательности въ біографіи Фонъ-Визина.—Необходимость отступленій отъ главнаго предмета.—Нѣкоторыя частности изъ жизни Фонъ-Визина.—Одиночество его въ Петербургѣ.—Письма его изъ С.-Петербурга къ сестрѣ.—О домѣ Мятлевой.—Знакомство Фонъ-Визина съ Херасковымъ, Майковымъ, Богдановичемъ, Барковымъ и Волковымъ.—Любовь его къ А. И. Приклонской.—Знакомство съ молодою вдовою Хлоповою.—Первое ея замужество.—Тяжба ея.—Фонъ-Визинъ разбираетъ это дѣло.—Женитьба Фонъ-Визина.—Состояніе отца Фонъ-Визина.—Подарокъ Гр. Панина своимъ тремъ секретарямъ изъ пожалованныхъ ему помѣстій.—Совершенное разстройство состоянія Фонъ-Визина.—Щегольство его.—Бѣдность жены послѣ его смерти.—Семейство Клостермана 146

ГЛАВА X.

Личныя достоинства Фонъ-Визина.—Письмо П. Вас. Мятлева.—Литтературныя связи его съ Державинымъ, Домашневымъ, Козодавлевымъ и актеромъ Дмитревскимъ.—Анекдотъ о Княжнинѣ.—Ал.-Сем. Хвостовъ.—Кн. Горчаковъ.—Духовныя размышленія Фонъ-Визина.—Исповѣдь.—Размышленія по случаю смерти Потемкина.—Истинныя заслуги Фонъ-Визина въ литтературѣ.—Слово на выздоровленіе В. Кн. Павла Петровича.—Дѣйствіе сего слова на публику.—Благосклонность къ Фонъ-Визину Великаго Князя.—Журналъ „Собесѣдникъ".—Участіе въ немъ Императрицы Екатерины II.—Политическіе вопросы Фонъ-Визина.—Отвѣты на нихъ Императрицы Екатерины II.—Опыты Русскихъ синонимовъ.—Поученіе, говоренное въ Духовъ День.—О намѣреніи Фонъ-Визина издавать журналъ.—Общее достоинство Сумарокова и Фонъ-Визина.—Прилѣрная Грамматика.—Истолкованіе личныхъ мѣстоименій.—Письмо о планѣ Россійскаго словаря.—Состязаніе съ Болтинымъ.—Жизнь Гр. Никиты Ив. Панина.—Выборъ гувернера.—Разговоръ Княгини Халдиной . . 164

ГЛАВА XI.

Стран.

О поэтическомъ талантѣ Фонъ-Визина.—Переводы его въ стихахъ: *Альзира*. *Коріонъ*, переводъ комедіи Грессета: Сидней. — О комедіи въ стихахъ: *Безбожникъ*, сочиненіе Хераскова. *Матюшка разнощикъ*.—*Посланіе къ Ямщикову*.—*Смерть Авеля*, переводъ поэмы Геснера.—Двѣ сцены изъ двухъ комедій, изъ коихъ первая безъ имени, а вторая «*Добрый наставникъ*»! — Мнѣніе объ избраніи піесъ въ «Московскія сочиненія».—Отрывокъ перевода изъ *Иліады*.—О вольности Французскаго дворянства.—О пользѣ третьяго чина.—Разсужденіе о третьемъ чинѣ.—Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ. — О переводѣ Тацита.—Политическое сочиненіе. — Немилость Императрицы 174

ГЛАВА XII.

Предсмертный вечеръ Фонъ-Визина — Знакомство съ Дмитріевымъ въ домѣ Державина.— Отвѣтъ уѣзднаго почтмейстера. —Сходство съ нимъ нѣкоторыхъ критиковъ. — Отрывокъ изъ записокъ Дмитріева.—Встрѣча трехъ представителей нашей литтературы.—Значеніе 1-го декабря.—Сравненіе Фонъ-Визина и Карамзина, въ отношеніи къ слогу и вліянію на языкъ.—Фонъ-Визинъ писатель съ дарованіемъ.—Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художникъ.—Невниманіе критиковъ къ художественной сторонѣ писателей. — Ложныя отъ того заключенія.—Литтературные скороходы.—Мнѣніе Гете о Моліерѣ.—Общая связь событій. — Заповѣдь.—Заключеніе и цѣль настоящей книги 186

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Стран.

I. Четыре письма Бориса Салтыкова къ И. И. Шувалову 195
Письмо Графа А. Воронцова къ нему же 197
II. Письмо Графа Разумовскаго къ нему же. 198
Дидеротъ въ Петербургѣ. 200
III. Альфіери въ Петербургѣ. 207
IV. Басни нравоучительныя Барона Гольберга (перев. Д. Фонъ-Визина). . 208
V. Выписка изъ книги: Героическая добродѣтель или жизнь Сина Цари Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая (Перев. Д. Фонъ-Визина). 213
VI. Посланіе къ творцу Посланія или копіи къ оригиналу (Соч. А. С. Хвостова). 216
VII. Выписки изъ Елагина: Приношеніе премудрости и извлеченіе изъ введенія къ Русской Исторіи 220

Письма къ Фонъ-Визину:

VIII Сальдерна (три). 223
Графа Стакельберга (пять) 225
Прусскаго посланника Сольмса (два) 230
С. Зиновьева (восемь). 231
А. Мусина-Пушкина (шесть) 238
Князя Н. Рѣпнина (три). 241
Н. Хотинскаго (три) 245
А. Обрѣскова (четыре) 247
Мальцова (одно). 252
А. Сумарокова (одно) 253
Графа Остермана (одно). 254
Княгини Дашковой (одно) 255
П. Левашева (одно) 256
А. Стахіева (три) 257
Письма Фонъ-Визина къ Графу Петру Ивановичу Панину, о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ, съ приложеніемъ разныхъ официальныхъ бумагъ и документовъ. 602

Стран.

IX. Начертаніе для составленія Толковаго Словаря Славяно-Россійскаго языка. 304

Способъ, коимъ работа Толковаго Словаря Славяно-Россійскаго языка скорѣе и удобнѣе производиться можетъ 312

X. Смерть Авеля. отрывокъ изъ поэмы Гессонера (перев. Фонъ-Визина). 316

XI. Копіи съ справокъ Разряднаго Архива, съ родословныхъ росписей и списковъ съ грамотъ фамиліи *Фонвизиныхъ* 318

XII. Краткая записка о службѣ Фонъ-Визина, извлеченная изъ оффиціальныхъ бумагъ 331

XIII. Копія съ Высочайшаго Указа, о прикомандированіи Фонъ-Визина къ Ст. Сов. Елагину. 332

XIV. Письма А. И. Бибикова къ Д. И. Фонъ-Визину 333

ГЛАВА I.

Исторія литтературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія. Только въ соединеніи съ нею можетъ она имѣть для насъ нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литтературѣ, разсматриваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самые предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литтературы: то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литтературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества. Можно еще допустить, что въ нѣкоторомъ отношеніи литтература бываетъ двоякая: одна для народа то, что́ даръ слова для человѣка: то, чѣмъ переплетаетъ онъ себя ближнимъ и потомству: то, чѣмъ онъ человѣкъ, то-есть существо мыслящее и чувствующее. Человѣкъ безъ сего способа выражать себя и народъ, неимѣющій сей литтературы, существа неполныя, не достигающія цѣли бытія своего. Другую литтературу можно причислить къ искусствамъ изящнымъ: къ ваянію, къ живописи, къ музыкѣ. Она — въ разрядѣ вспомогательныхъ, уже благопріобрѣтенныхъ способностей, коими умъ человѣческій прихотливо выражаетъ мысль свою, коими народъ, образующійся честолюбиво, знаменуетъ успѣхи свои на поприщѣ гражданственности и умственнаго усовершенствованія. Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго при отсутствіи первой изъ сихъ литтературъ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на внима-

ніе общества, его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія; но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно: не имѣвъ предыдущаго, оно едва объемлетъ стѣсненные предѣлы настоящаго и теряется вмѣстѣ съ минутнымъ впечатлѣніемъ. Такъ, сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычокъ Паганини зажигаютъ восторгъ и оковываютъ вниманіе слушателей. Въ раздраженіи сокровеннѣйшихъ нервовъ своихъ, они сочувствуютъ, соотвѣтствуютъ гармоническимъ излія̀ніямъ повелительнаго чародѣя; но сіе сочувствіе, сія взаимность въ ощущеніяхъ, въ сотрясеніяхъ сокровенныхъ, были только насильственныя или по крайней мѣрѣ не естественныя, а искусственныя. Пора баснословныхъ чудесъ Орфея миновалась: ни горы не тронутся съ мѣста; ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки замолкли, раздраженные нервы утихли, и между виртуозомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соотвѣтствія. Литература также имѣетъ своихъ виртуозовъ. Равно и между твореніемъ отличнымъ и народомъ, коего общество еще не готово для литтературы, или литтература еще не дозрѣла для общества, нѣтъ также обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отслушанъ, книга прочтена, и тотъ и другая возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть, нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось. — Обратимся теперь къ намъ: повѣримъ наше предположеніе добросовѣстно и внимательно, и выведемъ заключеніе. Нѣкоторыя наши явленія литтературныя: великолѣпныя оды Ломоносова: восхваленные, философическіе и сатирическіе гимны Державина: граціозныя шутки Богдановича; утонченности взыскательнаго общежитія, европеизмы, введенные въ прозу и стихи нами Карамзинымъ и Дмитріевымъ; сиѣты Озерова, который умѣлъ иногда сочетать блескъ трагическихъ формъ Вольтера съ благозвучіемъ поэзіи Расина; лукавое простосердечіе и черты Русской насмѣшливости и замысловатости, ярко оттѣнившія произведенія Крылова; оригинальность заимствованій или завоеваній Жуковскаго, положившаго свою печать на подражанія, которыя въ свое время были смѣлыми новизнами; въ Пушкинѣ тотъ же духъ, тѣ-

же пріемы поэтической притязательности, еще болѣе приноровленные къ характеру времени и характеру Русскаго ума, и гораздо болѣе разнообразные въ своихъ движеніяхъ - всѣ сіи явленія, болѣе или менѣе, продолжительнѣе или кратковременнѣе, наносили рѣзкія впечатлѣнія на вниманіе общества нашего и возбуждали повсемѣстное сочувствіе. Со всѣмъ тѣмъ, кажется, не страшась нареканія въ неблагодарности и несправедливости къ литературѣ отечественной, можно примѣнить ее ко второму разряду изъ двухъ описанныхъ выше. Такъ, она не есть жизнь народа нашего, а развѣ одна изъ блистательныхъ отраслей общежитія его: она не народный даръ слова, не народный глаголъ, а одно изящное выраженіе народа, какъ музыка или живопись.

Въ Русскомъ обществѣ и въ литературѣ Русской не было и нѣтъ понынѣ сего обратнаго дѣйствія, сего перелива оттѣнковъ съ одного на другую, сей жизни, такъ сказать, общей въ двухъ тѣлахъ, сей взаимности, отъ коей литературы другихъ народовъ являются намъ столь исполненными движенія, страстей и личности. Нѣтъ сомнѣнія, Русское общество еще вполнѣ не выразилось литературою. Русскій народъ сильнѣе, плечистѣе, громогласнѣе своей литературы. Въ сравненіи съ нимъ она нѣсколько щедушна. Мѣсто, занимаемое имъ въ литературномъ мірѣ, не соотвѣтствуетъ тому, коимъ завладѣлъ онъ въ мірѣ политическомъ. Вы должны искать Русскихъ слѣдовъ въ исторіи двора, въ исторіи походовъ, въ исторіи успѣховъ гражданственности: блестящія страницы могутъ здѣсь удовлетворить требованію честолюбія народнаго и явить, что сіе общество, хотя еще мало говорливое, имѣетъ во многихъ чертахъ свою физіогномію, свою нравственную самобытность. Одно книжное знакомство съ нимъ увлекло-бы васъ къ заключенію, что нѣтъ общества, а есть только народонаселеніе. Русское общество не воспитано на чтеніи отечественныхъ книгъ: вы не можете найти людей, которые чувствовали-бы по Державину, мыслили-бы по Княжнину, коихъ мнѣнія развились-бы и созрѣли подъ вліяніемъ такихъ-то или другихъ Русскихъ авторовъ. Это неоспоримо. Какое можетъ быть на народъ вліяніе литте-

ратуры, непмѣющей эпопеи, театра, романовъ, философовъ, публицистовъ, моралистовъ, историковъ? ибо одинъ историкъ, и то историкъ давнопрошедшихъ столѣтій, историкъ отечества своего, какъ ни сильно выразилъ онъ умъ свой въ твореніи своемъ, какъ ни вѣрно воскресилъ онъ въ немъ наше прошедшее, но дѣйствіе его все-же должно быть односторонее и ограничено самыми предѣлами предначертаннаго ему круга. Если-же захотѣть найти непремѣнно господствующую черту нашей литтературы, то должно остановиться на поэзіи лирической. Сіе соображеніе можетъ привести насъ къ заключенію, что и у насъ литтература, или то, что изъ литтературы имѣемъ есть также однозвучное выраженіе общества. Общество наше, гражданственность наша образовались побѣдами. Не постепенными, не медленными успѣхами на поприщѣ образованности; не долговременными, постоянными, трудными заслугами въ дѣлѣ человѣчества и просвѣщенія; — нѣтъ: быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное мѣсто въ числѣ Европейскихъ державъ. На поляхъ сраженій купили мы свою граммату дворянства. Громы Полтавской побѣды провозгласили наше уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громы, сіи торжественныя, побѣдныя молебствія отозвались въ поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, впослѣдствіи времени была уже болѣе привычка и подражаніе, и потому неудовлетворительна: но на первую пору была она точно истинная, живая, и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта. Воинственная слава была лучшимъ достояніемъ Русскаго народа: упоенные, ослѣпленные ею, радѣли мы мало о другихъ родахъ славы. Военное достоинство было почти единою цѣлью, единымъ упованіемъ и средствомъ для высшаго званія народа, которое должно было въ началѣ сосредоточивать въ себѣ исключительно лучи просвѣщенія, медленно разливавшагося по нижнимъ ступенямъ общества. Военная дѣятельность удовлетворяла честолюбію народному и потребностямъ возникающаго граждан-

ства. Торжественныя оды были плодами сего воинственнаго вдохновенія. Лира Ломоносова была отголоскомъ Полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него, и безъ сомнѣнія отъ него, общимъ характеромъ нашей поэзіи. Поэзіи философической, прозѣ умѣренной, которая болѣе размышляетъ, нежели чувствуетъ, болѣе способна хладнокровно судить, нежели пламенно пристраститься, тутъ не было мѣста. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ были бардами народа, почти всегда стоявшаго подъ ружьемъ, — народа, праздновавшаго побѣды, или готовившагося къ новымъ. „Тебя Бога хвалимъ!“ была тэма ихъ воинственныхъ пѣснопѣній. Они — поэты присяжные, поэты-лауреаты — побѣды еще болѣе, нежели двора. Сію поэзію, такъ сказать, оффиціальную, должно приписывать не столько характеру ихъ, сколько характеру эпохъ, въ которыя они жили. Ничего нѣтъ общаго въ нравственныхъ свойствахъ, въ образованіи, въ частныхъ обстоятельствахъ жизни трехъ нашихъ лириковъ, но лира ихъ настроена почти на одинъ ладъ. Кажется, слышишь одни и тѣ-же звуки, за исключеніемъ особенныхъ переливовъ и оттѣнковъ, которые образуютъ неминуемую принадлежность каждаго самостоятельнаго дарованія. Почему Кантемиръ, также поэтъ съ великимъ дарованіемъ, не имѣлъ послѣдователей, а лирическій нашъ тріумвиратъ подѣйствовалъ такъ сильно на склонности поэтовъ и второстепенныхъ? Потому, что для сатиры, для изслѣдованія, для суда — общество не было еще готово. Кровь и умы тогда еще не довольно остыли и осѣлись. Это была пора молодости, волненія и восторженности. Кто и не имѣлъ на лирѣ своей могучихъ и звучныхъ струнъ, а туда-же карабкался и хотѣлъ *пиндарить*. Въ этомъ отношеніи сатира *Чужой толкъ* не только прекрасное литтературное произведеніе, но и нравственное свидѣтельство и замѣчательная обличительная ссылка для поясненія современныхъ обстоятельствъ.

Лирическое, торжественное, хвалебное направленіе, данное поэзіи нашей, не измѣнилось совершенно и въ новѣйшія времена, когда другія потребности, другія усилія власти и гражданственности означились въ явленіяхъ болѣе миролюбивыхъ,

но не менѣе сильныхъ для честолюбія народа могущественнаго и повелительнаго. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и въ лирѣ Жуковскаго, который изъ міра созерцанія и мечтательности вызываемъ бывалъ шумомъ побѣды и кликами праздпующаго народа на торжество дѣйствительности; отзывается и въ лирѣ самого Пушкина, коего геній своенравный, казалось-бы, долженъ быть столь независимъ отъ господства, удручающаго другихъ. Въ эпилогѣ *Кавказскаго плѣнника* вы найдете краски, пріемы поэзіи, ему исключительно свойственной; но въ духѣ восторга, оживляющаго сію воинственную поэзію, вы подпадитесь какому-то обратному влеченію, возвышему столь высоко въ свое время поэзію Ломоносова и Державина. Предупреждая всякія превратныя истолкованія изложеннаго здѣсь мнѣнія, спѣшу заявить, что замѣчаніе мое вовсе не есть критическое, или порицательное: я просто хотѣлъ опереть свое предположеніе на свидѣтельства, и долженъ былъ для оправданія своего предпочесть хотя изысканное, но яркое, другимъ свидѣтельствамъ, болѣе общимъ, но и менѣе убѣдительнымъ.

Царствованіе Екатерины Великой, или *Великаго*, по счастливому выраженію принца де-Линь, должно было служить новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ направленію поэзіи нашей замѣченному выше. Сіе царствованіе — громкое, великолѣпное, восторженное — имѣло въ себѣ много лирическаго. Его можно назвать высокимъ, торжественнымъ гимномъ въ исторіи отечественной. Все въ немъ способствовало къ возвышенію и славолюбію духа народнаго. Первенствующія лица, явившіяся на сценѣ его, были размѣра исполинскаго, героическаго: они рисуются предъ глазами нашими, озаренныя лучами какой то чудесности, баснословности, напоминающихъ намъ дѣйствующія лица Гомеровскія. Это живые выходцы изъ Иліады. Предоставляя исторіи оцѣнивать каждаго по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы, Потемкины, Румянцовы, Суворовы имѣли въ себѣ что-то поэтическое и лирическое въ особенности. Стройныя имена ихъ придавали какое-то благозвучіе русскому стиху. Нѣтъ сомнѣнія, есть поэзія и въ собственныхъ именахъ.

Державинъ это зналъ и оставилъ свидѣтельство тому въ одной изъ строфъ *Водопада*. Поэтъ взываетъ къ умершему Потемкину:

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,
Екатерина возрыдала!

Въ стихѣ, составленномъ изъ собственнаго имени и глагола, есть не одно вѣрноподданническое, но и высокое поэтическое чувство. Этотъ стихъ — безъ сомнѣнія исключительно Русскій стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и Русская картина. Счастливъ поэтъ, умѣвшій пользоваться средствами, угадывать впечатлѣнія и высѣкать пламень поэзіи изъ сочетанія двухъ словъ; но счастливѣе государь, который умѣлъ облечь имя свое красками и очарованіемъ поэзіи. Счастливъ онъ, когда имя его, священное въ лѣтописяхъ признательной исторіи, дарить сильные звуки и лиръ поэтовъ, которые дорожатъ истиною только тогда, когда она всемогуща надъ воображеніемъ. Но властолюбіе и славолюбіе не были едиными страстями, можно сказать, едиными добродѣтелями Екатерины. Въ мужественной душѣ своей она цѣнила высоко храбрость и воинственный героизмъ. Однажды въ приближенномъ обществѣ своемъ спросила она, шутя, Сегюра, принца де-Линь и другихъ: „еслибъ я родилась мужчиною, какъ думаете вы, до какого военнаго чина дослужилась-бы я?" Легко отгадать отвѣтъ: фельдмаршальскій чинъ, достоинство отличнаго полководца, были единыя мѣты, которыя поставляли честолюбію могущественной монархини. — „Ошибаетесь", прервала она: „въ чинъ подпоручика пала-бы я смертью въ первомъ сраженіи". Такой отвѣтъ обнаруживаетъ душу: но душа, но умъ Екатерины были доступны и другимъ впечатлѣніямъ. Душа ея вмѣщала въ себѣ всѣ отрасли человѣческаго славолюбія: умъ ея былъ отверзтъ для всего возвышеннаго и способенъ на всѣ усилія. Въ числѣ предметовъ, занимавшихъ дѣятельность его, успѣхи образованности и просвѣщенія были цѣлью ея особенной заботливости. Она не только уважала умъ, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила къ нему, но, такъ

сказать, баловала и щадила неизбѣжныя его уклоненія. Самая современная эпоха благопріятствовала сему царственному пристрастію. Франція, униженная въ политическомъ достоинствѣ своемъ, сошедшая съ повелительной чреды, на которую возвела ее рука, нѣкогда всемогущая, Людовика XIV, старалась развитіемъ умственныхъ способностей вновь захватить на другомъ поприщѣ утраченное владычество свое. Усилія ея увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ. Версальскій кабинетъ не имѣлъ въ себѣ другаго Ришелье, другаго Мазарина; политика Европы не получала уже направленія своего изъ Франціи: но Фернейскій кабинетъ имѣлъ своего Ришелье, который съ иными средствами едва-ли былъ не могущественѣе перваго. Вольтеръ, представитель, органъ, душа и глава сего новаго рода властолюбія, коего алкала надменная Франція, распространялъ, во имя свое и собратій или учениковъ своихъ, владычество генія своего и новыхъ мнѣній на умы Европы, все еще покорной господству Франціи. Екатерина съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбила Французскій языкъ и Французскую литтературу, которая тогда уже исторглась изъ ограниченнаго круга *изящныхъ писемъ* и мѣрнаго великолѣпія, прославившаго ее во дни Людовика XIV. При дворѣ Елисаветы посвящала она лучшіе уединенные часы свои на чтеніе авторовъ, раскрывшихъ умъ ея, рано созрѣвшій для глубокомысленныхъ соображеній философіи и политики. Вступивъ на престолъ, воцарила она съ собою правила, которыя почерпнула въ ученіи. Гласнымъ покровительствомъ, всѣми обольстительными изъявленіями благоволенія, свойственными власти монарха и утонченности женщины, содѣйствовала она торжеству Вольтера и соучастниковъ его во всемірномъ правленіи умовъ и мнѣній. По справедливости должно однакожъ замѣтить, что и до Екатерины правительство и дворъ признавали у насъ власть просвѣщенія Европейскаго и не пренебрегали союзомъ съ умственными знаменитостями современными. Вольтеръ уже въ царствованіе Елисаветы былъ, такъ сказать, союзникомъ на жалованьи у двора нашего; и если *Исторія Петра Великаго*, подвигъ, совершенный имъ въ силу дипломатико-литтературныхъ сдѣлокъ, не отвѣчаетъ достоин-

ству ни героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываетъ обыкновенно мало надеженъ для пользы назначеннаго предпріятія. Шуваловъ — не тотъ, который въ царствованіе Екатерины писалъ Французскіе стихи, принимаемые въ Парижѣ за произведеніе Французской почвы — но Шуваловъ, писавшій и самъ Русскіе стихи, а болѣе извѣстный и достойный извѣстности потому, что онъ едва-ли не первый почувствовалъ красоту стиховъ Ломоносова, покровительствовалъ ему и умѣлъ отъ него выслушивать рѣзкія истины и благородные упреки; Шуваловъ, вельможа двора Елисаветы и любимецъ ея, былъ уже посредникомъ между нами и Европейскою литературою. Онъ имѣлъ въ Женевѣ агента, Бориса Михайловича Салтыкова, кажется, имъ уполномоченнаго для сношеній съ Вольтеромъ по предмету исторіи, имъ сочиняемой. Письма его къ Шувалову — настоящія донесенія о томъ, что́ дѣлается въ Делисахъ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера. Вообще изъ переписокъ того времени, которыя удалось намъ прочитать, видно, какое постоянное участіе принимали вельможи наши въ движеніяхъ современной литературной дѣятельности. Новыя понятія, смѣло провозглашаемыя во Франціи, имѣли тогда отголоски въ Петербургѣ. Мы нашли въ запискахъ, оставленныхъ княгинею Дашковою, что то 15-лѣтняго возраста прочла она въ домѣ дяди своего, графа Воронцова, сочиненія Беля, Вольтера, Монтескье, Гельвеція: правда, прибавляетъ она, что кромѣ Екатерины, тогда еще великой княгини, и также въ лѣтахъ весьма молодыхъ, и ея, никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобнымъ чтеніемъ. Легко повѣрить тому и едва-ли можно жалѣть о томъ. Подобное чтеніе, нельзя не сознаться, было нѣсколько преждевременно, и просвѣщеніе, за нимъ слѣдовавшее, должно было походить на то, въ которомъ вообще обвиняютъ насъ нѣкоторые иностранцы: насильственно-прививное, скоросѣлое и потому ненадежное. Но между тѣмъ сіе свидѣтельство, въ числѣ прочихъ, доказываетъ, что отраженіе лучей, бросаемыхъ Франціею, было не чуждо и вершинамъ нашего общества.

Замѣчательно, что сношенія, завязавшіяся между Россіею и

представителями Европейскаго просвѣщенія, не были начаты и продолжаемы равными съ обѣихъ сторонъ договаривающимися лицами: съ одной видимъ литераторовъ, съ другой—дворъ и вельможъ. Представители нашей литературы не были участниками въ дѣлѣ, которое, казалось, могло быть ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которые дѣйствовали. Литература и литераторы папи оставались въ сторонѣ. Одинъ дѣятельный Сумароковъ умѣлъ какъ-то выманить письма Вольтера и заставить его заочно и на слово похвалить его трагедіи. Даже въ то время, когда одинъ изъ полномочныхъ посланниковъ энциклопедическаго двора, Дидеротъ, пріѣзжалъ въ Россію, не послѣдовало никакого сближенія между имъ и нашими авторами. По крайней мѣрѣ, не отыскиваемъ ни одного слѣда тому ни въ сочиненіяхъ Дидерота, ни въ сочиненіяхъ соотечественниковъ нашихъ. То-же можно замѣтить и относительно къ пребываніямъ Альфіери, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ извѣстныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ то время. Все это подтверждаетъ доказательство, что между литературою нашею и нашимъ обществомъ не было ничего взаимнаго; что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія; что, подобно Русскому или Азовскому морю, чуждому движенія, общаго другимъ морямъ, и литература Русская, неподверженная повсемѣстному закону, пребываетъ до времени въ тишинѣ бездѣйствія, стихіею отдѣльною и неподвижною: что если могли мы замѣтить, какъ указали выше, нѣкоторое дѣйствіе, согрѣсніе, нѣкоторое преходчивое впечатлѣніе, произведенное обществомъ, или почти исключительно дворомъ, въ явленіяхъ литературы нашей, или, вѣрнѣе сказать, поэзіи, то въ самомъ обществѣ не найдемъ мы признаковъ, что литература отечественная входитъ въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего нравственнаго достоянія. Изыскать и означить причины явленія сего, вовлечетъ въ изслѣдованіе слишкомъ глубокое и многостороннее. Довольно указать на иныя, которыя болѣе другихъ на виду и едва-ли не богатѣе въ послѣдствіяхъ. Недостатокъ въ основательномъ ученіи, недостатокъ въ званіи, которое по мѣсту своему въ чиноположеніи

гражданскомъ могло-бы исключительно посвящать себя трудамъ ума и видѣло-бы въ нихъ единую цѣль, доступную честолюбію, свойственному всѣмъ званіямъ; обязанность дворянства, болѣе или менѣе, но вообще грамотнаго, служить, и алчная нетерпѣливость достигнуть офицерскаго чина въ лѣта, когда еще не стыдно быть слушателемъ университетскихъ лекцій — вотъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ главныхъ причинъ застоя нашего въ движеніяхъ мысли и творческой дѣятельности. Отъ сихъ причинъ, несмотря на исполинское движеніе, данное Россіи Петромъ, поощренное Екатериною и покровительствуемое преемниками ихъ, нѣтъ у насъ донынѣ литтературы истинной, полной, коренной: литтературы, которая была бы живою отраслью государственнаго благоденствія и непосредственнымъ существованіемъ людей, служащихъ отечеству трудами ума своего, какъ воинъ служитъ ему на полѣ брани, судія въ храминахъ закона, торговецъ на поприщѣ промышленности.

Сіи соображенія, сіи примѣненія наблюденій общихъ къ положенію частному, въ которомъ находимся, родились въ умѣ моемъ при мысли обозрѣть жизнь и труды Фонъ-Визина. Готовясь къ сему начертанію, я хотѣлъ вникнуть въ свой предметъ, обойти его со всѣхъ сторонъ и коснуться до предѣловъ, ему соприкосновенныхъ. Не боюсь протяженія и плодовитости, можетъ быть, отъ того, что не умѣю быть краткимъ. Любя видѣть въ литтературѣ не одну науку словъ, но и науку жизни, не науку, дѣйствующую въ обведенномъ очеркѣ и одиноко служащую себѣ средствомъ и цѣлью, но науку всеобъемлющую и сіяющую; помня, что если, по выраженію Бюффона, въ слогѣ весь человѣкъ (le style c'est l'homme), то въ литтературѣ весь народъ: я долженъ былъ рѣшительно приступить къ изслѣдованію предлежащаго вопроса, не стѣсняясь схоластическими формами и этикетомъ академическаго благочинія.

Вотъ, такъ сказать, оглавленіе соображеній, которыя должны были служить мнѣ руководствами въ моихъ изысканіяхъ и въ согласованіи опыхъ.

Фонъ-Визинъ одинъ изъ малаго числа писателей нашихъ, которые выразили себя въ сочиненіяхъ своихъ; сочиненій его

немного, это правда, но онъ умѣлъ быть оригинальнымъ посреди подражателей. Главныя творенія его имѣли много успѣха въ свое время; они носятъ на себѣ отпечатокъ ума и эпохи его, не утратили и нынѣ ходячей цѣны и сохранились въ народномъ обращеніи.

Фонъ-Визинъ жилъ въ царствованіе Екатерины. Она любила умъ не только за границею. но и у себя дома; покровительствуя ему въ чужихъ земляхъ, благодѣтельствовала ему въ отечествѣ. Примѣры покровительства, оказываемаго царями дарованіямъ и отличіямъ природнымъ, нерѣдки: въ самой власти. потому что она есть держава и могущество. есть и должно быть обыкновенно тайное начало великодушія. возвышенное сочувствіе, которыя понимаютъ всякую возвышенность и готовы сблизиться съ нею; но дворъ Екатерины представляетъ намъ еще одну черту, особенно ему свойственную. Многіе изъ вельможъ, любимцевъ власти, раздѣляли съ Екатериною благоволеніе ея къ людямъ, кои соперничествовали имъ на поприщѣ вовсе отдѣльномъ, и противопоставляли аристократіи породы и чиновъ отступную, непокорную аристократію ума и дарованій. За границею ѣздили они на поклонъ къ Фернейскому отшельнику, отшельнику новаго рода, который имѣлъ свой дворъ и своихъ ласкателей; предупреждали учтивостями и ласками всѣхъ чужестранныхъ баловней литтературной молвы, и въ своемъ отечествѣ не чуждались сообщества, а, напротивъ, искали пріязни людей, заслужившихъ извѣстность умомъ и нѣсколькими остроумными страницами или счастливыми стихами.

Фонъ-Визинъ былъ современникомъ эпохи благопріятной. былъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ Петербургской, въ сей сферѣ дѣятельности Русской, въ семъ средоточіи Русской гражданственности; онъ былъ преимущественно писатель драматическій и сатирическій, слѣдовательно живописецъ и поучитель нравовъ.

Обозрѣвая сіи указательныя черты, я говорилъ себѣ, что изъ біографическаго портрета Фонъ-Визина можетъ выдти историческая картина общества; но, послѣ многихъ изслѣдованій и примѣненій, не нашелъ ни связи, ни полноты въ предметѣ

своемъ, раскрытомъ на всѣ стороны. Въ обществѣ не дознался я отголоска Фонъ-Визина и въ самомъ Фонъ-Визинѣ отыскалъ мало отпечатковъ общества. Напримѣръ, комедіи его — не картина нравовъ, господствовавшихъ въ обществѣ, ему предстоящемъ; онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію; изображенныя имъ лица вѣрны и подсмотрѣны съ природы, но сходство ихъ было почти отвлеченное, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены. Комедіи Фонъ-Визина были читаны и играны въ Петербургѣ и въ Москвѣ: театровъ по губернскимъ городамъ, домашнихъ театровъ, тогда, если и было, то весьма немного: слѣдовательно, настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень, вѣроятно, и не знали, что дворъ смѣется надъ ними, глядя на ихъ изображенія. Вѣроятно, были *недоросли* и *бригадиры* и въ числѣ зрителей комическихъ картинъ Фонъ-Визина: но комикъ кололъ не ихъ глаза. Смѣхъ ихъ былъ отъ того свободнѣе, но менѣе было и пользы. Слѣдовательно, и здѣсь авторъ и публика его не были въ борьбѣ лицомъ къ лицу и рука съ рукою. Это не то что Мольеръ, который списывалъ съ натуры знакомыхъ тартюфовъ, маркизовъ, жеманокъ, и призывалъ оригиналовъ своихъ на очную ставку съ уличительными портретами. Но довольно: къ комедіямъ Фонъ-Визина обратимся въ свое время.

Послѣ продолжительнаго введенія, пора приступить къ самому предмету, подлежащему разсмотрѣнію нашему: жизни и литературнымъ трудамъ Фонъ-Визина. И здѣсь придется намъ сѣтовать о скудости способовъ и средствъ примѣнить жизнь дѣйствительную къ явленіямъ жизни умственной. Біографическіе матеріали у насъ такъ недостаточны, что, при неимѣніи принадлежностей и красокъ для написанія исторической картины, едва-ли можемъ написать и портретъ во весь ростъ. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынѣшняго дня, она не имѣетъ въ себѣ мѣста для преданій вчерашняго.

Лишенные чужихъ вспомогательныхъ источниковъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, черпать въ источникѣ, оставленномъ намъ самимъ Фонъ-Визинымъ. Онъ нѣсколько облегчилъ трудъ

біографа своего. Сверхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ замѣтили мы выше, выразилъ онъ умъ свой и образъ мыслей въ чертахъ довольно оригинальныхъ, имѣемъ въ виду еще и другія пособія: часть *Исповѣди* его, письма къ родственникамъ и пріятелямъ, письма къ нему отъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ, разныя бумаги дѣловыя, политическія и совершенно домашнія, которыя не менѣе другихъ любопытны въ своемъ родѣ и носятъ на себѣ живые слѣды обычаевъ его и частной жизни.

ГЛАВА II.

Изысканія родословныя не нужны въ біографіи литтератора: дарованіе не маіоратъ. Но здѣсь любопытство возбуждается генеалогическою странностью. Почетная частица *фонъ* кажется столь неумѣстною предъ именемъ творца *Недоросля* и *Посланія къ Шумилову*, что заслуживаетъ она нѣкотораго поясненія. Родъ Фонъ-Визиныхъ, или, по прежнему правописанію, фанъ-Онсиныхъ, какъ видно изъ законныхъ документовъ, происходитъ отъ знаменитыхъ предковъ, бывшихъ въ разныхъ земляхъ владѣтелями городовъ. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, во время войны противъ Ливоніи, взятъ былъ въ плѣнъ рыцарь братства меченосцевъ. Петръ баронъ Володиміровъ сынъ Фонъ-Визинъ, съ сыномъ его Денисомъ. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича внукъ его принялъ Греко-Россійское исповѣданіе, по крещеніи названъ Аѳанасіемъ и пожалованъ въ стольники. Грамматою царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича родъ Фонъ-Визиныхъ причисляется къ родамъ, возвышающимъ достоинство свое историческими воспоминаніями. Въ ней сказано, что во время осады Москвы Владиславомъ, „Денисъ Фонъ-Визинъ, помня Бога и Пречистую Богородицу, и православную христіанскую вѣру и наше крестное цѣлованіе, съ нами, великимъ государемъ, въ осадѣ сидѣлъ, и за православную христіанскую вѣру, и за святыя Божіи церкви, и за насъ, великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи, на Москвѣ противъ королевича Владислава и Польскихъ и Литовскихъ, и Нѣмецкихъ

людей и Черкасъ стоялъ крѣпко и мужественно, и на боѣхъ и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей, и ни на какія королевичевы прелести не прельстился, и многую свою службу и правду къ намъ и ко всему Московскому государству показалъ, и будучи въ осадѣ, во всемъ оскудѣніе и нужду терпѣлъ". Слѣдовательно, потомокъ и сотменникъ его — Русскій не однимъ перомъ своимъ.

Отецъ автора нашего, Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ, служилъ въ Ревизіонъ-коллегіи членомъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника; уволенъ былъ статскимъ совѣтникомъ; жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ близъ Московскаго университета. Но въ этомъ-ли домѣ родился творецъ *Недоросля*, о томъ мы узнать не могли. Для дополненія скажемъ, что въ лѣтописяхъ литературы нашей извѣстно имя и другаго сына его, Павла Ивановича, оставившаго по себѣ нѣкоторыя стихотворенія и переводы, напечатанные въ ежемѣсячномъ сочиненіи *Доброе намѣреніе*, изданномъ въ Москвѣ 1764 года. Одна изъ сестеръ автора нашего, по замужеству своему Аргамакова, упражнялась также въ литературныхъ занятіяхъ и перевела нѣсколько повѣстей Мармонтеля. Сынъ ея, бывшій послѣ Преображенскаго полка полковникомъ, товарищъ и другъ Марина, былъ также поэтомъ въ кругу однополчанъ и пріятелей. Фонъ-Визинъ сохранилъ намъ въ *Исповѣди* своей прекрасныя воспоминанія о нравственности родителей своихъ, и въ особенности объ отцѣ, коего характеръ являетъ черты рѣдкой твердости и великодушія. Замѣчательно, что въ старину, при недостаткѣ знанія въ иностранныхъ языкахъ, люди, одаренные умомъ любопытствующимъ, могли почерпать нѣкоторую образованность въ современныхъ Русскихъ переводахъ, которые тогда были гораздо разнообразнѣе и удовлетворительнѣе, нежели въ наше время. Нынѣ, безъ помощи иностраннаго языка, почти читать у насъ нечего: переводчиковъ нѣтъ, или труды ихъ обращены на книги, или, лучше сказать, заглавія книгъ въ чести у книгопродавцевъ, которые часто не питаютъ, а отравляютъ вкусъ читающей публики; исключенія рѣдки. Повѣрьте, напримѣръ, итоги переводовъ, вышедшихъ отъ семидесятыхъ годовъ до нашего столѣтія, съ

итогами нашего тридцатилѣтія, и вы убѣдитесь, что наша литература переводная упала противъ прежняго. Тогда всѣ, или почти всѣ, замѣчательныя творенія древности и совершенной эпохи имѣли у насъ переводчиковъ: нынѣ знаменитѣйшіе писатели нашего времени знакомы намъ по однѣмъ журнальнымъ перекличкамъ. При тогдашнихъ пособіяхъ и не удивительно, что отецъ Фонъ-Визина, хотя и лишенный выгодъ образованнаго воспитанія, любилъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ сочиненій и могъ удовольствовать свои наклонности. Старыя книги наши уже не въ ходу: съ одной стороны, ихъ нѣтъ въ обращеніи книжной торговли, съ другой, обветшалый языкъ ихъ, тяжелый слогъ пугаютъ новыхъ читателей: такимъ образомъ провинціялы губерніе и столичные, требующіе пищи умственной, должны довольствоваться малосочною и скоросѣлою пищею журналовъ и альманаховъ.

Годъ рожденія автора нашего не былъ донынѣ достовѣрно опредѣленъ. Въ *Исповѣди* не означаетъ онъ эпохи рожденія своего, и въ *Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ*, изданномъ Новиковымъ, при жизни Фонъ-Визина о томъ умолчено. По біографическимъ свѣдѣніямъ о немъ, собраннымъ преосвященнымъ Евгеніемъ въ журналѣ *Другъ просвѣщенія*, и въ *Опытѣ краткой исторіи русской литературы*, Греча, показано, что онъ родился 1745 года: но по другимъ указаніямъ и соображеніямъ можно предполагать утвердительнѣе, что онъ родился въ 1744 году. Авторъ нашъ, говоря о дѣтствѣ своемъ, показываетъ, что оно было означено рѣзкими чертами характера пылкаго и рѣшительнаго. Авторскія склонности обнаружились въ малолѣтствѣ его ранею чувствительностію, раздражительнымъ воображеніемъ и жадностью, съ которою вслушивался онъ въ разсказы, пробуждавшіе его ребяческое вниманіе. Тогдашнее воспитаніе, при недостаткахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды: ребенокъ оставался долѣе на Русскихъ рукахъ, долѣе окруженъ былъ Русскою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями Русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, про-

свѣщало умъ, не искореняло впечатлѣній первоначальныхъ, которыя были преимущественно отечественныя. Укажемъ на одно свидѣтельство: большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась на Русскомъ языкѣ, не смотря на господство языка Французскаго и нравовъ иноплеменныхъ. Послѣ видимъ мы совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, кои передавали дѣтству другаго поколѣнія, были исключительно иностранные, потому что ребенокъ съ груди кормилицы Русской обыкновенно ввѣряемъ былъ рукамъ чужеземцевъ. Уже только позднѣе въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, уже перезрѣломъ для исправленія погрѣшностей вкоренившихся, Русскій гражданинъ, по собственному обратному влеченію и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ Русскаго православія, можетъ быть, менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, и между тѣмъ болѣе независимости въ правахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію: оно имѣло свои недостатки и весьма важные; но, какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ. Нынѣ воспитаніе наше слишкомъ отвлечено и, пущенное въ ростъ, ни на чемъ не упирается въ коренномъ основаніи. Напримѣръ, мы видимъ, что старикъ отецъ Фонъ-Визинъ заставлялъ сына читать у крестовъ во время всенощныхъ бдѣній, которыя часто отправлялись у нихъ дома; позднѣе дѣтей другаго поколѣнія заставляли прежде всего вытвердить наизусть

La cigale ayant chanté
Tout l'été.....

Не соглашаюсь съ авторомъ, который приписываетъ упомянутымъ благочестивымъ упражненіямъ знаніе свое въ Русскомъ языкѣ. Дьячки и семинаристы, которые вѣрно болѣе его читали священныя книги, не почитаются-же у насъ знатоками въ языкѣ и правильнѣйшими грамотѣями. Помощь Славянскаго язы-

ка, вопреки мнѣнію его собственному и мнѣнію многихъ литтераторовъ нашихъ, была не только не полезна, но можетъ быть и вредна Фонъ-Визину: онъ безъ размышленія пользовался ею и не умѣлъ справиться въ согласованіи языка церковнаго съ языкомъ общества, когда покушался на такое сочетаніе. Слогъ Фонъ-Визина — слогъ мыслящаго писателя; но неумѣстная пестрота галлицизмовъ и славянизмовъ, встрѣчающаяся въ твореніяхъ его, не позволяетъ изучать его въ отношеніи искусства, какъ писателя образцоваго. Къ тому-же, если слова и обороты Славянскіе и могли-бы иногда пригодиться ему въ переводѣ твореній, подобныхъ *Іосифу* и „Похвальному слову Марку Аврелію“, то могъ-ли онъ употреблять ихъ съ успѣхомъ въ языкѣ комедій, сатирическихъ и философическихъ статей, и въ слогѣ письменномъ, въ которыхъ преимущественно выразились жизнь и сила дарованія его? Не менѣе того я готовъ признать, что самыя сіи упражненія имѣли безъ сомнѣнія вліяніе и на развитіе способностей будущаго писателя, но не въ въ художественномъ, а болѣе въ нравственномъ образованіи. Я не исключительный поклонникъ старины; не ослѣпляюсь предразсудками, которые силятся удерживать поколѣнія неподвижно, какъ часовыхъ, поочередно смѣняющихся на одномъ и томъ-же мѣстѣ; не раздѣляю безусловно страха людей, которые пугаются смѣлыми движеніями времени и просвѣщенія: но притомъ жалѣю, что новое воспитаніе, омногословивъ обязанности и требованія юношества, не умѣло гѣснѣе согласовать необходимыя условія Русскаго происхожденія съ независимостью Европейскаго космополитства. Карамзинъ, защищая Петра Великаго отъ обвиненій, что онъ лишилъ насъ Русской нравственной физіогноміи (а впрочемъ и физической, обривъ намъ бороды), говоритъ: „Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами“. Истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости, которое можно пополнить и пояснить тѣмъ, что должно быть прежде или болѣе гражданиномъ, нежели семьяниномъ. Но въ примѣненіи къ воспитанію частному, т.-е. личному, а не народному, не должно терять изъ виду, что именно для того, чтобы быть Евро-

нейцемъ, должно начать быть Русскимъ. Россія, подобно другимъ государствамъ, соучастница въ общемъ дѣлѣ Европейскомъ и, слѣдовательно, должна въ сынахъ своихъ имѣть полномочныхъ представителей за себя. Русскій, перерожденный во Француза, Французъ въ Англичанина, и такъ далѣе, останутся всегда сиротами на родинѣ и не усыновленными чужбиною.

При самомъ основаніи Московскаго университета, Фонъ-Визинъ поступилъ въ число воспитанниковъ его. Университетъ съ гордостію можетъ выставить имя сіе въ началѣ лѣтописей своихъ и правъ на благодарность отечества. Съ другой стороны, можетъ онъ и сослаться на него, какъ на свидѣтельство счастія. Въ самомъ дѣлѣ, то, что авторъ разсказываетъ самъ о нравственномъ и учебномъ состояніи сего заведенія, хотя очень забавно, но мало назидательно. И если вспомнить, что онъ получилъ въ награжденіе медаль на экзаменѣ за то, что на вопросъ: куда впадаетъ Волга? отвѣчалъ онъ „не знаю“, когда изъ товарищей его одинъ назвалъ Бѣлое, а другой Черное море, то легко убѣдиться, что дарованія Фонъ-Визина образовались не только независимо отъ университета, но, можетъ быть, и вопреки ему. Въ одной изъ программъ диспутовъ и разсужденій, назначенныхъ для университетскаго собранія, находимъ слѣдующее: „Денисъ фонъ-Визинъ старается будетъ показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой Музъ Основательницы и Покровительницы“. И въ другихъ свидѣтельствахъ университетскихъ встрѣчается послѣ неоднократно имя его, упомянутое съ похвалою. Наконецъ, позднѣе видимъ, что природныя способности воспитанника были столь блестящи, или директоръ московскаго университета, Иванъ Ивановичъ Мелиссино, былъ одаренъ такою прозорливостью, что когда должно было представить въ Петербургъ выставку новаго заведенія на показъ къ куратору (и кто же былъ сей куратор? Иванъ Ивановичъ Шуваловъ!), то Фонъ-Визинъ и братъ его были въ числѣ десяти избранныхъ воспитанниковъ. Между ими встрѣчаемъ и другое имя, которое нѣкогда должно было заимствовать столько блеска и громкой звучности отъ прилагательнаго „Таврическій“. Въ числѣ разительнѣйшихъ внечат-

лѣній, пробудившихъ вниманіе 14-лѣтняго отрока въ пріѣздъ его въ Петербургъ, была встрѣча у Шувалова и знакомство съ человѣкомъ, который могъ-бы одинъ служить выраженіемъ Русской образованности, столь-же внезапной, какъ и онъ, съ человѣкомъ, неприготовленнымъ событіями и ознаменовавшимся въ ученомъ мірѣ явленіемъ столь-же самовластнымъ, какъ и Петръ Великій въ мірѣ государственномъ,—съ Ломоносовымъ! Блескъ и великолѣпіе двора, коему представлены были воспитанники, и новость театральныхъ зрѣлищъ оставили также живые слѣды въ чуткомъ и наблюдательномъ умѣ его. Можетъ быть, встрѣчѣ съ Ломоносовымъ и смѣху, порожденному игрою актера Шумскаго, обязаны мы наиболѣе, что въ Фонъ-Визинѣ имѣемъ писателя, а отъ него хорошія комедіи. Дарованія не врождаются, но часто развертываются случаемъ. Посѣщеніямъ театра обязанъ онъ былъ и оскорбленіемъ самолюбія, обратившимся въ пользу его. Молодой баричъ, столкнувшійся съ нимъ въ партерѣ, началъ, послѣ ласковыхъ привѣтствій, трунить надъ нимъ, узнавъ, что онъ не говоритъ по-французски. По возвращеніи своемъ въ Москву, Фонъ-Визинъ обратился съ прилежаніемъ къ изученію языка сего и, вѣроятно, ревностнѣе принялся и за другія науки. Между тѣмъ, если Фонъ-Визинъ не былъ еще тогда писателемъ, то по крайней мѣрѣ былъ уже работникомъ на книгопродавцевъ. Въ 1761 году уже напечатанъ переводъ его басней Гольберга, и для тогдашняго времени языкъ перевода замѣчательно чистъ и свободенъ. Сей первый трудъ оставилъ по себѣ пагубные слѣды въ жизни его. Книгопродавецъ, заказавшій эту работу, далъ ему за нее на пятьдесятъ рублей книгъ соблазнительныхъ, которыя распалили молодое воображеніе. По самому признанію Фонъ-Визина, сіи первыя впечатлѣнія отозвались на всю жизнь въ здоровьи его и, можетъ быть, приготовили преждевременный и болѣзненный ея конецъ. Сіе самое соглашается и съ изустными преданіями, которыя, если они достовѣрны, поясняютъ слова *Исповѣди*. За первымъ переводомъ слѣдовалъ скоро и другой: *Жизнь Сиѳа, царя Египетскаго*. Подлинникъ написанъ на Французскомъ языкѣ аббатомъ Терассономъ; но Фонъ-Визинъ перевелъ его съ нѣмецкаго

перевода. Сей нравственный, или классическо-нравоучительный романъ (называемый въ подлинникѣ Séthos), написанъ, вѣроятно, въ подражаніе *Телемаку* и пользовался въ свое время уваженіемъ. Въ особенности славилась въ семъ сочиненіи рѣчь главнаго Мемфисскаго жреца, произнесенная при погребеніи царицы, матери Сиѳовой. Въ сей рѣчи, подъ видомъ похвалы усопшей, ясно изложены правила чистой политической нравственности. По словамъ Даламберта, Платонъ присовѣтовалъ-бы ихъ читать въ назиданіе царямъ; онъ же говоритъ, что Тацитъ восхитился-бы сею рѣчью. Французскіе философы того вѣка любили, какъ смѣлыя новизны, истины, впрочемъ весьма почтенныя, но которыя нынѣ показались-бы или излишне напряженными, или слишкомъ обыкновенными. Къ подтвержденію сего довольно упомянуть о всеобщемъ успѣхѣ *Велизарія*. Мы не можемъ въ наше время присвоить себѣ заднимъ числомъ благопріятныхъ предубѣжденій другаго вѣка; но все и въ нашъ было-бы неблагодарно судить съ неумѣстною строгостью творенія, которыя первыя распространили владычество практической философіи и терпимости отъ чертоговъ царей до нижнихъ степеней общества. Нельзя не замѣтить, что сей родъ нравоучительныхъ романовъ, довольно скучныхъ (не на зло нравственности будь сказано), былъ особенно во вкусѣ читателей нашихъ протекшаго столѣтія. Сверхъ переводовъ, имѣемъ мы и въ оригинальныхъ твореніяхъ той эпохи свидѣтельства сей нравственной наклонности умовъ нашихъ. Укажемъ на *Арфаксада*, *Кадма и Гармонію*, *Полидора*. И въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ явленіяхъ нашей словесности найдемъ, можетъ быть, слѣды сего поучительнаго направленія. Читатели наши не боятся скуки, и многіе изъ Русскихъ авторовъ пользуются сею народною безбоязненностію. Комики, повѣствователи наши, мало заботятся о занимательности, разнообразіи и живой веселости твореній своихъ: быть нравоучительными достаточно для ихъ назидательнаго смиренномудрія. Можно-бы замѣтить, что авторъ, который, по заглавію своего романа, обязывается быть сатирическимъ и нравоучительнымъ, уже самымъ обязательствомъ своимъ охлаждаетъ любопытство чита-

теля; онъ похожъ на говоруна, который, начиная разсказъ, говоритъ: „Я вамъ разскажу уморительный анекдотъ“, и самъ хохочетъ въ задатокъ, такъ что предисловіемъ и предварительнымъ хохотомъ обдаетъ онъ холодомъ и онѣмѣніемъ своихъ слушателей. Можно-бы замѣтить, что ничего нѣтъ менѣе комическаго *комическаго романа*, писаннаго Скарроном, и менѣе историческаго — *историческихъ романовъ* г-жи Жанлисъ; но объясненія сихъ замѣчаній завлекли-бы насъ въ разсужденія, постороннія предмету нашему. Мы хотѣли единственно, вслѣдствіе принятаго нами правила, оглядываться кругомъ, слѣдуя по дорогѣ, намъ предлежащей, и указать мимоходомъ на отличительныя примѣты литтературы нашей. Русскій переводъ *Сиѳа* пользовался при самомъ появленіи своемъ честью, которой удостоились немногія Русскія книги и въ наше время. Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ *Собраніе лучшихъ сочиненій* и проч., коего редакторомъ въ 1762 году былъ профессоръ Рейхель, есть весьма замѣчательное извѣстіе о семъ переводѣ. Не въ укоръ журналистамъ новѣйшимъ будь сказано, мало найдется у нихъ критическихъ статей, столь Европейскихъ по изложенію, мыслямъ и общимъ свѣдѣніямъ. Въ семъ извѣстіи, между похвальными отзывами о способностяхъ и заслугахъ молодаго переводчика, упоминается и о переведенныхъ имъ *Превращеніяхъ Овидіевыхъ*. Нѣтъ слѣдовъ къ повѣркѣ, что сдѣлалось съ симъ переводомъ; но Рейхель долженъ былъ знать о немъ достовѣрно: ибо Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ семъ періодическомъ изданіи, содержащемъ нѣсколько переводовъ его.

Къ этому же времени относится первое покушеніе его на поприщѣ поэзіи. Онъ не былъ рожденъ поэтомъ, ни даже искуснымъ стихотворцемъ, хотя и оставилъ нѣсколько хорошихъ сатирическихъ стиховъ въ *Посланіи къ слугамъ* и въ баснѣ *Лилица-кознодѣй*. Въ одномъ письмѣ къ Елагину онъ самъ говоритъ: „Пишу стихи, которые стоютъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лѣкарь мой предписалъ мнѣ въ діэтѣ отнюдь не пить Англійскаго пива и не писать стиховъ“. Переводъ его *Альзиры* долженъ быть

признанъ болѣе за упражненіе ученическое въ стихотвореніи и Французскомъ языкѣ, нежели за произведеніе поэтическое. Переводчикъ говоритъ и самъ въ *Исповѣди* своей: „Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моей; но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи". Признаемся, должно имѣть родительское сечувствіе для подобной встрѣчи. Намъ со стороны не удалось встрѣтить ни одного хорошаго стиха. Насмѣшники стараго вѣка, и между ними А. С. Хвостовъ, смѣялись надъ неудачею перевода. Вотъ нѣкоторые стихи изъ сатирическаго посланія его къ Фонъ-Визину:

Не ты-ль у старика Вольтера отнялъ честь,
Какъ удалось тебѣ Альзиру перевесть?
Что муза у тебя душою покривила,
Напавъ въ иныхъ мѣстахъ на смыслъ Волтеровъ съ тыла;
Что съ мыслью автора разъѣхался въ другихъ,
И что межъ прочими въ трагедіи есть стихъ,
Котораго она совсѣмъ не разумѣла,
Не ты въ томъ виноватъ: чего она смотрѣла!
Нельзя, чтобъ ты меча съ пескомъ не распозналъ,
Ни столько мудрыми очами захворалъ.

Сіе посланіе, отличающееся болѣе личностями, нежели язвительнымъ остроуміемъ, можетъ служить доказательствомъ, что авторскія перебранки и у насъ не со вчерашняго дня. Наши новѣйшіе ратоборцы имѣютъ также свои рыцарскія преданія, пергаменты и родословныя. Впрочемъ, замѣтить должно, что упомянутое посланіе не было въ свое время напечатано.

Кажется, здѣсь кончается первый періодъ жизни Фонъ-Визина, періодъ приготовительныхъ лѣтъ предъ вступленіемъ на сцену дѣйствія въ общежитіи и въ литературѣ. Сіи годы искуса не совсѣмъ безцвѣтны. Въ младенчествѣ общежитія нашего и люди начинали жить ранѣе. Общество дорожило всѣми признаками разцвѣтающихъ надеждъ. Мы видѣли, что авторъ нашъ, почти еще ребенкомъ, обращалъ на себя вниманіе, выставленъ былъ на показъ заботливымъ начальствомъ, отыскань книгопродавцами и, однимъ словомъ, былъ уже на виду въ лѣта, въ кои нынѣ было-бы трудно отдѣлиться отъ толпы сверстниковъ. Правда, что нынѣ и требованія взыскательнѣе; но со всѣмъ тѣмъ, вѣроятно, и старѣйшины тогдашняго обще-

ства были внимательнѣе къ новымъ поступающимъ членамъ. О многихъ доказательствахъ, оправдывающихъ мое предположеніе,

Молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

Но по крайней мѣрѣ, чтобъ не поссориться съ своимъ вѣкомъ, ограждаюсь слѣдующимъ объясненіемъ. Въ старину менѣе могли надѣяться на силу событій, на силу нравственную, еще не обдержанную, еще мало утвердившуюся: тяжба просвѣщенія и образованности тогда не была еще рѣшена временемъ; нужны были единомышленники, и каждое лицо надежное было на примѣтѣ, завербовано и задобрено отличіями. Тогда просвѣщеніе образовало расколъ, а въ каждомъ расколѣ обнаруживаются жаръ, пристрастіе, дѣятельность. Нынѣ просвѣщеніе — господствующая вѣра въ нравственномъ мірѣ, и потому оно спокойнѣе. Эпохи, подобныя прежней, благопріятны для личнаго честолюбія. Но крайней мѣрѣ мы видимъ, что авторъ нашъ вышелъ въ люди самъ собою: кажется, ни родственныя связи, ни счастливыя случайности не проложили ему попутныхъ слѣдовъ.

ГЛАВА III.

Въ 1762 году находимъ Фонъ-Визина въ службѣ, а по пріѣздѣ Двора въ Москву уже извѣстнымъ вице-канцлеру князю Голицыну, который перевелъ его въ Иностранную Коллегію. Тутъ удостоенъ онъ былъ вниманія канцлера, поручавшаго ему переводъ важнѣйшихъ бумагъ. Другое порученіе, лестное для самолюбія и пріятное для любопытства молодаго человѣка, было наградою за труды по службѣ, замѣченные начальствомъ: онъ въ томъ же году посланъ былъ къ Шверинскому двору и возвратился съ свидѣтельствами уваженія, заслуженнаго имъ въ поѣздкѣ своей. На другой годъ сблизился по службѣ, а потомъ и по пріязни, съ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, бывшимъ тогда кабинетъ-министромъ и пользовавшимся въ свое время славою умнаго человѣка и отличнаго писателя. Нынѣ слава его въ послѣднемъ отношеніи значительно убавилась. Наше поколѣніе знаетъ его болѣе по наслышкѣ, а романъ, имъ переведенный, *Приключеніе Маркиза Г.*, по забавной шуткѣ Крылова въ комедіи *Урокъ дочкамъ*. Что-жъ касается до сего перевода, то, по нѣкоторымъ преданіямъ, подкрѣпленнымъ очевиднымъ различіемъ въ слогѣ романа и напримѣръ *Опыта повѣствованія о Россіи*, и разностью въ слогѣ самаго перевода, кажется, что переводъ сей, выданный подъ его именемъ, одолженъ бытіемъ первыхъ четырехъ томовъ Порошину, находившемуся при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, а послѣдняго Лукину, который былъ секретаремъ кабинетъ-министра. Теперь лучшею похвалою Елагину остается мнѣніе, которое

Фонъ-Визинъ изложилъ о немъ въ *Исповѣди*. Мы не подтвердимъ за нимъ, что онъ прославился своимъ витійствомъ на Русскомъ языкѣ; но будемъ помнить съ признательностію, что онъ покровительствовалъ молодымъ писателямъ въ то время, когда покровительство было еще нужно. Въ Елагинѣ сія благосклонность къ отечественнымъ дарованіямъ тѣмъ болѣе достойна уваженія, что смиреніе духа не было отличительною его примѣтою. Ему приписываютъ слѣдующій отзывъ: „Не знаю, чему дивятся въ Вольтерѣ: я не простилъ-бы себѣ, если бъ усомнился сравниться съ нимъ въ чемъ-бы то ни было“. Къ сожалѣнію, покровительство вышнихъ не всегда бываетъ безъ примѣси неудовольствій для лицъ, взысканныхъ покровительствомъ. Елагинъ, благопріятствуя Фонъ-Визину, былъ отмѣнно хорошо расположенъ и къ Лукину. Будущій комикъ нашъ никакъ не могъ ужиться съ авторомъ комедій, нынѣ неизвѣстныхъ, но имѣвшихъ нѣкогда свою цвѣтущую эпоху. Лукинъ былъ, видно, прозорливъ и старался задаткомъ мстить при начальникѣ сопернику, еще невѣдомому, который послѣ долженъ былъ выжить успѣхи его съ другаго поприща. Фонъ-Визинъ въ *Исповѣди* говоритъ довольно подробно и съ чувствомъ живѣйшаго оскорбленія о неудовольствіяхъ, нанесенныхъ ему Лукинымъ въ домѣ Елагина. Въ письмахъ его отыскиваемъ и другія свидѣтельства сей непріязни. Лукинъ не былъ въ миролюбивомъ сношеніи съ совмѣстниками, въ которыхъ видѣлъ онъ опасныхъ соперниковъ. По другимъ указаніямъ знаемъ мы, что онъ въ споръ былъ и съ Сумароковымъ (*Записки Порошина*).

Съ просвѣщеніемъ Европейскимъ переходили къ намъ и современныя заблужденія, неизбѣжныя для ума человѣческаго во всѣхъ его переломахъ. Въ движеніяхъ своихъ умъ всегда какимъ нибудь концомъ, но впадаетъ въ крайность: ему не дается равновѣсіе. Каждая эпоха бытія человѣческаго ознаменована была одною господствующею мыслію, однимъ исключительнымъ пристрастіемъ, которыя общимъ влеченіемъ и частными преніятствіями возрастали до изступленія страсти: ибо страсть не что иное, какъ мысль, или чувство, превозмогающее всѣ другія и все поглощающее. Эпохи религіозныхъ вдохновеній были

омрачены суевѣріемъ и окровавлены жертвоприношеніями фанатизма. Можно сказать, что эпоха, современная молодости Фонъ-Визина, носитъ на себѣ признаки противоположнаго фанатизма—фанатизма свободы мыслящей, неограниченныхъ изслѣдованій, нетерпѣливыхъ покушеній ума разрѣшить себя отъ узъ тягостной опеки давности и вступить со дня на день въ права и независимость совершеннолѣтія. Съ одной стороны, излишество собственной силы и самонадѣянности, съ другой—притязанія противниковъ, и здѣсь совращали умъ съ стези, равно отстоящей отъ крайностей. Запальчивое поколѣніе, опираясь на права свои, пренебрегало вѣрнымъ, но медленнымъ содѣйствіемъ времени и хотѣло удержать побѣду свою въ возникшей тяжбѣ не порядкомъ судебнаго производства, но силою и съ боя. Мы видѣли, какъ Русское общество, или, по крайней мѣрѣ, верхнія оконечности онаго, были подъ вліяніемъ Французскимъ. Вольнодумство въ предметахъ религіи должно было и у насъ имѣть своихъ послѣдователей и скорѣе, нежели политическое: ибо оно отвлеченнѣе другаго и не требуетъ ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній. Можетъ быть, у насъ умы и особенно были способны къ впечатлѣніямъ новаго образа мыслей и къ самымъ излишествамъ его. Рука могущаго Петра должна была, для созиданія новаго устройства, потрясти и совершенно искоренить много старыхъ предразсудковъ, преданій, повѣрій, привычекъ гражданственныхъ и народныхъ. Общество наше, пересажденное со старой почвы на новую, было сначала неминуемо зыбко и подвержено вліяніямъ внѣшнимъ. Великіе переломы въ жизни народа, хотя полезные и способствующіе къ полному развитію нравственныхъ силъ его, походятъ на переломы въ жизни человѣка, сопровождающіе перехожденіе его изъ возраста въ возрастъ, пока онъ не совершенно возмужаетъ. Они родъ недуговъ, въ которыхъ организмъ не имѣетъ надлежащихъ силъ и согласія, и въ которыхъ тѣло болѣе способно къ принятію заразительныхъ болѣзней, господствующихъ въ атмосферѣ. Мы слышимъ и нынѣ отъ нѣкоторыхъ эмпириковъ политическихъ и нравственныхъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ больной. Положимъ;

но въ такомъ случаѣ понадѣемся, что болѣзнь его есть болѣзнь къ росту. Оставимъ Провидѣнію развивать силы человѣческаго организма по предначертаннымъ правиламъ, и не станемъ, подобно слѣпымъ врачамъ, часто противорѣчить природѣ и прикладывать, на-обумъ или упрямо, свои искусственныя пособія тамъ, гдѣ она сама умѣетъ врачевать недуги, которые допускаетъ. Что сказали-бы мы о врачѣ, который, для облегченія страданій младенца, захотѣлъ-бы вырвать прорѣзывающіеся у него зубы? Такимъ образомъ повѣтріе Французскаго религіознаго вольнодумства подѣйствовало и у насъ на людей, кои находились въ упомянутомъ кризисѣ и по выдавшемуся впередъ мѣсту своему въ обществѣ были ближе къ давленію внѣшнему.

Молодой Фонъ-Визинъ, перенесенный изъ благочестиваго дома родителей, отъ набожныхъ упражненій въ чтеніи молитвъ и священныхъ книгъ, очутился вдругъ посреди круга людей, которые образомъ мыслей своихъ были столѣтіемъ впереди отъ тѣхъ, коихъ онъ оставилъ въ Москвѣ. И нынѣ Москва, въ нѣкоторомъ отношеніи, все еще метрополія старины: при всѣхъ измѣненіяхъ новаго общежитія, въ ней еще устоялъ древній капитолій Русскаго быта. Сей капитолій, такъ сказать, упраздненъ; можно сказать, и вовсе не эпиграмматически, что и священныя стражи не спасли его отъ нашествія новыхъ понятій и подосиѣвшихъ поколѣній: но святыня, хотя и въ упадкѣ, все еще существуетъ; она все еще доступна благоговѣйному чувству и въ то время, когда уже утратила свое прежнее благолѣпіе. Прежде различіе между обѣими столицами было еще разительнѣе. Любопытно видѣть въ *Исповѣди* автора нашего, какъ онъ бывалъ смущаемъ рѣзкостью мнѣній, свободно разглашаемыхъ въ бесѣдахъ Петербургскихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ и самъ поддавался общему потоку и принесъ дань ему *Посланіемъ* къ слугамъ своимъ. Жаль, что записки его прекращаются около этого времени. Сіи Петербургскіе философическіе обѣды у какого-то князя ***, подобіе парижскихъ обѣдовъ барона Гольбаха; этотъ Чеб . . ., другой Нежонъ, Дидеротовскій пріятель, который, встрѣтясь съ гвардейскимъ

унтеръ-офицеромъ на гостиномъ дворѣ, привѣтствуетъ его словомъ, которымъ самъ Дидеротъ сказываютъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, послѣ жаркаго обѣда, привѣтствовалъ преосвященнаго Платона — все это кидаетъ живыя краски на эпоху и отцвѣчиваетъ общество наше самымъ любопытнымъ образомъ. Вскорѣ, однакожъ, молодой Фонъ-Визинъ, уже и до того, какъ видимъ изъ словъ его, недовольный сомнѣніями, испуганный безнадежностью разглашаемаго ученія и тоскующій по изысканіи истины болѣе отрадной, нашелъ въ Тепловѣ вожатаго, который подкрѣпилъ испытываемыя усилія его и обратилъ ихъ къ цѣли, обѣщающей въ награду по крайней мѣрѣ упованіе. Сей Тепловъ, начавшій свое гражданское поприще ученными занятіями въ званіи адъюнкта при Императорской Академіи Наукъ, былъ послѣ сенаторомъ и оставилъ по себѣ нравственныя сочиненія: *Знанія вообще до философіи касающіяся* и *Наставленія сыну*. Онъ познакомилъ Фонъ-Визина съ твореніемъ Самуила Кларка „Доказательства бытія Божія“, которое сей послѣдній и перевелъ. Сіе упражненіе было, кажется, переломъ въ образѣ мыслей его. Впрочемъ, если обратить вниманіе на раскаяніе его въ соблазнѣ, который могъ онъ нанести шутками, разсыпанными въ *Посланіи къ слугамъ* и въ нѣкоторыхъ сценахъ *Бригадира*, то должно замѣтить, что и въ позднѣйшемъ твореніи его: *Недоросли* роль Кутейкина могла-бы также смутить православіе нѣсколько строгихъ читателей. Роль сія замѣчательна какъ вывѣска эпохи: здѣсь вспомнишь опредѣленіе Этьена, комика Французскаго, „комедія — исторія народовъ“. Нынѣ комическій писатель не осмѣлился-бы выставить подобное лицо на посмѣшище зрителей: а въ то время Фонъ-Визинъ, даже и по обращеніи своемъ, нарисовалъ его шутливымъ перомъ и вывелъ на сцену, не боясь ни цензуры совѣсти, ни совѣстливости цензуры. Другія комедіи той-же эпохи показываютъ подобное направленіе умовъ. Въ числѣ прочихъ замѣчательна въ этомъ отношеніи комедія *О, время* особенно-же, если вспомнишь кѣмъ она писана.

Между тѣмъ, какъ ни любопытны указанія, ярко обозначающія общество тогдашняго времени и сохранившіяся для насъ

едва-ли не въ одинѣхъ запискахъ Фонъ-Визина, однако нельзя предаваться вовсе безъ оглядки изліяніямъ смиренія, которое отзывается въ поздней *Исповѣди* его. Писавъ ее незадолго до кончины своей, онъ имѣлъ въ виду одно христіанское раскаяніе, какъ и самъ говоритъ. Нѣсколько ударовъ паралича, постигувшихъ его въ разныя времена, должны были лишить его бодрости и свѣжести ума, потребныхъ для яснаго изображенія себя и для заключенія приговора надъ собою, независимаго отъ немощи природы нашей. По крайней мѣрѣ мы не признаемъ въ сочиненіяхъ его никакихъ признаковъ непозволительнаго кощунства. Какъ раскаяніе его ни назидательно и ни почтенно, если оно произвольное изліяніе сердца, но все можно защитить его отъ него самого и отъ упрековъ слишкомъ пугливой совѣсти. Само собою разумѣется, что мы судимъ о *Исповѣди* его не въ христіанскомъ отношеніи, не подлежащемъ дерзкому изслѣдованію ума. По христіанской оцѣнкѣ, кто изъ людей не грѣшенъ и кто не имѣетъ нужды въ исповѣди?

Касательно *Посланія къ слугамъ моимъ* любопытно свѣдѣніе, приведенное сочинителемъ *Новаго опыта историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ*, который печаталъ драгоцѣнные біографическіе матеріалы свои въ журналѣ *Другъ просвѣщенія*. Онъ говоритъ, что оно было въ первый разъ напечатано въ Москвѣ „во время даннаго отъ двора народу публичнаго на сырной недѣлѣ маскерада, когда на три дня во всѣхъ Московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія“. Наши старанія удостовѣриться въ существованіи сихъ замѣчательныхъ литературныхъ сатурналій и въ истинѣ упомянутаго показанія остались безуспѣшны. Предоставляемъ библіографическимъ изыскателямъ рѣшительную повѣрку запроса, столь любопытнаго въ лѣтописяхъ гражданства и литературы въ Россіи. Буде сіи сомнѣнія разрѣшатся положительно, то не менѣе достойно вниманія и розысканіе, не были-ли и другія, и какія именно, сочиненія напечатаны въ то-же время.

Въ разсужденіи наблюденія нравовъ и духа времени весьма важенъ успѣхъ, увѣнчавшій комедію *Бригадира* въ избранномъ кругу именитостей тогдашняго общества. Фонъ-Визинъ подробно

разсказываетъ о томъ въ своей *Исповѣди*. Начиная отъ Государыни и молодаго Наслѣдника, всѣ первѣйшія лица въ Петербургѣ наперерывъ приглашали автора и слушали чтеніе комедіи его. Можетъ быть, не въ первый-ли разъ случилось тогда Русскому автору быть въ модѣ. Ломоносовъ и Сумароковъ пользовались уваженіемъ и славою; но едва-ли честолюбію ихъ приносимы были сіи мелочныя, но соблазнительныя дани, которыя, такъ-сказать, ручнѣе и употребительнѣе. Къ тому-же Ломоносовъ самымъ свойствомъ дарованій и занятій своихъ не могъ быть свѣтскимъ человѣкомъ; Сумароковъ по уму своему, напротивъ, хотя и могъ играть блестящее лицо въ обществѣ, но неуживчивость его и, вѣроятно, другія несообразности въ правѣ, вредили ему въ удержаніи за собою мѣста, на которое онъ по отношеніямъ другимъ имѣлъ несомнѣнныя права. Слава, награды, утверждаемыя временемъ, похожи на недвижимыя имущества, которыми пользуемся медленно и продолжительно; молва, упоенія тщеславія похожи на реализированные капиталы, которые скорѣе уплываютъ, но за то проживаются веселѣе. Можно сказать въ этомъ отношеніи, что Фонъ-Визинъ пожилъ на своемъ вѣку. Русскій авторъ, который съ бала во дворцѣ приглашается Екатериною въ приближенное общество ея, читаетъ передъ нею свою комедію, заслуживаетъ одобреніе высокой слушательницы, есть событіе, которое авторское поколѣніе можетъ внести въ лѣтопись своихъ блестящихъ воспоминаній. Бываютъ эпохи, когда знаки отличія необходимы для возбужденія гражданскаго честолюбія: времена совершенно героическія, или совершенно философическія рѣдки, если и вовсе не баснословны. Монтескьё сказалъ, что честь — душа монархическаго правленія; можно прибавить — и почести. Когда обратишь вниманіе на содержаніе и краски комедіи, о которой идетъ рѣчь, то удача ея еще замѣчательнѣе. Оцѣнка двора сему произведенію была безкорыстная. Мы уже замѣтили, что картина нравовъ, въ ней выставленная, есть картина совершенно чуждая обществу, которому она была представлена. Дѣло въ томъ, что истина и естественная веселость, и безъ особеннаго примѣненія, дѣйствуютъ на чувство. Такъ, хорошій портретъ, если и не знаешь

подлинника, носить на себѣ свидѣтельства сходства своего; такъ природное дарованіе и все, что̀ есть задушевнаго въ игрѣ великаго актера, постигается просвѣщеннымъ зрителемъ и незнающимъ языка, на которомъ говоритъ актеръ; такъ смѣемся часто чуждому смѣху, когда онъ отъ души, хотя и не знаемъ причины онаго. Какъ-бы то ни было, счастіе-ли Фонъ-Визина, истина-ли дарованія его, врожденная-ли смѣтливость его слушателей, пробужденная благопріятнымъ направленіемъ тогдашнихъ умовъ, соединеніе-ли всѣхъ сихъ соображеній,—но комедія *Бригадиръ* имѣла успѣхъ блистательный. Къ чести сихъ державныхъ и аристократическихъ судей можно вспомнить, что *Ѳеофія* не понравилась блестящему двору Людовика XIV. Отъ чего удача Фонъ-Визина рѣдко была повторяема въ послѣдствіи? Отъ чего, съ легкой руки Екатерины и Фонъ-Визина, не тѣснѣе, не безпрерывнѣе сблизились сношенія авторовъ нашихъ съ избранными читателями? Кто виноватъ въ охлажденіи, которое послѣдовало за такимъ жаркимъ началомъ? Авторы, или одни событія, которыя независимою силою своею разрѣшили успѣхи литтературы отъ условій нѣкогда необходимаго покровительства? Съ другой стороны, можетъ-ли литтература наша, какъ и другія отрасли промышленности народной, обойтись безъ поощренія, безъ попеченій меценатовскихъ, довольствуясь покровомъ общихъ законовъ, въ числѣ прочихъ ремеслъ, искусствъ и промысловъ позволенныхъ? Литтература наша имѣетъ ли въ себѣ достаточную силу, чтобы, подобно пароходу, движимому внутреннимъ и независимымъ дѣйствіемъ, плыть безпрепятственно къ цѣли, безъ пособія попутнаго, а часто и наперекоръ противнаго вѣтра? Вотъ задачи, коихъ рѣшенія стало-бы на цѣлую книгу и кои по этому самому не подлежатъ теперь нашему изслѣдованію.

Отнынѣ біографъ Фонъ-Визина лишается руководства его и, слѣдуя за нимъ далѣе, долженъ довольствоваться рѣдкими, невѣрными указателями на поприщѣ, имъ пройденномъ. Жаль, что авторъ не успѣлъ докончить свои записки и что прекращаются онѣ почти до вступленія его въ новую сферу—въ сферу разнообразнѣйшей дѣятельности. Можетъ быть однакожъ и самое

полное исполненіе плана, предначертаннаго имъ себѣ въ составленіи оныхъ, не удовлетворяло бы совершенно всѣмъ требованіямъ любопытства нашего. Во вступленіи своемъ онъ говоритъ, что раздѣлитъ *Исповѣдь* свою на четыре книги: слѣдовательно, судя по двумъ первымъ книгамъ дописаннымъ, едва-ли болѣе полуторы книги оставалось ему для повѣствованія о жизни своей въ лѣта, которыя, безъ сомнѣнія, были полнѣе предыдущихъ. Но, не смотря на сокращенія, на многія изъятія и вообще на какую-то совѣстливость и цѣломудріе, свойственныя Русскимъ писателямъ, никогда ничего не договаривающимъ не смотря на всѣ сіи недостатки, которые, вѣроятно, лишили-бы записки его многихъ запасовъ, драгоцѣнныхъ для исторіи гражданства, общежитія и литтературы въ Россіи, мы должны, дорожа тѣмъ, что̀ есть, жалѣть о томъ, что̀ не было дописано. Мы не имѣемъ среднихъ вѣковъ ни въ государственномъ, ни въ общежительскомъ бытіи. Въ первомъ наша давность не заходитъ за царствованіе Петра и во многомъ начинается отъ Екатерины. Въ другомъ отношеніи, все еще вчерашнее, все сегодняшнее, а еще болѣе все завтрашнее. Житницы преданій нашихъ пусты, и если надѣяться на жатву для нашихъ романовъ, историческихъ комедій, біографій лицъ и общества, то развѣ на ту, которая зеленѣетъ еще въ глазахъ нашихъ. Теперь никакъ не свяжешь настоящаго съ прошедшимъ, упованій съ преданіями; никакъ не сведешь концовъ съ концами. Личности такъ мало отдѣляются у насъ отъ толпы, все такъ уравнено, или такъ изглажено, что мы должны дорожить и малѣйшими оконечностями, которыя выдаются наружу. На голой степи и мелкая лоза служитъ внимательному путнику указательною вѣхою и отрадою праздному зрѣнію. Признаюсь, большую часть такъ-называемой изящной словесности нашей отдалъ-бы я за нѣсколько томовъ записокъ, за нѣсколько Несторскихъ лѣтописей тѣхъ событій, нравовъ и лицъ, коими пренебрегаетъ исторія. Нашъ языкъ, можетъ быть, не былъ-бы столь обработанъ, стихъ нашъ столь звученъ; но тогда была-бы у насъ не одна изящная, но за то и голословная, а была-бы живая литтература фактовъ, со всѣми своими богатыми послѣдствіями.

ГЛАВА IV.

Между литтературными трудами, обозначившими періодъ жизни, разсмотрѣнный нами, переводъ *Іосифа*, повѣсти сочиненія Битобе, заслуживаетъ особенную отмѣтку. Онъ и нынѣ еще находится въ книжной торговлѣ и перепечатанъ былъ въ 1819 году. Въ предисловіи переводчикъ излагаетъ мысли о затрудненіяхъ, встрѣтившихся въ трудѣ, имъ совершенномъ. Любопытно остановиться на нихъ, ибо они касаются до запроса, который много разъ рѣшали и который донынѣ еще не рѣшенъ. Оно тѣмъ болѣе любопытно, что, по какимъ-то преданіямъ, Фонъ-Визинъ почитается у насъ, послѣ Ломоносова, первымъ писателемъ, умѣвшимъ сочетать языки Славянскій и Русскій. Новиковъ сказалъ о семъ переводѣ, что переводчикъ держался въ немъ важности Славянскаго и чистоты Россійскаго языка. Съ его словъ всѣ повторили то-же. Во-первыхъ, кажется, должно-бы обозначить о какомъ сочетаніи идетъ здѣсь дѣло, ибо нельзя-же опредѣлить, что въ Русскомъ языкѣ нѣтъ важности, или въ Славянскомъ чистоты, ему свойственной. Есть сочетаніе однихъ словъ, и есть сочетаніе формъ, оборотовъ, свойствъ двухъ языковъ, или даже одного и того же языка, но измѣнившагося въ постепенныхъ своихъ возрастахъ. Первое сочетаніе полезно и даже необходимо. Нѣтъ ни единаго языка, родившагося во весь ростъ и во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Каждый языкъ разростался отраслями, листьями и плодами при содѣйствіи времени, трудовъ и прививокъ. Второе сочетаніе несбыточно и нежелательно: оно не можетъ быть естественно

и, слѣдовательно, не будетъ изящно. Въ языкахъ не бываетъ двуглавыхъ созданій, или сросшихся Сіамцевъ; и тѣмъ лучше: ибо такой языкъ былъ-бы уродъ. Перваго сочетанія держались и держатся всѣ писатели наши, втораго не нахожу нигдѣ, ни у Ломоносова, ни у Кострова, ни у самого Петрова, который всѣхъ откровеннѣе порабощался Славянскому игу. Говорю: нигдѣ; ибо не признаю за сочетаніе то, въ чемъ нѣтъ согласія. Можно найти во многихъ писателяхъ насильственное и частное сопряженіе двухъ языковъ, но тогда вспомнишь стихи баснописца:

Диковинка-ль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой.

Прозаическій языкъ Ломоносова —тѣло, оживленное то Германскимъ, то Латинскимъ духомъ, коему даны въ пособіе Славянскія слова. Языкъ Фонъ-Визина при тѣхъ-же пособіяхъ часто сбивается на галлицизмы. Ни въ томъ, ни въ другомъ, нѣтъ чисто Русскаго, ни чисто Славянскаго, ни даже чисто Славяно-Русскаго языка; если чистота можетъ быть при подобной нестротѣ.

Одинъ изъ лучшихъ критиковъ нашихъ, Мерзляковъ, восхищался въ Ломоносовѣ очаровательнымъ соединеніемъ словъ Славянскихъ съ Россійскими. Признаюсь, не постигаю, какое можетъ быть тутъ очарованіе. Слова Славянскія хороши, когда онѣ нужны и необходимы, когда они замѣняютъ недостатокъ Русскихъ: они даже тогда законны; ибо на нѣтъ и суда нѣтъ. Въ языкѣ стихотворномъ они хороши, какъ синонимы, какъ пособія, допускаемыя поэтическою вольностію и служащія иногда благозвучію стиха, риѳмѣ, или стихосложенію. Вотъ и все. Но между тѣмъ нельзя не жалѣть о томъ, что какая-то почетная именитость, данная Славянскимъ словамъ предъ Русскими, вытѣснила многія изъ нихъ изъ языка стихотворнаго, какъ будто низкія. Теперь въ стихахъ почти не рѣшишься сказать „лобъ, ротъ, губы“, хотя въ разговорѣ, и самомъ правильномъ, не скажешь о знакомой красавицѣ: „всего правильнѣе въ ней чело и уста“. Вотъ до чего довело насъ очаровательное соединеніе словъ Славянскихъ съ Россійскими! Языкъ Славянскій

имѣлъ у насъ двухъ ходатаевъ за себя—Ломоносова и Карамзина. Поэтическое чувство и музыкальное ухо перваго не могли сносить терпѣливо нестройность языка, который господствовалъ между современниками его. Смѣсь Малороссійскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ словъ дико звучала въ тогдашнемъ книжномъ нарѣчіи. Поэтъ и ораторъ, Ломоносовъ долженъ былъ предпочесть ему на первый случай языкъ священныхъ книгъ нашихъ и началъ проповѣдовать ученіе его, которое, впрочемъ, полезно и необходимо; но притомъ не должно однако-же слѣпо и исключительно держаться словъ его. Повторять за нимъ безусловно то, что́ говорилъ онъ о пользѣ Славянскихъ книгъ—то-же, что ограничиться чтеніемъ псалтыри и ариѳметики Магницкаго потому, что онъ называлъ ихъ вратами учености своей. Но всегда оставаться въ воротахъ—значитъ никогда не войти Карамзинъ другими, почти противоположными, средствами пробудилъ старинную тяжбу: онъ понялъ, что для размноженія читателей должно образовать языкъ общежитія, не допуская существованія языка книжнаго отдѣльно отъ перваго, доступнаго только малому числу посвященныхъ въ таинства его: онъ уразумѣлъ, что писатели народа образованнаго не должны походить на жрецовъ древняго Египта: имъ, можетъ статься, была выгода быть загадками для народа, но писателямъ нѣтъ выгоды морочить читателей, имѣющихъ полное право понимать то, что́ для нихъ пишется. Во всѣхъ явленіяхъ физическаго и нравственнаго міра есть дѣйствіе и противодѣйствіе. Ломоносовъ наткнулся на Тредьяковскаго, который противоборствовалъ, сколько силы было, нововведеніямъ его. Карамзинъ породилъ въ противоборникахъ своихъ опасность за цѣлость и святость природнаго языка, угрожаемаго вторженіемъ въ него нововведеній и прихотей общежитія. Сія синѳка мнѣній образуетъ замѣчательный періодъ въ исторіи нашей литературы. Появленіе *Исторіи Государства Россійскаго* прекратило распрю. Оно разсѣяло неосновательный страхъ и объяснило настоящее положеніе дѣла. Самые противники Карамзина — говоримъ объ однихъ добросовѣстныхъ—убѣдились, что испытанный талантъ,

знаетъ, какимъ языкомъ можно писать *Бѣдную Лизу* и какимъ должно писать исторію.

Впрочемъ, обращаясь опять къ Фонъ-Визину, спросимъ: въ чемъ заключаются такъ-называемые славянизмы Фонъ-Визина въ переводѣ *Іосифа*? Въ словахъ „паче, паки" и другихъ имъ подобныхъ, въ сохраненіи буквы *и* въ неокончательныхъ наклоненіяхъ глаголовъ: вотъ и все. Эти славянизмы напоминаютъ каррикатурныя лица Французскихъ водевилей, которыя, поддѣлываясь подъ Итальянцевъ, нестрятъ свой Французскій разговоръ словами perchgi, ogiè, и такъ далѣе. Въ отношеніи къ слогу можно замѣтить, что, вѣроятно, отъ сего перевода Фонъ-Визинъ привыкъ къ мѣрной прозѣ, которая отзывается у него и въ другихъ твореніяхъ. Подлинникъ его, Битобе, долженъ былъ въ этомъ случаѣ служить ему образцомъ, ибо и въ его прозѣ встрѣчаются александрійскіе и обломленные стихи, коими, кажется, любилъ щеголять и Фонъ-Визинъ. Въ началѣ повѣсти переводчикъ говоритъ: „Свободное слово мое возвышеннымъ стихотворства языкомъ вѣщати будетъ". Эти слова, кажется, вставка переводчика: по крайней мѣрѣ не отыскалъ я ихъ въ подлинникѣ, напечатанномъ въ полныхъ твореніяхъ Битобе. Во всякомъ случаѣ страненъ „эпитетъ свободное", приданный рѣчи прозаической, которую хотятъ поработить насильственно нѣкоторымъ условіямъ стихосложенія.

Къ сей эпохѣ можно отнести и переводъ его „Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному". Книга переведена, вѣроятно, съ Нѣмецкаго, хотя сочиненіе и Французское. Въ немъ съ искусствомъ и силою выведены причины, почему желательно для благосостоянія Франціи, чтобы одна часть дворянства Французскаго обратилась къ торговлѣ, вопреки предразсудкамъ, осуждавшимъ членовъ онаго или на пожертвованія расточительнаго честолюбія, или на нищету сибаритской праздности. Сочиненіе сіе было написано въ то время, когда политическія и экономическія понятія начинали развиваться и обращать на себя вниманіе, которое овладѣло послѣ всѣми просвѣщенными и благонамѣренными умами. Въ фонъ-Визинѣ, къ его чести, нельзя не замѣтить того: наклонность къ посѣщенію

истинъ сего рода оказывается вездѣ, и въ комедіяхъ и мелкихъ шуточныхъ отрывкахъ, и тамъ, гдѣ могли-бы онѣ казаться неумѣстными по правиламъ строгой риторики и исключительной эстетики. Но таковъ былъ вѣкъ: политическая философія, если можно такъ выразить, была необходимою приправою всякаго сочиненія. Можетъ быть, нѣкоторыя соображенія, имѣющія отношеніе и къ нашему дворянству, еще болѣе рѣшили выборъ переводчика въ предпринятомъ трудѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ мѣстъ: „Но я забываю уже то, что вы въ купечество „вступили, сами втомъ не вѣдая. Торгъ вашъ для того малъ, что „вамъ великой противенъ. Вы торгуете виномъ и хлѣбомъ; но „есть-ли въ томъ великая разность, чтобъ брать товары въ „собственной своей землѣ, или покупать оные на продажу? Вообще „сказать, кто-бы не долженъ былъ вступить въ купечество? Цицеронъ, Карѳагенскій разоритель, похвалялся тѣмъ, что онъ ни„когда не продавалъ и не покупалъ. Лучше-бы было то, еслибъ „онъ похвалиться могъ тѣмъ, что не имѣлъ участія въ невѣрности „Римскаго сената противъ Карѳагенцевъ. Купечество есть душа „всѣхъ сообществъ. Ораторъ продаетъ свое краснорѣчіе; писатель „духъ свой; воинъ кровь; политикъ свои намѣренія. Дворянинъ, „ни въ чемъ ономъ участія не пріемлющій, могъ-бы продавать плоды „нашихъ мануфактуръ и художествъ. Онъ продаетъ-же ленъ „неприденый: для чего не продавать ему пряжи?“

ГЛАВА V.

Если смотрѣть на чинъ и почести, до коихъ дослужился Фонъ-Визинъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. Впрочемъ должно замѣтить, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ и особенныхъ случаевъ, служба въ его время, а тѣмъ болѣе гражданская, подвигалась медленнѣе, нежели въ слѣдующія эпохи. Тогда государственное заведеніе было если не менѣе дѣятельно, то гораздо малосложнѣе. Съ размноженіемъ мѣстъ должны были возрастать отличія и награжденія, а съ ними и требованія честолюбія. Въ чинахъ и въ наградахъ можетъ быть роскошь, такъ-же какъ и въ другихъ отрасляхъ общежитія. Тогда излишество становится необходимостію. То, что за пятьдесятъ лѣтъ было умѣреннымъ благосостояніемъ и златою посредственностію чиновничества, нынѣ было-бы почитаемо за безпокровное убожество. Въ этомъ отношеніи смиренный по нынѣшнимъ понятіямъ жребій статскаго совѣтника могъ казаться довольно удовлетворительнымъ тому, который, находясь въ довѣренности у начальника своего, кабинет-министра Елагина, писалъ въ 1766 году къ отцу своему съ нѣкоторымъ элегическимъ унынiемъ, что ему надобно сдѣлать себѣ шинель и что, въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, жилъ онъ 165 рублями, полученными имъ въ счетъ жалованья. Между тѣмъ онъ не былъ въ нуждѣ и пользовался нѣкоторыми пріятностями общежитія: имѣлъ карету, услугу, ѣздилъ во Дворецъ. Вѣкъ на вѣкъ не приходитъ; но пріятность службы для человѣка благомыслящаго, съ видами возвышеннаго честолюбія, измѣряется не

годовыми итогами полученныхъ награжденій. Занятія, доставляющія пищу дѣятельности ума, открытая сфера для дѣйствій, согласныхъ со склонностями и совѣстью, отрада, или, лучше сказать, необходимая потребность имѣть въ начальникѣ человѣка, котораго уважаешь и которымъ ты самъ уважень,—вотъ что́ можно почитать счастіемъ въ службѣ. Въ этомъ отношеніи Фонъ-Визинъ счастливо служилъ. Можно предположить, что безъ сего счастія онъ и служить-бы не могъ. Мы видѣли, что первые шаги его обратили вниманіе канцлера графа Воронцова, что при самомъ вступленіи въ службу было возложено на него дипломатическое порученіе, которое онъ исполнилъ съ успѣхомъ Послѣ поступилъ онъ къ Елагину подъ начальство. Если сначала встрѣтили его нѣкоторыя непріятности, то въ послѣдствіи дѣла имѣли лучшій оборотъ и мѣсто побѣды осталось за нимъ. Родъ занятій его по службѣ при этомъ начальникѣ намъ неизвѣстенъ: но, судя по званію оберъ-гофмейстера, которое исправлялъ Елагинъ, нельзя предполагать въ нихъ особенной занимательности для Фонъ-Визина. Но знаемъ изъ писемъ его, что онъ любилъ и уважалъ начальника своего

Политическое поприще Фонъ-Визина начинается по-настоящему съ поступленія его подъ начальство графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго министерствомъ внѣшнихъ дѣлъ въ эпоху событій, столь важныхъ и блестящихъ въ исторіи политики нашей. Дѣла Польши и Швеціи, войны Турецкія, въ которыхъ должно было не менѣе сражаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ полевыхъ непріятелей, сколько и съ перомъ противъ кабинетныхъ враговъ и Европейской политики, пугавшейся исполинскаго возрастанія нашего; вожди дипломатической конфедераціи, гораздо искуснѣйшей и опаснѣйшей, нежели Польская. Кауницъ и Шуазель, главы Вѣнскаго и Версальскаго кабинетовъ, намъ недоброжелательствовавшихъ, и самое дружество Фридриха Великаго, напоминающее въ дипломатическихъ двуличностяхъ своихъ стихъ поэта:

Ихъ дружество, почти на ненависть похоже,

озабочивали важными соображеніями и бдительностію всегда на-сторожѣ воинственный кабинетъ Панина. „Исторія его него-

ціацій, говоритъ Фонъ Визинъ въ жизнеописаніи сего министра, будетъ въ послѣдующія времена служить руководствомъ въ дѣлахъ политическихъ, и представитъ свѣту великость души его и дарованій". Екатерина, столь проницательно и положительно умѣвшая судить о достоинствахъ людей, оказала все уваженіе, которое питала къ уму и нравственному характеру Панина: она ввѣрила ему воспитаніе Наслѣдника и управленіе внѣшними дѣлами государства, возложивъ на него такимъ образомъ, можно сказать, не только жребій настоящей, но и будущей Россіи. Графъ Панинъ, съ своей стороны, совершенно оправдалъ сію высокую довѣренность. Россія, въ министерство его, не одною физическою силою оружія, но и умственною силою политики, достигла цѣли, указанной ей Петромъ; а Царственный Воспитанникъ Панина, путешествуя по Европѣ, явился достойнымъ ея просвѣщенія и образованности. Ревностный исполнитель повелѣній Государыни, сей министръ не былъ однако же предъ нею безмолвнымъ и безусловнымъ орудіемъ. Онъ былъ мыслящій и самостоятельный министръ, умѣлъ въ дѣлахъ имѣть свое мнѣніе и безбоязненно открывать его Государынѣ, умѣвшей выслушивать истину и противорѣчіе. И мнѣніе его въ подобныхъ случаяхъ не было плодомъ какихъ-нибудь личныхъ выгодъ или предубѣжденій въ пользу или во вредъ другой державы, какъ то часто замѣчается въ исторіи многихъ министерствъ, рѣшавшихъ по тайнымъ пристрастіямъ судьбы народовъ и государствъ въ немъ оно проистекало изъ совѣстнаго убѣжденія, почерпавшаго силу свою изъ началъ нравственной политики, изъ общей и частной пользы государства, которыя нераздѣльно сопряжени между собою къ поученію властителей и къ оправданію Провидѣнія. Напрасно говоритъ Мирабо о какой то враждѣ между нравственностію общею и частною. Нѣтъ ни двухъ нравственностей, ни двухъ политикъ. Каждая безнравственность есть не только преступленіе, но и ошибка. Всякая несправедливость въ политикѣ есть такая же безнравственность. Екатерина была столь увѣрена въ пользѣ заслугъ, приносимыхъ графомъ Панинымъ Ей и Отечеству, что, не смотря на волненія, свойственныя стихіи придворной, не смотря на многихъ могущественныхъ недобро-

желателей, покушавшихся низвергнуть его, она всегда отстаивала министра своего и новыми милостями возвышала его болѣе и болѣе. Таковъ былъ человѣкъ, подъ начальствомъ коего Фонъ-Визинъ имѣлъ неоцѣненное счастіе служить, пользуясь неограниченною его довѣренностію. По оставшимся послѣ него бумагамъ, мы не можемъ заключить, имѣлъ-ли онъ какой нибудь политическій голосъ въ совѣтахъ и рѣшеніяхъ министра, но видимъ достовѣрно, что всѣ письменныя дѣла переходили чрезъ его руки и что онъ былъ постояннымъ посредникомъ между имъ и главнѣйшими изъ современныхъ Русскихъ дипломатовъ. Впрочемъ, если по нѣкоторымъ указаніямъ вѣрить, что графъ Панинъ былъ нѣсколько лѣнивъ и медленъ въ работѣ, то непосредственное участіе Фонъ-Визина въ дѣлахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Переписка его со многими значительными лицами нашей дипломаціи убѣждаетъ насъ еще въ другомъ утѣшительномъ свидѣтельствѣ: она служитъ доказательствомъ не только пріятнаго положенія, въ которомъ онъ находился, но и уваженія, которое онъ умѣлъ снискать независимо отъ мѣста своего. Въ томъ, что сохранилось изъ обширной и многолѣтней переписки его, находимъ письма къ нему Александра Ильича Бибикова, начальствовавшаго войсками нашими въ Польшѣ противъ конфедератовъ; Сальдерна, Барона Стакельберга, министровъ нашихъ въ Варшавѣ; Мусина-Пушкина, посла въ Лондонѣ; Зиновьева, въ Мадридѣ; графа П. А. Остермана, министра въ Стокгольмѣ; Обрѣскова, посла въ Царьградѣ; Якова Ивановича Булгакова, Аркадія Ивановича Маркова; княгини Екатерины Романовны Дашковой, родственницы графа Панина; князя Николая Васильевича Рѣпнина, и другихъ. Всѣ сіи письма, болѣе или менѣе, показываютъ степень довѣренности, которая общимъ мнѣніемъ приписана была сношеніямъ подчиненнаго съ начальникомъ его, и вмѣстѣ съ нею неограниченную довѣренность, полагаемую на прямодушіе Фонъ-Визина, на усердіе его къ общей и частной пользѣ. Многія изъ сихъ писемъ служатъ свидѣтельствами лестныхъ и почтенныхъ дружескихъ связей, которыя онъ умѣлъ заключить и поддержать. Жаль, что изъ сей переписки сохранились одни отдѣльные

отрывки. Собраніе полу-оффиціальныхъ писемъ, полученныхъ и писанныхъ имъ, составило-бы любопытный памятникъ людямъ и событіямъ того времени. Странно и прискорбно видѣть, какъ мало дорожили и дорожатъ у насъ нонынѣ слѣдами умственнаго бытія, съ какою младенческою безпечностію предается у насъ забвенію и тлѣнію все то, что должно-бы со тщаніемъ и набожнымъ чувствомъ быть хранимо въ архивахъ семейныхъ! Переписки, сіи очевидныя дѣянія, сіи, такъ сказать, снимки съ жизни, ее переживающіе, всегда драгоцѣнны или въ домашнемъ, или въ общественномъ отношеніи: еще драгоцѣннѣе, когда въ обоихъ. Счастливъ, кто въ перепискѣ предка находитъ пищу для семейнаго любопытства и поучительные примѣры для своего гражданскаго поведенія. Почему каждой фамиліи не имѣть-бы частнаго архива своего? Къ чему это равнодушное самоотверженіе личности, обрекающее лица и самые роды оставаться ничтожными частями цѣлаго, непримѣтными волнами, теряющимися въ пучинѣ, которая только въ совокупности имѣетъ право на образъ, имя и мѣсто во вниманіи людей? И это желаніе — эгоизмъ, но по крайней мѣрѣ облагороженный и согрѣтый святостію воспоминаній и вѣрою надежды, потребностію начать, такъ сказать, и на землѣ безсмертіе, къ которому временная жизнь наша прицѣпилась-бы звеномъ соединенія и залога.

Имѣя мало фактовъ, раскрывающихъ предъ нами жизнь Фонъ-Визина, должны мы дорожить свидѣтельствами связей его, въ которыхъ можетъ отсвѣчиваться и его характеръ. Связи сіи послужатъ намъ средствомъ, изъ извѣстныхъ данныхъ, вывесть опредѣленіе неизвѣстной характеристики. Слѣдуя сему указанію, кажется, не излишнимъ будетъ обойти кругъ общежитія, въ которомъ Фонъ-Визинъ занималъ столь почетное мѣсто.

Мы уже видѣли, въ какихъ сношеніяхъ былъ онъ съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Сношенія сіи сблизились при самомъ началѣ ихъ знакомства и постоянно укрѣплялись взаимнымъ уваженіемъ и довѣренностію до самой кончины министра. Въ исчисленіи ближайшихъ пріятелей его должно начать съ Александра Ильича Бибикова. Это одна изъ блестящихъ именитостей царствованія Екатерины II, столь бо-

гатаго отличными людьми на всѣхъ поприщахъ, столь живописнаго разнообразіемъ и выразительностію лицъ, отдѣляющихся въ общей картинѣ. Сей Бибиковъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, успѣлъ заслужить военное имя въ семилѣтнюю войну. Возвратясь въ Россію, обратилъ онъ на себя вниманіе Екатерины, уже вступившей на престолъ. Разныя важныя порученія, истинно государственныя должности, на него возложенныя, свидѣтельствуютъ о довѣренности, которую Государыня имѣла къ способностямъ и душевной твердости его. Избранный въ предводители депутатской коммиссіи, собранной для составленія проекта новаго уложенія, онъ, можно сказать, увѣковѣчилъ имя свое вмѣстѣ съ памятью мгновенія, столь важнаго въ лѣтописяхъ нашего политическаго гражданства. Если внѣшнія обстоятельства, слившіяся со внутренними препятствіями, и не дали созрѣть сей великой мысли Законодательницы нашей, то не менѣе имена призванныхъ Ею участвовать въ исполненіи оной, и въ особенности имя удостоеннаго довѣренностію народа и Государыни, принадлежатъ исторіи. Послѣ, въ важную эпоху для нашей внѣшней политики, видимъ мы его въ Польшѣ начальствующаго Русскими войсками противъ Польскихъ конфедератовъ. Въ сей войнѣ, требовавшей отъ начальника не одного искусства воинскаго, но и проницательныхъ соображеній политика, администратора и, такъ сказать, проконсула, Бибиковъ, покоряя непокорныхъ не одною силою оружія, но и убѣжденіемъ силы нравственной, одерживаетъ побѣды на полѣ сраженій и заслуживаетъ характеромъ своимъ уваженіе самыхъ патріотовъ Польскихъ. Наконецъ, когда удачи Пугачева начали придавать безумію частнаго покушенія всю важность государственнаго событія, угрожавшаго благосостоянію Имперіи, тотъ-же Бибиковъ, всегда на примѣтѣ у Екатерины, избирается Ею для пресѣченія зла, уже утомившаго многія надежды. Принявъ начальство надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ мятежниковъ, онъ оказалъ то-же государственное мужество, тѣ-же государственныя добродѣтели, которыя и прежде содѣйствовали ему въ успѣхахъ военныхъ. Присутствіемъ своимъ, благоразумными мѣрами, неутомимою дѣятельностію, развитіемъ

патріотическихъ чувствъ, смятыхъ унынiемъ и оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса, оживляетъ онъ упавшій духъ губерніи, сосредоточиваетъ и направляетъ силы. Наконецъ, обстоятельства ему подвластны: онъ наноситъ первые и рѣшительные удары мятежу и еще разъ вписываетъ имя свое на скрижаляхъ внимательнаго и благодарнаго Отечества. Но здѣсь пресѣкается поприще военнаго и гражданскаго героя. Завистливая судьба не даетъ ему и здѣсь довершить начатый подвигъ. На 44 году жизни блестящей, краткой, но богатой дѣлами, смерть, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, настигаетъ его въ бѣдномъ Татарскомъ селенiи, вдали семейства и друзей. И возвышенный знакъ благоволенiя, посланный ему Екатериною въ награду новыхъ заслугъ, уже не заставъ его въ живыхъ, обращается ему въ одну почесть погребальную. Не на него, а на гробъ его, возложена звѣзда св. Андрея Первозваннаго. Для довершенiя изображенiя его прибавимъ, что онъ былъ другъ Суворову, уваженъ Фридрихомъ Великимъ и воспѣтъ Державинымъ. Дѣятельная и полезная жизнь сего знаменитаго человѣка описана самимъ его, и сiи біографическія записки составляютъ одну изъ занимательнѣйшихъ нашихъ книгъ. Дружба, связывавшая его съ Фонъ-Визинымъ, не измѣнилась до конца. Онъ и самъ нѣсколько занимался Русскою словесностiю, или по крайней мѣрѣ переводами. Переписка его съ нашимъ авторомъ свидѣтельствуетъ, что если онъ писалъ и не совсѣмъ правильно, то владѣлъ языкомъ какъ человѣкъ умный и придавалъ слогу веселую живость, откровенность и выразительность характера своего. Сообщаемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, жалѣя, что не можетъ выдать всего:

„Сынъ мой (писалъ онъ къ нему изъ Варшавы, Іюня $^{6}_{17}$ дня, 1772) ко мнѣ доѣхалъ и привезъ между прочимъ дружеское и пріятное ваше, любезный Денисъ Ивановичъ, письмо, а прямую вашу и непремѣнную дружбу дополнилъ онъ словами, пересказавъ все то, что отъ васъ слышалъ. Чувствъ сердечныхъ, какъ я вами одолжаюсь, описать не могу, ибо и лучшіе писатели, имѣя время и знанiе, не всегда объясняютъ ихъ удачно; а мнѣ, въ суетахъ и досадахъ бывши, есть-ли къ тому

удобность? Оставьте вы и не взыскивайте порядка слога и силы объясненій; довольствуйтесь тѣмъ, что я отъ сердца васъ люблю и любить буду. А одолженій чувствуетъ и чувствовать долженъ братъ отъ брата: и такъ, въ прибавокъ моей къ вамъ любви, знайте, что чувствую и дружескія ваши одолженія.

„Перемиріе (съ Турками) мы здѣсь получили: думать надобно, что оно дошло уже теперь и до васъ, съ тѣмъ отъ сердца поздравляю Я, по содержанію договорныхъ пунктовъ, считаю добрымъ его быть основаніемъ къ желаемому миру, и тѣмъ болѣе, что гавани Крымскія остались Туркамъ заграждеными. Что Русскій Богъ великъ, то видѣли мы и въ нашъ вѣкъ не одинажды. Согласенъ я совершенно съ вами въ томъ, что лучшая на Него быть должна и надежда.

„Поспѣшайте, чтобъ недозрѣлое созрѣло. Крайне опасно, и при теплой моей вѣрѣ на Бога нашего, чтобъ не произошло какихъ либо новыхъ замѣшательствъ. Но пусть будетъ что хочетъ; пришло держаться Панглосовой системы: Tout va au mieux possible!“

(Изъ Варшавы, 28 Февраля, 1773).

„Вѣсти со всѣхъ сторонъ, не отъ однихъ васъ, о Турецкомъ мирѣ часъ отъ часу хуже становятся. И мы почти ежедневно ожидаемъ подлиннаго о Бухарестскомъ конгресса разрывѣ извѣстія; но по сіе время однакожъ ево нѣтъ. По обстоятельствамъ, чудесамъ быть надобно, коли, вмѣсто ожидаемой войны, услышимъ мы вѣсти о вожделѣномъ мирѣ. Да творитъ Богъ волю свою! Пока руки есть, драться станемъ. Хотя впрочемъ и то истина, что православной Руси не худо-бы и отдохнуть: черпаемъ ею во многіе поливники. На долго-ли то станетъ? Конечно, надобно Шведовъ укачивать, доколѣ съ Турками не помиримся. А ежели и ихъ Французы подобьютъ, то кажется не въ моготу. Святительскія..... Слышно, что и у самихъ друзей нашихъ глазъ ведетъ отъ плаванія на Средиземномъ морѣ. О себѣ, мой другъ, я уже не говорю. Пусть тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно: только къ вамъ не хочу. О васъ, и здѣсь живучи, слышать непріятно. Долго-ли ниву бродить, пора уставиться. Лестны для меня отзывы его сіятельства графа

Н[икиты] Иван[овича Панина] о которыхъ вы пишете. Я истинно его душевно и самъ почитаю. Поздненько вы къ намъ прислали планъ будущихъ здѣшнихъ дѣлъ. Врядъ успѣютъ-ли три патріарха къ собору сдѣлать свои приготовленія. А другу нашему Ѳ[едору] О[едоровичу] (Фридриху Великому)], то и надобно, чтобъ помутилъ Богъ миръ и накормилъ Богъ воеводу. Прости".

(Изъ Варшавы, Марта 23, 1773.)

„Здѣсь сеймики иные развили, а иные сконопатили, и по извѣстіямъ столько уже ихъ есть, что сеймъ отдѣлить можно. По чѣмъ все это кончится, по гадательной книжкѣ не угадаешь. А Гренадскій епископъ (бискупъ Краковскій) много накоститъ. Штакельбергъ думаетъ вести его исправнѣе, нежели Жилблазъ; но врядъ будетъ-ли успѣхъ. Ничто такъ на Жилблазова епископа не похоже, какъ сей святитель. Только тотъ помѣшался на сказаніяхъ, а сей на тщеславіи. Онъ говоритъ кстати и не кстати: Car je suis prince évêque de Cracovie et duc de Sévérie et mon chancelier, и тому подобное."

(Изъ Варшавы, Апрѣля 26, 1773.)

„Здѣшнія дѣла пошли, только все съ угрозами и насиліемъ. Сила и солому ломитъ, какъ пословица говоритъ. Только прочно-ли? о семъ настоитъ вопросъ. Подлинно порадовался, что адскій извергъ демаскированъ, и честный и преночтенный человѣкъ вышелъ изъ заблужденія; только о томъ жалѣю, что поздно. Успѣлъ этотъ злоехидный адвокатъ многимъ своими козиями сдѣлать вредъ. Я знаю это по себѣ: да быть такъ! что пролито, того не подхватишь.

„Миръ нашъ подлинно къ чорту. Жаль, что мы конгрессами дали себя провести, и отъ угара, наведеннаго Туркамъ, оправиться. Вѣдь война имѣетъ свои обороты. Сохрани Боже отъ неудачи! то-то будетъ дурно. Пора, пора мириться, и друзьямъ нашимъ толоконничкамъ посерьезнѣе поговорить. Нигдѣ они доброхотствомъ своимъ такъ не примѣтны, какъ здѣсь. Дивлюсь, что вамъ не видны. Сіе все однакоже между нами".

(Варшава, Августа 7, 1763).

„Командированіе мое въ армію съ полками вамъ не можетъ быть неизвѣстно. Не знаю, къ худу-ли это, или къ добру. Только я, слѣдуя моей судьбинѣ, ѣду туда безъ всякаго огорченія и покидаю съ охотою прескучную и разорительную для кармана Польшу, въ которой много я положилъ труда и здоровья безъ всякаго по ремеслу и званію блеска. Но счастью-ли моему, или подлинно отъ старанія, войска получили другой видъ, и въ томъ самъ себѣ отдаю справедливость, съ засвидѣтельствованіемъ всей Польши, что они порядкомъ и изрядствомъ своимъ стыда намъ не сдѣлаютъ; а что грабежи упялись, и они скромнѣе Пруссаковъ и Австрійцевъ, о томъ вся Польша свидѣтель. Уповаю, дошло и до васъ засвидѣтельствованіе, сдѣланное канцлеромъ великимъ въ письмѣ къ барону Штакельбергу. Конфедераты, въ мое время, нигдѣ ни малѣйшимъ образомъ авантажа не имѣли: вездѣ побиты, даже до исчезанія совершеннаго. За все за это, мой другъ Денисъ Ивановичъ, хотя-бы комплиментъ при концѣ сказали, отправляя на другую службу. Скажутъ, можетъ быть, что я произведенъ: правда, но произведенъ тогда, когда и моложе меня въ тѣ-же чины вступили. А обойтить меня безъ прослуги, кажется, было не за что.

„Огорчительно и преогорчительно видѣть, что прямая служба не производитъ на себя и вниманія. Пусть хотя то-бы въ мерить поставили, что я не нажился, какъ Древицъ и ему подобные, да нажилъ долгу двадцать тысячъ рублей, за который генерь рискую потерять все, что имѣю. Ты, мой другъ, читая это, подумаешь, на что-де онъ ко мнѣ пишетъ? вѣдь я помочь не могу. Но облегчительно и то, когда можно, какъ говорится, сдать съ души другу то, что насъ угнетаетъ. Ежели отпустятъ меня (наче чаянія), то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ въ бытность здѣсь одолженія.

„Прими, мой другъ, здѣсь мою искреннюю благодарность какъ чистѣйшую жертву, отъ нелицемѣрной дружбы приносимую, и будь увѣренъ, что я, доколѣ живъ, остаюсь твой вѣрный и истинный слуга“.

(Изъ Казани 26 Января, 1774).

„Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы и забочусь ежечасно, чтобъ успѣть истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей сарапчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ я не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волнованія великія предстоятъ трудности. Болѣе-же всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! Дѣлаю и буду дѣлать что могу. Не уже-ли-то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе: а Пугачевъ — чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ. Все сіе между нами, и письмо прочетъ предай огню.— Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно часто, о дѣлахъ внѣшнихъ. Не уже-ли-то мы и теперь о миръ не думаемъ? Ой, пора! право, пора! Газеты я получилъ; надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впередъ получать буду. J'avais diaboliquement peur de mes soldats qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison: de mettre les armes bas vis à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage (Я дьявольски боялся, чтобы солдаты мои не поступили подобно гарнизоннымъ и не положили оружія предъ мятежниками. Но нѣтъ, они бьютъ ихъ порядкомъ и обходятся съ ними какъ съ мятежниками. Это придаетъ мнѣ бодрости). Да та бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Да, но все однако-же одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ; будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душою люблю.

„Напомни, мой другъ, графу Никитѣ Ивановичу о баронѣ Ашѣ: онъ обѣщался ему по крайней мѣрѣ хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь“.

Сіи выписки кажутся намъ весьма замѣчательными и по общимъ отношеніямъ и по частнымъ, лично касающимися до

Фонъ-Визина. Въ сихъ отдѣльныхъ чертахъ живо изображается Бибиковъ: какъ общественный человѣкъ, онъ ревностный исполнитель возлагаемыхъ на него должностей, на дѣлѣ вѣрноподданный, готовый не щадить ни трудовъ, ни крови своей, *драться пока велятъ и пока руки есть:* какъ частный человѣкъ, онъ съ свойственными Русскому уму, и особенно-же той эпохѣ, ясною логикою и нѣкоторою наклонностію къ порицанію, всегда умолкающему предъ голосомъ обязанности и призваніемъ власти на новые труды и новыя опасности. Сей характеръ благородный, истинно Русскій, долженъ былъ имѣть сочувствіе въ характерѣ Фонъ-Визина: ибо нѣтъ дружества безъ сочувствія.

Сюда принадлежитъ также имя Якова Ивановича Булгакова, извѣстнаго въ исторіи дипломатики и словесности нашей. Нельзя безъ уваженія обратить вниманія на литтературные труды его, служившіе ему дѣятельнымъ отдохновеніемъ отъ разнообразныхъ и, по важности политическихъ событій, весьма многосложныхъ государственныхъ занятій. При обширности оффиціальнаго письмоводства, успѣлъ онъ еще выдать до тридцати томовъ переводовъ своихъ. Такой подвигъ можетъ показаться сверхъ-естественнымъ въ наше время, которое будто сократило сутки половиною: такъ много торопимся мы, и такъ мало успѣваемъ! Не говоря уже о людяхъ, занятыхъ государственными должностями, сколько и между присяжными писателями найдется такихъ, которыхъ-бы стало на тридцать томовъ даже и переводовъ? Жаль, что примѣръ Булгакова имѣлъ мало послѣдователей: а еще достойнѣе сожалѣнія, что немногіе были-бы и способны послѣдовать ему. Правда и то, что султанъ Ахметъ много способствовалъ ученымъ досугамъ его, заключивъ его, предъ начатіемъ войны въ 1787 году, въ Семибашенный Замокъ, въ коемъ просидѣлъ онъ 27 мѣсяцевъ. Въ семъ заточеніи перевелъ онъ огромное сочиненіе аббата де-ла-Порта *Всемірный путешественникъ*, состоящее въ 27 томахъ, — по одному тому на мѣсяцъ. Впрочемъ, занятія его въ тюрьмѣ были не одни литтературныя, но и политическія. Не смотря на строгость надзора за нимъ, онъ находилъ способъ переписываться съ Императрицею, съ княземъ Потемкинымъ и графомъ Безбо-

родкою. Сохранивъ всѣ свои сношенія съ преданными ему людьми въ Константинополѣ, Булгаковъ, изъ тюрьмы своей, нерѣдко сообщалъ князю Потемкину, стоявшему предъ Очаковымъ, любопытныя свѣдѣнія о тайныхъ предположеніяхъ верховнаго визиря. Разсказываютъ, что, при назначеніи своемъ посланникомъ въ Царьградъ, пришелъ онъ къ Фонъ-Визину и спрашивалъ о содержаніи готовимой ему инструкціи. „Вотъ въ чемъ вся инструкція“, отвѣчалъ ему, смѣясь, Фонъ-Визинъ:

„У насъ дѣтей пугаютъ Турками: должно это перемѣнить и сдѣлать такъ, чтобы впередъ самъ Султанъ въ Царьградѣ дрожалъ имени Русскаго; а прочее, при помощи Божіей и вашихъ стараніяхъ, придетъ уже само собою“. Письма его къ Фонъ-Визину отличаются веселою и остроумною шутливостію. По малымъ отрывкамъ, дошедшимъ до насъ, можно заключить, что переписка ихъ была очень откровенна и нѣсколько настроена на ладъ философическаго XVIII вѣка.

„Будьте увѣрены (писалъ Булгаковъ изъ Варшавы, отъ $^{12}/_{23}$ января 1771), что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать справедливость имѣющимъ достоинства; если-жъ мнѣ того не удастся, то я во весь голосъ, котораго однако у меня отъ частаго кашля очень мало, закричу съ Сумароковымъ: *Бодливому быку судьба не ставить рои!*

„Коммиссію, на меня наложенную, я, коль скоро можно будетъ, исполню и уже бы исполнилъ, если-бы отъ меня зависѣло. Но Варшава теперь походитъ на пустой овинъ большаго села, въ которомъ была ярмарка и гдѣ поръ пьянъ, а прихожане еще не охмѣлились, и слѣдовательно въ которомъ, кромѣ сорокъ и филиповъ, ничего нѣтъ. Отсюда даже до дѣлателей зубочистокъ всѣ разбѣжались, а по пресѣченіи коммуникацій отъ защитниковъ вѣры и вольности, кои церкви грабятъ, а проѣзжихъ вѣшаютъ, ни откуда ничего сюда не везутъ. Однако-жъ, хоть самъ научусь дѣлать, но съ первымъ курьеромъ зубочистки пришлю“.

Въ письмѣ отъ 26 іюня 1773, также изъ Варшавы, на которое должно служить отвѣтомъ, напечатанное во второмъ

томѣ полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина, отъ 13 сентября того-же года, говоритъ онъ между прочимъ: „Если-бъ въ первомъ случаѣ, который далъ мнѣ познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мнѣ попеченія, отказали вы мнѣ помощь вашу, я-бы меньше, признаюсь, васъ любилъ, но оставилъ-бы въ покоѣ и тишинѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ въ вашемъ мѣстѣ, не требуя, чтобы вы удѣлили и на насъ, бѣдныхъ, свѣта лучей, изливаемыхъ на васъ отъ солнца.

„Послѣ сего предисловія (которыхъ я, не умѣя льстить, сочинять не мастеръ), позвольте мнѣ поблагодарить васъ. . . .“ и проч.

„Есть еще здѣсь человѣкъ, всякой чести достойный, и обѣщаетъ вамъ первую вакансію на лонѣ Авраамлѣ, если вы съ нимъ покажете милость, показанную его собратіямъ. Вы догадаться можете, что я хочу говорить о попѣ посольства. Сей слуга Божій и посольства духовникъ имѣлъ вдохновеніе, что его товарищамъ жалованье прибавлено, а онъ обойденъ. Приходитъ мнѣ теперь до себя: но какой имѣю я мотивъ для побужденія васъ за меня молебствовать? У Бога я не попъ; у Царя вы сами ближе: а безъ нихъ двухъ волосъ съ головы не сгинетъ. И такъ, остается мнѣ только доброе ваше сердце: не созижду я на немъ какъ на камнѣ церкви, но основать могу госпиталь, гдѣ на старости кости мои (ибо въ тѣлѣ у меня и теперь уже недостатокъ) будутъ величать ваше имя“.

Въ письмахъ автора нашего къ Булгакову, напечатанныхъ во второмъ томѣ сочиненій его, упоминается о непріятности, постигшей Маркова въ Варшавѣ. Молодой Марковъ, коего имя облеклось послѣ блестящею извѣстностью на дипломатическомъ поприщѣ, находился тогда подъ начальствомъ Сальдерна, министра нашего при Польскомъ дворѣ. Сей Сальдернъ, пользовавшійся нѣсколько времени большою довѣренностію въ умѣ графа Панина, былъ человѣкъ нрава запальчиваго, высокомѣрія нестерпимаго и мнительности неограниченной. Таковы свидѣтельства о немъ, между прочимъ, Бибикова и Фридриха Великаго. Сей послѣдній въ запискахъ своихъ изображаетъ его въ видѣ человѣка необходительнаго, безъ гибкости въ умѣ, и хо-

тѣвпаго, въ переговорахъ своихъ съ нимъ въ Берлинѣ, принять на себя осанку *Римскаго диктатора*. Не мудрено, что и молодой, пылкій Марковъ не могъ поладить съ диктаторомъ, который, вѣроятно, щадилъ его еще менѣе, нежели Фридриха Великаго. Сальдернъ требовалъ отъ подчиненныхъ своихъ совершеннаго отшельничества и отчужденія отъ Польскаго общества. Подобное требованіе, кажется, и несогласно съ цѣлію, которую долженъ имѣть въ виду дипломатическій министръ: успѣхи мирныхъ завоеваній его основаны отчасти на личныхъ отношеніяхъ общежитія. Марковъ не строго покорялся затворничеству, предписанному дипломатическимъ игумномъ. Но отъѣздѣ князя Г., пріятель и повѣренный сердечныхъ тайнъ его, онъ согласился быть посредникомъ переписки отсутствующаго съ одною изъ Варшавскихъ красавицъ. Одно изъ этихъ писемъ попалось въ руки министра. Гнѣвъ его выступилъ изъ границъ. Онъ поразилъ Маркова оскорбительными выраженіями. (Flétri et déshonoré, писалъ онъ министру, par les épithètes diffamantes de sot et de misérable dont Votre Excellence m'a qualifié, je me regarde incapable désormais d'être employé au service de ma Souveraine). Не довольствуясь оскорбленіями словесными, онъ сталъ держать Маркова въ заключеніи (La perte de ma liberté, писалъ Марковъ Фонъ-Визину, est le moindre malheur que je prévois: celui d'une mauvaise chère me paraît inévitable. Ainsi, mon ami, conjurez Mr. de Panin que je ne dise pas comme Jo: Aux fureurs de Junon Jupiter m'abandonne).

Общія усилія Булгакова, Бибикова и въ особенности Фонъ-Визина побѣдили въ графѣ Панинѣ благопріятное предубѣжденіе въ пользу Сальдерна: правота Маркова была признана. „Поступокъ графа Панина (писалъ онъ къ Фонъ-Визину) достоинъ его и превосходитъ все, чего я ожидалъ отъ благородства и правоты души его". — „Прощайте, мой нѣжный другъ (говоритъ онъ въ концѣ того-же письма). Надѣюсь скоро обнять васъ. Горю нетерпѣніемъ увѣрить васъ въ моей благодарности и излить мое сердце въ ваше". Марковъ писалъ къ Фонъ-Визину на Французскомъ языкѣ. Колкость выраженій его, сатирическій пылъ пробивались уже и тогда, на малой сценѣ, и

предсказывали рѣзкость и язвительность, которыя сдѣлались отличительными свойствами ума его на обширнѣйшемъ театрѣ. Живое ходатайство Фонъ-Визина въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе приноситъ ему чести, что, забывая о выгодахъ своихъ, онъ отстаивалъ пріятеля отъ нападеній человѣка сильнаго въ умѣ и въ довѣренности у общаго ихъ начальника.

Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, коего имя сопряжено съ исторіею политическихъ сношеній нашихъ съ Турціею, а заточеніе въ Семибашенномъ Замкѣ было столь прискорбно Екатеринѣ, находится въ числѣ лицъ, оказывавшихъ Фонъ-Визину пріязнь и уваженіе. Ему повѣрялъ онъ огорченіе свое при видѣ неудачи Бухарестскихъ переговоровъ. „Душевно стражду (писалъ онъ ему съ конгресса, отъ 13 марта 1773), видя всѣ мои труды въ пепелъ обращающимися; а съ другой стороны бодрствую духомъ, въ надеждѣ на Него (на Бога) полагаемой и чистою совѣстію въ сдѣланіи всего въ силахъ моихъ быть могущаго". Въ другомъ письмѣ писалъ онъ ему: „Государь мой и дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ! Прямо дружеское ваше письмо я получилъ съ равнымъ удовольствіемъ имѣющемуся къ вамъ, моему государю, дружелюбію и нелицемѣрному почтенію. Присемъ прошу вложенное здѣсь къ общему нашему благодѣтелю вѣрно доставить. Братца вашего рекомендовать вамъ было не для чего: онъ самъ себя рекомендуетъ. Прошу-же, государь мой, когда праздное время излучите, посѣтить моихъ дѣтей, дать имъ хорошія наставленія къ ученію и поведенію, да и учителя ихъ, г. Ольрія, побуждать ко всевозможному ихъ обученію".

Стакельбергъ, преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ, и самъ игравшій важную роль въ дѣлахъ нашихъ съ Польшею, извѣстенъ былъ умомъ своимъ и острыми словами, изъ коихъ нѣкія и теперь еще хранятся въ памяти. Онъ называлъ Варшавскія улицы неразрывною цѣпью *жестокихъ домовъ*. Однажды, жалуясь на худой желудокъ, разстроенный вѣроятно прихотливостью его въ застольныхъ наслажденіяхъ, сказалъ онъ забавно: „Si je pouvais trouver quelque canaille qui digérât pour moi". Французскія письма его къ Фонъ-Визину исполнены пріязни и до-

вѣренности. „Что сказать вамъ (писалъ онъ ему изъ Варшавы, отъ $^{4}/_{15}$ сентября 1772) о первыхъ взглядахъ моихъ, кинутыхъ на Польшу? Ни слова. Оно лучше, потому что осторожный человѣкъ не долженъ спѣшить въ приговорахъ своихъ. Все, что я успѣлъ провѣдать, есть всячина противорѣчій, личныхъ озлобленій, подъ покровомъ государственной пользы. Таковы люди. Дай Боже мнѣ въ Польшѣ имѣть-бы дѣло съ одними Поляками: я былъ-бы менѣе жалокъ. Но должно будетъ противоборствовать пренятствіямъ, чуждымъ моему дѣлу. Отгадывайте сами. Со временемъ объяснюсь пространнѣе. Извѣдавъ душу вашу, мой любезный Фонъ-Визинъ, я ни минуты не сомнѣваюсь въ искренности вашихъ дружескихъ увѣреній и въ дѣйствительности оныхъ. Я не полагаю васъ способнымъ къ двуличности...“ и проч.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1772 года, между прочимъ, говоритъ онъ: „Ваше письмо еще порадовало меня, за исключеніемъ того, что сказано въ немъ пріятнаго непосредственно для меня. Все пришло въ порядокъ, и вотъ кредитъ честнаго и правдиваго человѣка, любимаго нами, утвержденный, какъ я того и надѣялся. Продолжайте быть ему искренно преданнымъ, какъ были донынѣ. Онъ оцѣнитъ это. Не напоминайте ему никогда обо мнѣ въ этой безднѣ дѣлъ, коими заваливаютъ его, потому что онъ одинъ съ душою и головою: но напоминайте ему о дѣлахъ здѣшнихъ, которыя важнѣе, нежели кажутся. Глаза Европы обращены на нихъ. Польша навлекла намъ войну. Мы имѣемъ особое побужденіе (сверхъ общаго) хорошо кончить. Окончательное введеніе во владѣніе ничего не значитъ; но надобно додѣлать остальное, о которомъ два другіе мало заботятся. Удовлетворивъ жадности своей, они уйдутъ, а мы останемся еще со всѣми передрягами на рукахъ. Въ этомъ отношеніи, а не касательно перваго дѣла, нужны мнѣ свѣтлыя наставленія и совѣты моего достойнаго и почтеннаго начальника. Вы пользуетесь довѣренностью его, и я поручаю вамъ сообщать мнѣ отдѣльно, что ваши мудрыя бесѣды съ нимъ откроютъ вамъ по сему предмету.

„Что сказать вамъ о себѣ, мой любезный Фонъ-Визинъ? Я недоволенъ. Это останется между нами, и вѣрую тайну дружбѣ

вашей. Если самому не чувствовать-бы своего маленькаго достоинства, то отъ другихъ сталъ-бы его чувствовать, особенно-же достоинство сердца и чувства въ сравненіи со многими, кои его не имѣютъ. Мнѣ сорокъ лѣтъ: дѣтей у меня много, много труда въ виду, и въ концѣ всего орденъ Святыя Анны въ награду будущую, который носятъ здѣсь и прочіе. Люди, способные къ труду и заслужившіе общественное уваженіе, по щекотливости своей въ честности, не могутъ входить въ совмѣстничество объ отличіяхъ съ пресмыкающимися тунеядцами и глупцами.—Живу съ Бибиковымъ какъ съ братомъ. Это честнѣйшая душа, за то и онъ, подобно мнѣ, кончитъ тѣмъ, что умретъ съ голоду. Я доволенъ своимъ жалованьемъ. Въ домѣ моемъ много порядка и великолѣпія, и я не дотрогиваюсь до капитала, который мнѣ остается. Простите, любезный другъ! Покажите письмо мое одному Маркову: онъ его одобритъ".

Группировавъ въ картинѣ нашей эти разнообразныя лица и отмѣтивъ ихъ по возможности чертами, собственно имъ принадлежавшими, мы, кажется, успѣли пояснить и лицо, особенно вниманіе наше привлекающее. Посреди ихъ мы указали мѣсто, которое въ свое время занималъ и Фонъ-Визинъ. Мы видимъ его пріятелемъ умныхъ современниковъ; съ другой стороны видимъ его, такъ сказать, проводникомъ, къ которому примыкали всѣ второстепенныя, содѣйствующія и предварительныя сношенія многосложныхъ пружинъ съ главнымъ побудителемъ политическаго движенія. Внутреннія, закулисныя дѣйствія открываютъ пытливому взору тайное производство. часто столь прискорбно противорѣчащее наружному благолѣпію, выводимому зрителямъ на показъ. Переписка чиновника, въ довѣренности у могущаго министра, есть вѣрный и многозначительный оселокъ: это маленькій опытъ. предисловіе къ страшному суду, на которомъ должны обнаружиться всѣ тайныя дѣла и сокровенныя помышленія. Можемъ сказать рѣшительно, по изслѣдованіи всѣхъ актовъ, перебывавшихъ въ рукахъ нашихъ, что Фонъ-Визинъ выходитъ совершенно чистъ изъ сего опаснаго испытанія. Но, для полноты картины, не должны мы забыть о лицѣ, коего постоянныя и вовсе безкорыстныя сношенія съ Фонъ-Визинымъ

проливаютъ на него новый свѣтъ, самый благопріятный, самый выгодный для его нравственнаго характера. Доселѣ видѣли мы однихъ сослуживцевъ его, связанныхъ съ нимъ дружбою, довѣренностью, уваженіемъ и обстоятельствами, которыя заставляли ихъ дорожить дружескимъ его къ нимъ расположеніемъ. Пріязненныя-же сношенія его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, братомъ министра, могли-бы и одни служить ему несомнѣннымъ одобрительнымъ свидѣтельствомъ. Герой Бендеръ, довершитель подвига, начатаго пріятелемъ его Бибиковымъ въ сокрушеніи Пугачевскаго мятежа, былъ человѣкъ ума твердаго, строгой чести и характера непреклоннаго. Честолюбивый, но честолюбія не столь гибкаго, не столь обдѣланнаго людьми и событіями, сколь честолюбіе брата его, который возмужалъ и состарѣлся дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ страстей политики и Двора, онъ не могъ удержаться на пути состязаній и почестей. Императрица отзывалась о немъ съ уваженіемъ, хотя и не имѣла къ нему особеннаго благоволенія. „Вы знаете, что я не была большая охотница до Петра Панина, говорила она однажды графу Строгонову, но должна отдать справедливость уму и характеру его. Вотъ одинъ случай, въ который успѣла я узнать его. Я привезла въ сенатъ проектъ указа. По прочтеніи онаго, всѣ сенаторы единогласно одобрили его: одинъ Панинъ, потупя глаза, хранилъ молчаніе. Я спросила о мнѣніи его. Съ твердостію и глубокимъ изслѣдованіемъ, началъ онъ представлять мнѣ всѣ неудобства и невыгоды его. Я убѣдилась его мнѣніемъ и должна была согласиться съ нимъ. Проектъ былъ отмѣненъ". Передавшій мнѣ этотъ анекдотъ прибавилъ, что сенатскія преданія и сенатскіе старожилы сохраняютъ съ уваженіемъ особенно память трехъ сенаторовъ: графа Петра Ивановича Панина, Александра Романовича Воронцова и Чичерина. Вызванный изъ бездѣйствія на государственный подвигъ, избавивъ Екатерину и Россію отъ бѣдствія, которое, послѣ смерти Бибикова, начало свирѣпствовать съ бо́льшею силою, графъ Панинъ снова сошелъ съ поприща и возвратился въ свое уединеніе. Но любовь къ Россіи, но живое соучастіе въ дѣлахъ ея и дѣлахъ Европы, не хладѣли въ сердцѣ его и во дни мирнаго

отдохновенія. Фонъ-Визинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ безпрерывной, извѣщалъ его о всѣхъ происшествіяхъ, достойныхъ вниманія, сообщалъ ему (безъ сомнѣнія, съ вѣдома министра) списки со всѣхъ любопытныхъ депешей, министерскихъ бумагъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, часто спрашивалъ мнѣнія его по дѣламъ, въ нихъ изложеннымъ, для передачи брату. Жаль, если переписка сія не сохранилась въ цѣлости. Въ бумагахъ Фонъ-Визина нашли мы только нѣсколько черновыхъ писемъ его и отвѣтовъ къ нему графа Панина. Судя по образчикамъ, сіи отвѣты весьма замѣчательны. Они могли-бы служить рецензіями на современныя явленія. Графъ Панинъ показывается въ нихъ Катономъ-цензоромъ. Слогъ его замѣчательно тяжелъ, выраженія часто темны: но изъ этого кремня высѣкаются мысли свѣтлыя и чувства всегда благородныя. Изъ слѣдующихъ отрывковъ можно будетъ заключить вообще о свойствѣ сей переписки и степени ея занимательности.

Письма Фонъ-Визина.

С.-Петербургъ, 4-го Января 1772.

Во исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ вамъ, милостивый государь, два рескрипта о перемиріи: одинъ къ графу Петру Александровичу (Румянцову-Задунайскому), а другой — къ графу Алексѣю Григорьевичу (Орлову-Чесменскому).

Милостивое письмо вашего сіятельства, изъявляющее при обновленіи года желаніе ваше о моемъ благосостояніи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ одолженъ вашему покровительству. Вѣрьте, м. г., что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ-бы не пожелалъ я доказать вашему сіятельству и истинную мою благодарность, и сердечное усердіе къ особѣ вашей.

Разсужденіе вашего сіятельства о толкованіяхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я его сіятельству графу, братцу вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, и для того осмѣлюсь и здѣсь сказать оное.

Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ; оно одно безпристрастно судить можетъ: ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ подсудимымъ. Достойный человѣкъ не должень огорчаться тѣмъ, что льстецы при немъ, отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику; но она, рано или поздно, отдастъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клеветуотъ самой истины. Впрочемъ, милостивый государь, извольте повѣрить, что нашъ *** столь открытъ, что никто, конечно, въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи спасеніе и миръ премудростію своею.

О г-нѣ Ассебургѣ спрашивалъ я нарочно его сіятельство графа, братца вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего министра, а принятъ онъ въ службу какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

С. Петербургъ, 20 Января 1772.

Съ сердечною благодарностію имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства отъ 12 Января. Откровенность, съ которою вы изъясняться со мною изволите по содержанію онаго письма, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій вашего сіятельства. Правда, м. г., что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другими; но если льстецы и предаютъ иногда потомкамъ людскую славу, то нельзя же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не распознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько-же древнихъ историковъ, а въ особенности стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или въ лести. или въ злобѣ! Для сего первое стараніе читателя исторіи состоитъ въ томъ, чтобы тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна-ли вѣры его исторія. Одинъ добрый и справедливый историкъ задавляетъ тысячи

подлыхъ писателей, которые, конечно, безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда-то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна всплыветъ наверхъ.

С. Петербургъ, 26 Января, 1772.

Новое и великое явленіе открылось для Даніи сего мѣсяца 6 (17) числа. Королева, фаворитъ ея Струэнзе и множество другихъ особъ арестованы. Она отвезена въ Кронебургскую крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся подъ строжайшимъ карауломъ. А какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для вашего сіятельства включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, г. Местмахера. Къ сему остается прибавить только то, что на графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надѣтъ орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струэнзе нашли 800.000, у графа-же Бранта 300.000 Датскихъ талеровъ или нашихъ рублей.

Можно сказать, м. г., что исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько великихъ перемѣнъ! Сколько странныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ.

С. Петербургъ, 31 Января 1772.

Пребывающій здѣсь Прусскій министръ получилъ отъ короля, своего государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь въ переводѣ приложить честь имѣю. Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію: но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не чаю, чтобъ нашъ Дворъ согласился бросить предпріятое толь твердо намѣреніе въ разсужденіи Татарской независимости. По крайней мѣрѣ до сего часа не взираемъ мы ни на совѣты Вѣнскаго двора, ни на упорство явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на Австрійцевъ полагаетъ. Правда, м. г.,

что по всему судя, кажется, нельзя миновать новой войны: ибо съ одной стороны нѣтъ сомнѣнія, что Вѣнскій Дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ Турками примиренію, а съ другой стороны видимъ, что король Прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны намъ тягостно; но не легко будетъ и Цесарцамъ, когда другъ нашъ съ ними раздѣлываться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Въ надеждѣ, что извѣстія объ оныхъ вашему сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ вамъ, м. г., копіи со всѣхъ Датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ.

С. Петербургъ, 7 Февраля 1772.

Не могу довольно изъяснить, съ какою радостію отправляю я здѣсь къ вашему сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, м. г., увидите тутъ истинное торжество братца вашего. Вдругъ положеніе всѣхъ дѣлъ пріяло для насъ новый, славный и полезный оборотъ: неукротимый Вѣнскій дворъ, почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ ихъ же за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми и признаетъ систему нашу неутральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости братца вашего, которому отечество наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

С. Петербургъ, Марта 6 1772.

Можно сказать, что князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядилъ мѣры свои такъ неудачно, возненавидѣлъ насъ и возгордился столь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда нестерпима; но гордость, перемѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія!

Прибывшій вчера изъ Берлина къ графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ короля весьма любопытныя піесы, въ коихъ его Прусское величество, своимъ манеромъ, отдаетъ всю справедливость страннному поведенію князя Кауница. Жалѣю, м. г., что

на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумагъ послать къ вашему сіятельству, но на будущей стараться буду оное исполнить.

С. Петербургъ, 20 Марта 1772.

Нельзя лучше изобразить характера князя Кауница, какъ ваше сіятельство его представляете; но при всемъ томъ, положа за правило, что всякій и совѣсти не имѣющій человѣкъ остается тогда при своихъ обязательствахъ, когда въ томъ находитъ свой интересъ, нельзя усомниться, чтобы Кауницъ не прямодушно вступалъ теперь съ нами въ общее дѣло. Всеконечно, м. г., трактуя съ такимъ человѣкомъ, не надлежитъ выпускать изъ глазъ осторожности, но опая и наблюдается по тольку человѣчески возможно.

С.Петербургъ, 17 Апрѣля 1772.

Ожидаемый столь долго изъ Вѣны курьеръ наконецъ сюда пріѣхалъ. Князь Кауницъ сообщилъ здѣшнему Двору, что́ беретъ на свою долю его государь. Я не могу всѣхъ депешей сообщить теперь вашему сіятельству, за тѣмъ что онѣ еще мнѣ не отданы; но, читая ихъ, я нарочно выписалъ для вашего сіятельства то, что̀ составляетъ существо сихъ депешей. Вотъ, м. г., что Вѣнской Дворъ себѣ *откроить* хочетъ: „Часть Краковскаго воеводства по правую сторону Вислы, отъ Біала вдоль по сей рѣкѣ до Сандомира, а оттуда впередъ до супротивъ Зволена по рѣкѣ Вѣпржѣ; оттуда до Баркова въ уголъ, гдѣ соединяются границы воеводствъ Люблинскаго, Красно-Русскаго и Брестскаго, и гдѣ впадаетъ въ сію рѣку рукавъ другой рѣки, начинающейся на границѣ воеводства Брестскаго, до сего послѣдняго воеводства и Великой Литвы. Оттуда вдоль по границѣ воеводства Брестскаго, или Великой Литвы, и между воеводствомъ Бельцкимъ и Волзпскимъ, такъ чтобъ цѣлое воеводство Бельцкое включено было въ новую границу. Потомъ вдоль Волинской границы до Подоліи, и вдоль границы сего воеводства до Днѣстра и по ту сторону сей рѣки, впизъ по ней, до Молдавіи. Наконецъ вдоль границы Молдавской до Трансильваніи и взаимно до Венгріи, или до уѣздовъ *Мармора*

и Радны, такъ чтобъ все сіе присвоеніе граничило лѣвымъ крыломъ до Силезіи, а правымъ до Трансильванской границы".

Ваше сіятельство по картѣ усмотрѣть изволите, что Вѣнская доля, по своему пространству, велика, но князь Кауницъ въ резонъ тому поставляетъ, что наша и Прусская доля имѣютъ такія политическія выгоды, какихъ Вѣнская не имѣетъ. Для того, чтобъ во всемъ наблюсти равенство, Вѣнской Дворъ хочетъ наградить себя пространствомъ земли за то, въ чемъ наши части изобилуютъ по видамъ политическимъ. Ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ особливую милость, если удостоите меня узнать ваше мнѣніе о семъ распоряженіи. Я же, съ моей стороны, осмѣлюсь донести вамъ мою объ ономъ мысль: мнѣ кажется, что хотя требованіе Вѣнское и великовато, но съ нѣкоторыми *малыми выключеніями*, можно намъ на оное согласиться; *ибо за сію цѣну купимъ мы* прекращеніе большой войны, насъ изнуряющей, *купимъ прекращеніе* Польскихъ мятежей, которые отвлекаютъ наше вниманіе отъ другихъ дѣлъ и причиняютъ намъ лишнія хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ изъ нея себѣ долю довольно выгодную. Очень-бы жаль было, если-бъ за нѣсколько миль разрѣзаемой *Полской земли* завязались новые раздоры, или, избави Богъ, и новая война!

Графъ Петръ Александровичъ пишетъ, что онъ съ визиремъ уже согласился послать въ Журжево коммисаровъ для перемирія, и что г. Симолинъ туда отъѣзжаетъ.

С. Петербургъ, 29 Маія 1772.

Принужденъ будучи пропустить прошедшую почту, за прежестокою головною болѣзнію, продолжавшеюся чрезъ шесть дней, я исполняю теперь пріятный долгъ мой, принося нижайшее благодареніе за два милостивыя письма вашего сіятельства отъ 19-го и 23-го чисель нынѣшняго мѣсяца; а какъ за недосугами моими не успѣлъ я до сего писать къ вамъ, м. г., и на прежнее письмо ваше отъ 16-го, то нынѣ имѣю честь на всѣ три отвѣтствовать вашему сіятельству съ такимъ совершеннымъ

чистосердечіемъ, какою откровенностію вы меня удостоивать изволите.

Увѣдомленіе о любезномъ сынѣ вашемъ почитаю я новымъ знакомъ вашей ко мнѣ милости. Нельзя искреннѣе моего желать, чтобъ здоровье его пришло совсѣмъ въ безопасное состояніе, къ утѣшенію и спокойствію вашему.

Удовольствіе ваше, м. г., о раченіи моемъ исполнять вашу волю есть истинная награда моему сердечному къ вамъ усердію. Мнѣ пріятно упражненіе въ сообщеніи дѣлъ вашему сіятельству, и я съ радостію продолжать оное буду до тѣхъ поръ, пока при дѣлахъ останусь.

Патріотическія о мирѣ разсужденія ваши, м. г., конечно не найдутъ противорѣчій ни отъ кого изъ истинныхъ гражданъ. Ваше сіятельство столько имѣете причинъ радоваться тому, что все уже устроено къ трактованію о мирѣ, сколько безпокоиться о томъ, чтобъ сіе устроеніе не разрушилось отъ того, кто посылается исполнителемъ. Правда, что мудрено сообразить потребный для посла характеръ съ характеромъ того, кто посломъ названъ; но не ужели Богъ столько немилосердъ къ своему созданію, чтобъ отъ одной взбалмошной головы проливалась еще кровь человѣческая.

Петергофъ, 26-го Іюня 1772 г.

Главноуправляющій въ Архипелагѣ нашими силами разсудилъ за благо публиковать манифестъ, который ваше сіятельство изволите найти въ приложенныхъ при семъ Гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ между запрещенными товарами и съѣстные припасы. Сіе самое взволновало всѣ Европейскія держави, а особливо не жалующую насъ Францію. Первая она принесла нынѣ жалобы Двору нашему на такое запрещеніе. Чѣмъ-бы дѣло сіе ни кончилось, но и то сказать надобно, что если флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не пуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего: ибо атаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская неутральныхъ державъ

судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а можетъ быть и подраться, въ которомъ случаѣ бой для насъ неравенъ будетъ. Казусъ въ самомъ дѣлѣ деликатный, и я, для любопытства вашего сіятельства, не пропущу, конечно, сообщить вамъ, какія мѣры здѣсь по сему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ при семъ изъ Варшавы письмахъ ваше сіятельство найти изволите, сколь нѣжно положеніе наше и съ Австрійцами. Словомъ сказать, отвсюду хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя. Къ тому же и здѣсь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ его сіятельство графъ Никита Ивановичъ. Божіимъ провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется, сіе конечно правда; но надобно признаться, что нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ.

Петергофъ, 4-го Августа 1772 г.

Наконецъ и достальныя піесы подъ одиннадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціаціи съ Вѣнскимъ дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь вашему сіятельству.

Ваше сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе великаго дѣла, какого въ Европѣ около двухъ вѣковъ не бывало. Правда, что трудно весьма было довести Вѣнскій дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня его къ тому, мудрено же было соединить и удовлетворить интересамъ каждаго двора. Уже никакъ нельзя было отвратить Вѣнскій дворъ отъ требованія соляныхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее съ нашей стороны въ ономъ упорство могло-бы легко разорвать и всю негоціацію, тогда какъ для Россіи все равно, у Австрійцевъ-ли соляные заводы, или у Поляковъ, и когда король Прусскій въ ономъ не споритъ. И такъ судьба Польши, сдружившая три двора, рѣшилась наконецъ къ огорченію Франціи, которая, стремясь сколько можно намъ вредить и помѣшать миру нашему съ Турками, ищетъ приключить намъ новую войну съ Шведами способомъ произвесть тамъ революцію. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь-бы помѣшать тѣмъ миру нашему. Можетъ статься, или, справед-

ливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность Турецкихъ полномочныхъ для съѣзда на конгрессъ происходитъ отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая, конечно, питаетъ Турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и, слѣдовательно, новой у насъ съ Шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., если удастся умышляемая революція, то и повая для насъ война неминуема: но тогда за вѣрное полагать можно, что Датчане вооружатся противъ Шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся на сихъ дняхъ въ Копенгагенъ въ качествѣ полномочнаго министра г. Симолину, тому самому, который заключалъ перемиріе.

Сей моментъ получено извѣстіе, что Турецкіе послы пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

(Безъ числа).

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ вашему сіятельству: одну за случившеюся мнѣ головною болѣзнію, а другую для того, что, получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ вамъ, м. г., чрезъ письмо его сіятельства, братца вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ вашимъ сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мои донешенія: но, прежде нежели начну оное, позвольте принести вамъ нижайшее мое благодареніе за милостивыя письма ваши отъ 17 и 24 прошедшаго мѣсяца.

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ не остается болѣе, какъ токмо донести вашему сіятельству, что самый опытъ доказываетъ справедливость вашихъ разсужденій. Зависть Вѣнскаго двора къ успѣхамъ нашимъ очевидна; но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему гордому двору положить преграду нашему вожделѣнному миру. По крайней мѣрѣ кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба торжество-

вала, а кровь невинныхъ лилася. Что-жъ надлежитъ до особы его сіятельства, братца вашего, то излишне-бъ мнѣ было изъяснять вамъ все мое усердіе къ славѣ его: но не могу же, м. г., то оставить безъ отвѣта, что вы мнѣ сказать изволили, какъ брать его, и въ то-же самое время какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи къ себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтены и которыхъ во всемъ свѣтѣ, конечно, мало. Впрочемъ, хула невѣждъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ и похвала отъ невѣждъ цѣны оными не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

„Достойной похвалы невѣжи не умалять;[1]
А то не похвала, когда невѣжи хвалять“.

Вамъ, м. г., изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое о воздаваніи справедливости отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство ваше въ разсужденіи сего происходитъ отъ нѣжности братскаго дружества, столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство ваше и потому одному, что вся Еврона, не говоря уже объ отечествѣ нашемъ, знаетъ, кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ. Словомъ, какъ-бы фаверъ ни обижалъ прямое достоинство, но слава его исчезаетъ со льстецами въ то время, когда самъ фаверъ исчезаетъ: а слава другаго никогда не умираетъ.

Дальнѣйшее происшествіе извѣстной вамъ визирской переписки оправдало совершенно благоразумное примѣчаніе вашего сіятельства, которое во второмъ письмѣ вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего, изволите усмотрѣть, м. г., что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь-же по сей матеріи слѣдуетъ конія съ письма графа Григорія Григорьевича (Орлова): хотя въ самомъ дѣлѣ за будущее ручаться невозможно, однако Турецкое изнеможеніе, вступленіе Австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаютъ причину надѣяться, что миръ за-

ключенъ будетъ по положенному основанію какимъ-бы самодуромъ на конгрессѣ поступлено ни было.

Письма графа П. И. Панина къ Фонъ-Визину.

Село Никольское, 12 января 1772.

Любезное ваше письмо, отъ 4 нынѣшняго мѣсяца пущенное, препроводило вѣрно ко мнѣ приложенія подъ литерами A, B, C, H, S. Изъ нихъ потому, въ которомъ употреблено столь жалостное прошеніе о лицезрѣніи, можно автору повторить спасибо; а о томъ, конечно, сомнѣваться нельзя, кто, слѣдуя нашего любезнаго отечества обычаю, вставши изъ-подъ сѣченья, растянется еще въ ноги, чтобъ больше его сѣчь стали; но до того и дѣла нѣтъ, что съ верху случилось быть сослану въ конюшню. Въ вашемъ, дорогой пріятель, письмѣ согласное съ братцемъ моимъ разсужденіе, всеконечно, для умершихъ и потомства усладительно и справедливо, особливо когда коварство, притворство и злоба берутъ поверхность надъ добродѣтелью, перепося между живыми честь, славу, признаніе и воздаяніе съ заслуживши хъ по всей справедливости на тѣхъ, на кого пристрастіе располагаетъ. И сколь близко къ истинѣ сіе, что умершихъ корысть уже не соединяетъ судью съ подсудимымъ, и что публика, поздно или рано, но очищается отъ заражепія льстецовъ къ отданію надлежащей справедливости, и что достойный человѣкъ не долженъ огорчаться, когда льстецы, при немъ отъемля его цѣну, возлагаютъ на своихъ идоловъ; однакожъ признайтесь вы и съ любезнымъ моимъ братцемъ, что немного удаляется отъ существительной истины и сіе, что приписанія къ умершимъ происходятъ отъ потомства чаще изъ списковъ, руками льстецовъ или рабоносныхъ порабощепцевъ сочиненныхъ; а древностію миновавшаго времени утвердило многое въ вѣроятіе къ людямъ то, что похищено у другихъ. Почему долгъ каждаго къ себѣ и благоразуміе требуютъ всѣми удобовозможными образами предостерегаться, дабы пріобрѣтаемое справедливѣйшими подвигами не переносилось утвердительными видами на другихъ, а напаче еще къ превращенію въ

озлословленіи самыхъ тѣхъ, которые истинные были тому созидатели. А когда уже торжествующая поверхность отнимаетъ всѣ къ тому способы, то тогда уже, дорогой пріятель, по неволѣ остаются тѣ утѣшительныя заключенія, кои вы мнѣ ознаменовать изволили. Постскрипт ваш, государь мой, поставилъ меня въ ужасъ и удивленіе. Какъ, въ столь отдаленномъ мѣстѣ, возмогъ представиться сей непорочной предметъ? А что-бъ завоеваніе подлинно предпринято было на такую непреодолѣваемую имъ отдаленность и неизвѣстность, того я вѣрить не могъ: развѣ не сдѣлана-ли онымъ прикрышка настоящему намѣренію, и не открылось-бы оно по своимъ тамъ берегамъ на распространеніе въ оной окрестности. Боже да сохраняетъ нашу Великую Благодѣтельницу, а отечество отъ страданія невинной крови!

Село Никольское, 23 апрѣля 1772.

Повторяю вамъ, государь мой и дорогой пріятель, Денисъ Ивановичъ, мое сердечное, большое благодареніе за повторительное изъявленіе вашего соучастія въ минувшей болѣзни моего сына, а особенно еще за доставленіе мнѣ при послѣднемъ вашемъ любезномъ письмѣ трехъ предписаній, объявшихъ все мое усердное любопытство и чувствительнѣйшее вниманіе, по которымъ и преисполнилась душа моя разными движеніями, какъ отъ стороны великаго удовольствія въ разсужденіи предвозвѣщенной славы и пользы отечества, и въ разсужденіи употребленнаго въ оныхъ трудахъ благорасположенія моего брата и друга, такъ и колебательности отъ стороны воображающихъ себѣ прискорбностей о томъ, какою цѣною душевныхъ преогорченій покупаетъ брата моего неутомленная о истинномъ благѣ ревность и единственное только достиженіе до утвердительныхъ статей такихъ самыхъ полезныхъ предметовъ и намѣреній, и какая еще цѣна тою же монетою предстоитъ усердной и безкорыстной его душѣ на достуленіе и до того, что и точнымъ совершеніемъ имъ предустроеннаго отдастся во всей на...жности *). Слава другому, а ему останется одна единственно отъ

*) Въ подлинникѣ оторвано.

тѣхъ, которые до кабинетнаго таинства достигали, и развѣ отъ другаго вѣка, съ предъявленіемъ еще и сего, что когда поступлено будетъ на непремѣнное окончаніе всѣмъ наскученнаго уже понесенія способомъ самонадежности въ разорваніи препятствующихъ узловъ, то упущенное онымъ недостиженіе до предположенныхъ и великою цѣною всего государства, такъ сказать, надежно о задаточныхъ предметахъ, упадетъ на него-жъ, а слава въ избавленіи отъ несносно носимаго бремени однако-жъ достанется другому. Боже дай, чтобъ мои слабыя колебанія обманули меня хотя въ послѣднемъ! А первое уже принимать надобно въ долгъ жертвы всего собственнаго, въ выгоду и пользу общую, лишь-бы только было безъ поврежденія достигнуто по всей точности предположенныхъ весьма похвальныхъ, благихъ предметовъ.

Однако-жъ, дорогой пріятель, надобно, чтобъ и тутъ не оставила насъ общая сія пословица, дабы и шило брило. Со всѣмъ тѣмъ, теперь я существительно радуюсь, что вы все мнѣ любезное на нѣкоторое время уже отработали, и теперь нѣтъ столь обременяющаго васъ труда.

Москва, 16 іюля 1772.

Вы, пожалуйте, никогда не заботьтеся и впередъ умножать вашего труда къ сокращенію приложеній въ экстракты. По моему одному врожденному любопытству, къ существительнымъ дѣламъ, не находилъ я никогда отягощенія прочитывать объ оныхъ съ удовольствіемъ все то, что только пріобрѣтать когда могъ: а теперешняя моя свободная жизнь еще болѣе доставляетъ мнѣ къ тому удовольственной удобности, и вы, дорогой пріятель, лучшее всегда тѣмъ мнѣ одолженіе дѣлать изволите, когда сообщенія ваши всегда такимъ образомъ ко мнѣ пересылать будете, какимъ можетъ лишь быть облегчительнѣе трудившимся въ нихъ. Весьма пріятно мнѣ было увидѣть изъ вашего письма, что мои разсужденія согласными встрѣтились съ братцемъ моимъ, о характерѣ и о молебнѣ; но не знаю, какъ показались ему мои мысли о дѣйствіяхъ на случай продолженія войны. Пожалуйте, скажите ему, при свободномъ времени отъ обреме-

ненiй, что я со всѣми моими, съ неотмѣнною къ нему душевною преданностiю, теперь здоровы; но токмо его столь распространившееся обременение приводитъ меня забывать не только образъ его ко мнѣ расположенiя, но и почеркъ его подписки.

Сношенiя Фонъ-Визина съ графомъ Петромъ Ивановичемъ продолжались и послѣ смерти графа Никиты Ивановича Панина. И въ семъ обстоятельствѣ заключается, по нашему мнѣнiю, оправданiе Фонъ-Визина въ нареканiи, которымъ тяготится намять его. Объяснимся. Готовясь къ труду бiографа, мы старались извѣдать всѣ преданiя, оставшiяся объ авторѣ, котораго намъ нужно было узнать короче. Любопытство наше было скудно удовлетворяемо; но со всѣмъ тѣмъ мы успѣли узнать, что если добрая слава забывчива, то худая довольно злонамятна. Мало того, что и при жизни изъ голосовъ стоустой молвы развѣ одинъ присвоенъ добрымъ вѣстямъ, а девяносто девять служатъ разглашенiямъ злорѣчiя; но и въ потомствѣ сiи послѣдniе имѣютъ еще неумолчные отголоски. Разсказываютъ, что Фонъ-Визинъ, искавъ милости въ князѣ Потемкинѣ, былъ готовъ предать ему любовь и благодарность свою къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, котораго князь Потемкинъ не любилъ; что, забавляя вельможу, передразнивалъ онъ предъ нимъ своего начальника и покровителя; но что Потемкинъ, по своенравiю и непостоянству прихотей своихъ, скоро наскучилъ искательствами новаго поклонника и выжидалъ только случая проводить его отъ себя съ оскорбленiемъ. Случай сей скоро подоснѣлъ: однажды жаловался онъ предъ Фонъ-Визинымъ на толпу докучниковъ и льстецовъ, которые безъ отбоя осаждаютъ его. Фонъ-Визинъ совѣтовалъ ему въ семъ случаѣ слѣдовать примѣру государственныхъ людей въ другихъ земляхъ, которые въ кабинетахъ своихъ недоступны для праздношатающихся искателей. Потемкинъ обѣщалъ воспользоваться совѣтомъ его — и тутъ же далъ приказанiе впередъ не впускать къ себѣ Фонъ-Визина. Сiе оскорбленiе не могло-бы не сдѣлаться гласнымъ, и двуличность Фонъ-Визина обнаружилась-бы скоро. Положимъ, что начальникъ его и не провѣдалъ-бы о томъ, потому что отношенiя начальниковъ къ подчиненнымъ часто походятъ на от-

ношенія мужей къ женамъ: тѣ и другіе узнаютъ изъ послѣднихъ въ городѣ, что они обмануты; но какъ могъ-бы братъ министра не узнать стороною о случившемся? а узнавъ, какъ могъ человѣкъ, подобный графу Петру Ивановичу Панину, оставаться въ пріязни съ предателемъ лукавымъ и неблагодарнымъ. Изъ всего этого разсказа можно допустить только два обстоятельства. Не мудрено, что Фонъ-Визинъ, который имѣлъ даръ передразниванія, представлялъ въ лицахъ и начальника своего— шутка невинная! Еще сбыточно и то, что князь Потемкинъ, извѣстный неровностію нрава своего, то обходительный, то неприступный, то ласковый до обольщенія, то высокомѣрный до обиды, сперва приласкалъ Фонъ-Визина, уважая умъ его, а послѣ охладѣлъ къ нему и даже радъ былъ оскорбить въ немъ человѣка, преданнаго сановнику, коему онъ не доброжелательствовалъ. Сіи предположенія, по крайней мѣрѣ, основаны на вѣроятности; но все прочее, предосудительное для чести Фонъ-Визина, опорпвается приведенными здѣсь свидѣтельствами и должно быть приписано къ выдумкамъ клеветы.

ГЛАВА VI.

Фонъ-Визинъ былъ четыре раза за-границею. Въ первый разъ ѣздилъ онъ, какъ мы видѣли, съ порученіемъ по службѣ. Намъ не осталось никакихъ слѣдовъ отъ сей поѣздки, кромѣ того, что̀ онъ самъ говоритъ о ней въ своей *Исповѣди*. Второе путешествіе предпринялъ онъ по причинѣ нездоровья жены своей. Выѣхалъ онъ изъ Петербурга 8 іюля 1777 года и возвратился въ 1778 году, вѣроятно, въ концѣ октября или въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ семъ путешествіи проѣхалъ онъ, чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Страсбургъ, Ліонъ и Нимъ, до Монпелье, который былъ цѣлью ихъ поѣздки. Въ семъ городѣ пробылъ онъ около двухъ мѣсяцевъ, за леченіемъ жены своей, которое имѣло желанный успѣхъ. Въ концѣ февраля 1778 года пріѣхали они въ Парижъ и пробыли въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Третіе путешествіе совершено имъ было въ 1784 и 1785 годахъ. Цѣлію его была Италія. Выѣхавъ изъ Петербурга и проѣхавъ часть Пруссіи, чрезъ Лейпцигъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Инспрукъ и Тріентъ, началъ онъ обозрѣніе свое Италіи Вероною. Въ Италіи пробылъ онъ мѣсяцевъ восемь и успѣлъ объѣздить почти всѣ главные города разныхъ ея областей. Оставивъ Венецію въ маѣ 1785, возвратился онъ чрезъ Вѣну въ Россію. Въ августѣ былъ онъ въ Москвѣ. Сіе возвращеніе памятно несчастіемъ для него событіемъ: 29 августа приключился ему ударъ паралича, отнявшій у него уже до самаго конца жизни свободное употребленіе языка и лѣвой руки и ноги. Но, кажется, сей ударъ не былъ первымъ, или

по крайней мѣрѣ имѣлъ уже предварительное предвѣщаніе въ Римѣ: ибо въ письмѣ изъ Вѣны жалуется онъ на оставшееся въ немъ послѣ болѣзни онѣмѣніе въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Впрочемъ, онъ съ самой молодости своей страдалъ сильными головными болями; но жизнь его довольно неумѣренная, невоздержность въ удовольствіяхъ стола и въ другихъ чувственныхъ наслажденіяхъ, не могли способствовать къ исправленію немощей природнаго сложенія его. Четвертое путешествіе его, предпринятое имъ въ 1786 году, имѣло цѣлію поправленіе здоровья. Пробывъ въ Вѣнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, ѣздилъ онъ въ Карлсбадъ лѣчиться цѣлительными водами. Изъ Карлсбада отправился онъ въ Тренцинъ, въ Венгріи, также для употребленія цѣлительныхъ водъ, и возвратился въ Петербургъ въ концѣ сентября 1787 года. Жена его ѣздила съ нимъ всѣ три раза.

Путешествіе для ума любопытнаго и наблюдательнаго есть родъ практическаго ученія, изъ коего возвращается онъ съ новыми свѣдѣніями, съ новыми испытаніями и, такъ-сказать, переработанный дѣйствіемъ разнообразныхъ впечатлѣній.

Но для сего нужно имѣть умъ космополитный, который легко уживался-бы на почвахъ, ему чуждыхъ, въ стихіяхъ, ему разнородныхъ. Умы, такъ-сказать, слишкомъ заматерѣлые, отъ оригинальности своей или самобытности односторонніе, перенесенные въ климатъ имъ чуждый, не заимствуютъ ничего изъ новыхъ источниковъ, раскрывающихся предъ ними, не обогащаются новыми пособіями, не развиваются, а, напротивъ, теряютъ свѣжесть и силу свою. какъ растеніе пересажденное, которому непремѣнно нужна земля родины, чтобы цвѣсти и приносить плоды. Умъ Фонъ-Визина, кажется, принадлежалъ къ сему разряду: коренной Русской, онъ на чужбинѣ былъ какъ-то не у мѣста и связанъ. Отъ сего-ли свойства, отъ того-ли, что осмѣявъ въ *Бригадирѣ* новѣсу, который, побывавъ въ Парижѣ, бредитъ имъ на яву, побоялся онъ самъ поддаться обольщенію, и въ слѣдствіе того впалъ въ другую крайность, не менѣе предосудительную, хотѣлъ-ли онъ выказать насильственнымъ разсчетомъ ложнаго самолюбія, что если многіе изъ соотечественниковъ его платили покорную дань удивленія и зависти блеску Евро-

нейскаго просвѣщенія и общежитія, то онъ готовилъ ему одно строгое изслѣдованіе и судъ: какъ бы то ни было, большая часть его заграничныхъ наблюденій запечатлѣна предубѣжденіями, духомъ исключительной нетерпимости и порицаній, которые прискорбны въ умномъ человѣкѣ. Дома бичъ предразсудковъ, ревнитель образованности и успѣховъ разума, Фонъ-Визинъ-путешественникъ смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями, проповѣдуетъ выгоду невѣжества. Нѣтъ сомнѣнія, что пристрастіе многихъ соотечественниковъ нашихъ въ отзывахъ ихъ о чужихъ краяхъ основано болѣе на слѣпомъ невѣдѣніи о своемъ отечествѣ, нежели на просвѣщенной любви къ устройству и преимуществамъ, которыя въ другихъ земляхъ суть плоды многихъ столѣтій и многихъ испытаній: но не менѣе справедливо и то, что Русскому, желающему быть тѣмъ, чѣмъ создалъ насъ Петръ и образовала Екатерина, должно съ Русскою душою соединять и Европейскій умъ. Таковъ былъ Петръ, дѣйствовавшій какъ самодержецъ и любившій отечество свое какъ гражданинъ. Не станемъ добиваться быть болѣе, быть исключительнѣе Русскими, чѣмъ онъ и вѣрные сподвижники его въ великомъ подвигѣ; удовольствуемся тѣмъ, что будемъ любить отечество, какъ онъ любилъ его, и какъ онъ понималъ сію любовь. Въ любви къ отечеству болѣе свойствъ любви родительской къ дѣтямъ, нежели дѣтской къ родителямъ. Сія послѣдняя любовь должна быть безусловная: сынъ не можетъ быть никогда судіею отца своего; не ему замѣчать его недостатки, исправлять его погрѣшности, противодѣйствовать его склонностямъ. Напротивъ-же отецъ, чѣмъ нѣжнѣе, чѣмъ пламеннѣе любитъ сына своего, тѣмъ строже наблюдаетъ за всѣми его отступленіями, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ въ немъ признаки вредныхъ склонностей, и тѣмъ рачительнѣе, тѣмъ неумолимѣе старается искоренить оныя. Просвѣщенная любовь можетъ негодовать и ненавидѣть: соединеніе сихъ чувствъ, устремленныхъ въ одной цѣли, приноситъ послѣдствія благодѣтельныя; невѣжественная любовь, напротивъ, слѣпая какъ пристрастіе, безотчетная какъ обожаніе, оказывается въ послѣдствіяхъ своихъ

гибельнѣе самой ненависти. По несчастію, многіе понимаютъ любовь къ отечеству, какъ Простакова нашего комика понимала любовь свою къ Митрофанушкѣ. Особливо же писатели, сіи передовые стражи общаго мнѣнія, сіи безкорыстные, безплатные, вспомогательные сподвижники благонамѣреннаго правительства, должны не раздѣлять любви къ отечеству съ любовью къ просвѣщенію: сія двойственная любовь должна зажигаться у одного пламенника, горѣть предъ однимъ алтаремъ. Отъ писателя, дѣйствующаго на общее мнѣніе, требуется и постоянное исповѣданіе одного мнѣнія. Изъ сего не слѣдуетъ, что писатель заблуждавшійся и признавшій свое заблужденіе не долженъ никогда въ немъ покаяться и стоять за него вопреки совѣсти и опытамъ, выведеннымъ силою событій. Требуемъ отъ писателя не упрямства, не ложной вѣрности къ мнимымъ обязательствамъ, но основательности и твердости. Не много такихъ истинъ несомнительныхъ, не много такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей: но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе Французскихъ роялистовъ: Vive le Roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая его единымъ прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простительно-ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ? Опустошительныя грозы, слѣдующія за благотворительнымъ лѣтомъ, ядовитыя растенія и ядовитые гады, развивающіеся вліяніемъ того-же солнца, которое вдыхаетъ жизнь во всю природу, проникаетъ плодотворною теплотою созданіе, безъ него мертвое и мрачное, должны-ли заставлять насъ признавать за благо одно мертвительное дѣйствіе зимы? Хотѣть все предвидѣть, все придумать и все предотвратить не есть признакъ силы дальновиднаго ума. — напро-

тивъ, ребяческаго малодушія. Оно, съ смѣшною самонадѣянностью разсчитывая силу своихъ собственныхъ средствъ, забываетъ, что есть впереди другая невидимая сила, часто превращающая въ ничтожность всѣ разсчеты человѣческой предусмотрительности. Безумно человѣку хотѣть быть провидѣніемъ не только завтрашняго дня, но и настоящей минуты. Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуетъ и тепломъ и холодомъ, или еще болѣе врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ предъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что врачъ, не одобряемый упованіемъ въ пользѣ искусства своего, вопитъ, слишкомъ совѣстливый предъ непріятелемъ, и мнительный писатель, робѣющій предъ торжествомъ тяжбы, коей онъ пристяжный ходатай, равно погрѣшаютъ предъ своими обязанностями, равно предатели своихъ обѣтовъ.

Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы никакъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно, они были писаны не для печати: этимъ оправдываются встрѣчающіяся въ нихъ небрежности въ слогѣ и въ языкѣ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который, въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно выказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника и справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но за то въ наблюденіяхъ его о характерѣ Французовъ, объ образѣ жизни ихъ, и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже изступленія! Впрочемъ, не однимъ

Французамъ достается: Нѣмцы, и послѣ того Италіянцы, не лучше отдѣланы. Въ Лейпцигѣ находитъ онъ однихъ педантовъ, и, въ порывѣ какой-то досадной насмѣшливости, приписываетъ имъ, что они почитаютъ главнымъ человѣческимъ достоинствомъ, что умѣютъ говорить по-латынѣ, чему однако-жъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „У насъ все лучше, и мы больше люди, чѣмъ Нѣмцы“. Это напоминаетъ анекдотъ, разсказанный мнѣ покойнымъ княземъ Юсуповымъ. Одинъ изъ нашихъ патріотовъ, въ пребываніе своемъ въ какой-то иностранной столицѣ, твердилъ на все, что ни показывали ему, на все, что ни говорили: „*Chez nous mieux*“. Однажды шелъ онъ по улицѣ съ знакомцемъ своимъ и наткнулись они на пьянаго человѣка, который валялся на улицѣ. Иностранецъ спросилъ его: „Что-жъ, и теперь не скажете-ли вы *chez nous mieux?*“ Если-бы всѣ путешественники наши отзывались о чужихъ краяхъ, и въ особенности о Франціи, какъ отозвался о нихъ Фонъ-Визинъ, то намъ неприлично было-бы пенять иностранцамъ за сатирическія и часто ненавистныя краски, коими расшестрили они свои мнимыя описанія Россіи. По словамъ нашего путешественника, „во Франціи ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ нимало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ. Дружба, родство, честь, благодарность — все это считается химерою. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть кого хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Какъ скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать“. Странно, кажется, рѣшиться и объ одномъ человѣкѣ произнести такой приговоръ, когда сей человѣкъ не обличенъ еще судомъ и развратъ его не доказанъ: но какъ позволить себѣ примѣнять такія общія нареканія къ цѣлому обществу, къ цѣлому народу? Не есть-ли это родъ кощунства надъ человѣчествомъ и клеветы на самое Провидѣніе? Можно сострадать Жанъ-Жаку, когда онъ злословитъ общество

и человѣка: въ краснорѣчивыхъ доносахъ его мы слышимъ вопль больнаго сердца, чувствительности раздраженной, дикій ропотъ встревоженнаго воображенія; но злословіе Фонъ-Визина холодно, сухо: оно отзывается правоученіемъ пашыщеннаго декламатора, никого не убѣждаетъ и заставляетъ только жалѣть, что и свѣтлый умъ имѣетъ свои затмѣнія. Назвавъ Парижъ истинною заразою, послѣ отказываетъ онъ ему и въ средствахъ обольщенія, ибо говоритъ въ письмѣ къ сестрѣ: „Кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація; все врутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ какъ въ Уличѣ". Какая ложная мысль! Можно сказать, что кто имѣетъ въ себѣ ресурсы, тотъ и въ Уличѣ можетъ устроить себѣ пріятное существованіе; но и съ ресурсами и безъ ресурсовъ, нѣтъ сомнѣнія, каждому легче найти по себѣ родъ жизни въ столицѣ, нежели въ уѣздной глуши. Мелочныя наблюденія его также отзываются русскицизмами, которые должно бы путешественнику оставлять въ пограничной таможнѣ. Напримѣръ: онъ оскорбляется невѣжливостію Французскихъ лакеевъ, которые въ переднихъ не встаютъ съ мѣста и не снимаютъ шляпъ предъ господами, проходящими мимо *этихъ скотовъ*, и тутъ же прибавляетъ (что-бы никому завидно не было): „Правда, что и господа изрядные есть скотики": удивляется, что офицеръ шатается по улицамъ безъ слуги. Понимаемъ брезгливость его, когда онъ находитъ, что Парижъ немножко почище *свинаго хлѣва*, ибо нечистота Парижа, особенно тогдашняго, не подлежитъ спору; когда онъ говоритъ, что людямъ, не вовсе *оскотившимся*, переносить нечистоту его весьма трудно. Но мудрено повѣрить, что во всей Франціи столовое бѣлье такъ мерзко, что праздничное у знатныхъ людей хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается; что оно такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. Далѣе жалуется онъ, что дыры на салфеткахъ зашиты *голубыми нитками*. Однимъ словомъ, анекдотъ путешественника, который, проѣзжая чрезъ одинъ Нѣмецкій городъ, видѣлъ, какъ въ гостинницѣ рыжая женщина била мальчика, и записалъ въ

своихъ путевыхъ запискахъ: „Здѣсь всѣ женщины рыжи и злы“ —можетъ совершенно быть примѣненъ къ большей части наблюденій Фонъ-Визина. Нѣтъ сомнѣнія, что нравы во Франціи. и вообще во всей Европѣ, далеки были отъ непорочности въ эпохѣ, ему современной. Романы Кребильона, Лакло, Луве, оскорбительныя поученія насмѣшливой философіи Вольтера, легкія начертанія общества, означенныя Дюкло, Шамфоромъ, частныя записки, свѣтскія хроники, исповѣди и переписки, въ коихъ сохранилась для насъ нравственность сей эпохи, изобличаютъ намъ легкомысліе умовъ ея, послабленіе нравовъ и какую то безпечность, ослабленіе въ жизни, которыя ее характеризируютъ. Но негодуя на суетность и на малодушіе поколѣнія и не храня въ негодованіи своемъ ни снисхожденія, ни мѣры, какъ подводить ему было подъ одно нареканіе, или лучше сказать, подъ одно проклятіе тѣхъ, кои служили оплотомъ противъ общаго паденія, сражались съ предразсудками и пороками? какъ ему не отдѣлить тѣхъ, которые, не смотря на всѣ слабости, на всѣ постыдныя попущенія сей эпохи, соединеніемъ необыкновенныхъ дарованій, мужественнымъ развитіемъ умственныхъ силъ, придали ей блескъ, важность и вліяніе, едва-ли встрѣчаемыя въ другихъ эпохахъ исторіи человѣчества? Какъ ему, автору, не сочувствовать мужамъ знаменитымъ, которые въ лицѣ своемъ умѣли возвысить авторское званіе до степени уваженія, могущества и господства? Не говорю, что онъ долженъ былъ суевѣрно идолопоклонствовать предъ ними, какъ предъ кумирами, и въ рабольѣпномъ обожаніи исповѣдывать и самыя заблужденія ихъ: независимость мнѣній, право судить суть неотъемлемыя принадлежности мыслящаго существа; но зачѣмъ-же впадать въ другую крайность? Какъ о людяхъ, по крайней мѣрѣ возвышенныхъ, судить съ надменностію, съ небреженіемъ, приличными снеси или ожесточенію одного невѣжества? зачѣмъ быть клеветникомъ или отголоскомъ клеветы (въ этомъ случаѣ все равно), упоминая о людяхъ, которые составляютъ лучшее и нетлѣнное отдѣленіе общества и остаются на вершинахъ столѣтій, когда падаютъ и исчезаютъ цѣлыя поколѣнія? Посмотрите, какими гнусными красками изображаетъ

Фонъ-Визинъ первостепенныхъ писателей Французскихъ: „Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія". Даламберта, Дидерота, Мармонтеля описываетъ онъ шарлатанами, обманывающими народъ за деньги, побродягами, таскающимися по передникъ вельможъ для испрашиванія милостыни. Можно было судить о сихъ писателяхъ съ безпристрастіемъ и строгостію: таковому суду подлежали они во многихъ отношеніяхъ. Много грѣховъ было на ихъ совѣсти и умѣ. Но одно есть судъ праведный, хотя и неумолимый, и другое — злоба и ожесточеніе. Одному покоряешься, потому что оно законно и убѣдительно; на другое негодуешь, потому что оно дѣйствіе ослѣпленной страсти. Посмотрите, какъ выводитъ онъ въ своихъ письмахъ ученаго и безкорыстнаго Даламберта, коего безкорыстіе обратило вниманіе Европы. Всѣмъ извѣстно, что онъ отказался отъ обольстительнаго приглашенія Екатерины, желавшей ему поручить воспитаніе Наслѣдника Престола, и отъ убѣдительныхъ увѣщаній Прусскаго короля, предлагавшаго ему мѣсто въ Берлинской Академіи. Мы знаемъ, что изъ благодарности и привязанности къ своей кормилицѣ, призрѣвшей его отверженное и безпріютное младенчество, гласно называлъ онъ ее своею матерью и жилъ подъ смиреннымъ кровомъ ея около тридцати лѣтъ, когда извѣстность его, почетное положеніе въ обществѣ и связи его съ первыми лицами открывали ему выгоды общежитія, коими онъ легко могъ-бы пользоваться. Неужели Фонъ-Визинъ не зналъ того, что знала вся Европа, не зналъ, что Императрица, предлагая Даламберту 100.000 рублей ежегоднаго оклада, приглашала его пріѣхать въ Петербургъ со всѣми пріятелями своими, обѣщая ему и имъ всѣ удобности жизни и, можетъ быть, прибавляетъ она, „болѣе свободы и спокойствія, нежели имѣете вы у себя". „Вы не поддастесь, продолжаетъ она, убѣжденіямъ Прусскаго короля и благодарности, которою ему обязаны; но у короля нѣтъ сына. Признаюсь, я такъ дорожу воспитаніемъ сына моего, и вы мнѣ столь нужны, что я, можетъ быть, слишкомъ пристуная къ вамъ". Но ни обольщенія столь блестящей фортуны и званія столь почетнаго, ни

обольщенія Государыни, ласкавшей самолюбіе его, не могли поколебать философа: онъ пребылъ вѣренъ независимости, отечеству и друзьямъ. Почтешь-ли слѣдующій отзывъ отзывомъ литтератора: „Изъ всѣхъ ученыхъ болѣе всѣхъ удивилъ меня Даламберть: я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіогномію!“ И что-же могло побудить Фонъ-Визина противорѣчить такимъ образомъ общему мнѣнію, общему убѣжденію? Вотъ что пріѣздъ въ Парижъ Русскаго полковника, брата одного изъ Петербургскихъ временщиковъ, къ которому явились Даламберть, Мармонтель и другіе, для засвидѣтельствованія нижайшаго почтенія и будто съ тѣмъ, чтобы чрезъ него достать подарки отъ нашего Двора. Нѣтъ ничего мудренаго, что люди, взысканные милостію Екатерины, что Дидеротъ, ею облагодѣтельствованный, что Даламберть, преданный ей благодарностію, что Мармонтель, коего сочиненія жгли въ Парижѣ въ то время, какъ Екатерина переводила ихъ въ Россіи, искали случая изъявить ей чувства преданности своей въ лицѣ Русскихъ путешественниковъ, которые, по возвращеніи своемъ, могли довести о томъ до ея свѣдѣнія. Но вовсе несбыточно, чтобъ, напримѣръ, Даламберть, который самъ переписывался съ Императрицею и, кромѣ того, въ другѣ своемъ Вольтерѣ имѣлъ надежнаго посредника, сталъ искать по переднимъ случая обратить на себя благосклонное вниманіе Екатерины, которое уже и такъ было ему опытами доказано. Напрасно многіе обвиняютъ такъ называемыхъ философовъ XVIII столѣтія въ противорѣчіи между твореніями и поступками ихъ, изъ коихъ первыя отзываются неограниченною независимостью, а другіе частымъ искательствомъ покровительства. Не должно забывать, что сіи писатели составляли какъ-бы секту, сильную обольщеніемъ своимъ надъ умами, но слабую предъ могуществомъ и дѣятельностію враговъ своихъ: что Сорбона, парламентъ, приговорами и кострами, казнили творенія ихъ; что Бастилія и изгнаніе угрожали часто ихъ личной свободѣ. Имъ нужны были покровительство и опора. Что́ называлось въ нихъ ласкательствомъ, было не что иное, какъ необходимость, вынужденная ихъ частною политикою, ко-

торая предписывала имъ искать могущихъ союзниковъ. Рато-борцы, они, въ воинственной литературѣ своей, должны были, на случай неудачъ, имѣть за себя заступныя державы. Одна Польская патріотка, говоря мнѣ о соотечественникахъ своихъ, которые, въ бурныя времена республики, бывали на жалованіи у разныхъ дворовъ, защищала ихъ тѣмъ, что не корыстолюбіе было причиною сего закабаленія, потому что нерѣдко богатѣйшіе паны получали весьма умѣренныя пенсіи, но необходимость принадлежать къ одной или къ другой партіи заставляла брать сіи пенсіи, какъ въ древности давали за себя аманатовъ въ залогъ вѣрности. Писатели, о коихъ мы говоримъ, были въ равномъ положеніи. Тогда мыслящая Франція и республика литературы раздѣлены были на двѣ партіи: такъ называемые философы-энциклопедисты были главами одной: другая была безъименная, и дарованія ея предводителей не могли дать ей ни побѣды, ни самобытной извѣстности. Изъ многочисленной фаланги ея отирянули одни имена, заклейменныя язвительными насмѣшками Вольтера. Между сими двумя партіями свирѣпствовала, безъ сомнѣнія, вражда непримиримая. Тутъ дѣло шло не только о вкусѣ, о стихахъ или прозѣ, о классицизмѣ или романтизмѣ, какъ нынѣ, но, можно сказать, о всемъ умственномъ и духовномъ бытіи человѣчества, и потому нельзя не признать отмѣнной односторонности и недальновидности въ наблюденіяхъ Фонъ-Визина, когда онъ говоритъ, что братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля, и во всемъ томъ, что́ говоритъ онъ о несогласіи, господствовавшемъ между писателями, которыхъ сравниваетъ онъ съ какими нибудь звѣрями, и послѣ того довершаетъ характеристику Французовъ чертою, которая могла-бы показаться почерпнутою изъ путешествія по землѣ Кафровъ или Самоѣдовъ: *и дѣйствительно мало въ нихъ человѣческаго!* Кажется, никогда предубѣжденіе, ожесточеніе и фанатизмъ ненависти не доходили до подобнаго изступленія. Послѣ того Фероны, Ноноты должны казаться хладнокровными, и развѣ одинъ графъ Мейстеръ могъ перещеголять Фонъ-Визина, и то когда онъ воздвигалъ памятникъ Вольтеру рукою палача. Во время пребыванія путешест-

ственника въ Парижѣ пріѣзжалъ Вольтеръ. Восторги, поклоненіе, апоѳеозъ заживо, которыми привѣтствовали его сограждане, сіе торжество, напоминающее народныя празднества древней Греціи, не возбудили никакого сочувствія въ душѣ писателя. Крики упоенной публики въ театрѣ «Vive Voltaire!» признаны имъ *неблагопристойными*. Вмѣсто того, чтобы мысленно участвовать въ торжествѣ, приносящемъ въ лицѣ Вольтера честь всѣмъ литературнымъ заслугамъ, онъ, какъ-будто чуждый симъ заслугамъ и сей славѣ, дивится, что народъ можетъ гордиться своимъ писателемъ и приносить ему дань удивленія и любви. Любопытно сравнить отзывы нашего путешественника о Франціи съ отзывами другихъ отличныхъ чужестранцевъ, посѣщавшихъ сію землю около той же эпохи. Парижъ былъ въ то время родъ вселенскаго собора умовъ и знаменитостей, куда изъ разныхъ концовъ Европы стекались для совѣщанія о важныхъ вопросахъ наукъ, искусствъ и философіи; родъ избраннаго салона, куда отборные члены человѣческаго общества сѣшили послѣ трудовъ, совершенныхъ ими въ пользу отечества и ближнихъ, вкушать удовольствія просвѣщеннаго досуга, возвышенныя награды самолюбія и сіи нравственныя наслажденія, которыя можно назвать плодами одной зрѣлой образованности, одного зрѣлаго общежитія. Имена Болинброка, Юма, Гиббона, Адама Смита, Франклина, Стерна, Беккаріи, Гальяни, герцога Браганцскаго, принцевъ крови, коронованныхъ главъ и многихъ другихъ встрѣчаются въ протоколахъ Парижскаго общества. Мнѣніе Гиббона о Французахъ, мнѣніе которое нельзя приписывать ни пристрастію, ни легкомыслію, достойно быть здѣсь упомянуто. Я тѣмъ болѣе дорожу имъ, что оно служитъ мнѣ опорою въ обвиненіяхъ моихъ на Фонъ-Визина: Vous direz tout ce qu'il vous plaira de la frivolité des Français, mais je vous assure qu'en quinze jours, passés à Paris, j'ai assisté à plus de conversations bonnes à retenir, et vu plus d'hommes de lettres parmi les gens comme il faut, qu'il ne m'est arrivé à Londres dans deux ou trois hivers (Lettre de Mr. Gibbon à M-me Gibbon, sa belle mère. Paris, le 12 Février, 1763).

Въ опроверженіе злословія Фонъ-Визина о корифеяхъ Француз-

ской литтературы, приведемъ еще другое свидѣтельство, а именно княгини Дашковой. Она пріѣзжала въ Парижъ на нѣсколько дней и видѣлась почти съ однимъ Дидеротомъ. Госпожи Неккеръ и Жоффренъ, правительницы тогдашняго Парижскаго общества, старались учтивостями сблизиться съ нею Однажды, во время бесѣды ея съ Дидеротомъ, приходятъ ей доложить о пріѣздѣ сихъ дамъ. Съ живостію вскочивъ съ мѣста своего, Дидеротъ приказываетъ за княгиню сказать, что ея нѣтъ дома. Удивленная такимъ постукомъ, она спрашиваетъ объясненія. „Вамъ всего остается прожить здѣсь дней девять или десять, отвѣчалъ онъ: онѣ увидятъ васъ раза два или три, не поймутъ васъ, а я не терплю, чтобы пренебрегали моими кумирами. Госпожа Жоффренъ добрая женщина, но она одна изъ Парижскихъ трубачей, и я не хочу, чтобы она васъ видѣла наскоро и вскользь". Такъ же поступилъ онъ и при посѣщеніи Рюльера, который тогда уже написалъ свои записки о Россіи и разносилъ ихъ рукописно по Парижскимъ салонамъ. „Принимая его къ себѣ, вы придадите печать одобренія, достовѣрности и вѣсъ книгѣ его", говорилъ онъ ей, и княгиня Дашкова съ благодарностію покорялась его совѣтамъ. Сіи обстоятелства подтверждаются и самимъ Дидеротомъ въ краткой статьѣ его о княгинѣ Дашковой, которую называлъ онъ Русскою „intus et in cute". „Я очень любила въ Дидеротѣ, говоритъ она въ своихъ запискахъ, даже и запальчивость его, которая была въ немъ плодомъ смѣлаго воззрѣнія и чувства; откровенность его, искреняя любовь, которою любилъ онъ друзей своихъ, геній его, проницательный и глубомысленный, участіе и уваженіе, всегда имъ мнѣ оказанныя, привязали меня къ нему на всю жизнь. Я оплакала смерть его и не престану оплакивать ее до послѣдняго дыханія жизни. Худо умѣли цѣнить эту необыкновенную голову: добродѣтель и правота руководствовали всѣми его поступками и общее благо было искапіемъ и страстью его постоянными. Если опрометчивостью своею впадалъ онъ иногда въ заблужденіе, то и тогда бывалъ искренень и самъ себя обманывалъ". — Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визина противопоставить благонамѣренный отзывъ нашей же соотечественницы; это будетъ

отъ лица Русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и, слѣдовательно, человѣчеству. Можно указать еще и на Письма Русскаго путешественника, Карамзина. Писанныя безъ педантства, безъ догматической важности, они содержатъ болѣе истинъ и топкихъ наблюденій о Франціи и Французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ каоедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ, — во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа.

Принявъ уже на себя званіе обвинителя Фонъ-Визина заграничнаго вмѣстѣ съ званіемъ защитника обиженныхъ имъ, не умолчу и другаго обвиненія. Въ письмахъ его многія изъ наблюденій о нравахъ Французовъ, и въ особенности тѣ, которыя отзываются истиною и глубокомыслiемъ, не его. Таить нечего: въ письмахъ своихъ онъ нѣсколько кривилъ совѣстью предъ графомъ Панинымъ, выдавая ему за свои заключенія выписки изъ книги Дюкло: „Considérations sur les mœurs de ce siècle“; кривилъ совѣстью вмѣстѣ съ тѣмъ и предъ Дюкло, заимствуя изъ него обличительныя указанія на современниковъ и утаивая то, что говорилъ онъ въ пользу ихъ. Подтвердимъ наше обвиненіе нѣсколькими доказательствами.

Фонъ-Визинъ. „Примѣтилъ я вообще, что Французъ всегда молодъ, а изъ молодости переливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ“.

Дюкло. „Le grand défaut du Français est d'avoir toujours le caractère jeune: par là il est souvent aimable et rarement sûr; il n'a presque point d'âge mûr et passe de la jeunesse à la caducité“.

Фонъ-Визинъ. „Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ отъ развращенія нравовъ“.

Дюкло. „Les mœurs font à Paris ce que l'esprit du gouvernement fait à Londres. Tous les ordres vivent à Londres dans la familiarité, parce que tous les citoyens ont besoin les uns des autres:

l'intérêt commun les rapproche. Les plaisirs produisent le même effet à Paris; tous ceux qui se plaisent, se connaissent, avec cette différence que l'égalité, qui est un bien quand elle part d'un principe du gouvernement, est un très-grand mal, quand elle ne vient que des moeurs, parce que cela n'arrive jamais que par leur corruption".

Фонъ-Визинъ. „Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ (Къ чему тутъ выведенъ столяръ? какъ-будто, говоря объ отрасли воспитанія, можно упоминать о простомъ ремеслѣ, которому вѣрно никто не предается по склонности, а по нуждѣ и по обстоятельствамъ); но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, о томъ и на мысль не приходитъ".

Дюкло. „On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On y forme des savans, des artistes de toute espèce, mais on ne s'est pas encore avisé de former des hommes".

Фонъ-Визинъ. „Рѣдкой отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно".

Дюкло. „La plupart des hommes qui pensent, sont si persuadés qu'il n'y en a pas de bonne (d'éducation), que ceux qui s'intéressent à leurs enfants, songent d'abord à se faire un plan pour les élever. Il est vrai qu'ils se trompent souvent dans les moyens de réformation qu'ils imaginent, et que leurs soins se bornent d'ordinaire à abréger ou applanir quelques routes des sciences, mais leur conduite prouve du moins qu'ils sentent confusément les défauts de l'éducation commune, sans discerner précisément en quoi ils consistent".

Должно признаться, что нашъ писатель въ этомъ отношеніи былъ на руку нечистъ. Пользоваться чужимъ добромъ можно; но присвоивать его себѣ украдкою непозволительно. Хорошо поэту, романисту, комику говорить, какъ Мольеръ, „отбираю свое добро вездѣ, гдѣ его отыскиваю (je prends mon bien partout

où je le trouve)“; но въ частной перепискѣ перечеканивать чужую монету подъ свой штемпель и прикрывать свое похищеніе тайною молчанія, есть совершенно другое дѣло. Это все равно, что выдать чужое сочиненіе подъ своимъ именемъ. Кто-то, указывая въ *Вѣстникѣ Европы* на подобныя благопріобрѣтенія изъ Лабрюйера и Ларошфуко въ комедіи *Недоросль*, радовался этому обычаю автора и готовъ былъ поставить оный въ образецъ литературной промышленности, которому должно слѣдовать. Понимаемъ, что промышленникамъ чужою собственностію должно дорожить закономъ Спартанскимъ (позволяющимъ отрокамъ воровать) и жалѣть, что сія мѣра государственнаго благочинія не внесена въ уложеніе новѣйшихъ законодательствъ; но напомнимъ имъ, что и въ Спартѣ уличеніе кражи было наказываемо закономъ. А какой способъ укрыться отъ уличенія тамъ, гдѣ простая очная ставка выводитъ похищеніе наружу? Мы слышали отъ старожиловъ литературы нашей, что въ ролѣ *Стародума* встрѣчаются еще мозаическія вставки изъ какой-то старинной повѣсти, въ коей описаны приключенія Американца, или какого-то дикаго. Изъ любви къ истинѣ и въ званіи присяжнаго біографа, коего безпристрастіе есть первая обязанность, мы рылись въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ, но не нашли слѣдовъ къ подтвержденію сей улики. Предлагаемъ упомянутымъ защитникамъ Спартанскаго уложенія пополнить наши слѣдственныя изысканія. На ловца и звѣрь бѣжитъ: можетъ быть, попытки ихъ будутъ удачнѣе нашихъ. А мы порадуемъ ихъ еще находкою въ этомъ родѣ. Въ комедіи *Выборъ гувернера*, напечатанной нынѣ въ первый разъ, отыскали мы поживу изъ Лабомеля, болѣе извѣстнаго щелчками Вольтера, нежели собственными своими подвигами, хотя онъ былъ точно умный человѣкъ, замѣчательный рѣзкостью своихъ сужденій. Вотъ что говоритъ Лабомель въ книжкѣ своей „*Мои мысли*“: „Le plus grand politique est toujours le meilleur calculateur. Le génie politique est, de l'aveu même du géomètre, bien supérieur à l'esprit géometrique. Il y a cent Eulers, il y a cent Newtons pour un Colbert, comme il y a mille Colberts pour un Montesquieu. Le premier calcule les passions, le second les nombres“ и такъ далѣе.

Нельстецовъ, въ упомянутой комедіи, на слова Сеума — „И такъ законодателю надобно быть великому исчислителю“ — отвѣчаетъ: „Но сіе политическое расчисленіе требуетъ ума гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескье. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти“.—Могъ-ли подумать Лабомель, что онъ попадется въ Русскую комедію? Впрочемъ, самыя сіи присвоенія доказываютъ, что Фонъ-Визинъ читалъ со вниманіемъ и велъ журналъ своимъ чтеніямъ: ибо нѣтъ сомнѣнія, что, готовясь писать комедію, онъ не прибѣгалъ къ книгѣ Лабомеля за вдохновеніями. Умъ человѣческій не состоитъ, такъ сказать, изъ одного самороднаго куска: болѣе или менѣе, онъ всегда составное тѣло. Чужія мысли развиваютъ или подкрѣпляютъ наши собственныя; вспомогательныя пособія умѣстныхъ цитатъ, равно какъ и замысловатость эпиграфовъ, могутъ быть почитаемы убранствами: только, повторяемъ, не выдавайте чужаго за свое. Едва-ли былъ правъ Дидеротъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ примѣненіи, когда, на обѣдѣ Петербургскихъ литтераторовъ у графа Григорья Григорьевича Орлова, говорилъ онъ черезъ переводчика Майкову, не знавшему никакого иностраннаго языка, что особенно его сочиненія желалъ-бы онъ прочесть, ибо они должны быть чисто творческія, безъ всякой примѣси общихъ формъ и понятій. Въ дикомъ состояніи человѣчества можетъ воспрянуть геній, и тогда, разумѣется, будетъ онъ оригиналенъ; но въ образованномъ состояніи человѣкъ, чуждый пособій общаго просвѣщенія, имѣющій охоту писать и не имѣвшій рѣшимости научиться хотя одному иностранному языку, никогда не опередитъ другихъ: онъ не отпатнется, а просто отстанетъ отъ товарищей. Впрочемъ и то правда, что невѣжество въ эпохѣ просвѣщенія есть тоже оригинальность, но едва-ли завидная. Майковъ совершенно оправдываетъ наше предположеніе: кромѣ нѣсколькихъ забавныхъ стиховъ въ его шуточныхъ поэмахъ, онъ нигдѣ не отличается отъ посредственности. Главная черта оригинальности его развѣ въ томъ,

что, не зная Французскаго языка, перевелъ онъ *Восточную науку* Фридриха и *Меропу* Вольтера.

Между тѣмъ Фонъ-Визинъ, не смотря на свои предубѣжденія, велъ во Франціи жизнь образованнаго человѣка и пользовался пособіями, которыя открывало ему просвѣщеніе. Въ Монпелье ходилъ къ нему адвокатъ, съ которымъ занимался онъ изученіемъ юриспруденціи; въ Парижѣ слушалъ онъ курсъ физики у Бриссона, заводилъ знакомство съ учеными и литераторами, участвовалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, и имѣлъ честь и удовольствіе быть принятымъ въ одно вновь заведенное общество вмѣстѣ съ Франклиномъ. Одна подобная встрѣча должна-бъ была примирить Фонъ-Визина съ Парижемъ и просвѣщеніемъ; въ этомъ центрѣ сблизилось то, что раздѣлено было природою, и представитель юнаго просвѣщенія Россіи былъ собесѣдникомъ съ представителемъ юной Америки. Въ лицѣ ихъ два новые міра сошлись въ виду стараго, какъ высокія предвѣщанія, что есть еще много грядущаго въ судьбѣ человѣческаго рода. Какъ ни строго судили мы письма его, не менѣе того жалѣемъ, что большая часть изъ заграничной переписки его не дошла до насъ, также какъ и журналъ, о которомъ онъ говоритъ сестрѣ своей. Мысли, какія-бы ни были, правильныя или ложныя, пущенныя въ обращеніе, придаютъ движеніе умамъ. Конечно, лучше барышъ, нежели накладъ, лучше истины, нежели парадоксы: но хуже всего совершенное оцѣпенѣніе. И при противныхъ вѣтрахъ корабль подвигается. Бональдъ сказалъ: „Каждая система есть странствіе въ область истины; почти всѣ путешественники ошибаются, но всѣ они что-нибудь открываютъ, и человѣчество пользуется ихъ открытіемъ. Мысль есть всегда истинная; но она часто неполная, и заблужденіе есть не что иное, какъ *недостатокъ* мысли". Очень жаль, что изъ писемъ Фонъ-Визина утрачены тѣ, въ коихъ онъ подробно говоритъ о знакомствѣ своемъ съ чуднымъ Сенъ-Жерменемъ, симъ Кащеемъ безсмертнымъ, котораго жизнь по худой мѣрѣ должно считать столѣтіями. Я знаю людей, которые читали эти письма: они были очень любопытны и, къ сожалѣнію, вѣроятно сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году. Изъ словъ

его о немъ въ дошедшихъ до насъ письмахъ видно, что онъ судилъ и цѣнилъ его хорошо. Нѣтъ сомнѣнія, что Сенъ-Жермень былъ шарлатанъ; но однимъ шарлатанствомъ не могъ-бы онъ добиться до извѣстности, которою пользовался. Въ прощальномъ письмѣ графа Н. И. Панина къ Фонъ-Визину (вѣроятно предъ вторымъ отъѣздомъ его за границу), проситъ онъ доставить ему свѣдѣнія о „примѣчательномъ весьма Сенъ-Жерменѣ, которому нельзя не удивляться, особливо же какъ до сихъ поръ, при ѣздѣ его по всей Европѣ, не свѣдаютъ еще подлинности о немъ: а буде, какъ сказываютъ, многіе вѣдаютъ о ней, то какъ по сю пору не сдѣлается она публичная". „Много вы сдѣлаете удовольствія мнѣ, продолжаетъ онъ, когда между прочими вашими столь пріятными извѣщеніями не оставите мнѣ сказывать дальнѣйшаго о немъ сношанія, особливо, какъ я надѣюсь, что ваше проницательное любопытство, при такомъ его къ вамъ наклоненіи, не оставитъ употребить воспользоваться дальнѣйшими вашими о немъ распознаніями". Тайна, его обволакивая, и понынѣ не совершенно разрѣшена. Правда, что мы съ того времени видѣли на театрѣ свѣта столько кудесниковъ и столько чудесъ всякаго рода, предъ коими чудеса алхиміи ясны, какъ дважды два четыре, что любопытство наше успѣло опостылѣть къ симъ волшебникамъ второстепеннымъ. Но не менѣе того иногда хотѣлось-бы найти въ тысячѣ и одной исторической запискѣ, раскрывающей предъ нами всю подноготную человѣческаго рода, разрѣшеніе загадокъ, которыя, подъ именемъ Желѣзной Маски, Сенъ-Жермея и другихъ, были брошены сфинксомъ-молвою на мученіе или на смѣхъ неутомимымъ Эдипамъ.

По кончинѣ министра, графа Панина, Фонъ-Визинъ, кажется, уже не находился въ службѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной. Вѣроятно, путешествіе его въ 1784 году предпринято имъ было также для поправленія здоровья, сильно разстроеннаго частыми головными болями. Между тѣмъ въ поѣздкѣ своей занимался онъ и коммерческими дѣлами вмѣстѣ съ Петербургскимъ купеческимъ домомъ Клостермана. Впрочемъ, сношенія его съ симъ семействомъ были не только дѣловыя, но и самыя

пріязненныя. Изъ современниковъ Фонъ-Визина, бывшихъ съ нимъ въ тѣсной связи, едва-ли остается теперь не одинъ г. Клостерманъ: въ почтенной старости своей онъ донынѣ сохранилъ всю живость и горячность чувства къ памяти знаменитаго пріятеля своего и достойной его супруги. Тѣмъ болѣе біографъ Фонъ-Визина обязанъ былъ упомянуть о сей связи, что въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему г. Клостерманомъ, почерпнулъ онъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о жизни, имъ описываемой, а въ слезахъ, и нынѣ еще сверкающихъ въ глазахъ его при имени автора, удостовѣреніе, что Фонъ-Визинъ умѣлъ вселять къ себѣ пріязнь и уваженіе, и выбирать своихъ пріятелей.

Въ Италіи путешественникъ нашъ былъ правомъ поблагосклоннѣе. Если онъ и въ ней къ людямъ не очень снисходителенъ, то по крайней мѣрѣ художества, великіе памятники искусствъ, пробуждаютъ въ немъ сочувствія, его достойныя. Изъ уваженія къ симъ благороднымъ впечатлѣніямъ, не станемъ, подражая ему, слишкомъ ссориться съ нимъ за обыкновенныя выходки нетерпимости его, за рѣзкіе, ожесточенные приговоры, подводящіе частныя замѣчанія, частные недостатки, подъ общій знаменатель порицанія и обвиненія. Особливо-же намъ, которые такъ превратно, такъ пристрастно и часто такъ криводушно судимы иностранными путешественниками, досадно видѣть въ Русскомъ тѣ-же замашки. Будемъ-ли имѣть право изобличать предъ судомъ Европы недоброжелательство Масона, Кларка и другихъ, имъ подобныхъ, если простимъ соотечественнику своему, когда онъ, напримѣръ, говоритъ, „что честныхъ людей во всей Италіи, по истинѣ сказать, такъ мало, что можно жить нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить. — что для человѣчества Римъ есть земной адъ!“ Забавно, что послѣ всего сказаннаго имъ о Французахъ, находитъ онъ, что они ведутъ себя гораздо честнѣе Итальянцевъ. Въ доказательство, что въ новомъ мірѣ онъ не слагалъ съ себя понятій ветхаго человѣка, или, по просту сказать, мѣрялъ все на Русскій аршинъ, укажемъ на жалобное замѣчаніе его о скукѣ въ Италіи, „гдѣ въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ, и что угощеніе у нихъ, конечно, въ вечеръ четверти рубля не стоитъ“. Это похо-

дитъ на сѣтованіе Москвича, который досадовалъ, что за границею нигдѣ не находилъ онъ калачей и кваса. Но за то съ удовольствіемъ слѣдуемъ за Фонъ-Визинымъ въ храмъ Святаго Петра, который, кажется ему, созданъ Богомъ для самого себя, по галереямъ картинъ, по хранилищамъ чудесъ искусства; смотримъ на него съ участіемъ, когда онъ живетъ только съ картинами и статуями, и боится, *чтобы самому не превратиться въ бюстъ*: тутъ узнаемъ мы писателя, поклонника всего изящнаго, великаго, который вездѣ у себя, гдѣ можетъ чувствовать прекрасное и постигать высокое. Еще съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ нравственному характеру автора слѣдуемъ за нимъ въ Лукку, куда, по словамъ его, ѣздилъ онъ изъ Пизы, не для того, чтобъ было въ ней чего смотрѣть, но для того, что Лукка была родина предковъ его благодѣтеля, графа Никиты Ивановича Панина. Прибавимъ, что благодѣтель его уже тогда не былъ министромъ, что его уже и на свѣтѣ не было. Сія дань благодарности имѣетъ въ себѣ нѣчто романическое и трогательное. За нѣжную вѣрность его къ памяти умершаго можно нѣсколько простить ему и несправедливость его къ живымъ: ибо, въ оцѣнкѣ свойствъ человѣка, одно прекрасное вдохновеніе души выкупаетъ многія заблужденія и погрѣшности разума. Сверхъ знаменитыхъ художниковъ, какъ-то: Ангелики Кауфманъ, Вольцато, Батони, съ которыми онъ знакомился въ Италіи, и по любви своей къ искусствамъ, и по коммерческимъ дѣламъ своимъ, покупая и заказывая имъ работы, былъ онъ коротко знакомъ въ Римѣ съ кардиналомъ Бернисомъ. Сей представитель свѣтскаго Французскаго духовенства, добившійся нѣкоторой знаменитости маленькими стишками и маленькими интригами, прозванный Прусскимъ королемъ *цвѣточницею Бабетою* за излишне-цвѣтистые стихи, былъ тогда въ Римѣ посломъ Версальскаго двора. Впрочемъ, человѣкъ умный и любезный, если трудами и смиреніемъ своимъ не пролагалъ онъ вѣрныхъ слѣдовъ ни къ безсмертію славы, ни къ блаженству вѣчности, то, по крайней мѣрѣ, временную жизнь умѣлъ онъ усѣять цвѣтами, и пріятными качествами общежитія привлекать къ себѣ любовь и уваженіе знавшихъ его. „Въ цѣломъ Римѣ,

писалъ Фонъ-Визинъ къ Клостерману, „въ одномъ его домѣ можно встрѣтиться съ людьми и отобѣдать“.

Путешественникъ нашъ выдержалъ жестокую болѣзнь въ Римѣ. Онъ нетерпѣливо желалъ возвратиться въ Россію и спѣшилъ въ Москву къ отцу и ближнимъ своимъ. По слѣдствіи сей болѣзни задержали его на возвратномъ пути въ Вѣнѣ, изъ коей онъ, въ Іюнѣ 1785 года, ѣздилъ въ Баденъ на воды. Вотъ что писалъ онъ тогда о себѣ и о своемъ здоровьѣ:

Вѣна, 2/13 Іюня, 1785.

„Третьяго дня пріѣхали мы сюда благополучно, милостивый государь батюшка! Мы ласкались-было получить здѣсь письма ваши; однако почта пришла и къ намъ не привезла ничего. Пребываніе наше въ здѣшнемъ мѣстѣ полагаю я двѣ недѣли. Я конечно-бы и скорѣе уѣхалъ, но близъ Вѣны есть теплыя бани въ городкѣ Баденѣ, куда славный здѣшній медикъ г. Столе присовѣтывалъ мнѣ дней на десятокъ съѣздить. Послѣ моей болѣзни въ Римѣ остались нѣкоторыя обструкціи, кои всеконечно развести надобно, а сіи воды весьма къ тому удобны.

„Ты, мой другъ сердечный (сестра его) Оеня, жди отъ меня письма побольше изъ Бадена, куда я переѣду послѣ завтра. Я ѣздилъ туда сего дня и нанялъ нѣсколько комнатъ поденно, потому что больше десяти или двѣнадцати дней не проживу, какъ мнѣ и самъ докторъ предписываетъ. — Императоръ въ Италіи. Мы его здѣсь уже не застали. — Посолъ нашъ принялъ меня очень хорошо. Вчера былъ я у него на превеликой ассамблеѣ, гдѣ посадилъ онъ меня играть въ ломберъ съ дамами. Богъ благословилъ мое праведное оружіе, и я обыгралъ ихъ какъ нельзя лучше. — Путешествіе наше начнемъ между 15 и 20 нынѣшняго мѣсяца нашего стиля; а какъ въ дорогѣ мѣсяца довольно, то и считаю я быть у васъ между 15 и 20 іюля. Отсюда на пути въ Россію останавливаться негдѣ: я поѣду день и ночь. Коляску купилъ я здѣсь очень хорошую, въ которой спать можемъ. Сказываютъ, что отъ Кракова до Москвы нѣтъ пристанища и съ нуждою питаться можно. Если найду здѣсь хорошаго повара, то возьму съ собою. Правду сказать, что отъ

самой Венеціи было плохо; удивительнѣе же всего то, что въ Вѣнѣ, столицѣ императорской, трактиры такъ мерзки, что гаже, нежели въ доброй деревнѣ. Теперь мы считаемъ себя уже на нашемъ краю, потому что горы проѣхали. Въ сторонѣ, по которой мы ѣхали, онѣ не высоки и съ Тирольскими нѣтъ сравненія. На горы обыкновенно поднимали насъ быки, которыхъ по шести къ лошадямъ припрягали. Быки очень способны тащить на гору: первое для того, что они сильнѣе, а второе потому, что они характера упрямаго и такъ упираются, что кареты съ крутизны не допускаютъ ползти назадъ.

„За неоставленіе К. (Клостермана) покорно благодарю. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Москвѣ тысячи на три продалъ. Я отправилъ къ нему со всячиною семнадцать большихъ ящиковъ. Ласкаюсь, что тутъ мы съ нимъ свой счетъ найдемъ".

Баденъ, 12/23 Іюня, 1785.

„Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Вѣны отъ 2/13 сего мѣсяца, вы, милостивый государь батюшка, видѣть изволили, что послѣ жестокой моей болѣзни въ Римѣ остались еще у меня обструкціи, которыя славный здѣшній докторъ Столле совѣтывалъ мнѣ развести здѣшними банями. Мы теперь живемъ здѣсь недѣлю, но со дня нашего сюда пріѣзда время стоитъ такое скверное, какъ у насъ въ самую негодную осень, и я по несчастію былъ въ баняхъ одинъ только разъ.

„Тебѣ, другъ мой сердечный сестрица, скажу, что седьмой день стужа, дождь и вихри непрестанно насъ мучатъ, и что я хотя живу здѣсь для бань, но если-бы и сего обстоятельства не было, то все за такою мерзкою погодою ѣхать-бы не могъ: замучилъ-бы и себя, и людей, и лошадей. Видно, что мы простились съ нынѣшнимъ лѣтомъ за горами и что больше его не увидимъ. Надобно думать, что сіе время и у васъ нехорошо: мы живемъ здѣсь очень скучно. Лучшее здѣсь упражненіе должно-бъ быть гуляньe; но какъ гулять въ грязи и подъ дождемъ, который ливьмя льетъ? Мы набрали изъ Вѣны книгъ, которыя всю нашу забаву составляютъ. Жена читаетъ, а я слушаю. Докторъ писать мнѣ не велитъ, и я сіе письно нишу не

вдругъ, а помаленьку. Сей самый резонъ мѣшаетъ мнѣ писать и къ графу Петру Ивановичу; со всѣмъ тѣмъ, также помаленьку, напишу и къ нему на будущей недѣлѣ. Въ разсужденіи моей пищи осудили меня на поценье: запретили мясо и вино. Ужинъ отнять у меня еще въ Римѣ. Одна отрада осталась та, что позволили мнѣ въ сутки выпивать по двѣ чашки кофе, да и тутъ жена много хлопочетъ, считая, что сіе позволеніе я у доктора выклянялъ, а не самъ онъ на это согласился. Съ нетерпѣніемъ желаю быть у васъ. Ласкаюсь, что природный климатъ, присутствіе любезныхъ моихъ ближнихъ, образъ жизни, къ которому я привыкъ—что все сіе, дѣлая удовольствіе душѣ моей, поможетъ и тѣлу придти въ лучшее состояніе; ибо я предоставляю вамъ сказать на словахъ, что я въ Римѣ вытерпѣлъ, а на письмѣ огорчать васъ не хочу; но долженъ однако, мой другъ сестрица, то сказать, что слѣдствія моей болѣзни сдѣлали употребленіе бань необходимымъ, и я, побѣдивъ разсудкомъ неизреченное желаніе скорѣе всѣхъ васъ видѣть, рѣшился твердо недѣли двѣ пожертвовать моему выздоровленію, считая, что всѣ вы, друзья мои, одинакаго со мною мнѣнія, то есть, что лучше увидѣть меня недѣлю другую позже, да поздоровѣе. Скуку здѣшнюю раздѣлитъ со мною жена моя. Ея ко мнѣ дружба составляетъ все мое утѣшеніе".

Есть его письмо изъ Москвы уже отъ 7-го Августа тогожъ года. Въ немъ жалуется онъ на разстройство дѣлъ своихъ и здоровья. Отъ эпохи сего возвращенія начинается періодъ страдальческой жизни его. Сильный ударъ паралича, въ концѣ того же мѣсяца, отнялъ у него, такъ-сказать, полжизни. Въ самой поръ мужества, едва сорока лѣтъ отъ роду, онъ лишается здоровья, свободнаго употребленія тѣлесныхъ силъ своихъ, сей физической независимости, безъ коей нѣтъ и нравственной. Прискорбно зрѣлище всякаго страдальца; но знать человѣка, возвышеннаго природными дарованіями, крѣпкаго умъ, что составляетъ крѣпость нравственнаго существа, и видѣть его обезсиленнаго, низверженнаго болѣзнію на крайнюю степень немощи человѣческой, всего прискорбнѣе. Какъ подобное зрѣлище уязвляетъ гордость нашу, и какъ должно оно смирять ее! Не-

смотря на всю не-любовь свою къ чужимъ краямъ, Фонъ-Визинъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ, началъ помышлять о новой поѣздкѣ. Недуги тѣлесные пересилили предубѣжденія ума; предъ любовью къ жизни умолкали всѣ другія соображенія Долго недостатокъ въ деньгахъ и разстроенныя хозяйственныя дѣла не позволяли ему искать здоровья за границею. Наконецъ, въ самое то время, какъ онъ уже отчаявался въ успѣхѣ намѣренія своего и угрожаемъ былъ новымъ счастіемъ, все устроилось по его желанію. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1786 года жена его была въ Петербургѣ и заботилась о возможности предпринять съ мужемъ поѣздку, столь для него необходимую. Между тѣмъ пишутъ ему въ Москву, что жена его, которая была нѣсколько въ правѣ быть имъ недовольною, возставляетъ всѣхъ противъ него жалобами своими и готовится просить Императрицу о разводѣ. Сіе извѣстіе растревожило его. „Вчера узнавъ о семъ, писалъ онъ къ одному пріятелю своему, я почти вовсе сталъ безъ языка“. Пріятель успокоилъ его, увѣдомивъ, что вѣсти сіи совершенно ложны, что жена его уже купила дорожную карету и немедленно пріѣдетъ за нимъ въ Москву. Такъ и сдѣлалось. Тѣмъ-же лѣтомъ отправились они въ Вѣну. Въ семъ путешествіи Фонъ-Визинъ уже не подлежитъ изслѣдованіямъ объ образѣ мыслей и впечатлѣній своихъ: за страданіемъ слѣдуетъ одно живое и никакимъ другимъ чувствомъ неразвлекаемое состраданіе. Въ письмахъ отъ того времени къ роднымъ и въ журналѣ по выѣздѣ изъ Вѣны въ Карлсбадъ до возвращенія въ Петербургъ, находимъ почти одинъ отмѣтки о болѣзни и лѣченіи его. Выпишемъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста.

Вѣна, 23 Января (3 Февраля), 1787.

„Мы, въ ожиданіи весны, живемъ помаленьку въ Вѣнѣ; какъ же скоро настанетъ весна и я получу деньги, то немедленно поѣду долѣчиваться въ Карлсбадъ. Благодарю Бога, я имѣю великую надежду къ выздоровленію. Рукѣ, ногѣ и языку гораздо лучше, и я сталъ толще. Ожидаю Клостермана; онъ видѣлъ меня въ Москвѣ и увидитъ здѣсь; слѣдственно лучше всего

можетъ сравнить тогдашнее мое состояніе съ нынѣшнимъ. Ласкаюсь, что найдетъ онъ превеличайшую разность.

„Увѣдомленія твои, матушка сестрица, о вашихъ спектакляхъ мнѣ очень пріятны Продолжай ихъ. Княжна Долгорукова при мнѣ еще сговорена была за Ефимовскаго: пѣть-ли у васъ чего поновѣе? Писать, матушка, больше нечего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю весны, чтобы уѣхать изъ Вѣны, гдѣ мнѣ очень надоѣло и гдѣ очень скучно. Впрочемъ, благодарю Бога, что имѣю съ кѣмъ раздѣлить скуку.“

Выписки изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ.

„Воскресенье, 23 Мая, 1787. Вставъ по утру, выпилъ я десять стакановъ Эгерской воды. Носили меня въ аллею, гдѣ я имѣлъ удовольствіе слышать дочь фельдмаршальши Гартенбергъ, читающую очень хорошо моего «Недоросля» (въ переводѣ на Нѣмецкомъ языкѣ) въ присутствіи ея матери и прекрасной дѣвицы Бонденгаузенъ.

„Среда, 2 Іюня. Послѣ обѣда Семка надѣлалъ мнѣ грубости и насилу согласился ѣхать. Онъ сдѣлалъ намъ ту милость, что не остался въ Карлсбадѣ ходить по міру.

„Среда, 9 Іюня. Ввечеру въ семь часовъ пріѣхали благополучно въ Вѣну. Насъ провезли прямо въ таможню, гдѣ больное мое состояніе принудило осмотрщиковъ поступить со мною весьма снисходительно.

„Четвергъ, 10 Іюня. Я ходилъ къ графинѣ Малаховской: старушка предобрая, но личико измятое. Въ обѣдъ были у меня Полетика и Кудрявскій.

„Четвергъ, 22 Іюля. По утру Семка формально объявилъ мнѣ, что возвращаться со мною не хочетъ. Ходилъ я въ баню въ шестидесятый, то есть въ послѣдній, разъ.

„Среда, 28 Іюля. По утру, позавтракавъ, выѣхали: проѣзжали Кенти, обѣдали въ Водовичъ. На дорогѣ сдѣлалась мнѣ ужасная тоска. Бѣдная жена моя испугалась, видя, что я вдругъ побѣдивѣлъ: примѣтя же, что у меня индижестія, велѣла въ первой деревнѣ сварить Геншиева чаю.

„Среда, 18 Августа. Пріѣхали въ Кіевъ. У самыхъ Кіев-

скихъ воротъ попался намъ незнакомый мальчикъ, который захотѣлъ показать намъ трактиръ. И такъ мы съ нимъ отправились, а въ слѣдъ за нами догоняла насъ туча, у самыхъ воротъ трактира насъ и достигла. Молнія блистала всеминутно; дождь ливьмя лилъ. Мы стучались у воротъ тщетно: никто отпереть не хотѣлъ, и мы, простоявъ больше часа подъ дождемъ, пришли въ отчаяніе. Наконецъ вышелъ на крыльцо хозяинъ и закричалъ: «Кто стучится?» На сей вопросъ провожавшій насъ мальчикъ кричалъ: «Отворяй: родня Потемкина!» Лишь только произнесъ онъ сію ложь, въ ту минуту ворота отворились, и мы въѣхали благополучно. Тутъ почувствовали мы, что возвратились въ Россію.

„Понедѣльникъ, 23 Августа. Я съ женою ѣздилъ въ Печерскую къ обѣдни. Послѣ обѣда были у меня архіерей Викторъ и Софійскій протопопъ. Леванда, которые сидѣли до ужина.

«Суббота, 28 Августа. Пріѣхали въ Черниговъ. Жена ходила къ обѣдни и служила молебенъ завтрашнему дню Успѣновенія честныя главы Іоанна Предтечи: ибо въ этотъ день, тому два года назадъ, убилъ меня въ Москвѣ параличъ. Обѣдали дома, стряпала старуха изрядно-хонько. Послѣ обѣда выѣхали, и сдѣлавъ 39 верстъ, ночевали въ деревнѣ Буровкѣ въ крестьянской избѣ спокойно.

„Вторникъ, 7 Сентября. Полоцкъ. По утру былъ у меня почтмейстеръ Раушардъ и Туловской, у котораго занялъ я *пятьдесятъ рублей*. Какъ христіанина фершела здѣсь нѣтъ, то принужденъ былъ ввѣрить свое горло Жиду“.

Изъ Вѣны писалъ онъ, отъ 24 Марта 1787, по французски къ г. Клостерману-отцу: „Сего дня отъѣзжаетъ отсюда Русскій извощикъ, именемъ Червоный. Посылаю вамъ съ нимъ два ящика: одинъ съ моимъ старымъ платьемъ и книгами, а другой съ Нѣмецкимъ переводомъ комедій моей. Прошу продавать ее въ книжныхъ лавкахъ сына вашего по пятидесяти копѣекъ, удерживая десять копѣекъ за комиссію“.

Во время пребыванія его въ Вѣнѣ и на водахъ здоровье его испытывало нѣкоторыя благопріятныя перемѣны: то писалъ онъ, что начинаетъ ходить одинъ, но жалуясь, что не владѣетъ

рукою и худо владѣетъ языкомъ; то, что ему гораздо лучше, что врачи обнадеживаютъ его совершеннымъ выздоровленіемъ: но, по видимому, ожиданія его не сбылись, и онъ возвратился въ Россію въ одинаковомъ положеніи. Для полнаго отчета о разныхъ поѣздкахъ его, упомянемъ и о той, которую совершилъ онъ въ 1789 году, также гоняясь за утраченнымъ здоровьемъ. Онъ ѣздилъ въ Ригу, Бальдонъ и Митаву. Журналъ сей поѣздки его есть рѣшительно журналъ страдальца, и по мученіямъ, и по самымъ средствамъ изцѣленія, которыя онъ претерпѣвалъ. Не знаешь, чему болѣе сострадать, первымъ или послѣднимъ. Но чувство жизни, то есть потребность жить какъ-бы то ни было, пока живется, есть одно изъ самыхъ неистребимыхъ свойствъ природы человѣческой: оно переживаетъ всѣ другія. Сообщаемъ нѣсколько отрывковъ изъ его поденныхъ записокъ. Изъ нихъ увидимъ, что и въ самомъ болѣзненномъ положеніи онъ имѣлъ нужду въ удовольствіяхъ общежитія: что, не смотря на страданія свои, не терялъ бодрости духа и нѣкоторой веселости, заводилъ новыя знакомства и умѣлъ привлекать ихъ своимъ обхожденіемъ.

Выписки изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву.

„Четвергъ, 19 Іюля, 1789. Вставъ съ постели рано, собирался я въ Ригу, чтобы тамъ только выбриться: ибо въ Бальдонахъ нѣтъ ни фершела, ни бритвъ. Какъ я ни снѣшилъ, но за безтолковицею Курляндскихъ мужиковъ ранѣе 10 часу выѣхать не могъ. На дорогѣ усмотрѣли мы, что у больной ноги моей подъ колѣномъ на поджилкѣ дѣлается большой нарывъ. Въ Ригу пріѣхали къ Миллеру въ пять часовъ по полудни. Въ вечеру сдѣлалъ то, за чѣмъ пріѣхалъ, то есть выбрился. Плясали по русски Миллеровы дочери; тутъ мой Губскій показалъ свое проворство. Потомъ легъ я спать благополучно. Въ Ригѣ всѣ нашли меня толще и бодрѣе.

„Пятница, 20 Іюля. Вставъ рано, собираюсь теперь назадъ въ Бальдоны. Отправилъ письма къ женѣ, Татьянѣ Каллистратовнѣ

и Клостерману. Изъ Риги выѣхалъ въ 8 часу; въ Бальдоны пріѣхалъ въ 5 часовъ; у Теодоры обѣдали. У меня разболѣлся языкъ, на которомъ увидѣли и бѣлое пятно и опухоль. Ложась спать, Теодора приложила мальву подъ колѣномъ къ нарыву, а я пилъ Генишевъ чай. Спалъ худо.

„Суббота, 21 Іюля. По утру нарывъ лопнулъ, и я принялъ въ шестнадцатый разъ ванну; послѣ обѣда легъ отдыхать; вдругъ Теодора вошла ко мнѣ съ растроганнымъ видомъ и, вызвавши меня изъ комнаты, вывела на дворъ, гдѣ увидѣлъ я лежащаго человѣка, мужика моего хозяина. Обнаженная спина его, изъ которой текла кровь, показывала, что онъ былъ битъ немилосердо. Я призвалъ хозяина и спросилъ, за что сей человѣкъ такъ растерзанъ. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что сей битый мужикъ былъ теперь на сѣнокосѣ, гдѣ чужой мужикъ, поссорясь съ нимъ и будучи его сильнѣе, такъ безчеловѣчно его изувѣчилъ. Это подало поводъ къ дальнѣйшему моему съ хозяиномъ разговору.

„*Я.* Что-жъ ты хочешь дѣлать? станешь-ли искать правосудія?

„*Хозяинъ.* Не стану: ибо, конечно, не найду. Помѣщикъ, котораго мужикъ билъ моего, есть баронъ богатый, а я пономарь бѣдный: гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться?

„*Я.* И такъ обида твоя ничѣмъ удовлетворена не будетъ?

„*Хозяинъ.* Я самъ хочу управиться. Теперь мужикъ, который билъ моего, работаетъ одинъ въ полѣ. Я соберу своихъ мужиковъ и позволю имъ идти съ палочьемъ отмстить за побои бѣднаго мужика моего и мою обиду.

„Я уговаривалъ его и доказывалъ, какъ онъ будетъ виноватъ, когда выйдетъ смертоубійство (что весьма легко и случиться могло-бы), и что тогда его-же казнятъ смертію; но хозяинъ мой былъ такъ взбѣшенъ, что не только не отмѣнилъ своего мщенія, но паче поспѣшилъ онымъ. И дѣйствительно, мужики къ вечеру возвратились. Я спросилъ одного изъ нихъ, что они сдѣлали. „Мы били того, кто нашего билъ". — „Да не умертвили онъ отъ побоевъ? спросилъ я. — „А Господь вѣдаетъ! отвѣчалъ онъ: мы оставили его чуть живаго". Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, Теодора моя лѣчила битаго мужика, который,

получа отмщеніе, забылъ болѣзнь и обиду. Ввечеру Губскій мой игралъ подъ окномъ на гусляхъ и привлекъ тѣмъ кучу мужиковъ подъ окошко. Нечувствительно Латыни мои расплясались, и я заснулъ спокойно.

„Воскресенье, 22 Іюля. По утру ходилъ я въ ванну въ семнадцатый разъ. Одѣвшись, узналъ я, что въ нашу церковь везутъ двухъ мертвецовъ, коимъ сего дня будетъ погребеніе. Я вышелъ къ нимъ на встрѣчу и проводилъ до церкви. Смущенное сердце мое занималось симъ печальнымъ зрѣлищемъ. Я представлялъ себѣ, что, будучи въ параличѣ, надобно мнѣ быть всегда готову къ новому удару, могущему лишить меня жизни. Мнѣ пришли на мысль дни погребенія родныхъ моихъ, и какому должно быть моему погребенію, какъ для жены моей, такъ и для родныхъ друзей моихъ. Возвратясь изъ церкви, посѣтилъ меня докторъ Штендеръ, который вступилъ со мною въ слѣдующій разговоръ:

„*Штендеръ.* Правда-ли, что вы отдали себя на руки Жиду?

„*Я.* Правда. Да чтожъ мнѣ иначе дѣлать? Когда Шенфогель, мой докторъ, поступилъ съ мною какъ Жидъ, то можетъ быть и Жидъ поступитъ со мною какъ искусный докторъ: а мнѣ все равно, кто меня вылѣчитъ, лишь-бы вылѣчилъ.

„*Штендеръ.* Да чѣмъ онъ васъ лѣчитъ?

„*Я.* Онъ прикладываетъ угревую кожу къ разслабленнымъ мѣстамъ.

„*Штендеръ.* Но какъ вы можете сносить мерзкой запахъ угревой кожи? Видите-ли вы, что сей запахъ заразилъ весь домъ вашъ, и что въ такомъ воздухѣ и здоровый человѣкъ не можетъ жить безъ болѣзни! Вы весьма легко можете получить гнилую горячку, и тогда, можетъ быть, спасти васъ нельзя будетъ. Я не имѣю причины отговаривать васъ Жида, но совѣтую лучше адресоваться къ весьма искусному Митавскому доктору Герцу, который вашу болѣзнь отмѣнно удачно лѣчитъ. Не угодно-ли я самъ съ вами поѣду въ Митаву и съ нимъ посовѣтую, какъ удобнѣе вамъ сдѣлать помощь.

„*Я.* Очень хорошо.

„*Штендеръ*. Такъ послѣ завтра пріѣзжайте обѣдать къ барону Ливену; а отобѣдавъ, поѣдемъ въ Митаву.

„Я согласился на его предложеніе и, отблагодаривъ его за усердіе, имъ оказываемое, при немъ-же сорвалъ всѣ жидовскія лѣкарства и избавился отъ проклятаго духу. Послѣ обѣда, отдохнувъ, ѣздилъ я къ пастору съ Штендеромъ, съ которымъ потомъ прогуливался въ колескѣ. Пріѣхавъ домой, я застал вчерашнюю пляску. Принялъ ванну въ 18-й разъ и уснулъ благополучно.

„Понедѣльникъ, 23 Іюля. Весь день пробылъ одинъ въ скукѣ. Губскій забавлялъ меня гуслями. Принялъ ванну по утру въ 19-й, а ложась спать въ 20-й разъ.

„Вторникъ, 24 Іюля. Вставъ по утру, ванны не принималъ. Въ 10 часовъ поѣхалъ обѣдать въ Дингофъ, къ барону Ливену, чтобы отъ него съ Штендеромъ ѣхать послѣ обѣда въ Митаву чрезъ Ригу. И дѣйствительно, отобѣдавъ у барона Ливена, чрезъ Двину переѣхалъ у Красной Корчмы; въ Кирхгольмѣ пилъ кофе: въ Ригу пріѣхалъ въ 9 часовъ ввечеру и сталъ въ трактирѣ у Миллера, отужиналъ и легъ спать благополучно.

„Среда, 25 Іюля. Проспавъ ночь плохо отъ крику страждущей отъ осы хозяйской дочери, проснулся въ обыкновенномъ состояніи моего здоровья. Былъ у меня Сергѣй Ѳедоровичъ Голубцовъ. Ѣздилъ я съ визитомъ къ почтъ-директору. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, выѣхалъ съ Штендеромъ изъ Риги, и въ 9 пріѣхали въ Олею, гдѣ настигло насъ дождливое время, такъ что мы принуждены были въ Олеѣ ночевать. Спалъ очень хорошо.

„Четвергъ, 26 Іюля. Изъ Олеи выѣхали въ 6 часовъ и проѣхали таможню безъ всякаго осмотра: потомъ, переправясь черезъ двѣ рѣки, пріѣхали въ 10 часовъ по утру въ Митаву.

„Сталъ въ трактирѣ у Герцеля и послалъ Штендера за докторомъ Герцомъ, который, пришедъ ко мнѣ, разсматривалъ съ великимъ прилежаніемъ состояніе моей болѣзни и нашелъ, что четыре года совсѣмъ у меня пропали: ибо доктора лѣчили меня очень кавалерски. Онъ находилъ, что помочь мнѣ можетъ. Бальзонскія воды хвалилъ, но увѣрялъ при томъ, что онѣ одинъ безъ внут-

ренних лѣкарствъ помочь мнѣ неспособны. И такъ, мы условились съ нимъ, что онъ меня лѣчить берется, но чтобъ я переѣхалъ изъ Бальдонъ тотчасъ въ Митаву и тамъ-бы прожилъ недѣли двѣ, а потомъ съ Богомъ возвращался-бы въ Петербургъ; но если пользу получу очевидную, то-бы опять на цѣлую зиму пріѣхалъ въ Митаву. Все сіе казалось мнѣ сходно со здравымъ разсудкомъ, и я положилъ поступать по его предложенію. Отобѣдавъ у Герцеля съ Курляндцами, кои показались мнѣ люди весьма завязчивые, однако учтивые, былъ у меня ввечеру опять докторъ Герцъ и Штенгеръ, и легъ спать благополучно.

„Пятница, 27 Іюля. По утру въ 10 часовъ, заѣхавъ къ Герцу и осмотрѣвъ свою квартиру, выѣхалъ изъ Митавы. Обѣдали въ Экау, и выѣхавъ въ 6 часовъ послѣ обѣда, пріѣхали въ 10 въ Бальдоны. Отужинавъ, легъ спать благополучно.

„Суббота, 28 Іюля. По утру принялъ ванну въ 21-й разъ, и весь день убирались въ Митаву. По какъ Шенфогель сказалъ, конечно, будетъ, чтобы воротиться на моемъ коштѣ въ Петербургъ, то я просилъ хозяина моего вручить ему, тотчасъ по пріѣздѣ его, мое письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію. Онъ великій мерзавецъ и недостоинъ никакого уваженія. Всѣхъ болѣе одолжилъ меня молодой докторъ Штенгеръ: ибо онъ не допустилъ меня до гнилой горячки и отдалъ меня на руки Герцу.

Monsieur!

„Comme suivant les sentimens d'un médecin, à qui j'ai donné toute ma confiance, je dois faire l'usage des eaux, et comme de l'autre côté vous m'avez trop négligé, pour que je puisse compter sur vous à l'avenir, car, au lieu de passer les premiers huit jours avec moi pour voir l'effet des bains, vous m'avez abandonné d'abord pour vos petites de commerce, je vous fais savoir par ces lignes que je quitte Baldonen et que je ne me chargerai d'aucune manière de votre retour à Pétersbourg. Vous êtes tout à-fait libre de faire tout ce que vous voulez, puisque j'ai pris un autre médecin, qui, j'espère, aura des procédés plus honnêtes pour moi.

„Baldonen, le 7 Août, 1789.

„Воскресенье, 29 Іюля. Вставъ по утру очень рано, стали собираться къ отъѣзду и выѣхали въ 8 часу, заплатя Брикману за мѣсяцъ за все, то есть за квартиру, за лошадей и прочее, сорокъ талеровъ. Не доѣзжая съ полмили до Окау, переломилась у коляски задняя ось. Находящіеся со мною люди такъ искусно поддѣлали другую, что она довезла насъ до Митавы. Въ Окау обѣдали. Послѣ обѣда ѣхали преглубокими песками и насилу въ 12 часовъ дотащились до Митавы, гдѣ стали на квартирѣ у ревизора Шульца. Жена его приняла меня весьма учтиво, и такъ я въ семъ домѣ расположился.

„Понедѣльникъ, 30 Іюля. По утру былъ у меня докторъ Герцъ, который присовѣтывалъ мнѣ принять Геннешевъ чай. Обѣдалъ я изъ трактира отъ Герцеля на три персоны. Послѣ обѣда, въ 6 часовъ, приходилъ докторъ Герцъ и далъ мнѣ рвотное, которое довольно меня помучило. Потомъ Герцъ своими руками мазалъ мнѣ всю лѣвую сторону, и я заснулъ крѣпко.

„Вторникъ, 31 Іюля. Утомясь отъ рвоты, спалъ я до 6 часовъ утра покойно. Весь день продолжалъ принимать антимоніальныя капли, обкладывать всю лѣвую сторону шпанскими мухами. Ввечеру пріѣхалъ хозяинъ домой изъ Бальдонскаго межеванья.

„Среда, 1 Августа. Проспавъ ночь худо отъ натянутыхъ шпанскими мухами пузырей, проснулся рано. Докторъ Герцъ велѣлъ сегодняшній день также принимать капли и носить шпанскія мухи. Послѣ обѣда докторъ мой возилъ меня въ своемъ экипажѣ прогуливаться. Возвратясь съ прогулки, нашелъ я у хозяина одного шестидесятилѣтняго Курлянца, котораго мой докторъ точно отъ моей болѣзни вылѣчилъ. У него лѣвая рука такъ здорова стала, какъ правая. Отужинавъ, легъ я спать.

„Пятница, 3 Августа. По утру раны отъ шпанскихъ мухъ не допустили меня встать съ постели, и я весь день лежалъ. Послѣ обѣда хозяйка моя привела ко мнѣ г-жу Важинскую, вдовствующую секретаршу, живущую противъ моихъ оконъ; она сидѣла у меня весь вечеръ. Потомъ былъ докторъ Герцъ и увѣрялъ надеждою выздоровленья.

„Суббота, 4 Августа. Вставъ рано, принялъ я лѣкарство,

которое дѣйствовало хорошо. Былъ у меня докторъ Герцъ; хозяйка раза три посѣщала. Цѣлый день лежалъ, стоная отъ ранъ, причиненныхъ шпанскими мухами. Въ обѣдъ было позволено мясное, но въ ужинъ опять молочное. Послѣ обѣда докторъ Герцъ приводилъ ко мнѣ славнаго Митавскаго декламатора, секретаря Биркеля, который у меня долго сидѣлъ. Ввечеру посѣтила хозяйка, а послѣ ужина докторъ перевязывалъ раны.

„Воскресенье, 5 Августа. Ночь проспалъ сносно: не могъ однакожъ стать на ноги отъ ранъ, почему надобно будетъ пролежать цѣлый день въ постелѣ. Послѣ обѣда была у меня пасторша, г. Кульяни, которая сходствомъ своимъ съ сестрою Марфою Ивановною меня и Теодору удивила. Былъ Герцель, а наконецъ докторъ перевязывалъ раны.

„Понедѣльникъ, 6 Августа. Ночь спалъ покойно. Проснувшись, могъ стать на ноги. Былъ докторъ Герцъ. Послѣ обѣда принималъ я въ первый разъ анимальную баню. Былъ у меня Биркель. Хозяйка и г-жа Кульяни, смотря какъ я принималъ баню, слушали мою Нѣмецкую комедію, читанную Биркелемъ.

„Вторникъ, 7 Августа. По утру былъ у меня докторъ Герцъ, и нашелъ за нужное, чтобы я ввечеру принялъ рвотное. Былъ у меня поручикъ Малеръ. Послѣ обѣда былъ у меня Солей, почтовой коммисаръ, Шульцъ и поручикъ Малеръ. Въ 6 часовъ принялъ я рвотное и страдалъ до полуночи: тоска была смертельная. Докторъ Герцъ не отходилъ отъ меня и присутствіемъ своимъ весьма облегчалъ мое страданіе. Признаюсь, что Герцъ рѣдкой человѣкъ и великій медикъ. Онъ никогда не обѣщаетъ того, чего сдѣлать не можетъ: а мнѣ обѣщалъ всеконечно меня вылѣчить, но только съ тѣмъ, чтобъ я держался правила моего: исполнять его предписанія. Онъ видя меня страждущаго, божился, что сіе самое мученіе весьма для моей болѣзни полезно и что онъ возвратилъ языкъ одной параличной женщинѣ посредствомъ сего рвотнаго. „Если-бы, говорилъ онъ, съ самаго начала доктора не имѣли для васъ подлаго снисхожденія (ибо подлѣе быть не можетъ, какъ то, отъ коего вредъ здоровью происходитъ), то-бы вы четыре уже года были здоровы. Я никакъ не боюсь васъ прогнѣвать, настоя твердо въ томъ, что

по совѣсти нахожу необходимо нужнымъ. Если-же вы никакъ слушаться меня не захотите, то я лѣчить васъ перестану: ибо когда вы сдѣлали мнѣ величайшую довѣренность, какую только человѣкъ другому сдѣлать можетъ, а именно ввѣрили мнѣ жизнь и здоровье свое, то я, какъ честный человѣкъ, долженъ отвѣчать сей довѣренности, не обременяя васъ ненужными лѣкарствами и не похлѣбствуя самъ уклоненіемъ отъ нужныхъ врачеваній".

„Среда, 8 Августа. По утру всталъ хотя слабъ, однако довольно свѣжъ. Были у меня докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и священникъ; послѣ обѣда Вегнеръ съ женою, баронесса Таубе, камеръ-юнкерина Трейденъ и фрейлина Фитингофъ. Сіи три дамы, мои сосѣдки, зная, что я боленъ, изъ одного состраданія пришли навѣстить меня, ибо я ни одну изъ нихъ въ лицо не видывалъ. Была у меня г-жа Мульянъ: потомъ докторъ Герцъ водилъ меня въ каменную баню, которую я безъ малѣйшаго крику и роптанія вытерпѣлъ. Нѣкоторые изъ гостей моихъ имѣли любопытство придти ко мнѣ въ сарай, дабы видѣть, какъ вымоюсь я каменную баню. Вечеръ провели у меня Биркель и Малеръ.

„Пятница, 10 Августа. По утру, проснувшись, принималъ обыкновенныя антимоніальныя пилюли и каменную баню. По утру былъ у меня поручикъ Малеръ, а послѣ обѣда онъ-же, почтмейстеръ Кригеръ и повѣренный въ дѣлахъ Гобергъ. Ходилъ съ докторомъ къ мяснику, который, по какому-то недоразумѣнію, вмѣсто быка, убилъ свинью: и такъ я лѣчилъ руку, а не ногу. Возвратясь домой и отужинавъ легъ я спать благополучно.

„Суббота, 11 Августа. Послѣ обѣда ходилъ я съ докторомъ къ мяснику, который, не по примѣру своихъ товарищей, человѣкъ съ сантиментами и много читалъ. Онъ принялъ меня такъ, какъ сострадательный человѣкъ долженъ принять больнаго: далъ мнѣ комнату, гдѣ положенъ я былъ на постелю, и вся лѣвая сторона обкладена была кишками лишь только убитаго быка. Сія баня продолжалась съ полчаса: потомъ возвратился я домой благополучно.

„Воскресенье, 12 Августа. По утру принималъ я желѣзную

баню. Былъ у меня докторъ Герцъ. водилъ меня въ капельную баню, изъ которой вышедъ и надѣвъ кафтанъ. ходилъ я съ визитомъ къ баронессѣ Таубе: потомъ прогуливался по улицѣ съ хозяйкою и фрейлиною Фитингофъ. Возвратясь домой. терся спиртами и мазями и легъ спать благополучно.

Понедѣльникъ, 13 Августа. По утру получилъ письма изъ Бѣлоруссіи. Москвы и Петербурга: принималъ желѣзно-сѣрную баню, а послѣ обѣда капельную. Оттуда ходилъ къ мяснику, гдѣ принималъ анимальную баню: держалъ руку въ свиньѣ. лишь только убитой: потомъ былъ съ визитомъ у баронессы Таубе. Весь день принималъ обыкновенныя лѣкарства.

Вторникъ, 14 Августа. Проспавъ ночь плохо. проснулся я довольно слабъ и принималъ обыкновенную желѣзно-сѣрную баню. Потомъ баронесса Таубе и дѣвица Фитингофъ приходили ко мнѣ пить шоколадъ. Были докторъ Герцъ. поручикъ Малеръ и Бальдонской пасторъ Кейлеръ. Отправилъ письма въ Москву и въ Петербургъ. Послѣ обѣда принималъ капельную. а потомъ анимальную баню. Ходилъ къ мяснику, который убилъ для меня быка: я держалъ въ немъ руку нѣсколько минутъ. Возвратясь домой, очень усталъ. Передъ ужиномъ посѣтили меня дѣвица Фитингофъ и мой докторъ.

Воскресенье, 19 Августа. По утру хотѣлъ было ѣхать къ обѣдни. но. за болѣзнію священника, оной не было. Принималъ обыкновенныя лѣкарства и желѣзно сѣрную баню. Докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню; потомъ я самъ ходилъ къ баронессѣ Таубе а отъ нея домой проводила меня дѣвица Фитингофъ. По выходѣ изъ капельной бани, докторъ Герцъ обложилъ плечо мое пиявками мухами. Сіе сдѣлалъ онъ для того, чтобъ дать плечу больше облегченія: ибо сегодня по утру въ ванной могъ я поднять руку до бровей. Это меня весьма обрадовало.

Среда, 29 Августа. Проспавъ ночь очень спокойно, благодарилъ я Бога за сохраненіе жизни моей чрезъ четыре года послѣ случившагося мнѣ въ сей день въ Москвѣ паралитическаго удара. Ѣздилъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣда навѣстили меня дѣвица Фитингофъ. Былъ докторъ Герцъ, и водилъ меня въ анималь-

ную баню къ мяснику, гдѣ я держалъ руку въ быкѣ. Возвратясь домой и отдохнувъ нѣсколько, ѣздилъ я съ Михайломъ Алексѣевичемъ прогуливаться. Весь сей день воспоминаніе моего несчастія возмущало мою душу. Докторъ Герцъ и хирургъ В. пускали мнѣ подъязычную кровь.

ГЛАВА VII.

Есть-ли у насъ театръ? На сей вопросъ можно дать два отвѣта: есть и нѣтъ! . . . Есть—и укажемъ на сорокъ двѣ части Россійскаго ѳеатра, изданныя еще въ прошломъ столѣтіи (а сколько частей могло-бы придать къ нимъ нынѣшнее?). Нѣтъ - и въ доказательство предложимъ терпѣливому читателю прочесть оныя. Послѣ сего можно бы отдѣлаться отъ обозрѣнія драматической словесности нашей извѣстною пословицею: *на нѣтъ и суда нѣтъ!* Но мы не воспользуемся лаконизмомъ сего приговора.—Приступая къ разсмотрѣнію двухъ комедій Фонъ-Визина, поговоримъ вообще о нашей старой комедіи, которая, при всей ничтожности своей, существеннѣе новѣйшей и, во всякомъ случаѣ, занимательнѣе. Въ настоящемъ и близкомъ къ намъ недостатокъ въ жизни, въ образѣ, въ оригинальности, охлаждаетъ и отбиваетъ вниманіе. Кому охота заниматься трудомъ неблагодарнымъ, тѣмъ заниматься, что́ не подстрекаетъ любопытства, не питаетъ воображенія, не растворяется глубоко подъ остріемъ изслѣдованія и критики? Въ отдаленіи прошедшаго и слабыя черты пріемлютъ отъ времени нѣкоторый образъ, оттѣнокъ и нѣкоторую занимательность. Какъ молчаніе есть, при случаѣ, тоже выраженіе, такъ, можно сказать, и самое бездѣйствіе есть событіе въ своемъ родѣ.

Должно признаться, что комики наши не имѣли понятія о томъ, что̀ образуетъ драматическую жизнь. Дѣйствіе, сплетеніе случаевъ, послѣдствіе въ отношеніяхъ лицъ и положеній, противуположность нравовъ, званій, игра страстей, однимъ словомъ,

вся драматическая сторона общества, все, что составляетъ основу, расположеніе и связь комедіи, оставлены ими совершенно безъ вниманія. Къ сожалѣнію, мы и въ драматическомъ искусствѣ не имѣли ни дикости первобытныхъ возрастовъ ни жизни непокорной, нестройной, но сильной и рѣзкой въ явленіяхъ и краскахъ своихъ, коею были ознаменованы средніе вѣка обществъ, нравовъ, искусствъ и ума человѣческаго. Наша драма подкидышъ. Перенесенная къ намъ съ чужой почвы, она похожа на тѣ деревья, которыя, по вырубкѣ, втыкаютъ въ землю уже въ полномъ ихъ развитіи. Конечно, хозяину нѣтъ труда ходить за ними, возращать, расправлять ихъ: дерево какъ дерево: но та бѣда, что въ немъ нѣтъ прозябенія: оно увядаетъ, сохнетъ и хотя кое-гдѣ и пробивается на немъ уцѣлѣвшая зелень, но не ждите отъ него ни тѣни, ни плода, ни отпрысковъ. Вы хотѣли имѣть декорацію, комнатную рощу, и имѣете ее; но корни, но произрастительная сила не у васъ: они остались на родинѣ. Мы не можемъ указать у себя на эпоху, которую Сисмонди обозначаетъ слѣдующими словами: „Для народовъ еще юныхъ, одушевленныхъ геніемъ творческимъ, одаренными ихъ поэзіею и литературою оригинальными, въ той эпохѣ, когда они способны къ великимъ предпріятіямъ, движимы великими страстями и готовы къ великимъ пожертвованіямъ, не существуетъ иноплеменной литературы. Каждый годъ почерпаетъ изъ собственнаго лона то, что болѣе сродно съ природными свойствами его. У такого народа не съ тѣмъ пишутъ, чтобы писать, не для того говорятъ, чтобы говорить . . . .“ Мы, напротивъ того, съ самаго начала заимствовали себѣ литературу вмѣстѣ съ нѣкоторыми Европейскими обычаями: мы, еще въ безъдѣйствіи, подчинились нѣкоторымъ уваженіямъ предохранительнымъ, приняли мертвую букву, не имѣя еще живаго слова. Случалось-ли видѣть вамъ въ домахъ нѣкоторыхъ *мѣщанъ во дворянствѣ* развѣшенныя по стѣнамъ пустыя вызолоченныя рамы въ ожиданіи картинъ, коими хозяинъ не успѣлъ еще запастись? Начало нашей литературы похоже на начало этой картинной галлереи. Бѣда наша еще въ томъ, что потребность имѣть литературу, подобная потребности *мѣщанина во дворянствѣ* имѣть

въ домѣ картины, оказалась у насъ въ эпохѣ владычества Французской литературы, болѣе и менѣе всѣхъ удобной для заимствованій. Менѣе: ибо она сама долго была литературою подѣльною и отличалась отъ прочихъ однимъ превосходствомъ утонченности, нѣжностію вкуса и совершенствомъ отдѣлки; но можно-ли заимствовать блескъ, свѣжесть, выраженіе, запахъ? Болѣе: ибо тѣсные очерки ея благопріятствуютъ посредственности и малосилію подражателей. Во всякомъ случаѣ не должно терять изъ вида, что, заимствуя, присвоиваешь, — подражая, истощаешься, отказываясь отъ своего. Переводы обогащаютъ литературу; подраженія искажаютъ ее и даютъ ей ложное направленіе. Жаль, что драматическіе родоначальники наши ограничили себя подражаніемъ миніатюрной, эмальной живописи Французской, и притомъ еще, не имѣя правильной рисовки, вкуса и чистоты отдѣлки, которые, съ помощію одного времени, сдѣлались принадлежностію Французскихъ художниковъ. Жаль, что ничего не провѣдали они о школахъ южныхъ или сѣверныхъ, богатыхъ картинами исполинскими, яркими, можетъ быть не всегда изящными, но часто великолѣпными и сильно дѣйствующими на воображеніе. Поработясь Французскому игу, комики наши заимствовали отъ Французскихъ классиковъ запретительныя ихъ узаконенія, ихъ отрицательныя силы. По слѣдамъ ихъ, они многаго себѣ не дозволили, но не могли съ равною удачею слѣдовать за ними въ томъ, въ чемъ они успѣли. Легче принять запретительный тарифъ чужаго народа, нежели присвоить себѣ стихіи промышленности его. Наши писатели остановились на одномъ правилѣ: *комедія есть училище нравовъ*. Но училище, въ которомъ только и дѣлали бы, что наказывали порочныхъ, не умѣя пріохотить ихъ къ добру и къ просвѣщенію, едва-ли-бъ было надежнымъ разсадникомъ подростающаго поколѣнія. Нашъ комикъ, застигая плута болѣе твердить о себѣ словами, нежели невольно выказывать поступками, что онъ плутъ, перемежая брань прямо на лицо его похвалами честности и, наконецъ, наказывая его или обманомъ другаго плута, или судейскимъ приговоромъ, доволенъ былъ тѣмъ, что обязанность свою исполнилъ какъ честный человѣкъ и добрый христіанинъ. У насъ

и юные имѣютъ странное понятіе о нравственности сочиненій. Благонравственные критики требуютъ отъ автора, въ концѣ каждаго творенія, правоученія неизбѣжнаго и буквальнаго, какъ въ баснях, писанныхъ для дѣтей. Шлегель сказалъ справедливо: „Изъ однихъ правоученій не составишь комедіи. Поэтъ долженъ быть нравственъ: но изъ сего не слѣдуетъ, что и всѣ лица его должны постоянно поучать.“ Нравственное дѣйствіе хорошаго сочиненія проникаетъ, объемлетъ васъ, такъ-сказать, отвлеченною силою; правоученіе его не имѣетъ нужды быть написано курсивомъ или цвѣтными чернилами, чтобы скорѣе кинуться въ глаза. Автору не нужно быть нравственнѣе и правоучительнѣе Провидѣнія, которое въ дѣйствіяхъ своихъ не подводитъ моральнаго итога въ слѣдъ за каждымъ событіемъ. Притомъ у каждаго свой способъ поученія: у трагика, комика, романиста одно: у проповѣдника, уголовнаго судіи — другое.

Если комедія есть родъ повѣсти въ дѣйствіи, зеркало, въ которомъ драматически отражаются общество и ежедневныя событія его, то мы комедіи не имѣемъ. Изъ дѣйствія въ разговорахъ комедія наша обратилась въ разговоръ въ дѣйствіи или въ движеніи. Многія комедіи Французской сцены подлежатъ сей характеристикѣ, въ особенности-же комедіи Мариво; но за то разговоръ, живостію, остроуміемъ, вѣчною смѣною возраженій и эпиграммъ, замѣняетъ нѣсколько отсутствіе дѣйствія. Онъ забавляетъ умъ, если не проникаетъ глубоко въ сокровенное вниманіе. Это не сіяніе дневнаго свѣта, но игра, блескъ потѣшныхъ огней, обольщающіе зрѣніе. Но когда разговоръ не искусенъ, худо сцѣпленъ, вялъ; когда онъ и не тотъ, которымъ говоритъ общество, и не тотъ, которымъ желательно, чтобы оно говорило: когда неестественность его не прикрыта обольстительнымъ блескомъ искусственной обдѣлки: то что остается въ твореніи, не имѣющемъ ни увлекательной силы дѣйствія, ни поразительности истины, ни даже стройнаго пустозвучія милой болтовни? Кто-то сказалъ о комъ-то: „Онъ дуракъ, натертый умомъ“. О многихъ Французскихъ комедіяхъ можно сказать, что онѣ пустыя бездѣлки, подкрашенныя остроуміемъ: о нашихъ комедіяхъ вообще не скажешь и этого.

За неумѣніемъ составлять вѣрные списки съ живыхъ подлинниковъ, комики наши не умѣли создать и условныхъ лицъ, запастись масками, кои на сценахъ иноплеменныхъ подъ именами арлекиновъ, Криспиновъ, Испанскихъ граціозо и многихъ другихъ, замѣнили истинныя лица существеннаго міра. Въ комедіяхъ Сумарокова хотя и проявлялись изрѣдка пасквины и арлекины, но эти имена у насъ ничего не выражаютъ и не служатъ знаменіемъ опредѣленныхъ лицъ.

Не должно-ли искать причинъ сей безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій въ самомъ свойствѣ характера народнаго и въ образованіи нашего общества, не приписывая причинъ сихъ единственно тому, что у насъ не родился еще великій комикъ? Но пока его еще нѣтъ, пока, на подобіе мудреца, который началъ ходить въ опроверженіе софиста, отрицавшаго движеніе, не пройдетъ по сценѣ нашей Мольеръ, Шеридень или по-крайней-мѣрѣ Коцебу, пока не явится у насъ писатель, который изъ нравовъ Русскихъ извлечетъ комическіе матеріалы, а изъ головы своей зиждительную мысль Русской комедіи: я позволю себѣ обнаружить нѣсколько своихъ предположеній.

Начну съ того, что, кажется, въ Русскомъ умѣ нѣтъ драматическаго свойства, и въ этомъ сошлюсь не на одинъ нашъ театръ, но и на всѣ творенія, въ которыя драматическая сила входитъ содѣйствующею стихіею. Вездѣ драматическая часть окажется слабѣйшею. Довольно одной понятливости дарованія, чтобы хорошо разсказать дѣйствіе, подражать мертвой природѣ или списать конію: но нужно сильное воображеніе, чтобы изловить истину въ живой природѣ, перенесть ее на сцену, себѣ назначенную, или себя перенести въ нее, а у насъ именно воображенія и нѣтъ. Въ семъ недостаткѣ ссылаюсь также и на лучшія наши литературныя богатства. Между тѣмъ въ чертахъ національнаго ума встрѣчаешь смѣтливость, вѣрность и проницательность наблюденій, наклонность къ пересмѣшливости и нѣкоторую веселость, такъ сказать, мѣстную, которая заставляетъ Русскаго смѣяться тому, что́ не могло-бы казаться смѣшнымъ иностранцу. При сихъ примѣтахъ можно-бы ожидать отъ насъ

комедіи нравственной, комедіи сатирической, хотя бѣдной движеніемъ, но богатой красками. Однако-жъ и ея нѣтъ. Должно полагать, что и нравы наши не драматическіе. У насъ почти нѣтъ общественной жизни: мы или домосѣды, или дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы мало достуны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй изъ уваженія, которое обязаны мы имѣть къ предметамъ государственнымъ, и наконецъ потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената, нежели комедіи. Вотъ отъ чего, мимоходомъ будь сказано, „Ябеда“, твореніе Капниста, хотя во многихъ отношеніяхъ достойное уваженія и приближающееся, сколько нравы наши дозволяютъ, къ сатиро-политической комедіи Аристофана, не поэма, а уголовное дѣло, коего развязка зависитъ не отъ соображенія поэта, а отъ подведенія указа. Въ общежитіи мы очень чинны, мѣрны и опасливы въ своихъ поступкахъ и разговорахъ. Не только гласныя событія общества нашего, но и тайныя хроники его, не могутъ быть обильнымъ источникомъ драматическихъ приключеній. У насъ мало гласокъ въ общественной жизни; а драма любитъ соблазнъ, крутые перевороты въ жребіяхъ людей, любитъ междоусобія семействъ и общежитія. Объ этомъ жалѣть нечего. Было сказано — „счастливы народы, коихъ исторія скучна“. Можно прибавить — счастливы общества, въ коихъ комическимъ авторамъ мало поживы. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: всѣ какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Стройный, правильный, выравненный, симметрическій, одноцвѣтный, цѣльный Петербургъ можетъ нѣкоторымъ образомъ служить эмблемою нашего общежитія. Безъ надписей, безъ нумеровъ на домахъ, трудно было-бы отличить одинъ домъ отъ другаго. Въ людяхъ что Иванъ, что Петръ; во времени что сегодня, что завтра: все одно и тоже; нѣтъ разности въ примѣтахъ лицъ и званій. Воспитаніе почти у всѣхъ одинаковое, поприще общее. Служба, потомъ отставка и домашнее житье съ хозяйственными заботами или стѣсненіе дѣлъ, болѣе или менѣе разстроенныхъ —

вотъ вся жизнь дворянства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ. Между перекрестными тропами, проложенными по общему поприщу, также различія мало, ибо тоже лицо встрѣчается часто на томъ и на другомъ. Военный былъ или будетъ статскимъ и обратно: онъ-же и авторъ, онъ-же и деревенскій помѣщикъ, онъ-же и промышленникъ, онъ-же и купецъ. Купеческое званіе также не имѣетъ особенныхъ примѣтъ: оно двумя концами примыкаетъ или къ дворянству, или къ простонародію. Въ такомъ положеніи мало игры, мало рѣзкихъ противорѣчій. Замѣчаютъ, что на французскомъ языкѣ съ перваго раза не различишь глупца отъ умнаго, потому что много готовыхъ фразъ, много ума на прокатъ, которыми равно пользуется и тотъ и другой. Можно сказать, что и въ обществѣ нашемъ не скоро схватишь помянутое различіе, потому что и умные и глупцы слѣдуютъ по одной столбовой дорогѣ, несутъ тѣ-же общественныя повинности и выручаютъ свою поденную плату. Взглянемъ хотя съ одной точки, напримѣръ, на цѣль свѣтскихъ собраній нашихъ. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не потребность разсужденій о предметахъ общественной пользы, какъ въ Англіи; не нравственная и первическая необходимость привести языкъ въ движеніе, не прелесть разговорчивости, не заманчивость споровъ о новой брошюркѣ, о новой драмѣ, какъ во Франціи: не попытки волокитства и поиски романическихъ похожденій отъ праздности, нѣги и солнечнаго зноя, какъ въ Италіи: не добродушное товарищество Нѣмцевъ, имѣющихъ нужду въ развлеченіи послѣ головоломныхъ трудовъ, какъ дѣти послѣ уроковъ, и собирающихся иногда *кое объ чемъ помолчать*. но по-крайней мѣрѣ на людяхъ:—нѣтъ! у насъ краеугольный камень, связь и ключъ общества—карты. Онѣ, за зеленымъ сукномъ, уравниваютъ званія, возрасты, полы, глупость и умъ, образованность и невѣжество, честность и корыстолюбіе. Одно условіе, одно отличіе—курсъ игры, кто почемъ и кто во что играетъ: по этому сходятся и не разстаются. Батюшковъ говорилъ, что, для представленія комедіи въ Русскихъ нравахъ, должно поставить на сценѣ столько ломберныхъ столовъ, сколько умѣститься можетъ. И замѣтьте еще, что собираются не

игроки въ собственномъ значеніи слова, не живописные Беверлеи. Тутъ не увидите вы поэзіи страсти, имѣющей всегда, и въ безобразіи своемъ, драматическую сторону: нѣтъ, тутъ одна холодная, машинальная страсть, проза страсти во всей плоскости своей. Многіе играютъ въ карты какъ дремлющая старуха вяжетъ чулокъ или зѣвака плюетъ въ колодезь—отъ нечего дѣлать, съ тою разницею, что наши игроки съѣзжаются и садятся за карты въ свидѣтельство, что безъ картъ имъ дѣлать нечего. Изъ подобныхъ стихій можно-ли составить комедію? Вѣроятно, можно, но съ большимъ трудомъ и при взглядѣ совершенно новомъ. Но если и можно, то предъ кѣмъ представить ее? кто пойметъ ее? кто будетъ зрителями и судіями, когда тѣ-же дѣйствующія лица въ партерѣ? Всякой скажетъ: „Точно такъ; но что-жъ тутъ худаго? и стóитъ-ли идти смотрѣть на сценѣ то, чтó вижу у себя дома, не сходя съ мѣста?“ Портретъ привлекателенъ въ разлукѣ, но при живомъ подлинникѣ или самому въ своемъ портретѣ мало привлекательности. Здѣсь можно допустить еще одно замѣчаніе, болѣе важное и прискорбное. Наше общественное мнѣніе не довольно щекотливо, мнительно и взыскательно. Оно таково не отъ разслабленія нравовъ, но именно отъ излишней осторожности, отъ боязни огласки. Мы терпимъ въ обществѣ своемъ безчестнаго человѣка, принимаемъ его наравнѣ съ другимъ достойнымъ уваженія, не потому, что совѣсть общества нашего усыплена или зачерствѣла, но потому, что не хотимъ ни съ кѣмъ ссориться, говоря: „Наше дѣло сторона“. Нѣмецкая поговорка „Machen sie kein Spectakel“, которую, мимоходомъ будь сказано, комики наши приняли въ буквальномъ смыслѣ, всевластна надъ нами: мы отъ нея цѣпенѣемъ, какъ отъ Медузиной головы. „Наше дѣло сторона“, говоримъ мы, и жмемъ руку подлецу, и принимаемъ къ себѣ негодяя. Съ правилами такой общежительной терпимости мудрено согласовать строгую цензуру театра. Комическіе писатели суть члены того же общества, воспитаны въ томъ-же смиреніи духа; мудрено имъ отдѣлиться отъ себя, раздвоить себя и перенести на сцену щекотливую раздражительность и мужественное негодованіе, коихъ не имѣютъ они въ тѣснотѣ

жизни дѣйствительной. Вотъ отъ чего не наступаютъ они грудью на затвердѣлые пороки, могучіе и надменные, а вертятся около мелкихъ и смирныхъ слабостей, задираютъ безотвѣтныхъ провинціаловъ въ столицѣ и горячатся противъ безпорядковъ, которыхъ нѣтъ или которые можно-бы оставить въ покоѣ. Мы представляемъ здѣсь одни затрудненія, одни препятствія, подавляющія у насъ развитіе истинной народной комедіи; но не позволяемъ себѣ писать приговоры и на будущее. Мы говоримъ: комедіи у насъ нѣтъ, и объясняемъ, по нашимъ предположеніямъ, почему ея нѣтъ, но не говоримъ, что ея и не будетъ. Во-первыхъ, нѣкоторыя, хотя и весьма рѣдкія, попытки уже явили у насъ, такъ сказать, предчуствіе того, что̀ быть-бы могло; во-вторыхъ, нравы наши или многое въ нравахъ измѣнится можетъ; наконецъ, можетъ явиться человѣкъ съ сильнымъ дарованіемъ, со взглядомъ поэтическимъ, то-есть вѣрнымъ, со взглядомъ орлинымъ, который отыщетъ въ обществѣ нашемъ драматическую сторону, незамѣченную еще донынѣ.

Кажется, за неимѣніемъ *комедіи кровной*, можно было-бы дать комедію *смышанную*, комедію métis. Почему, напримѣръ, не представить Русское семейство съ его понятіями, домашними привычками, въ Парижѣ или Лондонѣ, или иностранцевъ на Руси? Изъ сшибки противоположностей высѣклись-бы искры, разлился-бы новый свѣтъ. Даже, не выступая изъ черты пограничной, можно-бы разнообразить у насъ картину нравовъ разноплеменныхъ. Въ романахъ Англійскихъ, Шотландецъ, Ирландецъ, Англичанинъ имѣютъ каждый свою физіогномію: и у насъ Малороссіянинъ не похожъ на Лифляндца, и такъ далѣе. Еще, кажется, могли-бы мы имѣть историческую комедію, которая съ такимъ успѣхомъ развивается нынѣ во Франціи. Не углубляясь въ древность, начиная съ царствованія Петра до царствованія Екатерины включительно разстилается поприще широкое и доступное. Воинственныя и политическія сношенія наши съ сосѣдними народами, съ Шведами, Поляками, Украинцами, Турками, водвореніе наше во многія области ихъ, нестрота нравовъ при единствѣ главныхъ свойствъ человѣка, почти всегда и вездѣ одинакаго, часто два поколѣнія, такъ сказать,

два вѣка современные и въ состязаніи, могли-бы дать комику много драматическихъ движеній и красокъ, которыхъ не найдетъ онъ дома и на мѣстѣ. Напримѣръ, Кантемиръ въ Парижѣ, Долгорукій и Хилковъ въ плѣну у Шведовъ, мужественное и драматическое освобожденіе изъ плѣна, совершенное первымъ, борьба древнихъ и новыхъ нравовъ при Дворѣ Петра, драматическія лица Меньшикова, Бирона, Миниха, ожидаютъ еще своего Шекспира или по крайней мѣрѣ остроумнаго и оригинальнаго автора „Вечеровъ въ Нѣльи“. Что нужды, что нашъ театръ еще не приспособленъ къ подобнымъ представленіямъ, что авторъ не найдетъ на первый случай ни актеровъ, ни можетъ быть и зрителей. Пока довольствуйся онъ читателями и потомствомъ; пока скажи онъ себѣ съ старикомъ у поэта:

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится!

Но для подобнаго предпріятія не довольно одного остроумія: нужны свѣдѣнія, изученіе человѣка въ общемъ и національномъ отношеніи, поэтическое воображеніе, безъ коего не только создать и олицетворить ничего нельзя, но и сообразить, ибо воображеніе не есть одна способность вымышлять ложь, но и воображать истину, и потому безъ сильнаго воображенія не можно быть ни историкомъ, ни драматическимъ писателемъ.

Къ доказательствамъ анти-драматическихъ свойствъ народа Русскаго можно еще прибавить и холодность и равнодушіе наше къ театральнымъ зрѣлищамъ. У насъ театръ не только не потребность, но даже и не изъ первыхъ удовольствій общества нашего. Въ столицахъ онъ поддерживается значительными пособіями отъ казны и праздностью столичныхъ жителей, которые ѣздятъ въ него, чтобы убить время отъ обѣденнаго засѣданія до вечерняго засѣданія за зеленымъ сукномъ. Но и тутъ, не смотря на то, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ по одному Русскому театру, присяжные охотники и по зимнимъ вечерамъ сидятъ нерѣдко сами-двадцать въ залѣ. Въ провинціяхъ, если гдѣ и находятся театры, то они основаны болѣе на *полубарскихъ затѣяхъ Трапезиранныхъ*, нежели на потребности и вкусѣ общества, и служатъ болѣе къ разоренію содержателей и огорченью актеровъ, нежели къ удовольствію зрителей. Неспра-

ведливо было-бы обвинять въ семъ равнодушіи исключительно авторовъ и актеровъ нашихъ: не всѣ зрители выше той степени, на которой стоитъ у насъ драматическое искусство. Какъ оно ни посредственно, но все для многихъ еще очень вкусно; между тѣмъ и эти многіе не ѣздятъ въ театръ, и театры наши не размножаются. Когда подумаешь о множествѣ театровъ, существующихъ во Франціи, въ Италіи; когда сообразишь, по указанію Шлегеля, что при движеніи, данномъ драматическому искусству Шекспиромъ, сооружено или устроено было въ теченіи шестидесяти лѣтъ въ одномъ Лондонѣ до семнадцати театральныхъ залъ, то нельзя не согласиться, что пора театра Русскаго еще не наступила. Запри нынѣ театры у насъ, запрети драматическія представленія и сочиненія, какъ пуритане запрещали ихъ въ Англіи, и мѣра сія не будетъ общественнымъ лишеніемъ: сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничтожь Александровскую мануфактуру картъ, запрети всѣ игры, запри въ столицѣ Англійскіе клубы — и новыя пещеры, новыя Оваиды населятся добровольными изгнанниками.

Примѣръ Волкова, сего Ломоносова театра нашего, есть исключеніе: въ тому-же онъ съ другой стороны подкрѣпляетъ достовѣрность нашихъ предположеній. Движеніе дано было имъ, но отозвалось слабо. Нѣтъ у насъ драмы писанной, число-литературной, — согласенъ. Можно сказать на это, что у насъ еще и многаго нѣтъ: но какъ-же не имѣть преданій о драмѣ изустной, какъ-бы не быть какимъ нибудь сценическимъ стихіямъ простонародными, если-бы народъ нашъ имѣлъ чувство драматическое? У насъ есть-же народныя пѣсни, потому что въ нашей природѣ есть лирическое свойство, но драматическаго нѣтъ, и потому нѣтъ драмы. Гдѣ наши Русскіе полишинели, Русскіе Фаусты, простонародные герои балаганныхъ представленій во время масленицы или Свѣтлой недѣли? Ихъ нѣтъ: и тамъ господствуетъ духъ безжизненнаго подражанія, и тамъ свой иноплеменный классицизмъ. Взгляните на одну одежду актеровъ: что тутъ Русскаго? Въ трескучіе морозы, они, на открытомъ воздухѣ, являются въ тонкомъ полотнѣ и въ кисей-

ныхъ тюникахъ. Это то же, что наши Русскіе богатыри въ древнихъ тогахъ. Бородачи наши, глазѣя на чужестранную мимику, отвѣчаютъ народнымъ хохотомъ только при появленіи Русскаго будочника и Русской палки.

По старинству, Сумароковъ первый нашъ комическій писатель. Комедіи его обѣдны содержаніемъ, расположеніемъ и искусствомъ; но какая-то оригинальность, бѣглый огонь сатирическій, хотя и не драматическій, мѣстами искупаютъ въ нихъ главнѣйшіе недостатки. Въ умѣ его была живость, въ авторскомъ темпераментѣ раздражительность; брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переносилъ горячій памфлетъ въ свои холодныя комедіи. Онъ иногда угадывалъ Бомарше. Ученый критикъ скажетъ, что эти отступленія не у мѣста въ комедіи, и сошлется въ томъ на Аристотеля и другихъ законоискусниковъ; умный читатель прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ и будетъ ссылаться на нихъ, какъ на разрядный архивъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ обыкновеній, какъ на вывѣску ума и эпохи писателя. Для объясненія сказаннаго, приводимъ здѣсь выписки изъ одной сцены комедіи его „Опекунъ“, вообще очень замѣчательной по юмористическимъ выходкамъ пылкаго и необузданнаго автора:

«*Нина.* Я дворянская дочь, такъ выйти мнѣ за тебя нельзя, покамѣстъ ты не будешь дворянинъ.

«*Пасквинъ.* Да я дворяниномъ и вѣкъ не буду: дворянство дается за особливыя отечеству услуги.

«*Нина.* На что отечеству услуги? Поди въ подьячіе, да добейся до регистраторскаго чина, такъ и будешь дворянинъ.

«*Пасквинъ.* А они развѣ дворяне?

«*Нина.* Какъ-же не дворяне: имъ даются шпаги и офицерскіе чины.

«*Пасквинъ.* Такъ поэтому и дворянскіе камердинеры имѣютъ чины регистраторскіе: и они шпаги носятъ.

«*Нина.* Ежели-бы только такихъ людей въ регистраторы посвящали, которые хорошо писать умѣютъ, такъ-бы не было

на Руси ни одного регистратора: ни одинъ регистраторъ писать не умѣетъ, я объ этомъ отъ Валерія слышала, а онъ почитается человѣкомъ весьма знающимъ; а въ камердинеры-тотебя хотя и возьмутъ, однако шпаги не получишь, ради того что ты нашего закона, а по нашему закону носить господскому служителю шпагу грѣхъ тяжкой и смертной: такъ только одни камердинеры иновѣрцы шпаги въ Россіи носятъ".

Далѣе:

«*Ниса.* Отъ чего-же на тебя такой крѣпкой напелъ сонъ?

«*Наскинъ.* Отъ того, что я во всю не спалъ ночь.

«*Ниса.* Развѣ ты книгу читалъ?

«*Наскинъ.* Будто въ эдѣшнемъ городѣ книги читать можно!

«*Ниса.* А для чего не можно?

«*Наскинъ.* Ради того, что здѣсь цѣлый день, отъ утра до ночи, пьяницы деруть горло какъ медвѣди въ лѣсу, не смотря на то, что здѣсь престольный городъ и что этого, кромѣ Москвы и Петербурга, ни въ одномъ Россійскомъ городѣ не терпятъ, да и здѣсь и въ Москвѣ лѣтъ двадцать тому не важивалось: а другая причина, отъ чего слуху, а слѣдовательно и душѣ, цѣлый день нѣтъ покою, что многіе хозяева въ корабельное ударились мастерство и разрубливаютъ мерзлыя барки, хотя ихъ и пилить можно, избавляя чувство сосѣдняго слуха отъ незаслуженнаго наказанія.

„*Ниса.* Ну, а ночью то какое безпокойство? Вѣдь и тѣ школы, въ которыхъ черни обучается пьянствовать, по ночамъ запираются; а и дровъ также по ночамъ не рубятъ.

„*Наскинъ.* А по ночамъ во всемъ городѣ, и на улицахъ и на дворахъ, лаютъ собаки, хотя и этого лѣтъ двадцать тому назадъ немного было. А у нашего сосѣда на дворѣ прикованъ басистъ, который безъ отдыха увеселяетъ нѣжный его слухъ, и слухъ его сосѣдей, не охотниковъ до его музыки, мучитъ, а потомъ насталъ колокольный звонъ.

„*Ниса.* Колокольный звонъ Божіей славѣ служитъ.

„*Наскинъ.* А я думалъ то, что онъ человѣческому служитъ безпокойству и увеселенію звонарей. Этого я истинно не зналъ до этого времени. Вотъ то-то, Нисанька, вѣкъ жить, вѣкъ

учиться. Ну, а когда это ко славѣ Божіей, такъ можно-бы днемъ только звонить; а ночью-то ради чего звонятъ? Ежели для того, чтобы Богъ во всѣ часы прославленъ былъ, такъ-бы во всѣ часы и звонить надлежало; а ночь, я думаю, на то отъ Бога уставлена, чтобы человѣку имѣть отдохновеніе, такъ воля Божія опредѣлила къ отдохновенію тишину, а не стукъ.

„*Иса*. Этого, право, и я не знаю: объ этомъ я спрошу у своего отца духовнаго: онъ и по латынѣ знаетъ.

„*Наскинъ*. Да развѣ на колокольняхъ-то звонятъ по латынѣ?

Легко согласиться, что подобный разговоръ между двумя любовниками довольно неумѣстенъ; но согласимся и въ томъ, что счастливы-бъ мы были, если-бы всѣ многоглаголанія дѣйствующихъ или говорящихъ лицъ комедій нашихъ имѣли веселую и острую живость приведеннаго нами примѣра. Вообще въ комедіяхъ Сумарокова должно быть много личностей, какъ и въ другихъ твореніяхъ Русскаго театра. Если нынѣшнимъ читателямъ и нельзя безъ посторонныхъ объясненій понять многія намеки, то можно ихъ угадывать. Къ тому-жъ личности были и вездѣ пособіями младенчествующей комедіи: общія характерическія лица суть уже соображенія просвѣщенной комедіи. Личности даютъ комику средства, безъ большого труда, разсмѣшить зрителей своихъ и угодить лукавой злости, свойственной каждой публикѣ. Комедія Сумарокова „Триссотиніусъ", коей названіе заимствовано у Мольера, представившаго также живой портретъ въ лицѣ *Триссотина*, должна мѣтить на Тредьяковскаго. Тутъ въ одной сценѣ есть забавный споръ о буквѣ твердо (т), *которое правильнѣе: о трехъ-ли ногахъ, или объ одной?* Слуга *Кимаръ*, призванный *Бобембіусомъ* и *Триссотиніусомъ* сказать свое мнѣніе о сей ученой задачѣ, отвѣчаетъ, *что онъ треножное твердо одноножному предпочитаетъ: ибо у этого если нога переломится, такъ его и брось: а у того хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья останется.* Забавное самохвальство автора выказывается на заглавномъ листѣ сей комедіи, которая зачата 12 Января 1750, а кончена 13 Января 1750 года.

Въ Россійскомъ ѳеатрѣ есть комедія Лукина, недоброжела-

теля Фонъ-Визина и доселѣ Сумарокова. Заглавіе ея „Мотъ, любовью исправленный". Въ ней было-бы довольно занимательности, игры и движенія, если-бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ; также нѣтъ искусства въ расположеніи. Есть сценическая оптика, сценическій глазомѣръ, но они не были извѣстны комикамъ нашимъ. Все у нихъ на отрѣзъ: нѣтъ переливовъ въ краскахъ; всѣ дѣйствующіе обращены къ зрителямъ лицомъ къ лицу: профилей нѣтъ, и потому зрителю нечего всматриваться, угадывать нечего. Въ комедіи Лукина есть характеръ ложнаго друга — *Взоровъ*, обманывающій *Добросердова*. Не говорю уже о сихъ именахъ, по коимъ сама аѳлина объясняетъ характеры: но какъ зрителямъ удивляться плутнямъ человѣка, и какія должно вымышлять за него дѣянія, соразмѣрныя словамъ его, когда онъ самъ о себѣ говоритъ: „Раскаяніе и грызеніе совѣсти совсѣмъ мнѣ неизвѣстны, и я не изъ числа тѣхъ простаковъ, которыхъ будущая жизнь и адскія муки ужасаютъ. Лишь-бы здѣсь пожить въ довольствіи, а тамъ что со мною ни случится, о томъ не пекуся". Извѣстна одна только комедія, въ которой подобное лицо имѣло-бы заслуженное мѣсто: это Дантова *Divina Comedia*. Но Лукинъ не Данте и комическая сцена не адъ. *Чудотвопъ*, лицо изъ упомянутой комедіи Сумарокова: „Опекунъ", боится, по крайней мѣрѣ, ада, и говоритъ: „Кнута я не боюсь, да боюсь и вѣчной муки, а мнѣ ея, какъ видно, не миновать".

Въ доказательство вольностей тогдашняго театра нашего, приведемъ замѣчаніе Новикова о комедіи Лукина: „Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіями, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили". Сей отзывъ просвѣщеннаго Новикова доказываетъ, что подобныя личности были не только терпимы на театрѣ нашемъ и угодны публикѣ, но и не оскорбляли нравственнаго чувства, за которое въ противномъ случаѣ онъ-бы вступился.

„Такъ и должно", комедія Веревкина, имѣла большой успѣхъ въ свое время. Она сбивается нѣсколько на Дидеротов-

скую или Нѣмецкую среднюю драму, по крайней мѣрѣ ролью стараго *Доблестина*, который является на сцену въ рубищѣ и въ оковахъ. Впрочемъ, сочинитель и самъ въ посвятительномъ письмѣ къ князю Репнину болѣе надѣется на слезы, нежели на смѣхъ зрителей. Веревкинъ былъ человѣкъ умный и образованный: языкъ и слогъ его показываютъ писателя довольно искуснаго: но комедія его вовсе безъ драматическаго дѣйствія. Вотъ содержаніе ея. Молодой *Доблестинъ* пріѣзжаетъ въ какой то городъ жениться. Невѣста любитъ его, онъ ее: бабушка ея согласна на ихъ бракъ. За чѣмъ-же дѣло стало? Веселымъ пиркомъ-бы, да и за свадебку, и комедіи конецъ. Нѣтъ, погодите. Женихъ узнаетъ въ колодникѣ, просящемъ милостыню, дядю своего, который беззаконно содержится въ городской тюрьмѣ; выручаетъ его угрозами воеводѣ и деньгами, данными секретарю его, и наконецъ женится. По крайней мѣрѣ, не пожалуемся на запутанность дѣйствія: все просто и ясно, съ перваго взгляда все видишь насквозь: но піеса не безъ достоинства. Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламаторскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушіи и прочихъ театральныхъ пружинахъ, приводящихъ въ движеніе ладони и носовые платки добронравныхъ и слезливыхъ зрителей. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны: старуха *Афросинья Сысоевна, воевода Протазанъ Безсчетной, Урывай Алтынинъ, съ приписью подьячій*, суть лица истинно комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю, сцены въ судейской комнатѣ, когда Урывай читаетъ дѣла, а воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ, или когда молодой *Доблестинъ* приходитъ требовать освобожденія дяди своего изъ беззаконнаго заточенія, должны производить сильное впечатлѣніе на зрителей: онѣ вообще наброшены живо и не безъ душевной теплоты. Тутъ есть *Фока*, домовый дуракъ: но характеръ его блѣдно назначенъ. Напрасно комики наши мало пользовались симъ лицемъ, принадлежностью барскаго дома въ старину: въ нашей старой комедіи домашніе дураки и дуры могли-бы замѣнять Французскихъ Фронтиновъ и Лизетъ, которые у насъ совершенно не у мѣста. Около этихъ лицъ,

не чуждыхъ поэтической физіогноміи, могли-бы часто вертѣться интриги и потаенныя пружины дѣйствія. Въ доказательство неосмотрительности и неотчетливости автора укажемъ на слѣдующее: молодой „Добролюбовъ“, разжалобясь надъ несчастіемъ колодника, предлагаетъ ему свои услуги и мѣсто у себя въ домѣ, *если нѣтъ у него отдаго пристанища*. Какое-же пристанище вѣрнѣе городской тюрьмы? Какъ не знать „Добролюбову“, что колодникъ не властенъ по произволу своему перемѣнить квартиру. Подобныя несообразности и промахи встрѣчаются поминутно въ комедіяхъ нашихъ, обыкновенно погрѣшающихъ противъ дѣйствительности и условій ежедневной жизни.

Замѣчательнѣйшими и драгоцѣннѣйшими произведеніями Россійскаго театра должно почесть творенія Екатерины Великой, если не по драматическому достоинству, то по литературной и исторической важности. Нельзя требовать отъ нихъ того, чего не находимъ и у писателей, занимавшихся драматическимъ искусствомъ какъ ремесломъ, а не какъ отдыхомъ и увеселеніемъ. Къ тому же, сила-ли можно ожидать отъ Писателя-Вѣнценосца того изученія людей, правовъ ихъ и характеровъ, которое образуетъ комика. „Должно жить съ людьми, заставать ихъ въ дѣлахъ жизни, такъ сказать, въ расплохъ, быть самому рядовымъ дѣйствующимъ лицомъ на общей сценѣ, чтобы извѣдать людей во всѣхъ ихъ видахъ и отношеніяхъ. Царь долженъ быть также земной серпцевѣдецъ по человѣческой возможности. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина одарена была сею проворливостію и дальновидностію: но глубокій взглядъ политика не есть взглядъ комика. Можно также предположить что вообще женщинѣ трудно быть драматическимъ писателемъ Женщины имѣютъ особенный взглядъ на жизнь, на общество, на людскіе пороки и слабости. При всей тонкости чувства, изощреннаго въ нихъ природою и привычкою утаивать въ себѣ впечатлѣнія свои, при всей вѣрности ихъ разсудка, когда онъ свободенъ и безпристрастенъ, онѣ не имѣютъ той постоянной, глубокомысленной наблюдательности, той опытности, которыя необходимы судьѣ. Женщина скорѣе и вѣрнѣе нашего угадаетъ человѣка, но хуже нашего знаетъ его. Въ этомъ отно-

шеніи можно примѣнить ихъ къ отдѣльнымъ существамъ, которыя хотя и въ связи съ обществомъ, но по возвышенію своему, такъ сказать, внѣ онаго. Какія-бы обстоятельства ни волновали жизнь ихъ, они все не сходятъ съ какого-то подножія и не вмѣшиваются въ толпу на площади житейской.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на перевороты, которые могутъ измѣнять у насъ драматическое искусство, творенія Екатерины останутся всегда драгоцѣнными памятниками. Кистью ея водило всегда патріотическое чувство: осмѣивая пороки и дурачества, она забавлялась и поучала. Нельзя безъ признательности, безъ живѣйшихъ впечатлѣній мысленно слѣдовать за нею, когда она державною рукою, съ чувствомъ какого-то самоотверженія, обращалась для поученія къ средствамъ, заимствующимъ силу свою отъ умственнаго владычества. Комедіи ея въ этомъ отношеніи—блестящая дань, принесенная ею силѣ мысли и нравственному господству литтературы. Почтенный сочинитель біографическихъ статей, напечатанныхъ въ „Другѣ Просвѣщенія„, говоритъ: „Придворныя и посторонніе сплетни, проискства и затѣи осмѣивала она своими комедіями“. Поэтому должно быть въ нихъ много портретовъ и частныхъ изображеній. Конечно, портреты не составляютъ картины, а безъ картины нѣтъ дѣйствія; но здѣсь позволительно допустить особенную пятнику. Уже самая мысль Екатерины — писать для театра — есть событіе въ исторіи искусства. Ея историческія представленія въ подражаніе Шекспиру, какъ сказано въ оглавленіи (хотя въ нихъ Шекспировскаго и немного), были у насъ первыми романтическими опытами: они могли быть великолѣпными театральными зрѣлищами. Намѣреніе счастливое и поэтическое! Жаль, что сей примѣръ не былъ богатѣе послѣдствіями. При скудости своей, нашъ театръ могъ-бы оживиться и сдѣлаться народнымъ подобными представленіями Вообще лирическое свойство поэзіи нашей оказалось бы съ успѣхомъ на семъ поприщѣ. Не довольствуясь преподаваніемъ собою примѣра, Императрица задавала драматическіе уроки и приближеннымъ своимъ. Въ слѣдствіе подобной задачи, княгиня „Дашкова написала комедію. Вотъ подробный разсказъ о семъ сочиненіи, извлеченный изъ

неизданныхъ записокъ княгини. Послѣ нѣкоторыхъ сердечныхъ огорченій она была въ большомъ уныніи духа; жизнь становилась ей въ тягость и самыя мрачныя мысли питали въ ней желаніе скораго конца. Императрица, услыша отъ нея самой признаніе въ такомъ гибельномъ расположеніи духа, старалась всячески развлечь ее. Наконецъ присовѣтовала ей написать Русскую комедію для эрмитажнаго театра, говоря, что, по собственному опыту, знаетъ она, сколько подобный трудъ услаждаетъ и занимаетъ автора. Княгиня долго отговаривалась, не признавая въ себѣ ни малѣйшаго драматическаго дарованія, наконецъ должна была согласиться на повторенное требованіе, съ тѣмъ однако-жъ условіемъ, что первые акты будутъ предварительно показаны Императрицѣ и по ея откровенному приговору брошены въ огонь, если того стоютъ. Въ тотъ-же вечеръ написаны были два акта комедіи: „Тонсековъ“, и на другое утро представлены на судъ Августѣйшаго Критика. — „Ея Величество“, говоритъ авторъ, „повела меня въ спальню свою для прочтенія экспромта моего, который не стоилъ сей чести. Государыня сѣвялась при многихъ явленіяхъ, и, по снисходительному-ли благоволенію, или по нѣкоторому пристрастію ко мнѣ, которое въ ней иногда оказывалось, она сказала, что оба акта совершенно хороши. Я изложила планъ и развязку для предполагаемаго послѣдняго третьяго акта. Тогда Ея Величество снова начала меня принуждать, уговаривая распространить комедію до пяти дѣйствій; но растянутая такимъ образомъ піеса, вѣроятно, тѣмъ менѣе выиграла, что я скучала этою работою, а интрига должна была остыть отъ ненужнаго дополненія. Наконецъ, я дописала ее, какъ могла, и чрезъ два дня, переписанная на-бѣло, была она уже въ рукахъ Императрицы. Сія комедія была представлена на эрмитажномъ театрѣ и вскорѣ послѣ того напечатана.“ — „Любопытные могутъ отыскать ее въ „Россійскомъ Осатрѣ“. Исторія сего произведенія гораздо замѣчательнѣе и занимательнѣе, нежели самое твореніе, и потому не скажемъ ничего о немъ въ семъ послѣднемъ отношеніи.

Обозначивъ нѣкоторыми чертами нѣсколько комедій Россійскаго осатра, мы дали понятіе почти о цѣломъ. Все различіе

въ слабыхъ оттѣнкахъ, въ легкихъ признакахъ большаго или мéньшаго искусства; но полноты въ дѣйствіи нѣтъ нигдѣ. Сказанное Крыловымъ въ разборѣ комедіи Клушина „Смѣхъ и горе" о *Вѣтрогонѣ*, что этотъ характеръ кажется занелъ въ эту поэму изъ другой комедіи, можетъ быть примѣнено вообще и къ лучшимъ лицамъ театра нашего. Въ нашей драмѣ всѣ лица завязжія, все вводныя лица. О Княжнинѣ здѣсь не упоминаемъ, ибо онъ достоинъ отдѣльнаго разбора. Въ его твореніяхъ нѣтъ природы истинной, чистой. Комедія его переработана въ природу искуственную, условную. Но если допустить, что на сценѣ позволительно созидать міръ театральный, только по нѣкоторымъ отношеніямъ соотвѣтственный міру дѣйствительному, то безъ сомнѣнія должно признать Княжнина первымъ комикомъ нашимъ. „Хвастунъ" его не въ нашихъ правахъ, но и не въ правахъ иноплеменныхъ, а развѣ въ правахъ классической комедіи; „Чудаки" тоже. Но ту и другую комедію перечитываешь всегда съ удовольствіемъ и смѣхомъ, что не скажешь о прочихъ комедіяхъ нашихъ, и въ особенности писанныхъ стихами. Между сими послѣдними утомленное вниманіе отдыхаетъ и освѣжается при нѣкоторыхъ чертахъ остроумія и счастливыхъ стихахъ, встрѣчающихся въ Клушинѣ и въ Ефимьевѣ, авторѣ комедіи „Братомъ проданная сестра".

Со всѣмъ тѣмъ жаль, что старый театръ нашъ въ подобномъ забвеніи. Воскресить его на сценѣ, вѣроятно, уже не возможно; но выбравъ для чтенія, изъ многотомнаго собранія его, тома три или четыре, мы заплатили-бы дань признательности и уваженія къ людямъ вѣка минувшаго, которые были не хуже нашего, между тѣмъ и нынѣшнему поколѣнію доставили-бы чтеніе любопытное, и если не поучительное въ отношеніи къ искусству, то не безполезное въ другомъ. Должно-бы издать сей сокращенный театръ съ комментаріями болѣе историческими, нежели чисто критическими. Пока слѣды еще не совсѣмъ простыли и старина хранится въ нѣкоторыхъ живыхъ преданіяхъ, должно поспѣшить отбить отъ нея что можно. Мы упомянули выше о сатирическомъ и личномъ направленіи комедіи нашей: она пользовалась правами, откровенностію, сво-

бодою, которыя нынѣ не были-бы допущены нравами нашими. Тѣмъ болѣе можемъ мы обратить въ пользу свою нескромности ея и своевольства. Къ чести нашей старой комедіи замѣтимъ, что она не въ бровь, а въ самый глазъ, колола пороки и злоупотребленія, не щадя ни ихъ, ни промышляющихъ ими. Такія открытыя нападенія мало благопріятствуютъ искусству, которое, содѣйствуя и самой истинѣ, должно быть нѣсколько лукаво. Назвать глупца глупцомъ, плута плутомъ, есть обязанность безстрашной истины и подвигъ прямодушія: но тутъ нѣтъ ни эпиграммы, ни остроумія. Сатира дѣйствуетъ стрѣлами, а не дубиною, которая также есть истина, и самая твердая и разительная. Зрителямъ голая правда невыгодна, ибо тогда простота въ ущербъ удовольствію, но намъ, отдаленнымъ судіямъ, намъ истина дороже удовольствія, и чѣмъ нравы обнаженнѣе, чѣмъ выраженіе ихъ грубѣе, тѣмъ лучше: ибо тѣмъ достовѣрнѣе могутъ быть наши наблюденія и изслѣдованія. Главныя пружины комедіи нашей были злоупотребленія судей и домашней, то есть помѣщичьей, власти. И въ этомъ отношеніи она есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, политическая комедія, если нужно ее обозначить какимъ-нибудь особеннымъ родомъ. Почти такова и басня Крылова, въ которой такъ много драматическихъ лицъ и дѣйствія.

ГЛАВА VIII.

Что сказано Лагарпомъ о Мольерѣ, еще съ большею справедливостью можетъ быть у насъ примѣнено къ Фонъ-Визину: „Похвала писателя заключается въ его твореніяхъ. Можно сказать, что похвала Мольеру заключается въ предшественникахъ и преемникахъ его". По истинѣ, читая Фонъ-Визина, чувствуешь часто недостатки его; читая писавшихъ у насъ для комической сцены прежде и послѣ его, удивляешься одному его превосходству. Фонъ-Визинъ не былъ рѣшительно драматикомъ, не былъ и комикомъ, даже каковъ напримѣръ Княжнинъ: по крайней мѣрѣ, въ художественномъ отношеніи, послѣдній былъ изобрѣтательнѣе его въ распоряженіи, въ хозяйственномъ устройствѣ комедіи. Басня обѣихъ комедій автора нашего слаба и бѣдна, въ картинѣ его есть игривость и яркость, но нѣтъ движенія: это говорящая картина—и только, но и то говорятъ въ ней не всегда участвующія лица, а часто говоритъ самъ авторъ. Все это правда, но живое чувство истины, мастерское изображеніе портретовъ съ натуры, хотя и не во весь ростъ, удачная съемка Русскихъ нравовъ безъ примѣси красокъ чуждыхъ или неестественныхъ, свобода и оригинальность, съ которою выливается у него комическая фраза, Русская веселость, которая должна существовать, какъ есть Русская физіогномія физическая и нравственная, все это образуетъ характеръ автора и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемленное. Въ слогѣ его есть какое-то движеніе, какая-то комическая мимика, приспособленныя съ большимъ искусствомъ къ дѣй-

ствующимъ лицамъ его. Опредѣлить, въ чемъ состоитъ она, невозможно, но чувство ее постигаетъ.

„Бригадиръ“ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина; но здѣсь каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго: тутъ есть поэзія веселости. Портретный живописецъ нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящною; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но и тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ. Дидеротъ (написавшій весьма замѣчательное разсужденіе о драматической поэзіи, въ которомъ изъ-за мрака парадоксовъ блещутъ много свѣтлыхъ и смѣлыхъ истинъ) сравниваетъ фарсы съ гротесками Кало́ (Calot), въ коихъ сохранены главныя черты человѣческаго лица. „Не каждому дана возможность, говоритъ онъ, уродовать такимъ образомъ. Если полагаютъ, что гораздо болѣе людей, способныхъ написать *Нурсонъяка*, нежели *Мизантропа*, то ошибаются“.

Можетъ быть, мысль представить шестидесятилѣтняго бригадира, влюбившагося нечаянно въ совѣтницу, которую узналъ онъ недавно, а совѣтника, также скоропостижно влюбившагося въ старую бригадиршу, не совсѣмъ правдоподобна: тутъ есть какая-то симметрія въ волокитствѣ, которая забавна въ послѣдствіяхъ своихъ, но неестественна въ началѣ. Допустимъ еще грѣхопаденіе совѣтника, лицемѣра и святоши, который насильно выдаетъ дочь свою за сына бригадирши, *чтобы по родству чаще видаться съ возлюбленною сватьею*, хотя и старухою, какъ значится изъ дѣла, но дурачество и поползновеніе къ соблазну бригадира, который выведенъ на сцену человѣкомъ грубымъ, но довольно благоразумнымъ, кажется, рѣшительно противорѣчитъ истинѣ. За то съ какою непринужденною веселостью исполнена эта мысль! Какъ хорошо явленіе, гдѣ совѣтникъ, прикрывая грѣшныя желанія свои святостію рѣчей, признается бригадиршѣ въ любви, а она отвѣчаетъ ему съ простотою, *что она церковно-то языка столько же мало смыслитъ, какъ и Французскаго*, которымъ на бѣду ея щеголяетъ сынъ, недавно возвратившійся изъ Парижа! Открытіе въ любви бригадира предъ

совѣтницею хотя не такъ оригинально, но въ свою очередь забавно. Объясненіе же во взаимной любви совѣтницы и бригадирскаго сынка, жениха падчерицы ея, не только исполнено комической веселости, но и комической истины: оно совершенно въ провинціальныхъ нравахъ, разгадывается на картахъ и вырывается восклицаніями: *ты керовая дама! ты трефовой король!* Какъ живо переноситъ насъ сіе явленіе во времена простосердечнаго волокитства, которое, не ломая головы надъ сочиненіемъ любовныхъ писемъ, выражало себя просто симпатическими мастями или конфектными билетцами, писанными Сумароковымъ для обихода страстныхъ любовниковъ! Жаль нравственности, но всѣхъ блѣдиѣе и всѣхъ скучиѣе въ комедіи законная любовь *Софьи* и *Добролюбова*, довершающая общую картину нѣжныхъ склонностей, превратившихъ домъ совѣтника въ уголокъ Аркадіи. Въ „Бригадирѣ“ въ первый разъ услышали на сценѣ нашей языкъ натуральный, остроумный: вотъ гдѣ Фонъ-Визинъ является писателемъ искуснымъ, а не въ мнимомъ высокомъ слогѣ, начиненномъ славянскими выраженіями, предъ коими такъ умильно раболѣствуютъ наши критики. Въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣсколько эпиграммъ, слишкомъ увѣсистыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперегъ его самимъ авторомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать слишкомъ заряженныя: шутка, слишкомъ туго набитая, какъ оруліе не попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ сторону. Таковы многія изъ рѣчей, относящихся до Парижа, до несчастія быть Русскимъ, и тому подобныя. Можно замѣтить нѣкоторыя отступленія, охлаждающія разговоръ: такъ, напримѣръ: въ явленіи между совѣтникомъ и дочерью его, вмѣсто того, чтобы говорить о предстоящемъ ей бракѣ, они разсѣкаютъ смыслъ словъ *глуповатый* и *прямый*. Впрочемъ, Фонъ-Визинъ былъ большой охотникъ до сей анатоміи словъ, и часто разсѣкалъ ихъ мыслію острою и проницательною. Всѣ критическія замѣчанія наши подтверждаютъ сказанное выше: Фонъ-Визинъ не былъ драматическимъ творцомъ, а только писателемъ комическимъ, въ чемъ большая разница. Выступая на театръ, онъ не былъ побуж-

даемъ желаніемъ творить, испытывать силы и соображенія свои въ устроеніи жребія лицъ, коими населялъ свою сцену. Драматическій писатель есть нѣкоторымъ образомъ провидѣніе міра имъ созданнаго: онъ также долженъ по таинственнымъ путямъ вести созданія свои къ цѣли, оправдывающей предназначенія его, долженъ изъ противорѣчій, изъ сшибокъ страстей и пользъ, извлечь одно цѣлое, изъ разногласій согласіе, изъ безпорядковъ порядокъ. Фонъ-Визинъ не имѣлъ въ виду сихъ обширныхъ предначертаній: онъ хотѣлъ просто вылить въ нѣкоторыя изъ драматическихъ формъ частныя свои наблюденія, свои мысли о томъ и о семъ, расцвѣтить кистью своею лица, которыя встрѣчалъ въ обществѣ или которыя представляло ему воображеніе, созидая вымышленные образы по чертамъ и очеркамъ дѣйствительныхъ.

Вліяніе, произведенное комедіею Фонъ-Визина, можно опредѣлить однимъ указаніемъ: отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе, хотя самъ бригадирскій чинъ не смѣшнѣе другаго. Нарицаніе пережило даже и самое званіе: нынѣ бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется. Кажется, въ Москвѣ бригадирство погребено было смертью однихъ и почетною метемпсихозою прочихъ. Петербургскіе злоязычники называютъ Москву старою бригадиршею.

Въ комедіи „Недоросль" авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ „Бригадирѣ" авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ „Недорослѣ" онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады: если-же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда вкушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ „Бригадирѣ" можно видѣть, что погрѣшности воспитанія Русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣ-

щеніе въ поверхностномъ знаніи Французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество-же, въ коемъ росъ *Митрофанушка*, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, *Простакова*. Именно говорю: изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ *Простаковой* скрываются всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по Греческой или по Французской классической выкройкѣ, но не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ *Тартюфъ* Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и *Простакова*. Отъ авторовъ зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались бы тѣ-же, но только принаровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литтературной границы. Что можно назвать сущностью драмы „Недоросля"? Домашнее, семейное тиранство *Простаковой*, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну *Софью*, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризирована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома*. Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ *Простаковыхъ*, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣй-

ствіе. Между тѣмъ и комическая сторона „Недоросля“ не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва-ли найдется во всей драмѣ треть, и то коротких, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ *Простаковой*. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ *Тришкою*, или, лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно приноровлена къ лицамъ: сцена совершенно Русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: „*Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!*“ Поболѣе такихъ явленій,—и Фонъ-Визинъ былъ-бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко: за исключеніемъ одного двусмыслія (неприличнаго и слишкомъ площаднаго), все явленіе очень хорошо. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердцевѣдѣнія. Когда *Стародумъ* прощаетъ *Простакову*, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: „Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ!

Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ, своимъ людямъ", тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда *Правдинъ*, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, разсчитывается съ учителями *Митрофанушки*. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ *Кутейкину*: „Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?" Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!" а онъ отвѣчаетъ ей: „Да, отвяжись, матушка, какъ навязалась!" Признаюсь въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера *Простаковой* Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что Французскій комикъ Никаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ *Простакову* и могли-бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. *Скотинин* карикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ *Димитрій Самозванецъ* Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ *Митрофанушкою* и *Еремѣевною* очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много Русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ

вороть набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово *запыты*, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль *Стародума* можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею: въ другой онъ лицо вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли *Стародума*. Была-бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось-бы отступленіями; но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій *Стародума* хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, виказывается и здѣсь. Сцену *Стародума* съ *Милономъ* можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные *Стародуму*: но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и Государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что *Стародумъ*, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы

обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей Французской комедіи, которые, для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли *Милона* и *Софьи* блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. *Правдинъ*—чиновникъ: онъ разрѣзываетъ мечомъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно-бъ быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ, но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе *Простаковой*, которое было бы неполно, если-бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. *Кутейкинъ*, *Цифиркинъ* и *Вральманъ* забавныя карикатуры; послѣдній и слишкомъ карикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину Нѣмецъ кучеръ попалъ въ учители въ домъ *Простаковыхъ*.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которою будто начерталъ онъ лицо *Недоросля*, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ, Фонъ-Визинъ не сталъ-бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно не служитъ, а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. *Недоросль* не тѣмъ смѣшенъ и жалокъ, что шестнадцати лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ-бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что онъ неучъ. Правда, что правило *Стародума*, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку, *когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба со прямой пользы отечеству не приноситъ*, слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя

обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался-бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какою нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ-бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ-бы включенъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому-же, правило *Стародума* несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и *Правдинъ* имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря *Митрофанушкѣ* въ концѣ комедіи: „Съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить!“ Ему сказать-бы: „пошелъ-ка въ училище!“ а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи „Недоросль“ былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки*, то есть будто служившими образцомъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ „Бригадирѣ“ есть тоже намеки на живыя лица, и между прочими на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣста. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля“, сказалъ автору: „Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!“ то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства: можно сказать, что онъ и не создалъ Русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно-же при общихъ

неудачахъ, есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая творенія двухъ Британскихъ драматиковъ (Бьюмонтъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасное зданіе, но только въ предмѣстьяхъ поэзіи, тогда какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. Тоже скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застроивается, что если въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается болѣе вкуса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка въ частныхъ принадлежностяхъ, то въ зодчествѣ Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности и приправки къ потребностямъ и климату отечественнымъ; наконецъ, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидаетъ драматическихъ чертоговъ, для коихъ не родились достойные строители.

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской, какъ дома, или принесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики перенялн у него нѣкоторые пріемы, положенія, мѣстность, думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила; но она у него потому сила, что не изыскана, а коренная, природная. Напротивъ-же у его послѣдователей то-же самое есть *безсиліе*, потому что оно заимствованное и неестественное.

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это „Горе отъ ума“. Сіе твореніе, имѣющее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ, почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно двоякимъ предубѣжденіемъ, равно не знавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сендамъ и Зоиламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно; моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно, я одинъ изъ тѣхъ,

которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концомъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его; вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ *Софіи*, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица одни портреты въ профиль, въ бюстъ или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска — поклепъ на нравы или исключеніе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой *Чацкій*, похожъ на *Стародума*. Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ ex abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: „Горе отъ ума!“ Умъ, каковъ *Чацкаго*, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что, посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то обѣщенаго и скучнаго. Мольеровъ *Альцестъ*, въ сравненіи съ *Чацкимъ*, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризировалъ сіе твореніе, сказавъ: „*Чацкій*“ совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоѣдовъ* очень уменъ“. Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется: комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современнаго. Если она не лучшая сатира наша въ литтературномъ отношеніи, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то по-крайней мѣрѣ она сатира, лучше и живѣе

всѣхъ прочихъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искусство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ *Чацкаго*, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ *Фамусова*. Продолжительная проиія утомительна: порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно, но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ *Фамусова*, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ Замоскворѣцкаго патріотизма самого *Фамусова*. Таковъ, но не въ равной степени превосходства, и *Скалозубъ*. Но двумъ этимъ изображеніямъ можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣдовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ „Недоросля“ имѣютъ то свойственное имъ преимущество, что они прямо, такъ сказать живьемъ, перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ мірѣ дѣйствительности. Они не переработывали своихъ пріобрѣтеній въ алхимическомъ горнилѣ общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ какомъ-то изготовленномъ и заранѣе указанномъ видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова достойны вниманія: расширяя сцену, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія, расширилъ и границы самаго искусства. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно живописно и очень забавно. У насъ вообще мало думаютъ объ животвореніи сцены, о сценическихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даромъ драма называется зрѣлищемъ и происходитъ предъ зрителями. Многія наши комедіи суть родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни безплотныя, безличныя. Все въ нихъ неосязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Комедія наша не есть картина ни жизни внутренней, ни внѣшней. Она не смѣшивается съ толпою на площади и не проникаетъ въ сокровенныя таинства домашняго быта. Это что-то отвлеченное, умозрительное, условное, алгебраическая задача безъ примѣненія, гдѣ *a* и *b* и *c* и *d* мертвыя буквы и мертвыя лица. Скажемъ окончательно, что если „Горе отъ ума“ твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее стро-

жайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ и пылкимъ и острымъ, и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной; признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглощаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ не довольно обдуманная, въ частяхъ и особенно въ слогѣ часто худо исполненная, остается всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ: живой живое и любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь; оно дышетъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но онѣ автоматы. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина: это „Вѣсти, или Убитой живой“, сочиненіе графа Ростопчина. Въ ней нѣтъ изящной отдѣлки, нѣтъ искусства, въ ней не пробивается рука художника, но есть Русская веселость и довольно вѣрная съемка природы. Не понимаю, почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно, не многіе и читали ее, хотя она и напечатана. Авторъ „Мыслей вслухъ на красномъ крыльцѣ“ и такъ называемыхъ „Афишекъ 1812 года“ заслуживалъ-бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

ГЛАВА IX.

Мы мало слѣдовали въ запискахъ своихъ хронологической связи. За частыми промежутками и пропусками въ свѣдѣніяхъ нашихъ, мы не могли сцѣплять событія и обстоятельства въ послѣдовательномъ порядкѣ. Пока въ самой „Исповѣди“ автора имѣли вѣрнаго себѣ вожатаго, мы шли за нимъ; но послѣ, когда только изрѣдка, сбивчиво и отдѣльно, встрѣчались намъ слѣды его, мы должны были отказаться отъ постепенности въ повѣствованіи. Довольствуясь соображеніемъ разныхъ видовъ и подведеніемъ ихъ подъ одну точку зрѣнія, мы старались болѣе сосредоточивать событія, нежели развивать ихъ въ пространствѣ. Знаемъ заранѣе, что насъ могутъ обвинять въ сей сбивчивости и еще болѣе въ частыхъ отступленіяхъ отъ предмета нашего. Обязанность Русскаго біографа не затруднительна, если онъ судитъ себя обойти одинъ очеркъ, такъ сказать, обведенный тѣнью лица, которое онъ списываетъ: но какъ стѣснить себя подобнымъ ограниченіемъ? какъ осудить себя на должность слуги, который только слѣдуетъ за господиномъ своимъ, проводитъ его до дверей, но самъ не входитъ съ нимъ во внутренность покоевъ? а входя съ нимъ, какъ сосредоточить взоры свои на него одного и не раздѣлить вниманія своего между имъ и обществомъ, въ которомъ онъ находится? Такимъ образомъ любопытство расширяетъ мало по малу кругъ наблюденій: не отступая совершенно отъ слѣдимаго лица, теряешь его на минуту изъ вида, чтобы удобнѣе находить его въ общей связи съ современными людьми и обстоятельствами. Вотъ какъ

мы думали. Правило Якото: *«все во всемъ»* было и нашимъ правиломъ. Въ сей статьѣ соберемъ нѣсколько частностей изъ жизни автора нашего, которыя не подходили подъ другія отдѣленія.

Мы уже знаемъ, что вступленіе его въ общество было благопріятно для его самолюбія; но долго не могъ онъ привыкнуть къ одиночеству своему въ Петербургѣ. Удовольствія семейной Московской жизни, разлука съ родными, и въ особенности съ сестрою, бывшею послѣ замужемъ за пріятелемъ его, Аргамаковымъ, тяготили его воспоминаніями и впечатлѣніями. Въ нѣсколькихъ письмахъ его къ сестрѣ, писанныхъ въ сію эпоху, находимъ свидѣтельства сего расположенія. Не смотря на то, что онъ любилъ общество и имѣлъ потребность въ немъ, кажется, что онъ любилъ удовольствія тѣснаго круга короткихъ пріятелей еще болѣе, нежели блестящія разсѣянія совершенно свѣтской жизни. Ему нужно было свыкнуться съ людьми, которыхъ онъ видѣлъ, запросто обжиться съ ними, и потому онъ былъ болѣе посѣтитель, нежели дѣйствующее лицо, на сценѣ Петербургскаго большаго свѣта. Можетъ быть, въ сихъ семейныхъ, домашнихъ свойствахъ его мы найдемъ объясненіе, почему не могъ онъ ужиться въ чужихъ краяхъ, скучалъ тамъ, гдѣ всѣ веселились, и сердился тому, чему другіе радовались. Сообщаемъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ его къ сестрѣ. Онѣ покажутъ его расположеніе, а между тѣмъ и нѣкоторыя черты изъ тогдашняго общежитія.

С.-Петербургъ, 28 Января 1764.

„Завтра выѣдетъ отсюда Василій Алексѣевичъ Аргамаковъ, и я вздумалъ съ нимъ написать къ тебѣ побольше и на письмо отъ 22 Января отвѣтствовать.

„О всѣхъ моихъ обстоятельствахъ точно свѣдать можешь отъ того, кто отдастъ тебѣ письмо сіе. Четыре мѣсяца былъ онъ свидѣтелемъ моей жизни и принималъ участіе во всемъ, что со мною ни случалось. Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество. Разсуди изъ того, что и отъ васъ онъ долженъ быть

такъ принять, какъ мой другъ. Онъ въ Москвѣ чужестранецъ, такъ, какъ я здѣсь, и если будетъ онъ имѣть на первый случай нужду занимать деньги, то пожалуй, попроси отъ меня батюшку, чтобъ онъ его въ такомъ случаѣ не оставилъ и рекомендовалъ-бы его тѣмъ, у кого есть деньги. Четыреста душъ, которыя онъ имѣетъ, кажется, кредитъ ему сдѣлать могутъ.

„Впрочемъ, краснорѣчивое твое увѣщаніе меня утѣшило. Ты имѣешь великой даръ увѣщавать другихъ, и я сталъ самъ отъ того веселѣе. Совсѣмъ тѣмъ ты напрасно думаешь, что жизнь твоя хуже моей. Я того понять не могу: веселья у васъ гораздо пріятнѣе, нежели здѣсь, и наши, повѣрь, стоютъ не меньше вашихъ. Здѣсь деньги на одномъ мѣстѣ сидѣть не любятъ.

„Не опасайся неудачи писать стихи. Можно-ли, чтобъ ты написала худо! А я оставилъ теперь намѣреніе послать то, что дѣлалъ. Боюсь опять выговоровъ; только истинно кажется-бы не за что. Если любопытна, то спроси Василья Алексѣевича: онъ знаетъ все то, что я писалъ и что теперь дѣлаю.

„Сегодня при Дворѣ маскарадъ, и я въ своей доминѣ туда-же поплетусь. Вчера была Французская комедія „Le Turcaret“ и малая „L'esprit de contradiction“. Скоро будетъ кавалерская: не знаю, достану-ли себѣ билетъ. Впрочемъ, всѣ тѣ ангажированы, которые играютъ въ маскарадахъ.

„Я играю на своей скрипкѣ пречуднымъ мастерствомъ. Нынѣче попалась мнѣ на языкъ Русская пѣсня, которая съ ума нейдетъ: *Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго*; натвердилъ ее у Елагиныхъ. Меньшая дочь поетъ ее ангельски. Аргамаковъ ѣдетъ въ Москву съ Карнымъ. Ежели онъ къ вамъ будетъ, то, пожалуйте, поблагодарите за его дружбу, которою я здѣсь пользовался: онъ у меня въ болѣзнь мою почти дежурилъ.

С.-Петербургъ, 22 Февраля, 1764.

„Вчера полученныя вѣсти были для меня не новы: я зналъ, что этому быть должно, такъ, какъ и къ тебѣ писалъ обстоятельно. Я отъ него получаю письма, и вчера получилъ. Изъ всякаго вижу, что онъ единственно одну склонность имѣетъ

причиною сего намѣренія. Я его знаю очень хорошо и клянусь тебѣ, что онъ достоинства имѣетъ. Живучи съ нимъ почти вмѣстѣ, я имѣлъ довольный случай узнать его. Пьянства, мотовства не опасайтесь: этихъ пороковъ у него нѣтъ. О достаткѣ его знаю только то, что онъ имѣетъ четыреста душъ, которымъ также участница маленькая сестра его. Можетъ быть, что онъ и безденеженъ; только имѣя такія деревни, можно имѣть и столько денегъ, чтобъ содержать себя честнымъ образомъ. Впрочемъ, съ моей стороны я долженъ тебѣ признаться, что почитаю его достойнымъ быть мнѣ зятемъ. Единственное обхожденіе его со мною подавало мнѣ случай узнать его мысли. Онъ дѣйствительно не имѣлъ намѣренія жениться, и. бывало всегда говаривалъ, что, имѣя чѣмъ жить, предпочитаетъ лучше ѣхать въ чужіе краи; да сверхъ того я клянусь, что онъ, кромѣ склонности никакого другаго интереса не имѣетъ. Возможно-ли сравнивать его съ Оз. . ., какъ то дѣлаютъ батюшка и матушка въ письмѣ своемъ? Этотъ человѣкъ имѣетъ воспитаніе, и его можно назвать un homme de sentiment; а тотъ, кромѣ подлыхъ мыслей, никакихъ сентиментовъ не имѣетъ. Этотъ имѣетъ благородное сердце и за честь свою дѣйствительно склонится жертвовать жизнію; а тотъ не знаетъ совсѣмъ, что такое совѣсть. Сверхъ того, я увѣряю, что онъ будетъ мнѣ другомъ всегда, сдѣлается-ли дѣло, или нѣтъ. Я знаю точно, что онъ съ своей стороны, въ томъ и другомъ случаѣ, дружбы своей ко мнѣ не отмѣнитъ. Il est extrêmement amoureux de vous: вотъ причина всему. Письма его то больше доказываютъ, и вамъ нельзя не быть въ томъ совершенно увѣренными. Увѣдомьте меня на счетъ вашего намѣренія.

„Отпускъ мой не знаю еще когда быть можетъ. Видно, что князь М. М. (Голицынъ) ничего о томъ не писалъ, потому что князь А. М. (Голицынъ) никакъ о немъ не отзывался, а самому мнѣ писать нельзя, потому что, ежели долженъ я дожидаться конца батюшкина дѣла (о успѣхѣ котораго знаетъ теперь только одинъ Богъ), то проситься еще рано. Если-бъ я получилъ отъ васъ что-нибудь рѣшительное, то по тому бы и поступать сталъ; а то есть-ли способъ сообразить получаемыя

мною письма? батюшка пишетъ, чтобъ я старался объ отпускѣ, однако не оставлялъ-бы на второй недѣлѣ стараться и объ его дѣлѣ, а матушка изволитъ писать такъ, какъ-бы мнѣ совсѣмъ проситься должно. Думаю при томъ, чтобъ и извозчики не ввезли какъ на дорогѣ въ прорубь и не разбили-бы лошади. Не знаю, что мнѣ и дѣлать.

„Мнѣ очень смѣшно, что ты считаешь меня влюбленнымъ. Съ Аргамаковымъ писалъ я шутя, и божусь, что ни мало духъ мой не безпокоится. Да и въ кого здѣсь влюбляться? Все Нѣмки, ходятъ блѣдны, какъ смерти. Поди Христа ради! что ты на меня клеплешь, а что всего досаднѣе, и пеняешь! Не подумай еще того, Бога ради, что я теперь лукавлю. Да для чего бы это? Балетъ-же для трагедіи отдалъ я Бакуниной, у которой мужъ есть лѣтъ съ двадцать.

„Объ отпускѣ еще повторяю: ежели напишете, чтобъ я, не смотря ни на что, просился, тогда почту я себя прямо счастливымъ. Одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ съ вами хочется увидѣться! Постарайтесь, чтобъ князь М. М. помогъ. При дворѣ веселья сегодня баломъ кончатся. Боже мой! я такъ на нихъ измучился, что въ первую недѣлю еще не отдохну. Три дня безпрестанно были маскарады и три спектакля. Все мнѣ стало скучно.

С.-Петербургъ, Февраля, 1764.

„Напрасно вы думаете, что я хотѣлъ остаться въ коллегіи для того, чтобы тѣмъ огорчить васъ. Я очень знаю, сколь я любимъ вами и сколь много счастіе мое вамъ нужно. Однако это не мѣшаетъ мнѣ написать къ тебѣ слѣдующее.

„Selon toute apparence, le fils du prince Chakhovskoy, qui est engagé dans notre collège et qui est fort honnête homme et même mon ami, aura la qualité d'un résident à Danzig, il m'a fait déjà la proposition de partir avec lui, s'il réussira en cherchant cette place. Jugez, ma chère soeur, si ce ne sera pas un peché de laisser cette occasion là. D'ailleurs ce n'est pas loin d'ici, et je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira.

„Однако, можетъ быть, онъ еще и не скоро будетъ имѣть

успѣхъ въ своемъ исканіи. Только я, со своей стороны, оставляю дѣло сіе на твое разсужденіе.

„Въ четвергъ будетъ кавалерская трагедія. Хочется и мнѣ промыслить билетъ, да не знаю какъ.

„Вчера былъ я въ церемоніалѣ и въ черномъ кафтанѣ. Польскій пріѣхавшій нынѣ посланникъ имѣлъ первую визитацію у вице-канцлера, и мнѣ на крыльцѣ досталось его встрѣтить, а потомъ остаться разговаривать съ его свитою.

С.-Петербургъ, 10 Августа, 1764.

„Полученное отъ 4 августа письмецо служило мнѣ къ великому неудовольствію и огорченію. Съ чего вы вздумали обвинять меня политикою, которую я ненавижу? Съ чего увѣряете меня о своей искренности, подозрѣвая меня въ моей? Боже мой! Вотъ то, чего-бы я никогда не думалъ! Я очень радъ принимать отъ васъ наставленія, зная, что они идутъ отъ такого человѣка, котораго я люблю больше себя. Не думай, чтобъ это только перо писало: истинно, сердце водитъ перомъ моимъ: да мнѣ кажется, что и посланныя къ тебѣ письма мои довольно это доказали. Я не лгу, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь за тѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей за тѣмъ, что тамъ большая часть педанты: однако съ послѣдними я почти и никакъ незнакомъ; вотъ что меня оправдаетъ. Да сверхъ того, слово *знакомство*, можетъ быть, вы не такъ понимаете, какъ я. Я хочу, чтобъ оно было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour; однако этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже тѣни къ исполненію онаго не имѣю. Разсуди же, не скучно-ли такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце!

„Я намѣренъ все то, что здѣсь ни вижу, ни предпринимаю, и, однимъ словомъ, обо всѣмъ, что я ни чувствую, къ тебѣ писать. Вотъ знакъ моей искренности и нелицемѣрства!

„Во-первыхъ, сказываю тебѣ, что до сихъ поръ не нашелъ я еще предмета, который-бы меня интересовалъ: а это самое сдѣлаетъ то, что не нахожу здѣсь никакого удовольствія. Безъ того и жизнь скучна, а скуку возобновляетъ воспоминаніе, что

я разлученъ съ моими ближними и съ тобою, любезная сестрица. Я знаю, что ты мнѣ другъ и, можетъ быть, одного только и имѣть буду, котораго-бы я столь много любилъ и почиталъ. Истинно, я показалъ-бы тебѣ, что теперь чувствую; въ сію минуту чувствую я то, что горячность и сердечная нѣжность произвесть могутъ. Если мысли твои съ моими одинаковы, то пиши ко мнѣ то-же, увѣряй меня, что я не ошибаюсь, и храни то, что ввѣкъ хранить буду.

„Теперь, перемѣня матерію, которую во всю жизнь продолжать готовъ, хочу я написать то, что со мною случилось.

„Въ субботу не ходилъ я въ коллегію за тѣмъ, что на щекѣ сдѣлался нарывъ. Князь О. А. Козловскій ко мнѣ тогда пріѣхалъ, и, не смотря на то, возилъ меня въ академію, гдѣ я купилъ *Скаррона*, котораго на сихъ дняхъ къ тебѣ перешлю. Не знаю, каковъ тебѣ покажется, а Скарронъ почитается преславнымъ шутомъ. Князь у меня обѣдалъ, а послѣ обѣда возилъ меня къ Михайлѣ Васильевичу Приклонскому. Онъ и жена его безмѣрно меня обласкали, и мы всѣ ѣздили прогуливаться въ Екатерингофъ, а оттуда пріѣхавъ, ужинали у Михайлы Васильевича.

„Коммисіи ваши я съ радостію исправлять готовъ; только здѣсь еще гаже Московскаго. *Карта* и теперь еще не подписана: все переходить изъ рукъ въ руки членамъ кадетскаго корпуса для подписанія.

„О братѣ доношу, что онъ вчера пошелъ въ карауль и пробудетъ до вторника. Завтра съ нимъ увижусь. Онъ здоровъ и по Нѣмецкой почтѣ писать будетъ. Удивляюсь, что ты ко мнѣ о Москвѣ ничего не пишешь: изъ постороннихъ уже писемъ вижу я, что тамъ нынѣ ѣздятъ верхомъ прекрасныя Амазонки, которыя гораздо опаснѣе Скифскихъ: тѣ оружіемъ, а Московскія взорами дѣлаютъ плѣнниковъ. Изъ другихъ-же писемъ знаю, что у васъ были такіе-же дожди, какъ и у насъ, и что Августъ начался изрядно. Слѣдовательно, въ саду и на горахъ гульбища возобновятся, о которыхъ прошу отписать, исполняя данное вами мнѣ слово: увѣдомлять меня о всемъ.

„Je vous embrasse, ma chère soeur! Adieu! Ne montrez pas mes lettres à mes parens.

С.-Петербургъ, Января 23 и 24, 1766.

„Матушка сестрица! Я не получалъ еще писемъ вашихъ, которыя вы писали ко мнѣ въ понедѣльникъ; однако завтра получить надѣюсь. Невозможно, чтобъ-вы ко мнѣ не писали, зная, сколь мнѣ письма ваши дороги, и что они только составляютъ все мое утѣшеніе. Признаюсь тебѣ, матушка, что проводя здѣсь нѣсколько дней, уже былъ я во всѣхъ собраніяхъ, видѣлъ здѣшнія веселья, ихъ не чувствуя, и кажется мнѣ, что здѣшній свѣтъ уже не одинъ разъ глазамъ моимъ представился. Но все сіе сколь далеко отъ того, чтобы хотя мало могло сдѣлать мнѣ отрады въ моей горести, которая непремѣнно должна меня терзать, какъ скоро вспомню то, что я съ вами въ разлукѣ! Я каждую минуту то вспоминаю, и слѣдовательно каждую минуту терзаюсь. Теперь сижу я одинъ въ моей комнатѣ и, говоря съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя говорю мысленно съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго-ли. Вотъ каково состояніе мое въ сію минуту! Уже великодушіе меня оставило и миновалась та холодность, съ которою я разсуждалъ о томъ, чтобы могло тронуть человѣка. Не знаю самъ, отъ чего прежній мой веселый нравъ перемѣнился въ несносный. То самое, что прежде сего меня здѣсь смѣшило, нынѣ обѣситъ меня; мнѣ кажется, всего лучше я теперь сдѣлаю, если въ доказательство тому напишу къ тебѣ мой журналъ:

„Въ самый день моего пріѣзда явился я по должности моей. Поговоря нѣчто о ближнемъ, заключилъ я изъ всѣхъ нашихъ словъ, что въ свѣтѣ почти жить нельзя, а въ Петербургѣ и совсѣмъ невозможно. Въ 29 дней моего въ Москву похода люди здѣсь стали сами на себя совсѣмъ не похожи: кого предъ отъѣздомъ моимъ оставилъ я дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще и премудрымъ почитаютъ. Только то нѣсколько утѣшаетъ, что и тѣхъ самихъ, которые приписы-

ваютъ имъ такую славу, оставилъ я предъ отъѣздомъ такими же дураками. Странное дѣло! ты не повѣришь, матушка, что съ нынѣшняго года всѣ старые дураки новыя дурачества понадѣлали! Напримѣръ, III., женатый на Руб., разводится съ женою за самую бездѣлицу, а именно за то, что она въ самый новый годъ приняла было намѣреніе его поколотить. Онъ, не хотя въ сей торжественный день быть отъ супруги своей битымъ и оставляя прошлогоднее свое дурачество, которое имѣлъ, претерпѣвая такія дѣйствія женина гнѣва, вздумалъ разводиться и тѣмъ пошелъ противъ самого Бога, который соединилъ ихъ неисповѣдимымъ Своимъ Промысломъ.—Графа А. А. Б. засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ онъ каяться въ томъ, что не поступалъ по правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ, чтобы какой нибудь родъ разума отягощалъ главу его сіятельства. Жена господина Д., ѣхавши по большой улицѣ, закричала караулъ. Она и дѣйствительно имѣла къ тому законную причину, ибо везли ее въ прорубь по приказанію мужа ея, который, видно, какъ второй Одоменей, обѣщалъ Нептуну какую нибудь жертву.—О таковыхъ и тому подобныхъ приключеніяхъ поговоря съ Иваномъ Перфильевичемъ (Елагинымъ), я съ нимъ разстался. Оттуда поѣхалъ я къ А. И. Приклонской, отъ которой слышалъ новыя увѣренія въ дружествѣ, и наконецъ отъ нея поѣхалъ къ Херасковымъ. Они безмѣрно обрадовались, увидя меня, и спрашивали о всѣхъ васъ; а я, какъ вѣрный историкъ, описывалъ имъ Москву подробно. Отъ нихъ поѣхалъ я въ театръ. Сыграна была комедія „Женатый философъ", которую смотрѣло великое множество женатыхъ не-философовъ. Ужиналъ у А. И. Приклонской.

„Въ пятницу, отобѣдавъ у Херасковыхъ, былъ я въ маскарадѣ. Народу было преужасное множество: но кянусь тебѣ, что совсѣмъ тѣмъ я былъ въ пустынѣ. Не было почти ни одного человѣка, съ которымъ-бы говорить почиталъ я хотя за малое удовольствіе. Здѣсь все продолжаютъ носить разныя домины. Сперва танцовали обыкновенно, а потомъ чрезвычайно, то есть, плясали по Русски. Князь Я. А. Козловскій съ фрейлиной Ханиной, потомъ Корсакова и Овцына съ Щербатовымъ, и можно

сказать, что плясали хорошо. А чтобъ приключенію кончиться чѣмъ нибудь смѣшнѣе, то большой сынъ А. В. Е. напросился одинъ прыгать голубца. Сдѣланъ былъ большой кругъ, и господинъ Е. доказалъ, что если онъ не имѣетъ другаго дарованья, то онъ погибшій человѣкъ. Въ залѣ для пространнаго Россійскаго купечества танцовало около сотни Нѣмокъ. Блѣдность покрывала лица ихъ, и однимъ словомъ, я ничего не видывалъ скареднѣе этой сотни! — Субботу и вчера я проводилъ изрядно, но все не такъ, какъ-бы въ Москвѣ. Ничто меня не утѣшало и ничто не могло успокоить духъ мой!

„Я забылъ сказать тебѣ, что въ день моего пріѣзда видѣлъ я въ комедіи госпожу П. Ея превосходительство не удостоила меня ни однимъ словомъ, лишь только премудрая глава ея пошатнулась на одну сторону; это былъ поклонъ! Я не разсудилъ за благо оставаться долѣе въ ихъ ложѣ, чтобъ не сдѣлать какого-нибудь дурачества: ибо съ дураками никто разумныхъ дѣлъ дѣлать не можетъ.

„Донынѣ не говорилъ я еще со всѣми ни одного слова. О! если-бъ далъ Богъ, чтобы молчаніе подолѣ продолжилось! Теперь представь себѣ, матушка, въ какихъ прескучныхъ я обстоятельствахъ. Живу одинъ, какъ изгнанникъ и какъ-бы недостойный жить съ вами. Видно, Богъ наказываетъ меня за грѣхи, только не знаю за какіе. Принужденъ я имѣть дѣло или съ злодѣями, или съ дураками. Нѣтъ силъ болѣе терпѣть, и думаю, скоро стану дѣлать предложеніе Ивану Перфильевичу о перемѣнѣ моей судьбы. Честному человѣку нельзя жить въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не на чести основаны.

„За часъ предъ симъ я пріѣхалъ изъ Русской комедіи „Демокритъ". Балетъ былъ „Аполлонъ и Дафна". Хочу садиться ужинать одинъ, но думаю, что кусокъ въ горло не пойдетъ. Обыкновенно у тѣхъ людей аппетитъ не великъ, у которыхъ радости мало; а я доселѣ никоимъ образомъ спокоенъ быть не могу.

„Для извѣстія:

„Дочь графа П. Г. Чернышева помолвлена за брата князя Василья Борисовича Голицына.

„С. В. Нарышкинъ опредѣленъ въ должность сенатскаго экзекутора.

„У Александра Петровича Сумарокова объ дочери лежать въ оспѣ.

„Но Дофинѣ здѣсь надѣть трауръ на двѣ недѣли, и наденетъ еще на шесть недѣль по Датскомъ королѣ, да на двѣ недѣли по братѣ короля Англійскаго. Пріѣхавъ сюда, я еще цвѣтныхъ кафтановъ не надѣвалъ, а ношу все черной и должень носить его еще недѣль девять.

„Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ желаю здоровья и охоты писать ко мнѣ.

„Сестрицѣ Марѳѣ Ивановнѣ того-же.

„Сестрицѣ Катеринѣ Ивановнѣ того-же и меньше рѣзвиться.

„Братцу Александру Ивановичу желаю великихъ успѣховъ въ высокихъ наукахъ.

„Братцу Петру Ивановичу того-же и меньше съ печи прыгать.

„Матушка сестрица, и любезный другъ Василій Алексѣевичъ.

„Сколь много обрадовался я, мой любезный другъ, получа отъ тебя строчку на прошедшей почтѣ. Воображеніе то прошло уже теперь, которое меня мучило. Иногда я думалъ, что ты болѣнъ; иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался-ли ты противъ меня холоденъ безъ малѣйшей къ тому съ моей стороны причины. Знай, что ты и сестрица столько мнѣ любезны, что я для однихъ васъ и жить хочу; но за то требую отъ васъ въ вознагражденіе, чтобъ вы вашею спокойною жизнію меня утѣшали.

„Нынѣ Страстная недѣля, и духъ мой въ единомъ богомысліи упражняется. Въ животѣ моемъ плаваетъ масло деревянное, такожде и орѣховое. Пироги съ миндалемъ, щи и гречневая каша не меньше помогаютъ мнѣ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія. Вчера и сегодня обѣдалъ я у М. В. Приклонскаго, слушалъ заутреню, часы и вечерню, также былъ у обѣдни, одинимъ словомъ, дѣлалъ все то, что должно дѣлать сотрѣшившему вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. И Ванька на сихъ днихъ при-

носить въ грѣхахъ своихъ покаяніе. Разсказывалъ онъ мнѣ, что во время чтенія напалъ на него нѣкоторый родъ дремоты и бѣ видѣніе страшно: пришелъ къ нему нѣкто изъ темныхъ духовъ во образѣ человѣчестѣмъ,—пришелъ и вопросилъ его: „Гдѣ твоя душа“? Ванька мой вообразилъ себѣ, что это Астрадымъ, съ которымъ онъ всегда обхаживался фамильярно, отвѣтствовалъ ему, не обинуясь, что онъ о душѣ своей ничего не вѣдаетъ, и удивляется, какая нужда до души его повару. Темный духъ, раздраженный таковымъ гордымъ отвѣтомъ, далъ ему знать, кто онъ таковъ. „Я чортъ, а не Астрадымъ“, говорилъ онъ ему.—Но крайней мѣрѣ ты похожъ на нашего Астрадыма, отвѣчалъ ему Ванька.—„Я нарочно взялъ его видъ, сказалъ чортъ: для того, что изъ смертныхъ поваръ вашъ болѣе всѣхъ на меня походитъ“.—Ванька, увидя, что это прямо чортъ, а не Астрадымъ, вострепеталъ отъ сего видѣнія и хотѣлъ было перекреститься, но вдругъ почувствовалъ, что рука его не только не поднимается, но опускается къ низу и становится лошадиною ногою; равно и другая рука его была точно въ таковомъ-же превращеніи и онъ сталъ на четверенькахъ. Большая круглая глава его становилась отчасу продолговатѣе: волосы его ощетинились и стали гривою, и только лишь глаза остались въ прежнемъ состояніи: ибо они всегда были лошадиные. Наконецъ, сказывалъ онъ мнѣ, сталъ онъ точно такая-же лошадь, какъ наша правая коренная, которую я нынѣ нанимаю. Ставши лошадью, заржалъ мой Ванька, и гѣмъ перепугалъ весь народъ и себя самого, такъ, что онъ очнулся, и пришедъ домой, **повѣда мнѣ сіе видѣніе“.**

Въ то время находилась въ Петербургѣ Мятлева. Въ домѣ сей просвѣщенной хозяйки собирались по вечерамъ многіе литераторы, Херасковъ, Майковъ, скромный Богдановичъ, *который былъ также отрятенъ застѣнчивъ, пріятенъ и тихъ, какъ воспитай имъ Неждана* (собственныя слова изъ письма, ко мнѣ Петра Васильевича Мятлева, коего благосклонной пріязни обязанъ я слѣдующими свѣдѣніями о Фонь-Визинѣ). Барковъ и Волковъ, *который сыгралъ лучшую роль свою, переимянивъ званіе актера на чинъ статскаго совѣтника. Молодой Фонъ-Визинъ находился въ числѣ ихъ*

какъ коршунъ. Пылкость ума его, необузданное, острое воображеніе всегда всѣхъ раздражало и обѣсило: но со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его. Майковъ, пустясь въ споръ противъ него, замкнется: молодой соперникъ, воспользовавшись минутою запинанія, опередитъ его и возьметъ верхъ надъ нимъ. *Взлетитъ-ли Хераковъ подъ облака, коршунъ, замысловатымъ словомъ, неожиданною насмѣшкою, какъ острыми когтями, сшибетъ его на землю.* Въ сихъ соображеніяхъ находилась всегда А. И. Приклонская, съ отличнымъ умомъ, начитанностью, склонностью къ литературѣ, отмѣннымъ даромъ слова и прекраснымъ органомъ. Она подтверждала истину, сказанную Ломоносовымъ:

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ,

хотя нельзя было прибавить съ поэтомъ: *что умъ ея небесный, домъ себѣ имѣетъ тѣсный*. Напротивъ! Тѣлесныя свойства природы ея не соотвѣтствовали умственнымъ: длинная, сухая, съ лицомъ искаженнымъ оспою, она не могла-бы внушить склонности человѣку, который смотрѣлъ-бы однѣми внѣшними глазами: но умъ сочувствуетъ уму и зрѣніе умнаго человѣка имѣетъ свою оптику. Какъ-бы то ни было, но Фонъ-Визинъ былъ ей преданъ сердцемъ, мыслями и волею: она одна управляла имъ, какъ хотѣла, и чувства его къ ней имѣли все свойство страсти, и страсти безпредѣльной!

Вѣроятно, въ 1774 году познакомился онъ съ будущею женою своею, молодою вдовою изъ рода купцовъ Роговиковыхъ. Единственная дочь богатаго купца, она въ дѣтскомъ возрастѣ лишилась родителей своихъ и воспитывалась въ домѣ дяди, который, не совершивъ раздѣла, вообще съ своими правилъ и дѣлами покойнаго брата своего. Не получа согласія дяди своего на замужство съ Хлоновымъ, адъютантомъ графа Захара Григорьевича Чернышева, она убѣжала изъ дому и обвѣнчалась съ нимъ. Часть принадлежащаго ей наслѣдства, составлявшая около 300.000 рублей, не была ей выдана. Отъ сего возникла продолжительная тяжба. Дѣло доведено было до свѣдѣнія Императрицы, которая разсмотрѣніе онаго и пользы обиженной наслѣдницы поручила Чернышеву, Панину и Елагину. Фонъ-Ви-

зинъ занимался производствомъ сего дѣла и изложилъ существо онаго въ ясной и убѣдительной запискѣ. Однакожъ, не смотря на правоту дѣла и усилія покровителей, оно имѣло только половинный успѣхъ и кончилось мировою сдѣлкою, по которой наслѣдница получила нѣкоторую сумму денегъ и домъ въ Галерной улицѣ, проданный впослѣдствіи за 20.000 рублей. Но главное слѣдствіе сего дѣла было то, что любовь молодой довѣрительницы наградила попеченія усерднаго ходатая и что Фонъ-Визинъ снискалъ себѣ жену добродѣтельную и примѣрную, которой постоянная нѣжность, неутомимыя попеченія и вѣрное сотоварищество во дни скорби украсили и усладили жизнь его до самаго конца. Говорятъ, что одинъ изъ вельможъ, который былъ на сторонѣ Роговикова, сказалъ однажды въ засѣданіи: „Охота вѣрить показаніямъ Фонъ-Визина, который хлопочетъ о выгодахъ своей любовницы!“ Фонъ-Визинъ, узнавъ о семъ отзывѣ, тотчасъ принялъ намѣреніе оградить женитьбою честь женщины, оскорбленной его именемъ. Небо брачное не всегда бываетъ безоблачно: нѣтъ согласія совершеннаго, то-есть неразрывнаго; но счастливыми могутъ почесться тѣ браки, въ которыхъ виновнымъ бываетъ одинъ мужъ: тогда въ размолвкѣ всегда есть слово къ миру и въ сердцѣ женщины, и въ уставѣ свѣтскаго самовластія (писанномъ, мимоходомъ будь сказано, мужчинами), и еще болѣе въ сердцѣ жены. Женщины великодушнѣе или смиреннѣе насъ, что, впрочемъ, одно и то-же, потому что злопамятно и неумолимо одно малодушіе. Въ этомъ отношеніи брачный союзъ Фонъ-Визина былъ счастливъ.

Состояніе отца Фонъ-Визина было весьма умѣренное. Въ Москвѣ, съ большимъ семействомъ, жилъ онъ доходами съ 200 душъ; но со всѣмъ тѣмъ, при благоразумномъ хозяйствѣ и просвѣщенномъ чадолюбіи, успѣлъ онъ дать дѣтямъ своимъ приличное воспитаніе. Слѣдовательно и сынъ его, при вступленіи своемъ въ свѣтъ, не могъ пользоваться большими способами. Съ 1762 до 1769 года имѣлъ онъ, по службѣ своей въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, жалованья 800 рублей. Послѣ оклады его нѣсколько увеличились. Литтературныя его занятія не могли также приносить ему большихъ выгодъ. Въ то время литтера-

тура не была еще промысломъ; это показываетъ недостатокъ или младенчество просвѣщенія: ибо труды, не окупающіе себя, не даютъ независимости, которая должна быть благодѣтельнымъ слѣдствіемъ каждаго званія и предпріятія. Можетъ быть, въ сей безвыгодности Русскаго авторства должно искать одну изъ основныхъ причинъ задержанія нашего въ успѣхахъ просвѣщенія: весьма немногіе могли совершенно предаваться трудамъ ума, и почти всѣ должны были раздѣлять между разными званіями силы свои, способности и время. Не видя выгоды быть артистами, у насъ были одни аматеры. Это зло; но нѣтъ зла безъ примѣси блага, и обратно. За то литтература того времени, бывъ безкорыстнѣе, была и благороднѣе: тогда точно писали изъ чести; теперь многіе пишутъ изъ денегъ, и въ числѣ писателей есть отдѣленіе литтературныхъ барышниковъ. Недостаточное состояніе автора нашего неожиданно имѣло благопріятный переворотъ. Графъ Панинъ, по окончаніи воспитанія Наслѣдника престола, между многими щедротами, оказанными ему Императрицею, получилъ богатыя помѣстья. По рѣдкому безкорыстію, которое могло-бы показаться несбыточнымъ, изъ 9000 душъ, пожалованныхъ ему въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ, отдалъ онъ около 4000 душъ тремъ секретарямъ своимъ, Фонъ-Визину, Бакунину и Убри. Приписывать-ли сей поступокъ единственно щедрости графа Панина и благородной признательности его за труды помощниковъ своихъ въ исполненіи государственныхъ обязанностей, столь блистательно награжденныхъ, или причинѣ политической, на которую указано въ жизни Бибикова: но въ томъ и другомъ случаѣ поступокъ сей принадлежитъ исторіи. Это едва-ли не первый примѣръ въ своемъ родѣ, и, вѣроятно, онъ не скоро потерялъ-бы цѣну единородности своей, если бъ даже и нравы наши не противились возобновленію подобнаго примѣра. О событіяхъ прошедшаго не должно судить по нынѣшнимъ понятіямъ: потому и нечего намъ оправдывать Фонъ-Визина и товарищей его въ принятіи благодѣянія, которое теперь показалось-бы нѣсколько феодальнымъ. Вслѣдствіе добровольнаго и закономъ утвержденнаго раздѣла, на часть Фонъ-Визина досталось 1180 душъ. Такое приращеніе

въ имѣніи могло-бы составить умѣренное благосостояніе; но не долго пользовался имъ новый помѣщикъ. Путешествія его, продолжительное леченіе, довѣренность, оказанная имъ людямъ, не оправдавшимъ оной, неисправность въ условленномъ платежѣ арендатора, которому отдалъ онъ имѣніе свое въ аренду, и тяжба, за тѣмъ послѣдовавшая, скоро привели дѣла его въ совершенное разстройство. Вѣроятно, способствовали къ тому и родъ жизни его, довольно расточительный, хлѣбосольство, разорительная добродѣтель Русскаго дворянства, и простосердечная безпечность, которая рѣдкому автору дозволяетъ быть очень смышленымъ въ наукѣ домоправительства. Впрочемъ, если Фонъ-Визинъ не имѣлъ, по видимому, большаго порядка въ практическомъ хозяйствѣ, то, по оставшимся послѣ него счетамъ, записямъ и гѣловымъ бумагамъ, оказывается, что на письмѣ онъ былъ большой теоретикъ: бухгалтерія его была въ большой исправности! Дѣло въ томъ, что легче записывать издержки свои, нежели отъ нихъ возерживаться, легче вести порядокъ въ счетахъ, нежели въ дѣлахъ. Замѣчательно и то (хотя это и часто случается), что состояніе его пришло въ разстройство именно съ того времени, когда было что разстроивать. Поручая, при отъѣздѣ своемъ въ 1777 году за границу, дѣла свои Бакунину, начинаетъ онъ тѣмъ, *что, Бога благодаря, я никому не долженъ.* Въ этомъ свидѣтельствѣ заключается, между прочимъ, и доказательство честности его. Когда не имѣлъ онъ въ виду способовъ уплачивать долги свои, то въ долги и не входилъ. Напротивъ, видно, что онъ еще ссужалъ тѣмъ, чѣмъ могъ, знакомыхъ своихъ и былъ заимодавцемъ. Въ доказательство попробностей, въ которыя входилъ онъ по дѣламъ своимъ, выпишемъ два мѣста, довольно забавныя, изъ памятной записки, оставленной имъ предъ отъѣздомъ управляющему своему: „Ходить къ П. О. С. въ мѣсяцъ два раза, а въ Ноябрѣ весьма часто, и просить его о выкупѣ перстня, представляя, что если не изволитъ выкупить, то потеряетъ его: ибо я и самъ заложилъ его не въ надежныя руки (перстень заложенъ былъ въ 200 рублихъ)." — „Часто на мою мостовую ставить воротъ для выгрузки барокъ, и тѣмъ ее портятъ. А какъ

въ разсужденіи сего нѣтъ никакихъ полицейскихъ учрежденій, и подрядчики обыкновенно выгружаютъ на мостовой тѣхъ людей, кои за себя не вступаются, то прошу гнать по шеѣ подрядчиковъ, ибо я для нихъ одну мостовую двадцать разъ чинить не подряжался".

Въ сей-же запискѣ есть свидѣтельство нѣжной и предусмотрительной заботливости его о сестрахъ своихъ. Онъ предписываетъ, въ случаѣ смерти отца своего, посылать имъ часть изъ получаемаго имъ жалованья. Въ пользу незамужнихъ сестеръ своихъ отказался онъ послѣ и отъ своей части въ отцовскомъ наслѣдствѣ.

Изъ упомянутой-же записки видно, что авторъ нашъ въ свое время былъ щеголь. Въ гардеробномъ спискѣ его значатся нѣсколько бархатныхъ кафтановъ и суконныхъ, шитыхъ золотомъ, пара платья весеннаго бархата, пара перуановая лѣтняя, нарчевой шлафрокъ, тулупъ на лисьемъ мѣху, клѣтчатою матерію покрытый, и прочее. Въ домовыхъ уборахъ, пожиткахъ и добрѣ всякаго рода видѣнъ пристойный достатокъ, а въ исчисленіи ихъ мелочная точность. Ничего не забыто — отъ картинъ до разломанной вафельной доски!

По духовному завѣщанію своему оставилъ онъ женѣ все свое благопріобрѣтенное имѣніе: но изъ того, что мы видѣли выше, можно заключить, что она, кромѣ разстройства и тяжбъ, ничего послѣ мужа не наслѣдовала. Сбереженное имущество, деньги, домъ увлечены были въ общій упадокъ состоянія. Пенсія въ три тысячи рублей, ассигнованная ему изъ почтовыхъ доходовъ, не обращена была по смерти его на несчастную вдову. Фортуна рѣдко имѣетъ обратныя дѣйствія. Нанна уже не было; новые же любимцы ея заботились о себѣ и о своихъ, а не объ участи предмѣстниковъ своихъ. Вдова пережила его четырьмя годами въ страданіяхъ физическихъ и нравственныхъ, въ болѣзни и въ нищетѣ. Мы имѣли въ рукахъ записку ея, которою проситъ она *изъ крайней нужды* дать ей въ займы 15 рублей. По счастью ея, Фонъ-Визинъ умѣлъ оставить по себѣ друзей, если не въ вельможахъ и въ счастливцахъ, нѣсколько забывчивыхъ, то въ смиренныхъ рядахъ людей, коихъ память на-

дежнѣе, потому что она есть свойство сердца. Въ нихъ вдова его нашла постоянное участіе и неизмѣнную услужливость. Семейство Клостермана принадлежитъ къ сему избранному кругу друзей, испытанныхъ временемъ и случайностію обстоятельствъ. Впрочемъ, сама Фонъ-Визина прекрасными качествами своими, нѣжною привязанностію къ мужу, трогательною покорностію въ разныхъ печаляхъ, понесенныхъ ею, и всею участію своею, ознаменованною столькими волненіями и превратностями, была достойна любви, уваженія и живѣйшаго сострадація.

ГЛАВА X.

Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонъ-Визинѣ, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, нѣжный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный. „При самомъ остромъ и быломъ умѣ (писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Мятлевъ), онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ“. Онъ имѣлъ много дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ, или собирался играть роль *Стародума* въ своемъ „Недорослѣ“. Всѣ лица были завербованы; одна роль *Скотинина* была не замѣщена. Можетъ быть, не находилось охотниковъ: къ тому-же и авторъ искалъ въ актерѣ тѣлесныхъ способностей, приличныхъ сей роли, болѣе матеріальной, нежели духовной. Наконецъ встрѣчается онъ съ молодымъ Р.., и, любуясь ростомъ его и широкимъ лбомъ, восклицаетъ съ радостію: „Вотъ мой Тарасъ Скотининъ!“ Впрочемъ, тутъ не должно искать эпиграммы, тѣмъ болѣе, что Р. былъ человѣкъ остроумный и образованный: это просто былъ крикъ артиста. Физіогномія Фонъ-Визина была значительна и глаза яркости почти нестерпимой. Сію быстроту и зоркость глазъ сохранилъ онъ до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. Мы уже сказали, что онъ былъ очень общежителенъ, любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ,

хорошо ѣсть и хорошо кормить. Гастрономическія расположенія его не ослабли и въ болѣзни: въ путевыхъ запискахъ своихъ всегда отмѣчалъ онъ съ рачительностію, гдѣ хорошо пообѣдалъ или худо поужиналъ, и по отмѣткамъ его видно, что онъ судилъ о послѣднемъ неравнодушно, и развѣ только въ этомъ отношеніи бывалъ злонамѣренъ. Мы обозрѣли связи его съ сослуживцами: литтературныя связи его были не менѣе почетны. Державинъ, Домашневъ, президентъ академіи наукъ, и самъ заслуживший извѣстность пріятными дарованіями, Богдановичъ. Козодавлевъ, бывшій въ послѣдствіи министромъ, но тогда еще скромный искатель счастія у алтарей музъ, актеръ Дмитревскій, который искусствомъ и образованностію своею возвысилъ у насъ актерское званіе, и еще нѣсколько другихъ литтераторовъ были ему пріятели. Жаль, что ничего не дошло до насъ изъ сихъ бесѣдъ, которыя, вѣроятно, особенно Фонъ-Визинъ оживлялъ веселостію своею, комическими разсказами и вспышками добраго остроумія. Можно представить себѣ, какъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, передавая другъ другу надежды свои на успѣхи Русской литтературы и вообще народнаго просвѣщенія, и ихъ частные планы свои для приведенія сихъ надеждъ въ исполненіе, совѣтовались они между собою, критиковали свои произведенія, спорили и соглашались, или, вѣроятнѣе, оставались каждый при своемъ мнѣніи, безъ злобы смѣялись о ближнемъ и о себѣ; какъ въ семъ дружескомъ и просвѣщенномъ ареопагѣ судимы были „Водопадъ" Державина, новый отрывокъ „Душеньки", „Росславъ" Княжнина; какъ Фонъ-Визинъ, долго слушая выходки сего классическаго Норманца, наконецъ спрашиваетъ автора: „Когда-же вырастетъ твой герой? онъ все твердитъ: Я Россъ. Я Россъ. Пора-бы ему и перестать расти!" и какъ Княжнинъ отвѣчаетъ ему: „Мой Росславъ совершенно вырастетъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы!" Или можно себѣ представить, какъ, при чтеніи сатиры на Фонъ-Визина, въ которой онъ названъ *кумомъ Маперы*, отражаетъ онъ стрѣлу въ самого насмѣшника, и говоритъ: „*Можетъ быть: только напрасно покумился я съ нимъ не на крестинахъ автора*". То представляемъ себѣ, какъ, въ этой прія-

тельской бесѣдѣ, въ лицѣ Фонъ-Визина вдругъ оживаетъ Сумароковъ съ своею живостію, съ своими замашками физическими и умственными: олицетворенный покойникъ бѣсится на Тредьяковскаго, сравниваетъ строфу свою съ строфою Ломоносова, или жалуется на Московскую публику, которая въ театрѣ *щелкаетъ орѣхи* въ то самое время, какъ Димитрій Самозванецъ произноситъ свой монологъ. Но, къ сожалѣнію нашему, весь умъ этихъ бесѣдъ выдохся, всѣ искры остроумія ихъ погасли во мракѣ забвенія! У насъ нѣтъ говоруновъ, разсказщиковъ, нѣтъ гостиныхъ рапсодовъ, передающихъ веселыя преданія старины; у насъ нѣтъ и разговора: карты вытѣснили и заступили всѣ другія забавы общежитія. Скорѣе найдешь человѣка, готоваго вспомнить масти и козыри игры, которая сдана ему была во время оно Фонъ-Визинымъ или графомъ Морковнымъ, нежели острое слово, слышанное имъ отъ того или другаго. Кто достоинъ былъ имѣть друзей, тотъ долженъ былъ имѣть и непріятелей, или по крайней мѣрѣ противниковъ. Одна тусклая посредственность остается незамѣченною: ни блескъ на ней не отражается, ни сама она не отражаетъ отъ себя блеска, для многихъ ослѣпительнаго. Вѣроятно, Фонъ-Визинъ имѣлъ недоброжелателей и на поприщѣ успѣховъ своихъ по службѣ; но имена ихъ намъ неизвѣстны. Изъ литературныхъ противниковъ его всѣхъ извѣстнѣе Александръ Семеновичъ Хвостовъ, выступивній въ бой противъ него съ сатирою, о коей мы уже упоминали. Но бой былъ неравенъ: броня, которою одѣтъ былъ творецъ „Бригадира“ и „Недоросля“, ограждала его отъ ломкихъ и не всегда острыхъ стрѣлъ наѣздника, болѣе отважнаго, нежели опаснаго. Говорятъ, что сей вызовъ на брань былъ началомъ нѣсколькихъ переналокъ: мы имѣли въ рукахъ отвѣтъ прозою, написанный будто-бы Фонъ-Визинымъ но не нашли въ немъ ни веселости, ни замысловатости, свойственныхъ его сатирическому уму, и потому полагаемъ, что онъ написанъ не имъ, а какимъ-нибудь безкорыстнымъ и добровольнымъ его защитникомъ. Во всякомъ случаѣ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобы Фонъ-Визинъ подъ своимъ именемъ выходилъ на полемическое поприще. Кажется, въ числѣ литературныхъ непріятелей его

былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями: впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ, въ „Ноэлѣ“ его есть куплетъ и на автора нашего:

«Но только лишь ввалился
Фонъ-Визинъ, вздернувъ носъ», и проч.

„Должно однако-жъ замѣтить, что литературныя несогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ: тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой воинственной удалости ума, искавшаго, въ подобныхъ спорахъ случайностей, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматёровъ, нежели артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и, за безсиліемъ своимъ въ бою на-чистоту, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поруганные и уязвленные побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ другое оружіе потаенное, ядовитое, имѣютъ свои неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ навѣрное. Сей язвы литературъ и обществъ, которыя ихъ терпятъ потому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются ядовитые гады, и слѣдовательно нужны въ общемъ планѣ созданія, къ счастію и чести своей, не знала старинная **литература наша.**

Въ послѣдніе годы жизни своей Фонъ-Визинъ охотно обращался къ духовнымъ размышленіямъ и не стыдился смиренія и раскаянія своего: напротивъ, онъ любилъ обнаруживать оныя. „Исповѣдь“ его и размышленія по случаю смерти Потемкина носятъ живые отпечатки сего расположенія. Разсказываютъ,

что уже въ болѣзненномъ состояніи своемъ, сидя однажды въ Московской университетской церкви, говорилъ онъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: „Дѣти! возьмите меня въ примѣръ: я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію!“ Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ унынiемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора. Вѣроятно даже, что и нѣкоторыя изъ мелкихъ сатирическихъ статей его принадлежатъ сей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя заслуги Фонъ-Визина въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ его. Переводы его заслуживали вниманія отъ современниковъ: нынѣ они могутъ быть любопытны для изслѣдованія языка, для изученія переворотовъ, послѣдовавшихъ въ исторіи Русскаго слога; могутъ служить поощреніемъ и уликою нынѣшнимъ писателямъ, слишкомъ пренебрегающимъ переводами, которыхъ впрочемъ не замѣнятъ они оригинальными твореніями. Многимъ писателямъ должно вѣрить на слово, что они писатели. Кто-то выдавалъ себя за музыканта. „Да ви сами играете-ли на какомъ-нибудь инструментѣ?“ спросили его. — „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: но дяя мой собирался учиться играть на флейтѣ!“ — У насъ иной литераторъ въ правахъ своихъ съ родни этому дядѣ и племяннику. Фонъ-Визинъ былъ, напротивъ того, писатель довольно дѣятельный, не смотря на то, что у него много времени было отнято службою, путешествіями и болѣзнію. И самыя отдѣльныя, такъ сказать бѣглыя, сочиненія его достойны замѣчанія. Одно изъ первыхъ въ этомъ родѣ, по старшинству времени, есть „Слово на выздоровленіе Великаго Князя Павла Петровича“, говореное въ 1771 году. Болѣзнь Наслѣдника и единаго преемника Русскаго престола была въ то время не только общею горестію, но и важною государственною опасностію; выздоровленіе-же его было залогомъ спокойствія и радостію отечества. Участвуя въ общемъ торжествѣ, Фонъ-Визинъ участвовалъ еще и въ частномъ, столь близкомъ сердцу графа Панина, царственнаго наставника. Слово сіе читано было съ жадностію и восхищеніемъ

отъ одного конца Россіи до другаго. Впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ сильно, что И. И. Дмитріевъ, спустя болѣе пятидесяти лѣтъ, помнилъ наизусть начало сей рѣчи, слышанной имъ въ дѣтствѣ на семейномъ чтеніи. Конечно, успѣхъ сего творенія много заимствовалъ отъ обстоятельствъ и сочувствія, съ которымъ дѣлили радость автора; силы, краснорѣчія, движеній, ораторскаго достоинства въ немъ мало, но вообще оно написано хорошо. Слогъ его не имѣетъ тяжелой плодовитости и академической напыщенности слога Ломоносова: онъ приближается уже нѣсколько къ общему слогу. Можетъ быть, слуху, въ то время еще не очень опытному, нравились и сіи стихотворческія накладки, которыми облѣпливалъ онъ свою прозу: вотъ образчики этому. Обращаясь къ Россіи, говоритъ онъ: „*Велико счастіе твое, но и напасть ужасная грозила. Воспо-„мяну о ней, да больше ощутимъ, колико Небеса Россію защи-„щаютъ*". Чѣмъ это не стихи изъ Россіяды? Между тѣмъ встрѣчается въ сей рѣчи и достоинство мыслей, которое никогда не старѣется. „Любовь народа есть истинная слава Го-„сударей. Буди властелиномъ надъ страстями своими, и помни, „что тотъ не можетъ владѣть другими со славою, кто собой „владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть из-„мѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ". Упомянемъ здѣсь, что Его Высочество, и въ дѣтствѣ своемъ и послѣ, весьма благоволилъ къ своему панегиристу, часто допускалъ его къ себѣ до самой его болѣзни, и совершенно раздѣлялъ съ наставникомъ своимъ чувства благосклонности и уваженія къ нему.

Во всеобъемлющей заботливости своей о прививкахъ просвѣщенія, Екатерина, подобно Петру, соображаясь съ вѣкомъ и поломъ своимъ, не оставляла безъ вниманія ни одного средства размножать у насъ успѣхи образованности, пріохочивать къ нимъ общество и дать умамъ благонамѣренное направленіе. Можно сказать въ семъ отношеніи, что какъ Петръ былъ плотникъ и преобразователь, такъ Екатерина была законодательница и журналистъ. „Собесѣдникъ"—ея Саардамъ. Сіе періодическое собраніе, изданное въ 1782 году подъ руководствомъ

предсѣдательницы академіи наукъ, княгини Дашковой, оживляемо было Вѣнценосною Сотрудницей не однимъ только покровительствомъ, но и дѣятельнымъ участіемъ. Нельзя безъ особеннаго вниманія, безъ благодарности, безъ живѣйшаго ощущенія различныхъ чувствъ, читать и нынѣ сей памятникъ золотаго вѣка литтературы нашей. Разсматривая его въ отношеніи чисто изящномъ, найдемъ въ немъ соединеніе именъ, коими наиболѣе гордятся лѣтописи словесности нашей, — Державина, Хераскова, Богдановича, Княжнина, М. Н. Муравьева, Капниста. Въ отношеніи умозрительномъ сіе изданіе не менѣе, если не болѣе, замѣчательно и важно. Въ сравненіи съ нимъ, многіе изъ современныхъ журналовъ нашихъ не болѣе, какъ ученическія упражненія въ словесности, и то еще подъ руководствомъ учителя, плохо знающаго свою грамоту. Фонъ-Визинъ былъ также однимъ изъ соучастниковъ его. *Опыты Русскихъ синонимовъ*, *Поученіе говоренное въ Духовъ день* и *Вопросы* его „Собесѣднику“, возбудившіе, такъ сказать, политическую полемику его съ Императрицею, любопытны и занимательны до высшей степени. Въ семъ послѣднемъ произведеніи (должно сказать безъ лести къ царственной тѣни) превосходство не на сторонѣ автора нашего: Екатерина уже и тѣмъ побѣдила противника своего, что, не отклонившись отъ состязанія съ нимъ, отвѣчала на вопросы его, изъ коихъ нѣкоторые могли казаться довольно неумѣстными. Если Фонъ-Визинъ въ вопросахъ своихъ оказалъ смѣлость, то повинное письмо его, по сему случаю писанное, умно и благородно.

Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Фонъ-Визинъ и самъ собирался издавать журналъ. Намѣреніе его не состоялось: но до насъ дошло нѣсколько статей, приготовленныхъ имъ для сего журнала. Кисть творца „Недоросля“ оказывается во многихъ изъ нихъ. Повторяемъ сказанное нами: Сумароковъ и Фонъ-Визинъ одни у насъ живописцы нравовъ, одни умѣли владѣть веселою прозаическою сатирою. Первый оригинальнѣе, заносчивѣе, карикатурнѣе: онъ смѣшитъ насъ чистосердечною досадою своею, потому что ничего нѣтъ забавнѣе сердцовъ человѣка, который сердится сатирически. Въ другомъ также много веселости, но

болѣе приготовленія. болѣе замысловатости. Одинъ забавляетъ насъ какъ человѣкъ, въ которомъ все комическое: —умъ, голосъ, ужимки и движенія; другой какъ искусный говорунъ, который достигаетъ цѣли своей однимъ даромъ слова, игривостью выраженій, такъ сказать удареніемъ голоса, придающимъ особенную физіогномію самымъ обыкновеннымъ словамъ. Общее достоинство Сумарокова и Фонъ-Визина есть слѣдующее: они не вымышляли нравовъ, не были живописцами наобумъ, но между тѣмъ и не списывали лицъ и картинъ, въ коихъ нечего было схватить живописнаго. Нынѣ развелись у насъ живописцы нравовъ отъ журнальныхъ статеекъ до романовъ. Каждый журналъ имѣетъ своего юмориста, какъ въ старину каждый домъ имѣлъ своего крѣпостнаго шута или, еще вѣрнѣе, своего домороценнаго карлу. Но что узнаетъ потомство по картинамъ нынѣшней школы, не заклейменнымъ отпечаткомъ современнымъ, не разцвѣченнымъ ни живостью лицъ, ни вѣрностью костюмовъ? Картины прежнихъ художниковъ писаны масляными красками, не теряющими отъ времени яркости своей: нынѣ пишутъ *пастельными*, которыя стираются подъ рукою самого художника. Одно заимствовали новѣйшіе у предмѣстниковъ своихъ.—мѣстоположеніе ихъ сцены и колоритъ дѣйствующихъ лицъ. Но и тутъ оказался недостатокъ ихъ соображенія. Простаковы, Дурыкины, подьячіе и тому подобныя лица были оригиналами той эпохи и требовали красокъ, имъ свойственныхъ. Нынѣ должно искать оригиналовъ въ сферѣ болѣе возвышенной: пороки, дурачества наши равно ненавистны, равно смѣшны, но наружность ихъ, такъ сказать, благороднѣе и требуетъ красокъ болѣе рѣзкихъ, оттѣнковъ болѣе нѣжныхъ. Фонъ-Визинъ и Сумароковъ, со всѣмъ умомъ своимъ, если-бъ жили въ наше время, но не перенесли-бы выше своей палитры и кисти, то и они писали-бы для одной черни. Чего-же ждать отъ новѣйшихъ, которые не имѣютъ ни тѣни ихъ ума, ни искры ихъ веселости? Похожденія ихъ по переднимъ и далѣе, но все не до внутреннихъ и чистыхъ покоевъ, имъ недоступныхъ, писаны развѣ для однихъ лакеевъ, но и тутъ безъ пользы. Фонъ Визинъ показалъ примѣръ, какъ писать нравственныя и сатирическія статьи для

простолюдиновъ. Его „Поученіе“ статья образцовая въ своемъ родѣ. Оно не по направленію своему, совершенно чуждому политики, но по искусству въ отдѣлкѣ и по принаровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ, подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ *Курье*, знаменитаго виноградаря. Въ „Придворной Грамматикѣ“ много остроумія, но есть нѣсколько и натяжекъ. Хотя въ письмѣ *Стародума* и сказано, что идея сочиненія сего есть совсѣмъ новая, но вѣроятно, что первая идея его принадлежитъ Сумарокову, написавшему „Истолкованіе личныхъ мѣстоименій: я, ты, онъ, мы, вы, они“. Любопытно сравнить сіи двѣ статьи для повѣрки опредѣленій, выше приведенныхъ о сатирическомъ искусствѣ обоихъ писателей. Очень забавно говоритъ Сумароковъ: „Въ брани относится отрицаніе ко второму лицу единственнаго числа, напримѣръ: *ты человѣкъ нечестный:* изъ чего „слѣдуетъ иногда пощечина; *но то уже касается до троновъ*“.

„Письмо о планѣ Россійскаго Словаря“ отличается большимъ искусствомъ въ критикѣ и эпиграмматическимъ остроуміемъ. Нельзя безпрекословно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, напримѣръ, что всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, весьма низки умомъ и выраженіемъ, и желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты; какъ будто пословицамъ, симъ апоѳегмамъ народнымъ, должно имѣть складъ и чопорность академическихъ фразъ, или щегольство свѣтскихъ привѣтствій! Но, не смотря на то, сей критическій отрывокъ весьма замѣчателенъ: въ немъ авторъ входитъ въ состязаніе съ другимъ знаменитымъ критикомъ, Болтинымъ. Жаль, что неизвѣстны намъ подлинныя примѣчанія Болтина на планъ Словаря Россійской Академіи. Сіи критическіе взгляды на языкъ народа весьма драгоцѣнны, особливо у насъ, гдѣ вообще всѣ болѣе или менѣе говорятъ по наслышкѣ. Нельзя не пожалѣть также о краткости написанной Фонъ-Визинымъ „Жизни графа Н. И. Панина“: но и въ настоящемъ видѣ прочтешь ее не безъ участія, съ уваженіемъ къ государственному мужу и съ благодарностію къ признательному біографу. Намъ сказывали за вѣрное, что авторъ написалъ эту „Жизнь“ первоначально на Французскомъ языкѣ. Читая ее въ рукописи одному изъ своихъ пріятелей, замѣтившему невѣр-

ность въ какой-то подробности, онъ сказалъ ему, что тутъ невѣрность умышленная, дабы приписали это сочиненіе иностранцу. Достовѣрно то, что сей біографическій отрывокъ въ первый разъ показался въ печати на французскомъ языкѣ: переведенный съ него, онъ напечатанъ въ 1787 году Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, не знавшимъ, что онъ переводчикъ Фонъ-Визина: а авто-переводъ, напечатанный нынѣ, отысканъ уже послѣ въ бумагахъ покойнаго Фонъ-Визина. Къ сему-же отдѣленію сочиненій его можно причислить и „Выборъ гувернера", комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, которая не была и не можетъ быть на театрѣ за совершеннымъ недостаткомъ дѣйствія. Читая ее, можно подумать, что она служила основаніемъ „Недорослю": но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо. Но и въ семъ произведеніи, какъ далеко ни отстоитъ оно отъ двухъ прежнихъ комедій, и даже отъ „Разговора у княгини Халтиной" и другихъ нравственно-сатирическихъ очерковъ его, пробивается иногда дарованіе Фонъ-Визина. По времени оно изъ самыхъ послѣднихъ, а можетъ быть и послабѣе сочиненіе автора, уже приближавшагося къ концу стралъческой жизни своей: въ этомъ отношеніи оно драгоцѣнно. Разсматривая автора сихъ отдѣльныхъ статей со стороны нравственной и философической, должно указать съ уваженіемъ, что онъ везъдѣ руководимъ былъ просвѣщеннымъ патріотизмомъ: благонамѣренные виды его на нѣкоторые запросы высшей гражданственности показываютъ, что онъ размышлялъ объ устройствѣ и потребности общества, обращалъ вниманіе на изслѣдованіе предметовъ, которые вообще были еще довольно чужды современнымъ ему писателямъ: однимъ словомъ, онъ оправдалъ и подтвердилъ примѣромъ своимъ сказанное имъ, что „таковая „свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага". Понимать такимъ образомъ, и согласно съ понятіемъ исполнять свою обязанность, есть лучшая похвала писателя монархическаго, писателя гражданина и патріота. Фонъ-Визинъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ.

ГЛАВА XI.

Зная, по признанію самого автора, что стихотворческія занятія были для него по истинѣ головоломны, то есть, стоили ему сильной головной боли, нельзя не пожалѣть, что онъ, на зло природѣ своей, потерялъ много времени и здоровья на переводы двухъ драматическихъ твореній. Голова его не имѣла свойства Юпитеровой, и поэтическая Минерва не была для него дочерью *Мигрени*. О переводѣ „Альзиры“ и говорить нечего: это ученическій опытъ, какъ и самъ называетъ онъ его, и опытъ неудачный. Въ „Коріонѣ“, переводѣ комедіи или драмы Грессета „Сидней“ стихъ нѣсколько тверже и правильнѣе; но все нѣтъ слѣдовъ дарованія стихотворческаго. Самый выборъ несчастливъ, или слишкомъ смѣлъ. Драма Грессета слаба вымысломъ и дѣйствіемъ: все достоинство ея въ слогѣ. Герой ея, *Сидней*, недовольный жизнью, собою и другими, мнимо обманутый, мнимый несчастливецъ, рѣшился на самоубійство: но благодѣтельнымъ обманомъ слуги своего вливаетъ, вмѣсто приготовленнаго яда, какой-то безвредный напитокъ, и остается очень доволенъ своею неудачею. Это напоминаетъ Французскій фарсъ „Отчаяніе Кокриса“, который также вмѣсто яда вливаетъ вино, и напивается пьянъ. У Фонъ-Визина *Коріонъ* еще смѣшнѣе *Сидней*. Послѣ словъ его (коихъ нѣтъ у Грессета):

«Я вижу вѣчну ночь... отверзлись двери гроба..
Нѣмѣютъ члены всѣ... кровь стынетъ... меркнетъ свѣтъ...

изобличается онъ въ излишней силѣ воображенія своего услужливымъ *Андреемъ*, который объявляетъ ему:

«Благодарите вы Всевышняго десницу:
Вы выпили не ядъ, но выпили водицу».

Сіи стихи, осмѣянные Хвостовымъ въ сатирѣ его, смѣшны, но самое положеніе *Коріона* еще смѣшнѣе. Должно однакожъ замѣтить, что какъ стихосложеніе „Коріона“ ни плохо, но все не хуже оно драматическихъ стиховъ „Безбожника“, комедіи Хераскова, и другихъ комедій той же эпохи. До Княжнина не было у насъ комедій въ стихахъ: едва ли было и послѣ. Впрочемъ, и здѣсь Фонъ Визинъ имѣлъ надъ неудачными совмѣстниками по стихотворству превосходство умнаго человѣка: онъ не отдавалъ драматическихъ стихотвореній своихъ ни на сцену, ни въ печать. Но благоразумное смиреніе его не было уважено потомствомъ. Не за долго предъ симъ въ одномъ журналѣ напечатанъ „Коріонъ“ въ видѣ любопытной находки, а эта находка, давно въ рукописи всѣмъ извѣстная старина, не внесена была издателями въ полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина потому, что не могла служить ни къ чести автора, ни къ удовольствію читателей. Мало того, что напечатанъ „Коріонъ“: къ нему придѣланъ еще новый конецъ, искажающій совершенно мысль Грессета и основный планъ комедіи его. Напрасно сказано въ журналѣ, что въ рукописи Фонъ-Визина не отысканъ конецъ перевода. Переводъ, какъ и подлинникъ, оканчивается слѣдующими стихами слуги *Андрея*:

«Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться;
Мы видимъ *каково* со свѣтомъ разставаться:
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется поболѣе пожить».

Въ Словарѣ Новикова упоминается о стихотвореніи Фонъ-Визина „Матюшка разнощикъ“. Не смотря на всѣ розысканія наши, мы никакихъ слѣдовъ его не отыскали. Жаль, если оно было въ родѣ „Посланія къ слугамъ“. Въ оставшихся послѣ него бумагахъ нашли мы начало „Посланія къ Ямщикову“, которое, вѣроятно, было окончено и подало поводъ къ сатирическому посланію Хвостова. Приводимъ его къ свѣдѣнію любопытныхъ.

Посланіе къ Ямщикову.

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Пѣнта, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачихой, обиженный судьбою,
Имѣешь рѣдкій даръ—довольнымъ быть собою.
Простри ко мнѣ глаголъ, скажи мнѣ свой секретъ:
Какъ то пашлось въ тебѣ, чего и въ умныхъ нѣтъ?
Доволенъ ты своей и прозой и стихами,
Доволенъ ты своимъ разсудкомъ и дѣлами,
И, цѣну чувствуя своихъ душевныхъ силъ,
Ты зависти къ себѣ ни въ комъ не возбудилъ.
О чудо страшное! Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жереба!
Какъ погребъ начиненъ и пивомъ и виномъ,
И днемъ и ночію объятый крѣпкимъ сномъ,
Набившій носъ себѣ багровый, лучезарный,
Блаженъ родитель твой, совѣтникъ титулярный!
Онъ, бывши умными очами близорукъ,
Не ищетъ проницать во глубину наукъ,
. . . . . .
. . . . . .
Не ищетъ различать и вѣсить колкихъ словъ.
Безъ грамоты пѣитъ, безъ мыслей философъ,
Онъ, не читавъ Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился,
И мнитъ, что . . . . . .
Блаженна, что отъ нихъ такой родился плодъ,
Который въ свѣтѣ семъ возстановитъ ихъ родъ.

(Окончаніе не отыскано).

Еще нашли мы начало перевода его *Смерти Авеля*, поэмы Гесснера, начисто рукою Фонъ-Визина переписанное, почему можно полагать, что и вся поэма была имъ переведена, и двѣ сцены изъ двухъ комедій (первая безъименная): приводимъ и ихъ потому, что здѣсь есть Фонъ-Визинскій отпечатокъ, и въ доказательство, что исправленіе Русскаго воспитанія было постоянною цѣлію автора почти во всѣхъ произведеніяхъ его.

КОМЕДІЯ.

Дѣйствующія лица:

Простосердъ.
Ненила, жена его.
Молодой Простосердъ.
Зенида, жена его.
Безчестъ.
Юлія, дочь Простосерда.
Стародумъ, другъ Простосерда.
Слуга.

АКТЪ I-й.

СЦЕНА I-я.

Театръ представляетъ комнату, въ которой Простосердъ сидитъ за столомъ и разсматриваетъ книги въ тетрадяхъ. Ненила, Юлія.

Ненила.

Не знаю, батюшка, на кой чертъ ты столько книгъ покупаешь всякой день; только деньгамъ переводъ. Легкое-ль дѣло. Теперь три поставца биткомъ набито.

Простосердъ.

Какъ-же быть, Ненилушка! У всякаго своя охота. Я люблю читать книжки; для того ихъ и покупаю. Пока глаза есть, стану читать, а какъ глазъ не будетъ, и читать перестану.

Ненила.

Христосъ съ тобою! Гляди, мой батюшка! Да на что ты деньги-то переводишь? Купилъ-бы себѣ книжку, другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ то доски, та опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати.

Простосердъ.

Твоя правда, Ненилушка! Этово обману нынче много: такіе проклятые! Прочтешь книжку, кажется, диковинка; прочтешь другую — анъ то же написано, только другими словами; а кажется и другаго автора, и не та печать: да и деньги берутъ, какъ за новую.

Ненила.

Вотъ такъ-то вашу братью обманываютъ! Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то-бы, пожалуй, плуты и меня обманули. Вотъ Юлія — такъ ужъ въ батюшку своего: читать охотница!

Простосердъ.

Еще-бы и она была не охотница! Развѣ мало заплатили мы за ея ученье? Одна мадама чего стоила. Правда, за то она и Французскія книжки читаетъ.

Юлія.

Да что читать, батюшка? У васъ всѣ Русскія; а я, по чести, не могу читать Русскихъ книгъ: мочи нѣтъ, какія мудреныя, я ни слова не разумѣю.

Ненила.

Слава Богу! хоть дочь въ убытокъ не вводитъ! Если-бъ, храни Богъ, да и она читала по-Русски, — такъ-бы въ конецъ разорились!

Юлія.

Если-бъ Безчестъ не дѣлалъ мнѣ одолженія, и не давалъ-бы читать своихъ Французскихъ книгъ, то, по чести говорю, я не дала-бы покою вамъ, батюшка: все-бы стала просить денегъ.

Ненила.

Спасибо, право, Безчесту, что онъ ее книжками ссужаетъ. Истинно, какой честный молодецъ!

Простосердъ.

О! пречестный и преумный человѣкъ! Онъ хоть и недавно намъ знакомъ, да я сердечно радъ, что онъ съ сыномъ нашимъ такъ подружился. Петрушка малой молодой; ему очень нуженъ такой, можно сказать, другъ и наставникъ.

Начало сіе писано рукою Фонъ-Визина.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИКЪ.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня сидитъ на канапе, на которой стоитъ картонъ съ лентами. Служанка выбираетъ.

Марья.

Не это-ль прикажете?

Княгиня.

Ахъ нѣтъ! да пора, пора мнѣ одѣваться, Машенька! Князь будетъ сюда обѣдать.

Марья.

Молодой Честонъ? *(показываетъ ей ленты.)*

Княгиня *(смотря на ленты.)*

Не правда ли, что онъ хорошъ, какъ ангелъ?

Марья.

Красавецъ! И какой съ нимъ ѣздитъ почтенный старичекъ!... .

Княгиня.

Котораго я терпѣть не могу.

Машенька.

За что, княгиня? Г. Праводумъ такой умный.....

Княгиня.

Онъ тебѣ кажется затѣмъ умнымъ, что ты дура; *(указывая на ленты)* вотъ хорошп!

Марья *(убирая шляпку)*.

Можетъ быть, ваше сіятельство, однако не мнѣ одной этотъ старичекъ нравится. Братецъ вашъ родной, г. Прямиковъ, человѣкъ, конечно, разумный, самъ больнаго объ немъ мнѣнія.

Княгиня *(указывая служанкѣ, какъ перьями убрать шляпку)*.

Братецъ мнѣ родной, даромъ что онъ мнѣ большой, что я у него живу, и что много имъ обязана, братецъ мой — мужикъ обѣшеный. Въ разборѣ умовъ я ему не вѣрю. Онъ часто меня называетъ дурою, и съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ была я превеликая дурища. Послѣ этого, ты сама разсуди, есть ли толкъ въ моемъ *дядюшкѣ?*

Марья.

Послѣ этого я, конечно, знаю, что думать о вашемъ *дядюшкѣ?*

Княгиня.

А propos! Дядюшка мой, я думаю, сегодня съ дачи воротится, куда изволилъ онъ вчера повезти твоего почтеннаго старичка. Слава Богу, что они, хотя на одни сутки, оставили насъ въ покоѣ. Я разскажу тебѣ, какъ безъ нихъ провела я вчерашній вечеръ, чтобъ ты порадовалась веселью госпожи своей.

Марья.

Разскажите, сударыня!

Княгиня.

Ты знаешь, что я недавно сговорила Анпушку, мою племянницу, за унтеръ-офицера Дурашкина?

Марья.

Знаю, сударыня, и очень объ ней жалѣю. Она такая милая, а вы выдаете ее по неволѣ и за кого? за Дурашкина!

Княгиня.

Ахъ, Боже мой! Это что такое? Онъ малой молодой, не убогъ. Выдасте по неволѣ? да что это значитъ? Я сама была за тремя мужьями: за первымъ по волѣ, за вторымъ по неволѣ, за третьимъ ни такъ, ни сякъ, а грѣшна передъ всѣми. Это все не потому, Марьюшка, а говорится, какъ кому по натурѣ. Всего хуже не быть ни за кѣмъ. Вотъ теперь я третій разъ вдовѣю, а за четвертаго выти нельзя. Стала, какъ ракъ на мели, *(очень печально)* признаться искренно. Я женщина слабая. Истинно, какъ вѣкъ доживать не знаю.

Марья.

Это подлинно жалко, да вы и позабыли разсказать мнѣ?..

Княгиня.

Да, да, да, я вчера вечеръ провела у родной тетки Дурашкина, у генеральши Халдиной. Гостей было множество. Мнѣ бы только не спускать глазъ съ моего ангела. Просидѣла до двухъ часовъ за полночь. Я осталась бы и долѣ, да всѣ дамы разъѣхались: и я принуждена была оставить князя тутъ за картами. Онъ игралъ съ Сорванцевымъ.

Марья.

Да князекъ-атъ отвѣчаетъ ли вамъ?

Княгиня.

Ахъ, Марьюшка, онъ такъ молодъ, такъ новъ, что я прихожу въ отчаяніе. Я бросала на него страстные взоры прямо, а онъ глядѣлъ въ сторону. Сколько разъ вчера, сидя подлѣ него, наступала я ему тихонько на ногу: а онъ всякій разъ извинялся въ слухъ, что своей ногой меня обезпокоилъ. Истинно боюсь, чтобъ вдругъ не обезумить, и при всей публикѣ не потерять благопристойности.

Марья.

Ст..... княгиня!

По отрывку, подъ названіемъ: *Мнѣніе о изданіи пѣсенъ и Московскія сочиненія*, видно, что онъ былъ одинъ изъ учреди-

телей общества, которое готовилось издавать періодическое собраніе. Въ числѣ правилъ, постановленныхъ имъ, замѣчательно слѣдующее: *не принимать никакихъ переводовъ*; слѣдовательно въ то время это было дѣло сбыточное, что, впрочемъ, и доказано Собесѣдникомъ. Нынѣ какому журналисту придетъ въ голову наложить на себя подобную клятву, которая равнялась бы обреченію себя на голодную смерть. Выше сего мы видѣли, что Фонъ-Визинъ, въ молодости своей, занимался переводомъ съ подлинника Овидіевыхъ превращеній. Въ бумагахъ его найденъ нами отрывокъ перевода изъ Иліады. Предлагаемъ читателямъ сію попытку, хотя и не имѣетъ она большаго литературнаго достоинства. Сомнительно, зналъ ли Фонъ-Визинъ Греческій языкъ, но, переводъ по удостовѣренію знатоковъ, близокъ и, вѣроятно, составленъ по надстрочному переводу, или съ буквальной диктовки Еллениста.

ПѢСНЬ 6.

Боги оставили страшную битву: но смертоносное рвеніе являлось еще по нѣкимъ мѣстамъ ратнаго поля и стрѣлы обоихъ войскъ мѣшались между братами Симоиса и Ксанѳа.

Аяксъ Теламонидъ, сія твердая Грековъ подпора, въ Троянскій рядъ вломился первый и возвращаетъ надежду въ сердца своихъ спутниковъ, сразя Оракійскаго начальника Акамаса, сына Евіорова, столь знаменитаго силою, сколько роста высотою: копье Аяксово досягаетъ до верха шлема его, обитаго *острыми зубами*, проницаетъ чело и пронзаетъ ему кость: очи его покрылись *непроницаемою завѣсою смерти.*

Діометъ приноситъ въ жертву Теутранесова сына Аксила, обитавшаго въ великолѣпныхъ Арисбскихъ стѣнахъ и владѣвшаго многими сокровищами; другъ человѣческаго рода, посвятилъ онъ гостепріимству домъ свой, при большомъ пути стоящій: но изъ всѣхъ, имъ угощенныхъ, никто не подвергнулъ себя опасности, дабы смерть отъ него отвратити. Единый Калезій, вѣрный ему рабъ, ведущій тогда коней его, умираетъ близъ него отъ руки Діомедовой.

Евріалъ сражаетъ Дреза и Офелта и тотчасъ напалъ на Эзепа и Педаза, рожденныхъ отъ Наяды Абарбареи и Буколіона, старшаго сына царя Лаомедона и происшедшаго отъ потаеннаго брака. Буколіонъ пасъ стада, когда соединился съ сею Наядою, которая, нося въ лонѣ своемъ плодъ любви, сихъ двухъ близнецовъ въ свѣтъ произвела. Сынъ Мекистеевъ, не трогаяся ни юностію, ни красотою, на песокъ его повергаетъ и отъ него оружіе отъемлетъ.

Неустрашимый Полипэтъ повергаетъ Астіала; Улиссъ стрѣлою убиваетъ Пидита, прибывшаго изъ Перкоса; Тевкеръ проливаетъ знаменитую кровъ Аретаона, и сынъ Нестеровъ Антилохъ, вооруженный блестящимъ коніемъ, Абеера поражаетъ. Начальникъ войска Агамемнонъ разитъ смертно Элата, царствовавшаго въ возвышенныхъ стѣнахъ Педаза, на прекрасныхъ брегахъ Сатніонскихъ. Леитъ, славный воинъ, отнимаетъ жизнь у Филака, бѣжавшаго предъ стопами его, а Меланоій полъ Евриппловымъ мечемъ упадаетъ.

Храбрый Менелай плѣняетъ Адраста; копи сего начальника, объятые ужасомъ, побѣгли быстро въ поле, но, удержанные ниемъ древа, раздробляютъ колесницу близъ дышла: они мчатся за множествомъ коней устрашенныхъ, летѣвшихъ ко граду, когда воинъ, катясь съ колесницы, у колесъ лицемъ къ землѣ упадаетъ. Менелай былъ возлѣ его, держащій въ десницѣ длинное копье. Адрастъ объемлетъ колѣна его и, молящимъ гласомъ, вѣщаетъ ему: дай мнѣ оковы, о сынъ Атрея! и прими достойную мзду моея свободи; чертоги отца моего изобилуютъ драгоцѣннѣйшими сокровищами, златомъ, мѣдію и кованнымъ желѣзомъ; родитель мой все тебѣ отдастъ за мое искупленіе, какъ скоро узнаетъ, что я живъ при Греческихъ судахъ.

Симъ моленіемъ преклонялъ онъ сердце Менелаево, который повелѣлъ уже единому изъ своихъ вести его къ кораблямъ, но Агамемнонъ притекаетъ раздраженный: „О Менелай!“ вопіетъ онъ: „воинъ слабый! Тебѣ ль пещись о спасеніи враговъ па„шихъ? Трояне безъ сумнѣнія подали дому твоему великую вину „благодарности, да не избѣгнетъ никто изъ нихъ десницы па„щей, да не пощадится и младенецъ, носимый матерью въ

„утробѣ; но да погибнутъ всѣ обитающіе Илліонъ, да трупы ихъ „землѣ не предадутся, и да (здѣсь кончается переводъ.)

Извѣстно также, что онъ переводилъ, и вѣроятно по порученію начальства, книгу: О вольности Французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина; тутъ же приложено и разсужденіе о третьемъ чинѣ. Сей трудъ, писанный рукою Фонъ-Визина, долженъ храниться въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Пушкинъ говорилъ мнѣ о какомъ-то ѳеологическомъ памфлетѣ, писанномъ будто Фонъ-Визинымъ, подъ названіемъ: *Аввакумъ Скитникъ*. Сочиненія подъ такимъ названіемъ мы не отыскали, но нашли другое, которое могло подать поводъ къ ошибочному преданію. Въ числѣ Русскихъ библіографическихъ рѣдкостей есть *Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку*. Сей *нѣкоторый мужъ*, по словамъ повѣствованія, родился близъ рѣки Оби въ *весьма набожномъ Аввакумовскомъ скитѣ*, и проч. Сочиненіе же сіе приписано Фонъ-Визину вѣроятно потому, что оно напечатано, по крайней мѣрѣ вторымъ тисненіемъ (въ С.-Петербургѣ, 1788 года), вмѣстѣ съ Посланіемъ къ слугамъ моимъ. Но по свѣдѣніямъ, болѣе достовѣрнымъ, оно плодъ пера Адама Васильевича Олсуфьева, статсъ-секретаря при Императрицѣ Екатеринѣ II, который въ свое время извѣстенъ былъ шутливостью ума своего и необыкновеннымъ обжорствомъ. Согласно съ тѣми же свѣдѣніями, оно издано въ свѣтъ по одному поводу съ посланіемъ Фонъ-Визина, то есть во дни публичнаго маскарада, даннаго въ Москвѣ на сырной недѣлѣ, и воспользовалось съ близнецемъ своимъ свободою, которая предоставляется маскамъ. Нынѣ, читая сей памфлетъ, или пасквиль, трудно доискаться сокрытаго смысла и ключа къ содержащимся въ немъ намекамъ, но дагадываешься, что тутъ есть портретъ, или каррикатура, извѣстнаго въ той эпохѣ лица. Очевидно также, что кистью автора водило недоброжелательство, единомышленное съ тѣмъ, которымъ увлеченъ былъ Ломоносовъ, когда онъ воспѣвалъ гимнъ бородѣ, перестроивъ торжественную лиру свою на сатирическій и простонародный ладъ. Во всякомъ случаѣ, оцѣнивъ эту шалость въ литтературномъ достоинствѣ, невозможно

приписывать ее Фонъ-Визину: въ ней нѣтъ ни остроумія, ни слога его.“

Въ концѣ жизни своей онъ переводилъ, или готовился переводить и Тацита. Въ журналѣ его, подъ замѣткой 14-го Февраля 1790 года, находимъ: „Поутру послалъ письмо къ Государынѣ о Тацитѣ“. Сколь намъ извѣстно, отвѣтъ былъ неблагопріятенъ. Первые переводы лѣтописей Тацита: Румовскаго и Поспѣлова, появились уже въ началѣ царствованія Александра. Въ бумагахъ Фонъ-Визина не нашлось никакихъ слѣдовъ ни перевода Овидіевыхъ превращеній, ни перевода твореній Римскаго историка. Это потеря для нашей словесности. Особенно въ переводѣ Тацита Фонъ-Визинъ, вѣроятно, имѣлъ бы хорошій успѣхъ: слогъ его, довольно холодный и малоуступчивый, едва ли бы могъ съ равною удачею передать мягкость и блестящую игривость Латинскаго поэта. Кажется, что Государыня, подъ конецъ, уже не благоволила къ Фонъ-Визину. Разсказываютъ, что онъ, по заказу графа Панина, написалъ одно политическое сочиненіе для прочтенія Наслѣднику. Оно дошло до свѣдѣнія Императрицы, которая осталась имъ недовольною и сказала однажды, шутя, въ кругу приближенныхъ своихъ: „худо мнѣ жить приходитъ: ужъ и г-нъ Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!“

ГЛАВА XII.

При скудости нашей въ подробныхъ и личныхъ свѣдѣніяхъ о многихъ годахъ изъ жизни Фонъ-Визина, можемъ почесть особеннымъ счастіемъ, что имѣемъ возможность разсказать читателямъ нашимъ, какъ провелъ онъ свой послѣдній, предсмертный вечеръ. Живой разсказъ нашъ взятъ со словъ очевидца и собесѣдника его. Намъ уже извѣстно, что авторъ нашъ былъ въ пріятельскихъ связяхъ съ Державинымъ, съ которымъ въ подобныхъ-же отношеніяхъ былъ и И. И. Дмитріевъ, оставившій въ запискахъ своихъ краткія, но мастерски обрисованныя и занимательныя замѣтки о личности и характерѣ великаго поэта. По изъявленному Фонъ-Визинымъ желанію, Державинъ познакомилъ его съ Дмитріевымъ. По возвращеніи изъ послѣдней поѣздки въ Бѣлоруссію, куда вызвали его хозяйственныя дѣла и тяжба, страдалецъ выѣзжалъ всегда въ сопровожденіи двухъ молодыхъ Шкловскихъ воспитанниковъ, служившихъ ему вожатыми и чтецами. Грустно было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ сею едва движущеюся развалиною. Но и она была еще озарена не совсѣмъ угасшимъ пламенемъ умственной и внутренней силы. Онъ былъ еще словоохотливъ и остроуменъ. Литература до послѣдняго дня его была ему живымъ источникомъ веселыхъ вдохновеній, бодрости и забвенія житейскихъ недуговъ и лишеній. Параличемъ разбитый языкъ его, произносилъ слова съ усиліемъ и медленно, но рѣчь его была жива и увлекательна. При этомъ свиданіи, онъ, между прочимъ, забавно разсказывалъ о какомъ-то уѣздномъ почтмейстерѣ, который вы-

давалъ себя за усерднаго литтератора и поклонника Ломоносова. На вопросъ же, которая изъ одъ его ему болѣе нравится? отвѣчалъ онъ простодушно: „ни одной не случилось читать.“ Отвѣтъ забавный, но впрочемъ въ наше время не удивительный. Если бы кто-нибудь допросить многихъ изъ такъ называемыхъ критиковъ нашихъ, которые повелительно рядятъ и судятъ о Ломоносовѣ и о другихъ, по ихъ мнѣнію, допотопныхъ явленіяхъ словесности нашей, то и они добросовѣстно должны были бы сознаться, что и имъ не пришлось читать ни Ломоносова, ни Петрова, ни Сумарокова, ни Хераскова, ни Богдановича, которыхъ, однако же, перечитывали и изучали: Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ. Для новаго поколѣнія нашего, которое до головокруженія, безпамятства и одышки бѣжитъ за успѣхами вѣка, для этихъ *почтмейстеровъ* новѣйшей литтературы, озабоченныхъ также гоньбою времени, никогда и не для чего оглядываться обратно. Они знаютъ, и то мимоходомъ, только тѣхъ проѣзжихъ, которые на-лицо, а вчерашніе давнымъ давно канули для нихъ въ вѣчность. Но обратимся къ нашему разсказу, и для большаго удовольствія читателей уступимъ мѣсто самому разскащику и приведемъ отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ его, еще неизданныхъ.

„Черезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи его изъ Бѣлорусскаго „своего помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить его со мною. Я не зналъ его въ лицо, какъ и онъ „меня. Назначенъ былъ день свиданія. Въ шесть часовъ по„полудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я „вздрогнулъ, и почувствовалъ всю объдность и тщету человѣче„скую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый „двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шляхетскаго „кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. „Уже онъ не могъ владѣть одною рукою: равно и одна нога „одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ: говорилъ съ край„нимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охрип„лымъ и дикимъ: но большіе глаза его быстро сверкали. Пер„вый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе.

„Разговоръ не замѣшкался; онъ приступилъ ко мнѣ съ вопро-
„сами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я *Недоросля*? читалъ-ли
„*Посланіе къ Шумиловой, Лису кознодѣйку*, переводъ его *Похваль-*
„*наго слова Марку Аврелію*? и такъ далѣе: какъ я нахожу ихъ?
„—Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго
„раза выѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ
«спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ *Ду-*
„*шенькѣ*. Она изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи, отвѣ-
„чалъ я—прелестна! подтвердилъ онъ съ выразительною улыб-
„кою:—потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ
„ему свою комедію: *Собственно то, которая в*
„*сочиненіяхъ его напечатана подъ названіемъ: Выборъ суперстра).*
„Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость.
„Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ про-
„читалъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія, ав-
„торъ глазами, кивкіемъ головы, движеніемъ здоровой руки
„подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему ра
„вились“.

„Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ со-
„стояніи тѣла. Не смотря на трудность разсказа, онъ застав-
„лялъ насъ не однажды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ
„жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного только Русскаго
„литтератора, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за
„жаркаго почитателя Ломоносова. — Которую же изъ одъ его
„признаете вы лучшею?—Ни одной не случилось читать, отвѣт-
„ствовалъ ему почтмейстеръ За то, продолжалъ Фонъ-Визинъ,
„доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣваться отъ
„молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до вечера они вокругъ
„меня роились и жужжали. Однажды докладываютъ мнѣ: *при-*
„*шелъ трагикъ*: принять его, сказалъ я, и черезъ минуту вхо-
„дитъ авторъ съ кукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и
„оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его *съ новомъ*
„*вкусѣ*. Нечего дѣлать: прошу его садиться и читать. Онъ
„предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ совсѣмъ
„необыкновенная: у всѣхъ трагедій оканчиваются доброволь-
„нымъ, или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня, или

„главное лицо, умретъ естественною смертію. — И въ самомъ „дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, героиня его отъ акта до акта „чахла, чахла, и наконецъ издохла.

„Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ“.

Такъ прошелъ замѣчательный вечеръ посреди трехъ представителей, трехъ многозначительныхъ выраженій нашей литературы. Одно въ лицѣ Фонъ-Визина уже ослабѣвшее, и которому суждено было черезъ нѣсколько часовъ навсегда умолкнуть; другое во всей звучной полнотѣ, во всемъ блескѣ силы и славы: третье только что возникало, но, вслушиваясь въ него, можно было уже угадывать, что оно вскорѣ смягчитъ и умѣритъ поэтическую рѣчь нашу, нѣсколько напыщенную и безсмѣнно торжественную. Еще нѣсколько опытовъ, и оно должно было измѣнить Русскій стихъ: придать ему болѣе гибкости, обогатить его новыми оборотами и оттѣнками, въ которыхъ мысль и чувство отразятся свободнѣе и простѣе, сближаясь болѣе и болѣе съ природою, истиною и жизнью.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за описаннымъ вечеромъ, на другое утро, то есть 1-го Декабря 1792 года, Фонъ-Визина не стало. 1-е Декабря вдвойнѣ памятно въ лѣтописяхъ Русской словесности: кончиною творца Недоросля и рожденіемъ Карамзина, которому суждено было довершить и полнѣйшимъ развитіемъ усовершенствовать и установить начатый Фонъ-Визинымъ переворотъ въ нашей прозѣ. Первый проложилъ новую тропу, но не вслѣдствіе обдуманнаго изученія предмета своего, а просто, можно сказать, безъ сознанія, по одной счастливой оригинальности таланта. Можетъ быть и отъ того, что онъ не былъ человѣкъ кабинетный, писалъ урывками, между дѣломъ и обязанностями службы дѣятельной и прямо государственной: но какъ бы ни было, а не смотря на блистательные литературные успѣхи, онъ никогда не могъ быть образцомъ и не былъ главою новой школы. Примѣръ преемника его долженъ былъ сдѣлаться дѣйствительнѣе и многосложнѣе: въ немъ въ равной степени и силѣ соединились и то, что природа даруетъ нѣкоторымъ избраннымъ, и то, что покупается тяжелою цѣною

труда, ученія и постояннаго упражненія. Въ слогѣ Фонъ-Визина не замѣчаешь возрастающаго усовершенствованія. Въ постепенности твореній его нѣтъ этихъ рѣзко означенныхъ слоевъ, по коимъ можно слѣдить за художественнымъ производ-ствомъ и внутреннею переработкою дарованія, которое само себя возсоздаетъ и образуетъ. Одно у него лучше написано, нежели другое, но это единственно по вдохновенію минуты, или сочувствію съ предметомъ, который попадаетъ подъ перо его. Достоинства и погрѣшности языка и слога его одинаковы въ Бригадирѣ и въ письмахъ его изъ Франціи, въ началѣ и концѣ литтературнаго поприща его. Умъ его могъ созрѣвать и постепенно осаживаться подъ вліяніемъ новыхъ понятій и новаго образа мыслей, но онъ не давалъ труда себѣ перерабатывать и улучшать орудіе ума своего.—Въ твореніяхъ Карамзина превосходство слога слѣдуетъ, такъ сказать, хронологическому порядку. Слогъ его зрѣетъ и мужаетъ безостановочно. Съ каждымъ днемъ авторства его, то есть съ каждымъ днемъ его жизни, съ каждою написанною имъ страницею, онъ болѣе и болѣе владѣетъ языкомъ: извлекаетъ изъ него новыя тайны, новыя средства, новыя богатства. Дѣло въ томъ, что въ Фонъ-Визинѣ, какъ писателѣ, было только блистательное дарованіе. Въ Карамзинѣ было и дарованіе необыкновенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ врожденное и глубоко-обдуманное художество. Эта художественная сторона писателей совершенно ускользаетъ отъ критиковъ, непосвященныхъ въ искусство и не одаренныхъ художественнымъ взглядомъ. Они обыкновенно судятъ о писателѣ и оцѣниваютъ творенія его по одному сочувствію съ образомъ мыслей его, или, еще чаще, съ односторонними направленіемъ какихъ нибудь условныхъ понятій, или на ту пору господствующихъ предубѣжденій. Если образъ мыслей писателя не сходствуетъ съ ихъ понятіями, не соотвѣтствуетъ, по ихъ мнѣнію, такъ называемымъ потребностямъ вѣка, то они въ невѣжествѣ своемъ выдаютъ нелѣпые приговоры, что языкъ, что слогъ того-то, или другого устарѣлъ. Сами, лишенные всякаго приготовительнаго образованія, они почерпаютъ всѣ свѣдѣнія свои изъ ежедневной, мелкой, текущей литературы. — Они тупѣютъ въ

убѣжденіи, что невѣдомое имъ было до того дня невѣдомо и прочимъ. Смотрите, съ какою ребяческою жадностью ловятъ они и усваиваютъ себѣ каждый новый парадоксъ, каждое проявленіе мысли, ложной или правильной, имъ до того дѣла нѣтъ, было бы оно только прикрыто лакомъ новизны. Даже иногда просто хватаются они за новую, голословную формулу пошлой и въ другихъ мѣстахъ давнымъ давно избитой фразеологіи. Все это для нихъ пріобрѣтеніе, символъ, знамя. Кто ближе подходитъ подъ эти условія, кто на тощій разумъ ихъ броситъ нѣсколько крохъ этой словесной мякины, тотъ и выдвигается ими на передовую ступень и вытѣсняетъ всѣхъ предшественниковъ. При такомъ отсутствіи художественнаго чувства, тамъ гдѣ идетъ дѣло о разборѣ твореній, въ коихъ художественная стихія должна имѣть такой значительный перевѣсъ, несообразныя и ошибочныя заключенія неминуемы. Это можно доказать и у насъ нѣсколькими собственными именами. Нѣтъ сомнѣнія, что, напримѣръ, Кантемиръ во многихъ отношеніяхъ опередилъ свой вѣкъ, что онъ ближе къ господствующимъ нынѣ мнѣніямъ, нежели Ломоносовъ. Тредьяковскій, въ свое время, не принадлежалъ къ числу запоздалыхъ. Въ Сумароковѣ имѣли мы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, представителя современной Французской школы. Вольтеръ былъ его кумиромъ. Радищевъ не былъ ли у насъ маленькимъ Гельвеціемъ и Рейналемъ? Не выразился ли въ немъ писатель не только 18-го, но 19 и пожалуй 20-го вѣка? На каждаго изъ нихъ должно, по справедливости, отчислить долю нѣкоторыхъ заслугъ и достоинствъ, неотъемлемо остающихся за ними и нынѣ. Но отъ чего не только теперь, но и въ свое время не имѣли они того вліянія, той зиждительной силы, которая оставляетъ глубокіе и путеводительные слѣды на почвѣ, обработанной предназначенными дѣлателями? Отвѣтъ не затруднителенъ.

При этомъ нельзя не замѣтить, что эти скороходы въ мишурномъ нарядѣ и въ разноцвѣтныхъ перьяхъ на головѣ, которые, стоя на запяткахъ, болѣе всѣхъ кричатъ о успѣхахъ времени, болѣе всѣхъ суетятся и вертятся на посылкахъ у него, то за тѣмъ требованіемъ, то за другимъ, сами ни единою

мыслью, ни единымъ шагомъ не подвигаютъ впередъ правильнаго хода его. Настоящіе просвѣтители и двигатели не выдаютъ себя за выскочекъ, не оглашаютъ воздуха пустыми восклицаніями, а въ тишинѣ труда, въ ясномъ спокойствіи зиждительной силы дѣйствуютъ и творятъ. Избави ихъ Боже отказываться отъ прошедшаго, отрекаться отъ преданій, отъ наслѣдства, завѣщаннаго имъ предшественниками. Напротивъ, въ нихъ видятъ они пособія для нынѣшняго дня, на нихъ основываютъ надежды и завтрашняго Ежеминутно провозглашать, что время идетъ впередъ, что умъ человѣческій подвигается съ нимъ, значитъ провозглашать съ ребяческою важностью или пошлую истину, или нелѣпость: нелѣпость, если придавать сей истинѣ исключительное значеніе. значеніе разрывающее всякую законную связь съ предъидущимъ. Разумѣется, время идетъ, но если оно идетъ нынѣ, то оно шло и прежде. Или предполагать, что оно получило способность ходить только съ той поры, какъ вы стали на ноги? Идетъ оно, можетъ быть, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ вѣкомъ споръе и успѣшнѣе, не спорю, но именно отъ того, что оно заимствуетъ себѣ вспомогательныя, переносныя силы отъ прошедшаго, которое сводится и сосредоточивается въ немъ. Отнимите эти наслѣдственныя силы, разорвите цѣпь послѣдствій и преданій, и время, или успѣхи его, то есть время въ духовномъ значеніи своемъ закоснѣетъ и придетъ въ совершенный застой. Только у необразованныхъ, дикихъ народовъ нѣтъ прошедшаго. Для нихъ вѣкъ мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на своемъ, какъ уже отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о томъ, обращаетесь къ первобытной дикости. Вы хотите выдавать себя за передовую дружину умственнаго движенія, а на дѣлѣ вы отсталые. Вы настоящіе гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свѣтъ, разливающійся исконно и постепенно разливающійся изъ одного нетлѣннаго и все болѣе и болѣе питаемаго свѣтильника. Не только въ области наукъ и искусства, но и въ самой политикѣ, только тѣ перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условіе прочности ихъ есть то, чтобы они развивались изъ нѣдръ про-

недшаго, изъ святыни народной, изъ хранилища исторіи и опыта. Не говорятъ вамъ: сидите на мѣстѣ, но говорятъ: не пускайтесь въ путь безъ запасовъ, не соображаясь съ путемъ, который перешли до васъ трудолюбивые и усердные подвижники. Разумѣется, время идетъ, разумѣется, просвѣщеніе продирается нетерпѣливо все впередъ и впередъ: но изъ того не слѣдуетъ, что необходимо каждыя десять лѣтъ выбрасывать все старое и дочиста заводиться новыми понятіями, новымъ языкомъ, новыми великими людьми, какъ прихотливый и расточительный хозяинъ заводится въ домѣ своемъ новою мебелью, утварью и посудою. Если послушать нашихъ скороспѣлокъ, то не только у насъ, но и у другихъ все прежнее никуда не годится, особенно въ литературѣ. Чтобы сослаться на какой-нибудь примѣръ, возьмемъ хотя комедію Грибоѣдова. Отдаю полную справедливость уму и дарованію автора. Но для нихъ умѣренная, благоразумная похвала не достаточна. Увлекаясь нѣсколькими удачными, смѣлыми стихами, нѣсколькими необыкновенными пріемами въ способѣ изложенія, они спятся поставить это твореніе выше всего написаннаго въ этомъ родѣ. По мнѣнію ихъ, Грибоѣдовъ не только у насъ началъ новую драматическую эру, но убилъ и Мольера, этотъ развѣнчанный кумиръ суевѣрныхъ классиковъ. Послушаемъ теперь, что говоритъ Гёте. Гёте, который богатою и смѣлою рукою разбросалъ такъ много новыхъ понятій, новыхъ формъ, новыхъ ученій и преполаваній на разныхъ стезяхъ науки и художества. „Каждый годъ“, говоритъ онъ, „перечитываю нѣсколько драмъ Мольера, такъ же, какъ любуюсь время отъ времени эстампами съ картинъ Италіянскихъ художниковъ: ибо мы, пигмеи, не въ силахъ удержать въ умѣ своемъ возвышенность подобныхъ созданій. Намъ иногда нужно возвращаться къ нимъ, чтобы возобновлять въ себѣ впечатлѣнія такого рода“. Любопытно сравнить сознаніе пигмея-Гёте съ приговорами нашихъ исполиновъ.

Нѣтъ, никакое поколѣніе не есть подкидышъ, или случайный выскочка на распутіи человѣческаго рода. Какъ ни значительны, какъ ни велики дѣянія котораго нибудь изъ нихъ, какъ съ перваго впечатлѣнія ни ослѣпляй они своею изуми-

тельною печаліностью, но опытный и зоркій взглядъ отыщетъ въ нихъ непримѣтную для толпы связь, соотвѣтствіе, родство съ предъидущими. Каждое поколѣніе, каждый вѣкъ есть сынъ и внукъ своихъ предшественниковъ. Святая заповѣдь: „чти отца и мать, и будешь долголѣтенъ на землѣ“ можетъ примѣняема быть и къ народамъ, и къ представителямъ ихъ на разныхъ поприщахъ гражданственности и просвѣщенія. Горе народу, не почитающему старины своей! Горе поколѣнію, отвергающему завѣты родоначальника своего! Горе писателямъ, которые самонадѣянно предаютъ забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцовъ! Ни тѣмъ, ни другимъ не быть *долголѣтними на землѣ.*

Въ полномъ убѣжденіи, что память о прошедшемъ есть достояніе, а частію и сила настоящаго, предаю съ довѣрчивостью трудъ мой вниманію читателей. Не смотря на недостатки его, надѣюсь, что съ означенной мною точки зрѣнія будетъ онъ въ глазахъ ихъ имѣть нѣкоторую занимательность и пользу.

Приложеніе первое, къ страницѣ 9-ой.

Monseigneur,

Je n'ai rien à dire de nouveau à votre excellence concernant l'histoire. Il court ici un bruit, comme si le Roi de Prusse a fait bruler à Berlin les œuvres du Philosophe de Sans-Souci par la main du bourreau, désavouant plusieurs changemens dans ces pièces, et promettant de donner bientôt une édition complète pour faire voir les erreurs de celle-ci. Monsieur de Voltaire l'ayant sû dit qu'il est un homme capable de le faire, mais que le public ne sera pas si aveugle pour donner dans le panneau. On lui demanda, s'il y a longtems qu'il a reçû des lettres du Roi: je crois, repondit-il, que nous romprons bientôt; il y a deja plus de quinze jours que je n'ai de lui aucune nouvelle.

J'ai l'honneur de me recommander dans la très gracieuse protection de votre excellence, étant avec le respect le plus profond et le plus zélé

Monseigneur

de votre excellence

le très humble et le très devoué serviteur

Boris Solticoff.

№ XVI, le 9 (20) 1760, à Genève.

Monseigneur,

L'auteur continue à travailler sur l'histoire de Pierre le Grand, et a grande envie de recevoir la réponse sur le tome envoyé à votre excellence.

Il vint dernièrement chez lui un dominicain pour lui témoigner son respect, et pour l'assurer, qu'en passant par Genève il n'a pu s'abstenir de voir un si grand homme (здѣсь слѣдуютъ нѣкоторыя шутки, сказанныя Вольтеромъ о Доминиканскомъ орденѣ, которыя не грѣшно и пропустить).

Le chanoine l'avoua en rougissant ce qui fit beaucoup rire toute la compagnie. C'est ordinairement de la sorte qu'il reçoit tous les ecclésiastiques qui viennent le voir.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

№ XVIII. le 16 (27) 1760, à Genève.

Monseigneur,

Monsieur de Voltaire m'a dit avoir reçu des nouvelles de Vienne, par lesquelles il apprit que celui qui a detourné le paquet contenant le premier tome de l'histoire envoyé au mois d'Octobre 1759 est arreté à Nurnberg, et qu'en même tems il écrivit à Hambourg d'acheter tous les exemplaires qui en seront imprimés afin d'arreter par ce moyen la publication du livre, en cas qu'il y eût quelque chose à corriger. Il me pria d'en faire mon rapport à votre excellence. J'attendrai vos ordres, Monseigneur, concernant le second exemplaire envoyé le premier d'Avril n. st. le plutôt serait le meilleur pour prévenir les effets de la fripomerie du misérable qui a osé faire ce vol.

Ces jours vint à Genève monsieur de Woronzoff, avec qui nous dinames deux fois aux délices, il part aujourd'hui pour Paris.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

Monseigneur,

L'auteur attend avec impatience des nouvelles de votre excellence, il m'en demande toutes les fois qu'il me voit, attribuant le silence aux circonstances de la guerre. Après avoir fait imprimer les Prussiens terrassés par les Russiens dans la pièce que je vous

ai envoyé, Monseigneur, avec la dernière poste, il ne cesse de nous souhaiter des succés encore plus grands, se flattant méme de l'accomplissement de ses desirs. vû l'adresse, dans laquelle la pratique doit avoir instruit nos officiers; je n'ai garde de lui en savoir mauvais gré.

Il est toujours dans les meilleurs sentimens pour la personne du protecteur des Muses Russiennes (c'est sa façon de s'exprimer). Je suis persuadé qu'il le démontrera à tout le monde par écrit, après que l'histoire aura son succès, ce qu'il fait jusqu'à présent de bouche.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

№XXVI le 11 (22) Juillet 1760, à Genève.

A Genève 1 Juin 1760.

Monsieur,

En présentant mes très humbles respects à votre excellence j'ai l'honneur de l'informer que le désir de voir une république si sage par la simplicité de ses mœurs joint a celuy de revoir m-r de Voltaire me fait détourner de ma route pour voir Genève. Il est inutile vous dire, monsieur, la justice qu'on vous rend icy. Votre excellence doit la voir d'un chacun, et m-r. de Voltaire est certainement un de ceux qui sait la mieux rendre. Il ne cesse de parler des progrès des arts chez nous depuis que votre excellence leur accorde son apuy.

M-r de Soltikoff n'a pas démenty la réputation qu'il s'est acquise à juste titre. Beaucoup de gens de lettres m'en avoit parlé depuis longtemps à Paris, avec tout l'éloge qu'il mérite. C'est un homme de beaucoup d'esprit et d'application, il fait honneur à l'académie impériale de Moscou et au choix de votre excellence.

Il doit se trouver à mon arrivée à Paris une quantité prodigieuse de nouveaux livres dont je ferai choix, et mettrai au rang de mes premiers devoirs celuy de les envoier à votre excellence

et luy renouveler en même tems la reconnoissance et le respectueux attachement avec lequel j'ai l'honneur d'être

Monsieur
de Votre Excellence
le très humble et trés obéissant serviteur
Comte Alexandre de Worontzow.

Приложеніе второе, къ страницѣ 9-ой.

ПИСЬМО КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Пріятнѣйшее вашего превосходительства письмо, отъ 21-го Января, и приложенную при немъ на Французскомъ языкѣ Исторію Россіи во времена Государя Петра Великаго съ портретомъ гравированнымъ Его же Величества, я имѣлъ честь получить съ великимъ удовольствіемъ. Давно уже я слышалъ, сколько вы прилагаете трудовъ къ изданію въ свѣтъ сея Исторіи. Но справедливости сказать, честь нашего Отечества того требовала, чтобъ новымъ какимъ ни есть сочиненіемъ прежнія того же Монарха изданныя повѣсти поправлены были, почему и ваше превосходительство не мало чести себѣ получаете, что вы приняли на себя о томъ попеченіе, и что избрали столь славнаго писателя въ Европѣ, каковъ господинъ Вольтеръ. Что же принадлежитъ до изданія сей книги въ разсужденіи ея печати, то я весьма удивляюся, что оное столь худо сдѣлано. Господинъ Вольтеръ видно, что мало силы разумѣетъ въ художествахъ, или можетъ быть обстоятельства заставили его при себѣ оную печатать, а не въ Амстердамѣ. Какъ съ начала

приложеніе медали Ея Императорскаго Величества, такъ и послѣ при всякой главѣ приличіе виньетовъ историческое или аллегорическое по моему мнѣнію весьма изрядно даже до маленькихъ при концахъ картушовъ. Жаль только того, что все оное весьма худымъ мастерствомъ изображено, да и самая книга напечатана худыми литерами и на худой бумагѣ. Чего ради, ежели позволите мнѣ свое мнѣніе вамъ открыть, то я бы не совѣтывалъ къ сей эдиціи прикладывать сообщеннаго мнѣ портрета Его Императорскаго Величества, который, къ удивленію моему немалому, столь хорошо вырѣзанъ на мѣди. И ежели тутъ Шмитовой руки нѣтъ, то смѣло ваше превосходительство похвалиться можете, что прогрессы Академіи Художествъ Россійской весьма знатны и скороспѣшны. Въ новоизданной сей книгѣ не поставлено имя города и типографщика, а на портретѣ Россійской гридировальщикъ въ Петербургѣ подписался. Чего ради всѣ читатели думать будутъ, что и сіе изданіе книги въ Петербургѣ сдѣлано, а притомъ и удивляться стануть неравенству въ мастерствѣ между портретомъ Его Императорскаго Величества и между медалями Всемилостивѣйшей Государыни и всѣми прочими историческими виньетами. Не лучше ли бы было продолженіе сего изданія такъ уже оставить, какъ оно есть, до послѣдняго тома, а новое между тѣмъ дѣлать въ Санктпетербургѣ, по примѣру Французскихъ въ Лувръ изданій, при которомъ все гридированіе по всей книгѣ тѣмъ же мастеромъ, что портретъ вырѣзывалъ, внести подъ вашимъ попеченіемъ. Пускай бы все уже было Россійское. А не востребуетъ ли того ещѣ и матерія самая книги? По крайней мѣрѣ ортографію нѣкоторыхъ именъ Русскихъ поправить надобно, и исправнѣйшимъ сдѣлать положеніе мѣсть такъ, какъ въ 17 главѣ упоминается, будто Батуринъ стоитъ на самой Деснѣ, а онъ на знатной рѣкѣ въ Малой Россіи Сеймѣ и за 25 верстъ отъ Десны положеніе имѣетъ. Стародубъ будто отъ Десни въ семи или осьми миляхъ, гдѣ она лѣсами протекаетъ, а Десна съ одной стороны горы и поля имѣетъ, а съ другой болота и мѣстами только лѣса и отъ Стародуба въ 12 миляхъ отстоитъ. Хотя сіе есть самыя малости, но и тѣ, сколько можно, надоб-

но въ Россійской эдиціи исправлять. Я чаю и много такихъ погрѣшностей найдется. Я вчера только сію книгу получилъ и еще оныя не читалъ, только мимоходомъ сіе усмотрѣлъ. Напослѣдокъ важность матеріи не сходствуетъ съ форматомъ книги. Такую исторію изъ подлинниковъ Россійскихъ и лучшимъ авторомъ сочиненную, Россіи приличнѣе самой у себя и въ четверть листа напечатать на лучшей бумагѣ, крупными литерами, а не такимъ тисненіемъ, какъ всѣ печатаются и немаловажныя книги, съ столь подлымъ гридированіемъ, съ какимъ она вышла. Ежели продолженіе получите, то прошу не оставить мнѣ и оное сообщить. Впрочемъ, препоручая себя вашему благопріятству и дружбѣ, есмь съ искренностію и почтеніемъ,

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорный слуга
Графъ К. Разумовскій.

1761 года Февраля 9 дня,
Глуховъ.

ДИДЕРОТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вотъ что говоритъ г-жа Вандёль (Vandeul), дочь Дидерота, въ біографіи отца своего, о поѣздкѣ его въ Петербургъ: „Кажется, около 1763 года задумалъ онъ продать библіотеку свою ему хотѣлось выдать меня замужъ или оставить мнѣ капиталъ, чтобы обезпечить участь мою. Нотаріусъ *По-Дотёль* намѣревался купить библіотеку. Г-нъ Гриммъ познакомилъ отца моего съ княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ Русскимъ посломъ, и дѣло было устроено иначе. Императрица купила библіотеку за 15.000 франковъ, оставила ее отцу моему, и назначила ему въ пенсію 1.000 франковъ въ должности библіотекаря. Пенсія, съ умысломъ забытая, два года не была высылаема. Князь Голицынъ спросилъ отца моего, исправно ли онъ получаетъ ее: тотъ

отвѣчалъ, что онъ и не думалъ о ней, почитая за особенное счастіе, что Ея Императорскому Величеству угодно было купить лавку его, оставя ему инструменты. Князь увѣрилъ его, что, конечно, не таково намѣреніе Государыни, и что онъ обязывается предупредить на будущее время подобный безпорядокъ. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того отецъ мой получилъ 50,000 франковъ впередъ на пятьдесятъ лѣтъ.

Онъ въ то время рѣшился ѣхать въ Россію благодарить лично Императрицу, отправился въ путь 10 Мая 1773, и прибылъ въ Гагу. Онъ жилъ въ домѣ у к. Голицына, до отъѣзда своего съ Нарышкинымъ въ Россію. Нарышкинъ предложилъ ему остановиться у него въ домѣ, но отецъ мой, опасаясь оскорбить друга, изъявилъ желаніе пристать у Фалконета; онъ пріѣхалъ къ нему больной и страдающій. Фалконетъ принялъ его довольно холодно, извиняясь предъ нимъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ дать ему комнату у себя, потому что она занята сыномъ его, недавно къ нему пріѣхавшимъ (изъ сей статьи и изъ другихъ писемъ видно, что Дидеротъ, пріятель Фалконета, болѣе всѣхъ способствовалъ къ отправленію сего художника въ Петербургъ, для сооруженія памятника Петру Великому, но что художникъ не заплатилъ признательностью ходатаю своему, и досадовалъ на пріѣздъ его въ Петербургъ). Отецъ мой, не рѣшаясь искать пристанища въ гостинницѣ такого города, коего нравы и обычаи были ему совершенно неизвѣстны, написалъ письмо къ Нарышкину и просилъ его о гостепріимствѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхала за нимъ карета, и Нарышкинъ оставилъ его у себя до отъѣзда. Все, что́ мнѣ онъ послѣ разсказывалъ о ласкахъ, одолженіяхъ, изъявленіяхъ дружбы и уваженія всего семейства къ нему, исполнило меня живѣйшею благодарностью и преданностью къ каждому, кто носитъ имя Нарышкиныхъ. Письмо отца моего къ матери о пріемѣ Фалконета раздираетъ душу. Они однако же видались довольно часто въ Петербургѣ, но чувство философа было уязвлено навсегда. Памятникъ, сооруженный Фалконетомъ, желаніе его отличиться въ литературѣ, породили между ими споры маловажные, но достаточные для разрыва въ людяхъ уже не-

благорасположенныхъ другъ къ другу. Эта непріятность была съ избыткомъ вознаграждена чрезмѣрнымъ удовольствіемъ при встрѣчѣ съ г. Гриммомъ въ Россіи. Онъ *ничего не написалъ о путешествіи своемъ*, и потому я могла удержать однѣ только легкія подробности, схваченныя изъ писемъ и разговоровъ его: тѣ и другіе исполнены были энтузіазмомъ къ Императрицѣ. Онъ имѣлъ честь видѣть и слушать ее почти ежедневно, но онъ былъ такъ худо созданъ для придворной жизни, что безъ сомнѣнія надѣлалъ много промаховъ и несообразностей. Къ тому же холодъ и Невская вода сильно разстроили здоровье его: я увѣрена, что эта поѣздка сократила жизнь его. Онъ не воображалъ, что при Дворѣ должно одѣваться иначе, нежели на чердакѣ, и являлся къ Императрицѣ въ черномъ платьѣ. Она подарила ему цвѣтное, шубу, подбитую богатымъ мѣхомъ, и муфту: спросила его, чего онъ желать можетъ. Онъ просилъ ее дать ему бездѣлку, которую носила бы она, и провожатаго въ обратный путь, потому что онъ убѣжденъ былъ въ своей глупости, когда дѣло шло о дорогѣ и житейскихъ заботахъ. Ея Величество подарила ему перстень съ портретомъ своимъ, вырѣзаннымъ на камнѣ: онъ дорожилъ имъ болѣе, нежели всѣми сокровищами въ мірѣ. Она выплатила издержки пути его, дала ему карету въ обратный путь и провожатаго, весьма любезнаго человѣка, котораго звали *Боіла*. Тяжкій былъ трудъ сопутствовать человѣку, который дорогою не хотѣлъ останавливаться ни ѣсть, ни спать. Онъ поселился въ каретѣ своей какъ въ домѣ, въ которомъ долженъ былъ прожить отъ Петербурга до Гаги. Въѣхалъ онъ къ к. Голицыну, пробылъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Парижъ въ первыхъ числахъ Октября 1774. Мы встрѣтили его съ матушкою: я нашла, что онъ похудѣлъ, но былъ все также веселъ, чувствителенъ и добръ. «*Жена*», сказалъ онъ матушкѣ: «*сочти бѣлье мое: тебѣ не за что будетъ журить меня: я не растерялъ ни одного платка*».

Кажется, сохранилось только одно письмо его, писанное изъ Петербурга, и то въ нѣсколькихъ строкахъ, къ пріятельницѣ своей, дѣвицѣ Воланъ:

С.-Петербургъ, 29 Декабря, 1773.

„Невская вода помучила меня дней 15, но теперь я одержалъ верхъ и здоровъ. Я все пользуюсь тою же милостью у Ея Императорскаго Величества. По возвращеніи моемъ можно мнѣ будетъ сказать, что нельзя было совершить лучшее путешествіе. Мы отправляемся съ Гримомъ въ теченіе Февраля. Простите: цѣлую васъ съ всегдашнею нѣжностью. Кланяйтесь &&. То-то будетъ намъ о чемъ поговорить у камина вашего“ (Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot. 1831).

Въ письмахъ его изъ Гаги, на обратномъ пути, упоминается нѣсколько подробностей о пребываніи его въ Петербургѣ и сношеніяхъ съ Императрицею. Онѣ принадлежатъ исторіи того времени, и не могутъ показаться неумѣстными въ настоящемъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что будутъ служить подкрѣпленіемъ мнѣ въ опроверженіи строгихъ отзывовъ Фонъ-Визина, въ письмахъ его изъ Франціи, о Дидеротѣ и энциклопедической братіи.

Гага, 9 Апрѣля, 1774.

„Проѣхавъ семьсотъ лье въ двадцать два дня, я пріѣхалъ въ Гагу 5-го числа мѣсяца сего здоровъ и менѣе утомленный симъ дальнимъ путемъ, нежели бывалъ иногда отъ прогулки. Возвращаюсь къ вамъ обремененный почестями. Если я пожелалъ бы черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло: но я предпочелъ заставить молчать Петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру во мнѣ Парижскимъ невѣрующимъ. Всѣ мысли, наполнявшія голову мою при отъѣздѣ изъ Парижа, разсѣялись въ первую ночь пріѣзда въ Петербургъ. Поведеніе мое отъ того стало честнѣе и возвышеннѣе. Ничего не напѣясь и не опасаясь, я могъ говорить, какъ мнѣ угодно было. Когда обрадуемся свиданіемъ? Можетъ быть чрезъ 15 дней, можетъ быть и гораздо позднѣе. Императрица поручила мнѣ издать уставы своихъ многочисленныхъ и полезныхъ учрежденій. Если Голландскій книгопродавецъ, по обыкновенію своему, будетъ жить, то я брошу его, и пріѣду печатать въ Парижѣ. Если сойдемся съ нимъ, то остаюсь здѣсь до окончанія труда, который не будетъ же вѣченъ. Хотя

погода была такъ хороша, что и по заказу лучшей быть нельзя, что и дни и дорога были самые благопріятные, но не менѣе того мы побросали на пути четыре изломанныя кареты. Когда вспомню переѣздъ нашъ чрезъ Двину въ Ригѣ по разстресну вшимъ льдинамъ, изъ подъ коихъ вода выбивалась кругомъ насъ, а онѣ подымались и спускались подъ тяжестью кареты и трещали по сторонамъ, то и теперь дрожу еще отъ ужаса. Едва не переломилъ я себѣ руки и плеча на паромѣ въ Митавѣ, гдѣ тридцать человѣкъ несли на рукахъ карету нашу, опасаясь упасть и спустить насъ всѣхъ въ рѣку. Въ Гамбургѣ вынуждены были мы отправить въ Амстердамъ поклажу свою въ почтовыхъ повозкахъ: карета и мало нагруженная не выдержала бы трудностей пути.

„Я у к. Голицына, и вы можете постигнуть радость его свиданія со мною, воображая ту, которую ощутите сами позднѣе или ранѣе.

„Кажется, я уже писалъ вамъ, что, принявъ меня какъ нельзя благосклоннѣе, дозволивъ мнѣ входъ къ себѣ въ кабинетъ ежедневно отъ трехъ до пяти или шести часовъ, Императрица изволила согласиться на всѣ просьбы мои, представленныя ей, когда я откланивался: я просилъ уплатить путевые расходы пріѣзда и обратные и пребыванія моего, замѣтивъ, что философъ путешествуетъ не по-барски — исполнено: я просилъ въ подарокъ бездѣлку, которой вся цѣна состояла бы въ томъ, что служила къ ея употребленію — исполнено, и исполнено съ отмѣннымъ и лестнымъ благоволеніемъ. Я разскажу вамъ все это, если уже не разсказалъ. Я просилъ дать мнѣ кого-нибудь въ провожатые, чтобы доставить меня въ цѣлости и сохранности, куда пожелаю, и на то изъявила она волю свою, приказавъ изготовить карету и всѣ дорожныя потребности.

„Милостивыя государыни и пріятельницы! клянусь вамъ, что это время было нанесчастливѣйшимъ въ жизни для моего самолюбія. О, тутъ спорить нечего, вы должны будете вѣрить тому, что скажу вамъ о сей необыкновенной женщинѣ, ибо похвала моя будетъ не купленная и не выразится продажнымъ голосомъ. Простите &&“.

Гага, 15 Іюня, 1774.

„Мое путешествіе было не только пріятное, но и весьма почетное: меня приняли, какъ представителя честныхъ людей и людей способныхъ моей земли. Въ этомъ отношеніи смотрю на себя, когда сравниваю свидѣтельства отличія, коими осыпали меня, съ тѣмъ, что я въ правѣ былъ ожидать самъ по себѣ. Въ пользу мою ходатайствовало оказанное мнѣ благодѣяніе, съ тѣмъ я и ѣхалъ, надѣясь на то гораздо болѣе, нежели на собственное мое достоинство: и вотъ что говорилъ я себѣ: ты будешь представленъ Императрицѣ: ты отблагодаришь ее; мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ тебя видѣть: спроситъ тебя кое-объ чемъ: чрезъ мѣсяцъ ты пойдешь откланяться ей, и возвратишься. Признайтесь, любезнѣйшіе друзья, что точно такъ обошлось бы все дѣло при какомъ бы то ни было Дворѣ, за исключеніемъ Петербургскаго.

„Тутъ, напротивъ, дверь кабинета Государыни отперта для меня ежедневно отъ трехъ часовъ по полудни до пяти, а иногда и до шести: вхожу: меня сажаютъ, и разговариваю такъ же свободно, какъ съ вами: выходя, я вынужденъ сознаться предъ собою, что я имѣлъ душу раба въ землѣ такъ называемыхъ свободныхъ людей, и что я познавалъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ землѣ такъ-называемыхъ варваровъ. Ахъ! друзья мои, что за Государыня! что за необыкновенная женщина! Нельзя подозрѣвать похвалу мою, ибо я обрелъ щедрость ея самыми тѣсными границами: надобно же будетъ вѣрить мнѣ, когда опишу ее собственными ея рѣчами: надобно же будетъ признаться самъ всѣмъ, что это душа Бруга въ образѣ Клеопатры: мужество одного и прелести послѣдней: непостижимая *твердость в мыслях* (une tenue incroyable dans les idées), со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи: любовь истины, доведенная до высшей степени: знаніе быта и дѣлъ государства своего, знаніе, которое не уступитъ вашему въ домашнемъ хозяйствѣ: все это разскажу, но когда? По чести, желалось бы хоть чрезъ недѣлю, потому что болѣе недѣли не нужно для проѣзда изъ Гаги въ Парижъ, судя по тому, какъ доѣхалъ я изъ Петербурга въ Гагу: но Ея Величество и генералъ Бецкій,

министръ ея, поручилъ мнѣ изданіе плана и уставовъ различныхъ заведеній, основанныхъ въ имперіи Государынею для образованія юношества и блага всѣхъ ея подданныхъ. Нока, знайте же, что въ пользу мою совершилось три чуда: первое, сорокъ пять дней безпрерывно хорошей погоды для проѣзда; второе, пять мѣсяцевъ постояннаго пребыванія при Дворѣ, безъ малѣйшей пожпвы недоброжелательству, и при томъ съ откровенностью, рѣдко встрѣчаемою, и которая даетъ пищу царедворцамъ завистливымъ и злорѣчивымъ; третье, въ обратный путь тридцать дней сряду такой погоды, что никогда не видано, и только и бѣды, что ломка кареть: мы ихъ четыре раза мѣняли. Когда увидите г-на Гапопа, скажите ему, что дѣло его не сдѣлано, не потому, что я забылъ о немъ: обстоятельства не благопріятетвовали успѣху тамъ, гдѣ Государыня счеть знаетъ. Не Невская вода была мнѣ вредна, но двойное внутреннее воспаленіе во время проѣзда; разстройство и ужасная боль въ груди, причиненныя суровостью холода въ Петербургѣ въ пребываніе мое: паденіе на паромѣ въ Митавѣ въ обратный путь, вотъ что едва не уморило меня; но боль отъ паденія и другіе недуги миновались, и если ваше здоровье будетъ нѣсколько походить на мое, то я вами буду очень доволенъ. Не опасайтесь за меня: мы ложимся спать рано, почти не ужинаемъ. Не имѣю еще духа приняться за работу: надобно дать время окрѣпнуть развинтившимся членамъ моимъ: это дѣла сна, и я съ возвращенія моего сплю часовъ восемь и девять безъ просыпа. Князь занятъ своими политическими дѣлами; княгиня ведетъ жизнь едва-ли сродную съ ея молодостью, легкостью ума и веселыми свойствами: она выѣзжаетъ мало, рѣдко принимаетъ у себя гостей, имѣетъ учителей исторіи, математики, языковъ: охотно оставляетъ придворный пиръ, чтобы во-время пріѣхать домой къ назначенному уроку, старается нравиться мужу, заботится сама о воспитаніи дѣтей, отказалась отъ богатыхъ нарядовъ, встаетъ и ложится спать рано, и жизнь моя размѣрена на ихъ домашній ладъ. Мы охотно споримъ по обыкновенію: я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями княгини, хотя мы оба немного заражены страстью къ древности, а князь будто обязался намъ во

всемъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, Китайцы честнѣйшіе люди въ свѣтѣ, и такъ далѣе. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши вмѣшивается одна веселость и живость, и частичка самолюбія для приправы. Князь, который пріобрѣлъ такъ много картинъ, охотнѣе соглашается, что онъ въ нихъ толку не знаетъ, нежели сознается въ знаніи другаго любителя" (оттуда же).

Приложеніе третье, къ страницѣ 10-ой.

АЛЬФІЕРИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Альфіери пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ Мая 1770 года, и не зналъ *днемъ или ночью въѣхалъ онъ въ городъ, потому что ночнаго мрака нѣтъ въ этой порѣ года, и мысли были такъ перепутаны въ головѣ его отъ усталости и несноснаго свѣта, ослѣплявшаго глаза его, что онъ не умѣлъ бы отвѣчать на вопросъ: что за день въ недѣлѣ, что за часъ въ суткахъ и въ какой край свѣта забросило его тогда.* Въ жизнеописаніи своемъ, столь любопытномъ и увлекательномъ во многихъ отношеніяхъ, посвящаетъ онъ только нѣсколько строкъ пребыванію своему въ Россіи, и то весьма неблагосклонныхъ. За исключеніемъ *бородъ* и *лошадей*, ничто не нравится ему въ этомъ *Азіятскомъ лагерѣ, обстроенномъ вытянутыми въ рядъ лачужками.* Никого онъ не видалъ и не хотѣлъ видѣть даже изъ старыхъ Русскихъ товарищей своихъ по Туринской академіи. Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія оставляетъ онъ эту *Московитерію*, не заѣзжая въ Москву, куда онъ думалъ ѣхать, но испугался, что, забравшись въ такую даль, нужно ему будетъ *тысячу лѣтъ, чтобы опять возвратиться въ Европу.* Впрочемъ, намъ не можетъ быть оскорбителенъ неблагопріятный отзывъ своенравнаго и раздражительнаго поэта. И въ другихъ краяхъ и въ другихъ столицахъ былъ

онъ равно причудливъ и недоброжелателенъ. Послѣ и самъ, размышляя о причинахъ смѣшнаго и дикаго образа жизни своей въ Петербургѣ, сознается онъ, что, кромѣ политическихъ предубѣжденій, дѣйствовавшихъ на него, виною тому было: *одна нетерпимость его непреклоннаго характера.*

Приложеніе четвертое, къ станціи 2-ой.

Изъ книги: Басни нравоучительныя, съ изъясненіями Г. *Барона Гольберга.* Пер. *Д. Ф. Визина,* изд. 3-е, Москва, въ типографіи Коми. Типограф. 1787.

БАСНЬ.

Котъ сдѣлался пустынникомъ.

Котъ, примѣтивъ, что не можетъ болѣе находить себѣ добычи, и что мыши, вызнавъ все его искусство, обыкновенно имѣли великую осторожность, предпріялъ быть пустынникомъ, чтобъ тѣмъ способнѣе обманывать подъ видомъ лицемѣрія. Онъ пришелъ къ красильщику, и велѣлъ себя вычернить, будто желаетъ уже оставить свѣтъ. Мыши, сіе услыша, весьма обрадовались, думая, что избавились совсѣмъ страху и опасности, и увѣрены будучи, что пустынники не ѣдятъ мяса. Такимъ образомъ не только не убѣгали онѣ своего непріятеля, но еще и старались завести съ нимъ знакомство. Котъ продолжалъ такой поступокъ нѣсколько времени, чтобъ тѣмъ болѣе пользоваться ихъ чистосердечіемъ. Наконецъ, когда собралось уже великое множество мышей, то отложилъ онъ притворство, такъ, что отъ когтей его избавилась только одна мышь, которая сказала ему, какъ жестокому своему непріятелю: злодѣйство твое было и въ мірѣ живучи весьма велико: но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ты пустынникомъ, то совсѣмъ пришелъ уже въ свирѣпость.

Басень сія учитъ, сколь много должно опасаться лицемѣрія.

БАСНЬ.

Которая тварь предъ всѣми имѣетъ преимущество?

Нѣкогда зашелъ въ лѣсу споръ о томъ, которая тварь имѣетъ предъ всѣми преимущество? Левъ думалъ, что ему надлежитъ сія слава: ибо приводилъ звѣрей и людей онъ въ ужасъ; слонъ хвалился также столь многочисленными побѣдами, которыя получены его помощію. Всякой звѣрь и всякая птица говорили съ похвалою о дѣлахъ своихъ. И такъ черезъ сіе тѣ, которые опредѣлены въ семъ дѣлѣ судьями, не знали, кому приписать предъ всѣми преимущество; тогда прилетѣла муха, и требовала аудіенціи. Прочіе звѣри и птицы, услышавъ сіе, весьма много смѣялись, и какъ велѣли они къ себѣ допустить ее, то она начала рѣчь свою: „Когда короли, принцы и прелаты подходятъ съ почтеніемъ къ папскому трону, чтобъ цѣловать его ногу, тогда безъ всякой опасности сажусь ему я на носъ“. Звѣри не могли опровергнуть справедливости словъ ея, и дали ей преимущество.

Басня признаетъ рѣшеніе сіе справедливымъ; Гомеръ говоритъ о нѣкоемъ Греческомъ героѣ, котораго боги одарили смѣлостію и храбростію мухи.

БАСНЬ.

Лисицыно нравоученіе.

Лисица, доказавъ многими опытами свое знаніе, получила позволеніе обучать звѣрей публично. Такимъ образомъ сочинила она нравоучительныя правила, которыя изъясняла имъ всякую недѣлю по три раза. Сверхъ того оставалось ей время учить еще приватно. Она брала за сіе двойную плату, и всякой былъ на то согласенъ; ибо ученіе ея приносило великую пользу, а особливо тѣмъ, которые хотятъ въ свѣтѣ сыскать свое счастіе. Главныя правила ея нравоученія состояли въ слѣдующемъ:

Не спускай ни въ чемъ тому, кого сильнѣе ты; защищай себя отъ равнаго, и уступай тому, кто тебя сильнѣе.

Не противься отнюдь сильному; когда же и случится тебѣ отъ него добрая оплеуха, то прими ее съ благодарностію, чтобъ могъ отдать за то двѣ тому, кого ты сильнѣе.

Будь подобенъ мельницѣ, которая учреждена такъ, чтобъ, съ которой стороны вѣтеръ ни дулъ, всегда молоть была въ состояніи.

Ни въ чемъ правды не держись, когда желаешь найти въ свѣтѣ свое счастіе.

Не говори о томъ, о чемъ мыслишь, и старайся, чтобъ всегда сердце съ языкомъ было несогласно.

Оставляй всѣ тѣ добродѣтели, отъ которыхъ пользы получить надежды нѣтъ.

Самолюбіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ имѣй основаніемъ.

Старайся всегда лучше казаться, нежели въ самомъ дѣлѣ быть; ибо быть тѣмъ, чѣмъ казаться въ свѣтѣ, совсѣмъ безполезно.

О честности своей божись и увѣряй, какъ можно болѣе, только въ самомъ дѣлѣ наблюдать ее совсѣмъ не надлежитъ тому, кто хочетъ быть благополучнымъ.

Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтобъ могъ откупиться, для того, что наказываютъ обыкновенно малыхъ воровъ, а не большихъ.

Дари тѣхъ, отъ которыхъ есть надежда получать вдвое.

Старайся похвалами привлекать на свою сторону тѣхъ, отъ кого можешь надѣяться благополучія, и не жалѣй ни одного для нихъ титула, ибо въ числѣ оныхъ, конечно, ошибиться не можно.

Будучи судьею, самъ взятокъ не бери, а оставляй оное женѣ: такимъ образомъ можешь сказать всегда, что руки твои чисты.

Увѣщавай свою жену къ храненію вѣрности, и запирай двери отъ всѣхъ тѣхъ, которые за то пошлины платить тебѣ не въ состояніи; но естьли кто изъ знатныхъ намѣренъ по-

чтить твой домъ, то отворяй ему ворота безъ всякаго прекословія: ибо хотя будешь и съ рогами, однако станешь носить рога золотые.

Старайся собрать по возможности богатство, какимъ бы то образомъ ни было: рубль всегда есть рубль, хотя краденой, хотя заслуженой.

Сіе было лисицыно нравоученіе, которое толковала она тѣмъ звѣрямъ, кто платилъ ей болѣе за приватное обученіе.

Она хотя въ свѣтъ то выдать и не желала; однако дьяволъ, который еще полукавѣе ее, укралъ списокъ, и всѣялъ силу ея нравоученія въ сердца людей. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что видимъ уже ежедневно плоды сего полезнаго нравоученія.

БАСНЬ.

Судьба исторіи.

Исторія отставлена была отъ своей должности. Причина же ея несчастію была слѣдующая: никто не былъ доволенъ ея постукомъ: ибо описывала она различныя слабости древнихъ князей, которымъ они были подвержены. Полководцы и министры недовольны были тѣмъ, что изображала она живо всѣ ихъ постуки. Льстецы ненавидѣли ее за то, для чего предостерегала она отъ ихъ обмановъ. Педанты роптали на нее, что изобличала она ихъ глупость, съ какою яростію спорятъ они за самую бездѣлицу и пишутъ о томъ, чего не разумѣютъ сами. Купечество не могло терпѣть ее за то, для чего открываетъ она ихъ мысли, которыми стараются получить большой прибытокъ. Словомъ: всѣ ею были огорчены, и такимъ образомъ не перестали они гнать ее до тѣхъ поръ, какъ принудили ее оставить свою должность. Исторія пришла чрезъ то въ бѣдпѣйшее состояніе, такъ что принуждена была ходить по міру, опасаясь, чтобъ не умереть съ голоду. Потомъ, спустя нѣсколько вре-

мени, нѣкоторые сжалились на ея бѣдность, и сдѣлали ей чрезъ просьбу то, что позволили опять исполнять прежнюю свою должность, съ тѣмъ только, чтобъ подписала она договоръ, который состоялъ въ слѣдующемъ: впредь описывать ей не иное что, какъ только рожденіе великихъ людей, дни ихъ крещенія и прочія церемоніи въ торжественныхъ праздникахъ, также и еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, какъ то о пожарахъ и землетресеніяхъ. Правда, ей позволено было описывать войны и баталіи; притомъ запрещено было ей дѣлать разсужденія. Такимъ образомъ Исторія пришла въ такое состояніе, какъ видимъ ее нынѣ, и для того-то имѣемъ мы одинъ только сухія лѣтописи.

БАСНЬ.

Лисица и оселъ.

Лисицу, которая была нѣсколько лѣтъ судьею, отставили отъ должности за невѣрность и лукавство. Тогда пришло на мысль льву не опредѣлять ни во что тѣхъ, которые имѣютъ острый разумъ, и разсудилъ лучше употреблять къ тому глупыхъ скотовъ, которые бы не знали прикрывать своего лукавства новыми вымыслами, и такъ посадилъ онъ осла на лисицыно мѣсто. Новый судья, не знавъ ни мало рѣшать дѣла, взялъ тотчасъ лисицу въ свои секретари. И такимъ образомъ, что не могъ дѣлать оселъ, то дѣлала лисица, которая, ставя на счетъ судейской свои собственныя дѣла, ворочала ослом, какъ хотѣла, и не потеряла притомъ ничего, хотя изъ судей сдѣлали ее секретаремъ.

Басня доказываетъ, что левъ сдѣлалъ не лучше, хотя опредѣлилъ осла судьею на лисицыно мѣсто.

БАСНЬ

Отъ чего злыя жены произошли въ свѣтъ?

Нѣкоторый человѣкъ ѣхалъ верхомъ мимо лѣсу, гдѣ услышалъ онъ крикъ, такъ, какъ бы кто былъ въ крайней опасности. Онъ побѣжалъ тотчасъ туда, гдѣ слышенъ былъ голосъ: тутъ нашелъ онъ дѣвку, которую изобидѣть хотѣлъ чортъ. Проѣзжій, который былъ человѣкъ весьма жалостливой и особливую имѣлъ склонность вступаться за честь женскаго пола, вынулъ тотчасъ свою шпагу, чтобъ срубить чорту голову. Но какъ ярость его была необычайна, то однимъ махомъ срубилъ имъ головы обоимъ. Сію ошибку хотѣлъ онъ, какъ возможно, исправить скорѣе, но какъ тогда было уже поздно, и слѣдовательно не могъ онъ различить головъ, то схватилъ нечаянно чортову голову, и поставилъ онъ ее на дѣвкино туловище. Думаютъ, что отъ нея произошли въ свѣтъ злыя жены.

Приложеніе пятое, къ стр. 21 и 33-й.

ГЕРОЙСКАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ СИФА, ЦАРЯ ЕГИПЕТСКАГО, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА. ПЕРЕВОДЪ ФОНЪ-ВИЗИНА. ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. 1762 г.

Судьи сѣли на уготовленомъ тронѣ: ихъ было числомъ сорокъ одинъ, и кресла поставлены были полукругомъ. Одежда ихъ была красная, какъ просвѣщенныхъ. Златыя цѣпи надѣты были у нихъ на груди съ смарагдовыми каменьями, на которыхъ изображено было правосудіе. Въ срединѣ всѣхъ сидѣлъ первый жрецъ, а по обѣ стороны имѣлъ онъ двухъ судей Мемфійскаго государства, изъ которыхъ первый былъ Амедесъ. Потомъ на всякой сторонѣ сидѣло по восьми жрецовъ лабиринта, а за

ними слѣдовали двадцать два судьи прочихъ Египетскихъ округовъ. Чаша, куда долженъ быть положенъ подписанный всѣми листъ, стояла на первой ступени трона, а на второй сидѣли судьи втораго класса. По учрежденіи сего, отложены были у колесницы лошади и дышла отняты. Потомъ главный Мемфійскій жрецъ, какъ провожатель тѣла, стоя предъ колесницею, говорилъ слѣдующую рѣчь:

„Неогорченные боги!

„Нынѣ зрите вы преселившуюся къ вамъ премудрую Царицу, оставившую подданныхъ въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ. Для моленія собравшихся насъ, воздайте награжденіе вѣчнымъ ей покоемъ. Законы ваши хранила она ненарушимо. Презирая подъемлемыя въ правленіи тягости, не оставляла вашего служенія. Единое ея попеченіе объ общемъ благоденствіи доказывало преславную добродѣтель, правящую ея предпріятія. Благодарное вамъ служеніе предпочитала она всѣмъ мірскимъ торжествамъ, происходившимъ отъ благополучнаго ея правленія. Правосудіе являла она во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Приносимые вамъ дары, не довольны ли знаки благочестія? Гордость и происходящіе отъ того пороки были ею ненавидимы: но отъ истинной вѣры брала она законы смиренія и строгость оказываема была не въ иныхъ какихъ случаяхъ, какъ въ осужденіи преступленія въ правосудіи. Добродѣтель свою посвящала она благополучію своихъ подданныхъ; преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства утверждала всеобщую тишину. Вездѣ премудрыя узаконенія и исправленія не были дѣйствіями ложной политики: но все сіе имѣло основаніемъ единое совершеніе благосостоянія подданныхъ. Не возможно почесть то малодушіемъ, когда Монархъ вышнюю власть посвящаетъ цѣлости общества. Премудрая Царица прилагала о семъ большое попеченіе. Объ отмщеніи она не помышляла, и безстыдную ненависть оставляла по возможности, чѣмъ болѣе она вамъ себя уподобляла, подавая прощеніе вышнею властію. Возмутителей укрощала она не для того только, что они противятся ея воли, но что стараются препятствовать общему благополучію. Совѣты

принимала отъ мужей премудрыхъ, и царствовала по законамъ великаго духа. Внѣшнихъ непріятелей укрощала она своею храбростію и ненарушеніемъ даннаго своего слова: внутреннихъ же благополучнымъ въ дѣйство произведеніемъ своего предпріятія. Она была великая тайны и правды хранительница: ибо никакія тайныя дѣла, кромѣ молчанія, не имѣли своего начала. Низлагала гордость, и не оставляла щедро награждать и тѣхъ, которые служатъ отечеству и внѣ государства. Она хотя и оказывала тѣмъ, которые сподобились наслаждаться повѣренностію толь великія Монархини, свою милость. но къ важнымъ должностямъ достигали одни только достойные. Знатныхъ особъ честь сохранить она старалась: но при томъ не допускала ихъ преступать предѣлы должнаго себѣ повиновенія. Народныя тягости облегчала она своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища, и всякой поданной несъ требуемую отъ него Государю дань самопроизвольно, зная, что оно даръ не судьямъ, но самому царю. Она, вѣдая, что Божіе провидѣніе простирается далеко отъ мыслей человѣческихъ, не допускала во время своего правленія гладу, сравнивая плодородной годъ съ не приносящимъ плода. Купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ. Всякъ имѣлъ свободной доступъ къ премудрой Государынѣ. Она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ, и обучала подданныхъ праву гостепріимства, о чемъ Египтяне никогда до сего не старались. Когда доходило государственными достоинствами награждать подданныхъ или утверждать благополучное правленіе, въ такомъ случаѣ, что нѣкоторые налагаемыхъ должностей сносить не хотѣли: то, презирая великодушно роптаніе народное, производила она въ дѣйство свое предпріятіе. Часто должна она была и ожидать съ великимъ духомъ исправленія своихъ подданныхъ. Но хотя вы, великіе боги! и въ самомъ началѣ нашего благополучія, насъ ея лишили: но невинность ея предпріятія, истинное ея намѣреніе, попеченіе о благополучіи подданныхъ, незабвенны нами будутъ во вѣки. Она, чтобъ притти въ состояніе имѣть неусыпное око о толь великомъ государствѣ, раздѣлила владѣніе правителямъ, о добродѣтели

которыхъ имѣла опыты и доказательства. И такъ я остаюсь увѣренъ предъ вышнимъ судомъ и предъ стоящимъ народомъ, что, когда между неисчислимымъ множествомъ народа Мемфійскаго государства, съ пятью тысячами припадлежащихъ городовъ къ нему, найдется такой, кому предпріятія ея казались противными: то, конечно, всѣ тѣмъ болѣе прославлять должны ея правленіе, которое она, не смотря ни на единаго возмутителя, посвятила въ общую пользу подданныхъ: ибо сколь трудно народу нести тягости отъ льстецовъ и ласкателей! И такъ, хотя мы лишенные ея, не инако, какъ вѣчно прославлять должны премудрое ея правленіе: но она ожидаетъ отъ васъ, о, праведные боги, достойнаго награжденія!

По окончаніи рѣчи, съ превеликимъ почтеніемъ сталъ на колѣни жрецъ сей предъ колесницею для ожиданія рѣшенія. Вышніе судьи встали съ мѣстъ, и совѣтовались между собою нѣсколько минутъ. Послѣ того сѣли опять они на тронъ, и верховный судья спрашивалъ громогласно всѣхъ присутствующихъ, не имѣетъ ли кто жаловаться на мертвую Царицу? Тогда и дѣйствительно нашлись нѣкоторые, кои недовольны были въ рѣшеніи дѣлъ собственно своихъ; но сіе не могло произвести никакихъ слѣдствій: ибо всѣ признавались, что послѣднія слова Мемфійскаго жреца справедливы, и судьи единогласно удостоили Нефту имѣть участіе въ веселіи душъ блаженныхъ.

Приложеніе шестое, къ страницѣ 24-й.

(Изъ рукописныхъ сочиненій А. С. Хвостова).

ПОСЛАНІЕ

Къ творцу посланія или копія къ оригиналу.

Посланій образецъ, людскихъ умовъ безмѣнъ,
Парнасса капитанъ-исправникъ, почты членъ,
Предъ коимъ безъ вины разсудкомъ виноваты,
И тѣ, кто скудны имъ, и тѣ, кто имъ богаты,

По скромной склонности и должности своей,
Великій браковщикъ достоинства людей,
Дай имъ на нѣсколько минутъ отдохновенья,
И удостой сіе посланіе воззрѣнья.
Когда бъ даровъ твоихъ изящность, всѣхъ очамъ
Казалась такова, какъ зришь ее ты самъ:
Тогда бы правыя причины стали явны
За что Россійскіе писцы тебѣ не нравны;
Узнали-бъ, что изъ нихъ ты первенькихъ бранишь.
По истинѣ за то, что достохвально мнишь,
Насъ щедро богатя своихъ твореній тмою,
Безсмертье отказать и справить за собою.
И правду любящій едва ль не скажетъ всякъ,
Что жребія лишить нельзя тебя никакъ,
Оставить по себѣ толь громкое наслѣдство.
Къ познанью первенства сравненіе есть средство:
Посмотримъ, напримѣръ, всеобщій слышенъ крикъ:
Что Сумароковъ былъ и есть всегда великъ,
Но что имъ сдѣлано? Синавъ, Хоревъ, Семира —
Бездѣлицы, а ты, ты далъ намъ Бригадира.
Тотъ чувствіями насъ и нѣжностью плѣнилъ,
А ты часть Библіи въ комедію вмѣстилъ,
Да зрятъ на Божій щетъ на свѣтѣ всѣ языки:
Совѣтники у насъ какъ хитры и велики;
Тотъ, восхищая насъ, насъ плакать заставлялъ.
Какъ ядомъ, иль мечемъ героевъ умерщвлялъ:
Ты, лучше думая, чрезъ вышняго десницу,
Не ядъ Сиднею далъ, *далъ выкушать водицу.*
Тотъ быстротой блисталъ, природѣ долженъ онъ;
Словъ острыхъ наизустъ ты знаешь лексиконъ,
Подумай, люди врутъ—о злоба! о измѣна!
Что будто твоему онъ разуму замѣна,
И что... нескромные, вѣдь какова пора,
Подъ часъ и золота не хуже мишура.
А Ломоносову съ тобою льзя ль равняться?
Онъ не заставилъ насъ ни разу разсмѣяться

Безмертныхъ и живыхъ картинъ своихъ огнемъ;
Тебя жъ читая, мы всегда отъ смѣха мремъ.
Онъ славу Россіянъ, онъ славу пѣлъ Петрову;
А ты посланіе отправилъ къ Ямщикову;
Тотъ риторъ, тотъ пінтъ, любитель тотъ наукъ,
И это все твоихъ не миновало рукъ.
Россійскій Пиндаръ сей на небеса взвивался;
Ты съ челядью своей въ системѣ упражнялся,
Что тряско разсуждать о свѣтѣ—утвердилъ,
И чрезъ Шумилова то міру объявилъ.
Но Русскіе-ль чета твоей великой славѣ?
Примѣры лучшіе возьмемъ въ другой державѣ
И узримъ, каково для срама и стыда
Иноплеменникамъ отъ твоего труда.
Отмѣнной, рѣдкой слогъ полуславянскъ и дивенъ
Не сдѣлалъ ли, что намъ сталъ Битобе противенъ [1]).
А твой другой *Сидней* не есть ли намъ доводъ,
Что дружбѣ сдѣлать ты удобенъ переводъ [2]).
Когда же показалъ свою, какъ риторъ, силу
И на Руси отнесъ Аврелія въ могилу [3]),
Не ты-ль о Томасѣ намъ думать повелѣлъ,
Что за покойника онъ панихиду пѣлъ?
Не чрезъ тебя ли Сноъ, броля черезвычайно [4]),
Намъ тускло разсказалъ все что въ Египтѣ тайно?
Не ты-ль у старика Вольтера отнялъ честь,
Какъ удалось тебѣ Альзиру перевесть?
Что муза у тебя душею покривила,
Напавъ въ иныхъ мѣстахъ на смыслъ Вольтеровъ съ тыла;
Что съ мыслью автора разъѣхался въ другихъ,
И что, межъ прочими, въ трагедіи есть стихъ,
Котораго она совсѣмъ не разумѣла;
Не ты въ томъ виноватъ.... чего она смотрѣла!

---

[1]) Іосифъ, сочиненіе Битобе, пер. Фонъ-Визина.
[2]) Сидней и Силли, пер. Фонъ-Визина.
[3]) Надгробное слово Марку Аврелію, переводъ Фонъ-Визина.
[4]) Жизнь Сноа, пер. Фонъ-Визина.

Нельзя, чтобъ ты *мечи* съ *пескомъ* не распозналъ [1]),
Ни столько мудрыми очами захворалъ.
Нельзя! твои дѣла конечно совершенны;
Но симъ не всѣ твои таланты изочтены.
Чтобъ показать невѣждъ великому числу,
Сколь гибокъ къ всякому твой разумъ ремеслу,
Особымъ ты перомъ и кистію своею,
Какъ яблочникъ писалъ къ разносщику Матвѣю,
Задумалъ пошутить, и унтеръ-офицеръ
Въ минуту сдѣлался проказъ твоихъ примѣръ,
Которымъ для затѣй *такъ счастлива жеребя*,
Благословенная содрлалась утроба.
Актеромъ вздумалъ быть? всѣ знаютъ, какъ игралъ.
Софію полюбивъ, философомъ ты сталъ,
И мудреца титулъ почтенный. рѣдкій въ свѣтѣ,
Стяжалъ, благодаря себѣ, конямъ, каретѣ.
О ты, *котораго себѣ на похвалу,*
Творецъ пустилъ на свѣтъ, какъ куклу по столу!
Свершай великое чудесъ опредѣленье,
Дай быстротѣ твоей свободное теченье,
Тебѣ противной умъ насмѣшкою карай,
Ругайся надъ однимъ, другаго презирай,
И, омрача невѣждъ главы твоей парами,
Пиши посланіе и прозой и стихами,
Брянцай и не жалѣй отмѣнной лиры струнъ,
И какъ Зевесъ бросай въ противниковъ перунъ!
Хотя идетъ молва между незпатоками,
Что славы кто себѣ не пріобрѣлъ дѣлами,
Тотъ сколько ни божись, что славенъ онъ, но ахъ!
Надутой самохваль останется въ срамцахъ:
Что цѣну знать даютъ всему прямое право
Наука, тонкой умъ и разсужденье здраво;
Что не всегда bon-mot ума бываетъ знакъ;
Что молвить иногда гладенько и дуракъ,

[1]) Альзира Вольтера, пер. Фонъ-Визина. „Les marbres impuissants en sabre façonnés. *Безсильны мрамору въ песокъ преобращены*“.

И что не надобно, на переломъ натурѣ,
Считать за старосту себя въ литературѣ,
Во зло и ей самой и міру вопреки.
Тебѣ-ль, тебѣ-ль внимать такіе пустяки!
Пиши и говори, что въ умъ тебѣ не вспало:
Тобой восхищенныхъ людей найдешь не мало.
Не помню, кто сказалъ, я чаю, Боало,
Что умному сыскать всегда не тяжело
Еще умнѣйшаго, которому онъ равенъ.
Гряди себѣ во слѣдъ, и вѣрно будешь славенъ
У тѣхъ, которые на то осуждены,
Чтобъ истинѣ твоей не обуять цѣны,
Они рекутъ, плетя изъ лавръ тебѣ корону,
Что мало для тебя быть другомъ Аполлону,
И мня, что требуетъ иныхъ титлъ ѣдкій умъ,
Воскликнутъ: „Музамъ ты, по малой мѣрѣ, кумъ!“

Приложеніе седьмое, къ страницѣ 26-ой.

Изъ книги о Русской Исторіи, сочиненія Елагина.

I.

ПРИНОШЕНІЕ

ПРЕМУДРОСТИ.

Твоему, божественная Софія, предвѣчная Всемогущему неба и земли Зиждителю присущность, внушенію повинуясь, воспріялъ я трудъ повѣствованія о Отечествѣ нашемъ; да подъ руководствомъ Твоимъ, изображу дѣянія Государей и героевъ нашихъ, представя потомству въ истинномъ ихъ житіи и видѣ, лестію не украшенномъ и злобою не обезображенномъ, и Тебѣ трудъ мой посвящаю. Ты будь ему покровительница; Ты побор-

ствуй по немъ; Ты пріосѣни его страшнымъ щитомъ своимъ, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и неправосудія жестокость отрыгнуть противъ трудившагося зловредныя, правду гонящія козни. Не попусти злости ихъ невинныя терзать его памяти; не попусти яду ихъ умерщвлять его совѣсть, и злобно исторгать его изъ числа писателей безстрастныхъ и безкорыстныхъ. Ты святымъ своимъ ученіемъ награди знанія моего недостатка; украси слогъ мой священною своею важностію, и увѣнчай цвѣтами краснорѣчія Твоего жертву, Тебѣ приносимую. Ты влей въ читающихъ вѣщаніе мое кроткаго снисхожденія благопріятность: да при строгомъ опыта моего разборѣ, простятъ могущія быть въ мысляхъ и сказаніяхъ моихъ погрѣшности, да припишутъ хладъ слога моего зимѣ лѣтъ согбеннаго старца; а усердіе его, занять пользою праздное ихъ время, да воспріимутъ вмѣсто дара совершеннаго, и подносящему да воздадутъ благосклонностію!

II.

ИЗЪ ВВЕДЕНІЯ

КЪ ТОМУ ЖЕ СОЧИНЕНІЮ.

Я не ласкаюсь пріобрѣтеніемъ славы творцевъ первостепенныхъ, и не ищу тщеславія посредственныхъ: а всего меньше хощу уподобиться нянямъ, вздорными сказками дѣтей усыпляющимъ: единыя мзды мнѣ довлѣетъ, если пріятели мои съ такимъ удовольствіемъ читать Опытъ повѣствованія моего станутъ, съ какою охотою я желанію ихъ повинуюсь. Сего ради предварительно признаюсь, что и родъ таковаго повѣствованія себѣ предположилъ, каковаго въ другихъ не обрѣтаю. Можетъ быть, по той причинѣ, покажется порожденіе мое уродомъ, недостаткомъ или излишествомъ членовъ обезображеннымъ, и токмо единому отцу его нравящимся: но сія родительская слѣпота стороннято не отяготитъ зрѣнія, какъ если тажъ любовь, слѣдуя разсудку и безпристрастію, потщится природное уродство ди-

тяти закрывать занятыми изъ настоящихъ временъ одеждами и ветхость суровыхъ его нравовъ награждать новаго благоправія примѣрами. Вмѣсто тѣлеснаго состава преимуществъ, потщуся я украшать чадо мое подражаніемъ: Тациту, Титу Ливію, Саллюстію, Плутарху, Ксенофонту, Робертсону и Гуму; вмѣсто своего ученія, любомудріемъ Пиоагора, Платона, Эпиктета, Лейбница; вмѣсто собственаго въ политикѣ и законахъ знанія, Солонъ, Ликургъ, Гроціусъ и Пуфендорфъ сообщать ему свои наставленія станутъ, и наче всего нравственная проповѣдь Евангельская и непорочнаго богословія важность сердцу и правамъ моего урода дадутъ, можетъ быть, притягательную нравиться силу.

Тацитова лѣтопись и сочиненія имъ нѣкоторихъ Римскихъ тиранъ частныя житія будутъ мнѣ предначертаніемъ, котораго я въ опытѣ моемъ предпочтительно держаться намѣренъ. Тацитъ плѣняетъ меня своимъ сказаніемъ, когда въ лѣтописи бытіе и воинскіе народа Римскаго предлагаетъ подвиги, и прельщаетъ сердце мое своимъ безпристрастіемъ, когда повѣтствуетъ о Кесаряхъ и ихъ царствованіи: самое тоже и мнѣ предлежитъ. Непрерывная Римлянъ война, яко въ зерцалѣ, наши кровопролитныя представляетъ мнѣ брани. Равныхъ съ Тацитомъ красокъ, къ разноличнымъ токмо картинамъ, мнѣ потребно. И такъ, занимая у него, могу я съ успѣхомъ пользоваться, подобно слабому ученику, списующу съ подлинника великаго живописца, или подобно робкому Рафаэлевой кисти подражателю Имѣя сего великаго повѣствователя въ образецъ, стараться я стану, сколько силы мои дозволятъ, недостатокъ искусства и способностей моихъ награждать правдолюбія и искренности духомъ. Сіе сугубое души моей свойство, не обинуясь, открываю я въ объявленіи пособій, кои удобными къ поспѣшествованію труда моего почитаю.

Искушенный лѣтами и долговременнымъ Отечеству, при трехъ разныхъ царствованіяхъ и наконецъ въ важнѣйшихъ внутреннихъ должностяхъ, служеніемъ наставленный, ласкаюсь я быть удобнымъ къ изслѣдованію прошедшаго времени дѣяній, уподобляя оныя приключеніямъ, въ глазамъ моихъ происходившимъ.

Тогдашнія учрежденія и положенія государства, снося съ настоящими, кажется, не заблуждуся въ опредѣленіи причинъ дѣйствіямъ, и въ цѣнѣ полагаемымъ причинамъ великой ошибки сдѣлать не уповаю. Извѣстно мнѣ, что сердце человѣческое всегда одинако, и тоже нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Я вѣдаю, что тѣжъ добродѣтели и тѣжъ пороки и страсти присущны и нынѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, какіе въ Аѳинахъ и Римѣ существовали. Не измѣненіе сердецъ, но больше и меньше просвѣщенія и невѣжества творятъ правовъ разновидность, а природа тажъ всегда пребываетъ.

. . . . . .

. . . . . .

Приложеніе осьмое, къ страницѣ 43-ій.

Varsovie, ce 29 Oct. (9 Nov.) 1771.

Monsieur,

Je vous suis très redevable, monsieur, de la lettre du 23 Sept. que vous avez eû la bonté de m'écrire. J'ai souffert en la lisant de toutes les calamités, qui affligent la ville de Moscou. Dieu veuille mettre fin à ce fléau. Je ne vous écris rien sur l'aventure terrible du Roy parce que j'ai dit ce que je sais sur cette matière dans mes dépêches à la Cour, que vous lirés sans doute. Continués, je vous prie, à m'instruire de tout ce qui arrivera de nouveau chez vous et de tout ce que vous apprendrés d'autre part. Je regarderai ce bon office comme une marque de votre amitié, à laquelle je crois avoir droit par celle que je vous porte et avec laquelle je suis, monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur

C. de Saldern.

PS. On ne peut pas être plus sensible que je le suis à votre amitié et à votre souvenir. Il est cruel d'entendre et de voir quel conte, que les Polonois font à ce sujet. Je vous jure qu'il est in-

croyable. Non contents de débiter, que les habitants de Moscou, au nombre de 100 m. sont déjà enterrés, on prétend de savoir que cette contagion s'étend jusqu'à Pétersbourg et que la Cour est sur le point d'aller resider à Revel ou à Riga.

Que pensés vous de l'attentat contre le Roi à Varsovie. C'est un coup bien hardi. L'Europe a trois Rois, auxquels les mains meurtrières ont voulu. L'histoire fournit quantité des exemples des assassins. Mais la Pologne en a donnée 30 à la fois. Par Dieu c'en est trop.

Nous avons encore à craindre. Il y a nombre des scélérats ici. On ne jouera pas la même comédie. Mais je m'attends à d'autres d'une espèce différente.

Jusqu'ici je n'ai pas perdu ma tête. Mais ma santé est perdu pour jamais. Adieu.

Varsovie, ce 12 (23) Nov. 1771.

Monsieur,

Votre dernière lettre chiffrée du 25 Octobr., monsieur, m'est bien parvenue. Vous pouvés bien vous représenter l'impression que son contenu a fait sur moi. Dieu veuille que ce soit la dernière dans ce genre que vous m'écriviés.

Je vous suis bien obligé, monsieur, de m'avoir informé de la reception de mes dépêches et de l'arrivée de mes courriers. Ne soyés pas en peine du № 55. Je l'ai enfermé dans ma lettre particulière à m-r le comte de Panin et il est assurément entre ses mains.

Je vous envoye cy-incluses deux lettres pour nos prisonniers Polonois. Ayés la bonté de vous charger de les faire parvenir, après en avoir demandé l'agrément à m-r de Panin. J'espère qu'il n'y trouvera pas à redire, vû l'indifférence de leur contenu.

Ce n'est plus que par habitude que je vous prie de m'instruire de tout ce qui vous parviendra de curieux et d'intéressant; car votre exactitude et votre bonne volonté à cet égard ont jusqu'ici parfaitement repondû à mon attente. J'espère que l'habitude que

vous avés de vótre cóté de m'entendre vous assurer de mon amitié vous aura aussi convaincû à quel point je suis,

monsieur,

votre très humble et très obéissant serviteur,

C. de Saldern.

A m-r Fon Viesin.

Varsovie, ce 13 (24) Juillet 1771.

Monsieur,

J'ai bien reçû, monsieur, votre lettre du 30 Juin. Je ne puis rien ajouter aux expressions, dont je me suis servi précédemment, pour vous marquer ma reconnoissance de la peine que vous vous donnés de m'écrire. Continués, je vous prie, à en agir de méme et à me donner des nouvelles sur tout ce qui se passe chez vous. J'espère, au moins je le désire du plus profond de mon âme, que les inquiétudes ou vous étiés par rapport à Monseigneur sont terminées par son rétablissement. Vous pouvés aisément imaginer dans quelles mortelles angoisses je suis sur cet article et combien je souhaite impatiemment l'arrivée des nouvelles plus satisfaisantes.

En attendant je ne puis pas vous cacher combien j'ai été affecté d'une exprésion, que m. de Panin a employé dans la lettre qu'il m'a écrite. *Je compte que vous n'aurez aucun désagrément sur toutes vos démarches*, dit il. Je crois bien, monsieur, qu'il n'est pas juste que j'aye des désagrémens: mais cela ne suffit pas. Quand on travaille comme un forçat, qu'on n'a de repos ni jour ni nuit, en un mot qu'on se sacrifie pour faire les choses au mieux, on mérite de droit à ne pas essuyer *des désagrémens*. On est même autorisé à exiger du moins de l'approbation. Vous conviendrés que cela n'est guères trop, et qu'à moins de cela il n'y a pas d'indifférence et d'insensibilité, qui tiennent.

J'attens la lettre, que vous m'avez annoncée de votre part, comme un nouveau témoignage de votre amitié. C'est avec toute la mienne que je suis,

monsieur,

votre très humble et très obeissant serviteur,

C. de Saldern.

Varsovie, ce 4 (15) Sept. 1772.

Quoique je ne sois maitre que de quelques peu de momens, je ne puis les mieux employer, mon cher ami, qu'à vous donner de mes nouvelles, en me rappellant à vôtre souvenir. Que vous dirois-je des premiers regards que j'ai jetté sur la Pologne? rien. Cela vaut mieux, car il faut en homme prudent suspendre mon jugement. Tout ce que je sais, est un ramas de contradictions, d'animosités personelles sous le voile d'intérét d'état. Tels sont les hommes, plut à Dieu que je n'eusse à négocier en Pologne qu'avec des Polonois, je serois moins à plaindre. Mais il faudra combattre des obstacles étrangers à mon objet. A bon entendeur salut, je vous en dirai davantage avec le temps.

La connoissance de votre âme, mon cher Fon Viesin, ne me permet pas de douter un moment de la sincérité de vos assurances d'amitié et de leur effét. Je ne vous crois pas capable de duplicité. Je repondrai à ces sentimens par la reconnoissance la plus essentielle, soyés persuadé de cette vérité, et j'en chercherai les occasions. Ayés la bonté de me donner quelques nouvelles du retour du comte. ainsi que des sentimens de M-r votre chef et le mien. Je l'aime comme mon père, je le respecte comme celui de la patrie. et j'espère de son honnéteté, que je verrai bientót les effets de ses promesses et bontés.

Je suis dans un païs dangereux, où le nom de la Russie est exécration à chaque pas que je fais, à chaque projet que je forme pour adoucir je trouve des épines et des obstacles. Je suis heureux de n'en point rencontrer dans les sentimens, avec les quels je suis tout à vous,

Stackelberg.

A M-r de Fon Viesin.

Varsovie, ce Nov. 1772.

Monsieur,

Je ne puis que vous temoigner ma reconnoissance de la lettre, que vous m'avés écrite, mon cher ami, et vos sentimens fortifient les miens beaucoup plus, que je ne saurois vous le dire. L'amitié est

pour moi un besoin dont je ne saurais me passer, voila mon coeur. Le grand monde et les affaires n'ont pas pu le corrompre. Si l'on me manque, ma consolation a été toujours dans lui. J'aime mieux être la dupe que d'en faire.

Votre lettre m'a fait encor plaisir, indépendamment des choses agréables qu'elle contient pour moi. Tout est en règle, et voila le crédit de l'homme honnête et intègre que nous aimons, aussi bien établi, que je l'ai espéré. Soyés lui toujours aussi sincérement attaché, que vous l'avés été. Il le reconnoitra, ne lui rappellés jamais ma personne dans cette cohuë d'affaires sous les quelles on le fait succomber, parcequ'il n'y a que lui, qui ait une ame et une tête; mais rappellés lui les affaires de ce païs ci, qui sont plus importantes, qu'elles ne paroissent. L'Europe a les yeux sur elles. La Pologne nous a fait avoir une guerre. Nous avons un intérêt (*cxcédant du concert*) à bien finir. L'arrangement définitif pour la prise de possession n'est rien, mais il faut terminer le reste, auquel les deux autres ne s'intéressent que foiblement. Leur avidité contentée, ils s'en iront, et nous garderont encore le tripotage sur les bras. C'est à l'égard de ceci, et point pour la première affaire, que j'ai besoin des instructions lumineuses et des conseils de mon digne et respectable chef. Comme vous avés sa confiance, je vous charge de me marquer séparement ce que votre conversation nocturne avec lui fournit à ce sujet.

Que vous durois—je, mon cher Fon Viesin de moi? Je ne suis pas content. Ceci reste entre nous deux, et j'en recommande le secret à vôtre amitié. Si l'on ne sentoit pas soi même le petit merite qu'on a, d'autres le font, surtout le mérite du coeur et du sentiment à côté de tant d'autres qui en manquent.

Je vis avec Bibikow en frère. C'est l'ame la plus honnête. Aussi mourrat-il de faim un jour comme moi. Je suis content de mes appointements. Il y a beaucoup d'ordre et de magnificence dans ma maison, et je ne mange rien du capital qui me reste.

Adieu, mon cher ami, ne montrés ma lettre qu'à Marcoff, il y applaudira. Je suis tout à vous sans compliment. St.. (*Stackelberg*)

Qu'est ce que fait Saldern?

Dans le moment on m'apporte un joli habit de velour, et je vous l'envois sous l'adresse du comte. Je vous prie de l'accepter comme un souvenir d'ami. Je vous en demanderai un en temps et lieu. Mes complimens à Talisin, sa femme et Baratinskoy.

Varsovie, ce 9 (20) Fev. 1773.

Si par ma dernière lettre, mon très cher et digne ami, je vous ai conjuré de bien suivre l'affaire, qui me tient si fortement à coeur, vous pensés bien, qu'aujourd'hui que je vous informe du terme de la diète dans deux mois, je renouvelle toutes mes instances. pour intéresser votre amitié à m'informer et à me donner des bons conseils. Vous étes sur les lieux, vous connoissés à merveille cette machine, si compliquée. ce thermomètre enfin de la faveur. Domés moi votre avis, faut-il redoubler d'instances et de mesures, ou dois je m'en tenir à celles, que j'ai prises: dites à la première occasion à notre père commun, qu'il me fasse la grace de vous avertir s'il y a quelque chose à espérer. Je me flatte qu'on fera pour le service et pour moi ce qui est juste. Vous ne sauriés croire comme ces vains Polonois sont étonnés et peut étre humiliés de recourir à un homme qui leur paroit tout nud, car quiconque n'a pas le cordon bleu ici, l'est. Ils ont bien petite idée de mon credit à ma cour; car il se trouve par hazard que tous les Russes qui sont ici ont des cordons excepté moi. La philosophie a beau faire les plus beaux raisonnemens sur cela, nous ne sommes pas à Sparte. Dites à mon cher père et ami, que le succés du représentant Russe en Pologne dépend du credit qu'on lui suppose à Pétersbourg. Dites lui, qu'après avoir mis toute ma confiance dans sa personne, je ne crois pas qu'il m'abondonne, pour le reste de mes jours je serai content, s'il profite de cette occasion pour me faire du bien.

Vous voyés, mon cher et digne ami, avec quelle confiance je vous charge de mon bien étre. O vous! qui avés une ame susceptible d'amitié, ne me flattés et ne me consolés point. Dites-moi la vérité. C'est le langage, qui doit caractériser notre manière d'étre. J'attens par la première poste de vos nouvelles et suis en

embrassant tendrement mon cher Markoff, qui m'écrira à ce que j'espère,

mon cher et digne ami votre très
humble et trés obeissant serviteur,
Le *B.* de *Stackelberg.*

Pourriés vous dire un mot pour ce pauvre Krüdener en rapellant s. e. de toutes les promesses et de feu mr. de Trautfetter grand-père de mon neveu.

à Mr. de Fon Viesin.

Ce 3 Iuin . . an.

Sans plein pouvoir, sans traité, sans instructions sur différents points, je vous supplie, mon cher ami, de rappeller à l'avenir un peu plus les affaires de Pologne au souvenir de nôtre chef et bienfaiteur commun. Je suis dans le plus grand embarras et cela d'autant plus, que Mr. de Rev. . . n'est pas mieux à cheval que moi.

Comme vous étes ma seule consolation à Pétersbourg, mon cher ami, je vous prie de me dire sincèrement si à la fin on ne veut pas se laisser émouvoir en me domant le caractère de mes prédécesseurs? les affaires l'exigent indispensablement. Adieu, mon ami, conservés moi des sentimens qui me sont chers et que je mérite. Mille choses à Baratinskoi et Talisin. Ce dernier ne m'a pas repondu à ma solicitation d'avancement pour mes neveux. Je suis tou à vous.

Stackelberg.

Ce 21 Nov. . . an.

Il est si difficile pour moi de faire partir un courrier sans le charger d'une lettre pour vous, mon digne et cher ami, qui puisse en me rappellant à votre souvenir, servir en même temps d'interprète de la continuation des sentimens que je vous ai consacrés. Je me porte bien mais je dessèche sur pied à force d'attendre vos couriers. Si vous pouviés contribuer à les faire expédier un peu plus diligemment, je vous aurais une obligation des plus essentiel-

les. Il y a encore une grace que je vous demande et que j'espère obtenir d'autant plus facilement que vous entrerés certainement dans la justice de la chose, j'ai fait des intercessions très vives en faveur de mess-rs Bulhakov et Krüdener. Lorsqu'un général gagne des batailles on recompense les officiers qui se sont distingués, en vérité j'ai gagné une bataille politique. Mon digne ami, rappellés à nôtre respectable bienfaiteur cette nécessité de recompenser des gens qui traivaillent. Adieu, je vous estime, je vous aime et je serai toujours avec des sentimens distingués,

Votre très h-le et très ob-t serv-r

Stackelberg.

La copie et la traduction des pleinpouvoirs pour S. E. Monsieur le Comte de Panin et M-r le Prince de Gallitzin, ne m'ayant point été encore envoyés, je prends la liberté, Monsieur, de vous prier de me les faire parvenir bientôt s'il est possible, afin de pouvoir fermer la caisse qui contiendra les documens que j'enverrois à ma Cour. Comme M-r le Grand Maitre à toujours bien voulû dans de pareilles occasions, faire apposer son cachet sur de pareilles caisses, afin de les prémunir contre les chicanes des douaniers, j'espère qu'il ne voudra pas me le refuser non plus en cette occasion et lorsqu'elle sera empaquetée je l'enverrai monsieur, à votre chancellerie. Je vous prie donc de faire pour cela les dispositions nécessaires afin qu'au cas qu'elle y arrive dans votre absence, on sache au moins ce qu'il y aura à faire

Solms.

Le 12 Sept. 1772.

J'ai appris hier, qu'on avoit des nouvelles de M-r le Maréchal C-te de Romanzow de l'arrivée du courrier qui est parti d'ici avec mon passeport pour Constantinople; c'est à dire de son arrivée au quartier général, de son départ pour l'armée Turque et de la correspondance que S. E. le Maréchal a entretenue pour cela avec le Bacha de Ruszuig. Permettez donc, monsieur, que je prenne la li-

berté de vous prier de me faire savoir, avec la permission de S. E. M-r le Comte de Panin, les dates de tous ces événements et de me communiquer la lettre que ce Bacha, ou le Grand Visir (car je ne sais lequel des deux) a ecrit pour cet effet au marechal Romanzow. Je serois charmé de pouvoir l'envoyer au Roi de Prusse par le courrier que je Lui envois aujourd'hui.

Solms.

Le 13 Fev. 1772.

Гага. 1771 1 (12) Іюля.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Скажи, пожалуй, что ты объ моемъ письмѣ съ нынѣшнимъ *штафетомъ* думаешь? Время, конечно, у тебя мало ко мнѣ писать: скажи что нибудь женѣ, которая въ генеральныхъ терминахъ можетъ меня увѣдомить.

Шлапы и шапки довольно, чаю, тебя упражняютъ, и я на тебя не буду пенять, хотя и очень рѣдко будешь писать.

Дней черезъ нѣсколько, поѣду къ *Бонямъ*: оттуда буду къ вамъ писать; а я есмь и буду

вѣрный вашъ слуга

Степанъ Зиновьевъ.

P. S. Помни свое обѣщаніе, жену мою не оставь.

La Haye. 1771 16 (27) Декабря.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Представь себѣ, другъ мой, все мое состояніе: живу и страдаю, не зная своей судьбы. Пожалуй, доложи графу П. И., чтобъ приказалъ отписать Борхенсу en termes un peu forts. Конечно, не много догадки надобно, чтобъ узнать, сколь мало Борхенсу хочется имѣть себѣ главнаго въ своемъ мѣстѣ. Баронъ Стакельбергъ можетъ вамъ подать совѣтъ, какъ сыскать хорошую дорогу: онъ довольно знаетъ оную землю et en même tems a des liaisons assez étroites dans les pays. Здѣсь я начать

ничего не могу. Вы видѣли изъ перваго моего письма къ графу Н. И, изъ Гаги, какое мнѣ сдѣлать описаніе к. Голицыну о здѣшнемъ министрѣ, чему я должен слѣпо вѣрить, какъ человѣку такому, который здѣсь довольно живетъ. Въ нынѣшній пріѣздъ, хотя со всѣми познакомился, но не было довольно времени узнать характеры. И такъ, хотя бъ я напелъ и не совсѣмъ праведное описаніе к. Г., не буду смѣть начать ничего. Разсудите, вѣдь въ случаѣ неудачи вся вина упадетъ на меня, и по справедливости нѣкоторымъ образомъ.

Предложите графу, не разсудить ли поручить Пушкину въ Лондонѣ, чтобъ тамъ зачалъ съ находящимся тамъ человѣкомъ... и ежели бъ нужда была, я бъ и самъ поскакалъ въ Лондонъ.

Я написалъ мѣсяцъ назадъ, чтобъ поменьше мнѣ комплементовъ писалъ, а старался бъ о скорѣйшемъ начатіи дѣла. Думаю въ концѣ Генваря получить отъ него отвѣтъ.

Прощай, другъ мой! Оставляю на твое попеченіе придумать все, что можешь объ моемъ дѣлѣ. Прошу вѣрить, что я есмь и буду

ващъ вѣрный слуга
В. Зиновьевъ

Приложенное письмо къ женѣ прошу отдать.

La Haye. 1772 9 (20) Janvier.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

По сей почтѣ только успѣваю васъ увѣдомить и благодарить за письмо, и притомъ сказать, что письмо къ князю Голицыну еще не успѣли разобрать. На будущей почтѣ пространно буду писать къ его сіятельству о всемъ, что предпринято будетъ мною съ княземъ Голицынымъ. Давно бъ я здѣсь что нибудь началъ, если бъ Голицынъ въ иномъ былъ положеніи съ

нужнымъ здѣсь для меня человѣкомъ. Прощай, другъ мой! Не упущу обо всемъ тебя увѣдомить.

Искренній вашъ и вѣрный слуга

В. Зиновьевъ.

P. S. Пожалуй, отдай письмо къ женѣ и успокой ее; скажи, что все пойдетъ хорошо.

Paris. 1772 24 Oct.

Отъ жены я, другъ мой, давно писемъ не получалъ: знать, что въ дорогѣ она: и я свои письма уже давно адресую къ Долгорукову, въ Берлинъ. Не знаю, всѣ ли она дѣла свои окончила, а изъ главныхъ теперь то, чтобъ коллегія прислала мнѣ прежнее заслуженное жалованье, котораго, по моему счету, наберется около четырехъ тысячъ, которыя мнѣ конечно и выданы будутъ по курсу Петербургскому. Что жъ касается до нынѣшняго моего жалованья, котораго будетъ въ концѣ Марта пять тысячъ рублей, надѣюсь на твою истинную дружбу, что ты постараешься ко мнѣ переслать; да и затрудненіе въ ономъ, не думаю, чтобъ министерство сдѣлало: потому что я уже, будетъ полгода, какъ назначенъ въ Гишпанію министромъ. Всѣ оныя деньги мнѣ непремѣнно надобно до выѣзда моего изъ Парижа, то есть не позже конца Марта. Мнѣ хочется выѣхать отсюда въ началѣ Апрѣля, чтобъ, не захвати жаровъ, добраться до Мадрита. Здѣсь все заказалъ сдѣлать, и въ великихъ хлопотахъ буду ежели деньги не пришлютъ. Однимъ словомъ, нельзя будетъ выѣхать изъ Парижа, и не буду знать, что дѣлать. Но сю пору еще нигдѣ худаго слова не нажилъ. Помоги, другъ мой, чтобъ порядочно до дома добраться. Ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ ты всевозможное для меня не сдѣлалъ: Богъ меня накажетъ, ежели я тебѣ буду не довѣрять! Завоцъ первыхъ годовъ будетъ мнѣ труденъ, а въ прочемъ десятью тысячами, право, можно вездѣ честно жить.

Брата твоего дожидаюсь, желая, чтобъ онъ не зналъ, гдѣ я проѣхалъ въ Лондонъ: пусть его погуляетъ и городъ и весь

островъ узнаетъ. Почтенный А. Пушкинъ его тамъ конечно не оставитъ. Клянусь тебѣ Богомъ, что я очень былъ бы радъ, хотя бъ всѣ наши Русскіе министры такъ благопристойно вели и порядочно, какъ Алексѣй Семеновичъ, и конечно не постыдится Русскимъ, который того стоитъ. En verité mon aimable ami j'ai été souvent outré contre quelques uns, mais tout est passé. n'en parlons plus.

Ради Бога, увѣдомь меня, не умедля, ежели кто назначится сюда министромъ. Онъ изъ тѣхъ будетъ министровъ, съ которымъ я нужду имѣть буду всѣхъ больше переписываться. Желаю оное мѣсто получить хорошему человѣку; а мѣсто, право, не на шутку, по многимъ обстоятельствамъ. Не назначите ль Хотинскаго? Онъ уже нѣсколько лѣтъ повѣренной въ дѣлахъ, и по старшинству можетъ случиться. Указъ, помнится, есть сенатскій, что прослужившихъ по семи лѣтъ въ одномъ чину должно производить въ слѣдующій.

Я съ тобой, другъ мой, часто буду шутить, ибо и все то говоримъ, что на душѣ; но при томъ сору изъ избы прошу не выносить. Вѣдь намъ свѣтъ не передѣлать: какъ же было, такъ будетъ всегда. Отпиши, не надобно ль тебѣ что прислать отсюда; брать бы твой тебѣ и привезъ, или въ первыхъ кораблях прислалъ. Карлъ здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, и я часто съ нимъ вмѣстѣ, и очень мы съ нимъ ладимъ. Сестра его княгиня, я чаю, въ Петербургѣ? Пожалуй, кланяйся отъ меня: я ее чрезвычайно почитаю.

В. Зиновьевъ.

Аранхуезъ. 1773, 9 іюня (29 мая).

Письмо твое, другъ мой, отъ 22-го Апрѣля, получилъ. Благодарствую за поздравленія. Я уже получилъ изъ Голландіи превеликой листъ всѣмъ пожалованнымъ. Жалѣю, что не досталось въ генералы предостойному и преблагонравному человѣку, к. Н. В. Рѣпнину.

Щепотьевъ хотя тебя, другъ мой, и увѣряетъ, что деньги

ко мнѣ послалъ чрезъ Ольдекопа, но боюсь, не солгалъ ли: я еще никакого извѣстія изъ Амстердама не имѣю.

Вы, я чаю, видѣли изъ прежнихъ моихъ писемъ, сколько я поспѣшилъ въ Мадридъ. Я не знаю, какъ я по сію пору исправляюсь деньгами Надѣюсь на твое дружеское стараніе, о пересылкѣ жалованья моего.

Господинъ Рикманъ велъ себя во всю бытность здѣсь, какъ человѣку ученому должно: весь корпусъ дипломатическій похвалялъ умъ его чрезмѣрно, и этотъ добрый человѣкъ для того теперь просится, что прибытіе г. Крока lui fait une avanie. Я хотя очень жалѣю, что со мной онъ не будетъ, но первый ему совѣтую проситься. Не мудрено, что его любочестіе въ окол терпитъ. Многіе изъ министровъ меня спрашивали, не прослужился-ль онъ въ чемъ.—И такъ я, другъ мой, прошу васъ чтобъ старались г. Рикмана отсюда отозвать, и сдѣлать его состояніе еще лучшимъ: истинно достоинъ онъ очень. Adieu mon très cher ami, je suis éternellement à vous.

В. Зиновьевъ.

P. S. Вѣрю, что на Рикманово мѣсто пришлешь ко мнѣ человѣка хорошаго: выбору твоему вѣрю, и буду доволенъ.

Мадридъ, 1773 12 Іюня.

Давно я къ тебѣ не писалъ, мой любезный другъ. Пріѣхавъ сюда, довольно мнѣ было суеты: теперь начинаю по немножку обживаться, но еще долго будетъ, чтобъ совсѣмъ завестись домомъ, какъ должно. Надѣюсь, что хотя чрезъ мѣсяцъ пришлютъ мое жалованье. Всѣ авансы, которые надобно дѣлать для загородныхъ домовъ, меня разоряютъ. Хотя знаю, что заплатятъ, но надобно много чистыхъ денегъ изъ кармана вынимать.

Жары начинаемъ здѣсь чувствовать такія прежестокіе: истинно не вытерпѣть, какъ бы кто ни любилъ солнца. Начинаю не дивиться, что народъ здѣсь лѣнивъ: нельзя иначе быть.

Нарышкинъ у васъ скоро будетъ и съ славнымъ Дидеротомъ. Я къ тебѣ, братецъ, буду пересылать Нарышкина письма. Прощай! цѣлую тебя.

В. Зиновьевъ.

Il faut que je vous aime bien mon cher ami pour vous écrire dans ce moment: il fait une chaleur ici qui n'est comparable à rien, je sue à grosses goutes et malheureusement je suis obligé d'être par voie et par chemins parceque je fais mes visites. Je ne peus rien vous dire d'agréable si non que je vous aime de tout mon coeur et que j'ose croire que je n'ai pas affaire à un ingrat. Adieu mon cher ami, mes compliments à Аркад. Иван. M. et au P. Юсуповъ.

1773. 14 (25) Août

Письмо ваше, другъ мой, отъ 1 (12) Іюля, я получилъ. Объ Щепотьевѣ я былъ уже предупрежденъ, какъ вы и видите изъ моихъ писемъ; но скорбѣть до тѣхъ поръ буду, пока не приведу дѣла свои въ порядокъ, то есть расплачусь съ долгомъ. На жену я свою не сержусь, пожалѣю объ ней, что она весь вѣкъ свой будетъ ребенокъ, и никогда у ней ничего основательнаго не будетъ. Я, братецъ, больше ее знаю, и долженъ признаться, что она оный характеръ имѣетъ: на то имѣю многія доказательства. Я чувствую и увѣренъ въ вашу дружбу, и въ сожалѣніе обо мнѣ. Такое поведеніе друзей моихъ со мной истинно, любезный другъ мой, мнѣ драгоцѣннѣе всѣхъ имѣній и сокровищъ!

Объ дуракѣ Щепотьевѣ жалѣю такъ, какъ о человѣкѣ, который больше сдѣлалъ, думаю, себѣ несчастіе, нежели тѣмъ, которыхъ обокралъ. Не стану я тебѣ больше объ немъ говорить, и ничего распрашивать.

Спасибо, другъ мой, что самъ письмо отдалъ к. Г. Г. Орлову; утѣшаешь меня весьма, что онъ по старому ко мнѣ.

Домъ я свой продать непремѣнно долженъ, и прошу тебя усердно стараться оное исполнить наскорѣе.

Надѣюсь, по вашему обѣщанію, скоро получить жалованье,

не для моего только житья, но для большихъ издержекъ чрезвычайныхъ, которыя должно здѣсь дѣлать: наемъ домовъ въ загородныхъ мѣстахъ, перевозка со всѣмъ домомъ истинно стоитъ много: и все притомъ чистыми деньгами платить должно. Я уже на эти расходы издержалъ около 709 рублей на наши деньги.

Увѣренъ, что мнѣ заплатятъ, какъ и всегда плачивали предмѣстникамъ моимъ; но когда, Богъ знаетъ.

Счетъ въ коллегію пошлю въ исходѣ года. Ежели бъ не сыскалъ занять по осьми на сто, то истинно нельзя бъ было и слѣдовать за королемъ.

Крокъ, думаю, просится прочь отъ меня: онъ говоритъ, что ему очень скучно и грустно здѣсь жить. Я думаю, что онъ для того и поѣхалъ только, чтобъ чинъ выиграть. Я съ нимъ обхожусь по пріятельски, и грѣхъ ему будетъ, ежели онъ и мною недоволенъ, но нечему тутъ дивиться: большая половина людей въ свѣтѣ неблагодарныхъ. Ежели Крока отзовутъ, то, думаю, Рикманъ останется съ охотою: истинно достоинъ онъ, чтобъ произвесть его секретаремъ и поощрить тѣмъ его къ службѣ.

Ежели жъ оба они отозвутся, то истинно всего бъ лучше желалъ Томару: я его знаю, и мы ужиемся. Представь еще графу П. П. объ ономъ. Прощай, братецъ: будь здоровъ: а я истинно буду тебѣ благодаренъ по вѣкъ.

Вашъ вѣрный слуга и другъ

В. Зиновьевъ.

P. S. По любви, которую имѣю къ отечеству своему, желалось бы мнѣ очень, чтобъ исполнилось по моимъ мыслямъ, которыя сообщилъ я въ послѣднемъ письмѣ графу П. П. Всякій день имѣю доказательства, которыя меня укрѣпляютъ въ моихъ мысляхъ.

Мадридъ. 1774. 12-го Февр.

По просьбѣ Ивана Ивановича Крока, посылаю на сей почтѣ предетавленіе къ графу П. П. объ отзывѣ брата его. Ему было желалось, чтобъ я отправилъ брата его, не испрося дозволенія у графа П. П., но я въ томъ отказалъ, какъ и по пер-

вому его письму. Желаю, чтобъ по ихъ желанію исполнилось, а мои мысли ты знаешь.

Дней черезъ пять поѣду въ Аранхуэсъ. Жаль, что для загородныхъ мызъ время у насъ еще дурно. Рѣдко видалъ такую дурную весну и въ Петербургѣ.

Стараюсь, чтобъ жена выѣхала изъ Мадрида около начала Іюня по новому стилю. Дорога не ближняя, надобно стараться пріѣхать въ Россію прежде осени.

Ежели-бъ я зналъ, что ты живешь домомъ, то я бъ тебѣ прислалъ вина шампанскаго; но, думаю, что живешь *по-калмыцки*, даромъ что знатный помѣщикъ. Отпиши, хочешь ли пить наше вино хорошее? Прощай, другъ мой; цѣлую тебя.

В. Зиновьевъ.

О Господинѣ Бицо—ни слуху, ни духу.

Г. М. Д. И. Фонъ-Визину.

Милостивый государь мой Денисъ Ивановичъ.

Нельзя болѣе моего и съ искреннею благодарностью признавать тотъ обязательный знакъ неложной уже вашей ко мнѣ дружбы, каковымъ вы, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, отъ 25-го Октября, почтить меня изволили. Если бы бывали вы въ отдаленіи равномъ моему, толь долговременномъ, то бы лучше еще повѣрили, что я истинно наполненъ тѣми къ вамъ сентиментами сердечной благодарности, о которыхъ, можетъ быть, не вовсе безъ успѣха, я васъ увѣрять стараюсь. Сами бы свѣдали вы и испытали тогда, сколь утѣшно ласкаться вашею дружбою, а особенно милостивымъ мнѣніемъ прелюбезнаго нашего шефа le plus aimable et le meilleur des hommes. Будьте же моимъ у него иногда предстателемъ: такой вашъ трудъ неблагодарнымъ, конечно, не останется. Можете вы считать то за самое вѣрное. а для наибольшей надежности вашей прошу только меня въ томъ извѣдывать. Изъ усердія моего усмотрите тогда болѣе, нежели изъ однихъ словъ. Совершенное ваше по тому удостовѣреніе оставляю я до того времени, а теперь только васъ прошу доставить *следующее* при семъ его сіятельству, когда онъ въ С.-Петербургъ прибыть изволитъ.

Желалъ бы я очень вѣдать, какое дѣйствіе произведетъ содержаніе двухъ послѣднихъ моихъ депешей, № 94-го и 95-го?

Въ прочемъ имѣю честь пребывать съ совершеннымъ почитаніемъ

вашимъ,

милостиваго государя,

покорно-послушнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ, сего 25-го Ноября 1771.

Милостивый государь мой Денисъ Ивановичъ.

Сколько бы ни было вамъ пріятно продолжительно обязывать меня наичувствительнѣйшимъ и великодушнымъ образомъ, то я, конечно, болѣе еще нахожу себѣ утѣшенія и отрады въ томъ соучастіи, которое вы столь искренно и усердно, въ тягостномъ положеніи моемъ, принимать изволите. Всеобязательное ваше, милостивый государь мой, письмо, отъ 28-го Сентября, наичувствительнѣйшій подаетъ мнѣ о томъ опыть. Послѣдовавшее отъ вашихъ стараній согласіе банкировъ на высылку на меня новаго векселя, дастъ мнѣ такую отсрочку, отъ которой я могу, ежели не вовсе, то, по крайней мѣрѣ, большею частію исправиться, если публичныя дѣла хотя бы мало мнѣ въ томъ пособили, а особливо, когда надѣюсь и отъ васъ, милостивый государь, получать равномѣрныя извѣстія о происходящемъ. Бѣда та, что разглашаются оныя изъ Варшавы обыкновенно дней пять прежде, нежели изъ С.-Петербурга сюда доходить могутъ. Наприлежнѣйше просилъ я для того господина Стак . . ., хотя бы на мой счетъ, прислали ко мнѣ первую о мирѣ вѣдомость съ нарочнымъ и проворнымъ курьеромъ, какъ бы можно поспѣшнѣе. Онъ вамъ, конечно, знакомъ. Сугубо былъ бы я вамъ одолженъ, если бы могли и вы дать ему знать о надобности (не изъясняя какой), чтобъ былъ я здѣсь прежде, противъ моихъ въ другихъ мѣстахъ товарищей, увѣдомленъ о мирѣ или, паче всякаго чаянія, о новыхъ разрывахъ и возобновленныхъ переговорахъ.

Проси, въ прочемъ, поднесть сіе вложеніе милосердому, особливо мнѣ, шефу нашему, прошу ни на часъ не сомнѣваться, чтобъ всѣ ваши обязательства не оставались на признательномъ и благодарномъ сердцѣ моемъ на весь мой вѣкъ, съ тою всеусердною преданностію, съ которою пребуду вамъ непоколебимо и отмѣнно

вашимъ,

милостиваго государя,

вѣрно-покорнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ, сего 26-го Октября 1772.

Милостивый государь мой Денисъ Ивановичъ.

Умустилъ я, умиленно почти, отвѣтствовать на обязательнѣйшее ваше письмо, отъ 18-го Декабря, для того, что не имѣлъ я ничего другаго на то донести, какъ о той чистѣйшей благодарности, которую вы уже сами измѣрять можете, по вашимъ наложеннымъ на меня одолженіямъ. Сохраню оныя на вѣки, ради собственнаго моего удовольствія. Можно вамъ на все сіе полагаться на-вѣрное, какъ на собственное ваше дѣло: частыми же повтореніями о томъ утруждать васъ отнюдь не буду и для того, что у васъ, можетъ быть, и безъ меня дѣлъ много, и премного, а теперь не могу оставить, чтобъ при случаѣ семъ не оказать вамъ, милостивый государь, новой моей признательности за новое же ваше обязательство. Вчера получилъ я отъ господина Стакельберга письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что наставленъ онъ отъ Двора отправить ко мнѣ немедленно нарочнаго съ извѣстіемъ о мирѣ. Почитаю я одолженъ симъ за то не иному кому, какъ вашимъ трудамъ и прямо обязательнымъ обо мнѣ попеченіямъ. Если подлинно курьеръ сей подоспѣетъ сюда прежде всякаго другаго, то получу отъ слѣдствій сего одного обстоятельства немалую тяжестнымъ моимъ дѣламъ отраду и облегченіе. Сокрушеніе мое доводитъ меня до отчаянія, когда либо выправиться, но ободряетъ меня

надежда какого-либо незапнаго благополучнаго приключенія, чему я вижу разные примѣры. Желая вамъ оныхъ, милостивый государь, всеусердно остаюсь навсегда неколебимо съ отличнымъ для васъ почтеніемъ и съ особенной преданностію,

вашимъ,

милостивый государь,

всепокорнымъ и послушнымъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ, сего 5-го Февраля 1773.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Послѣднее обязательное письмо ваше, отъ 5-го Февраля, получилъ я съ новымъ и тѣмъ пріятнѣйшимъ для меня удовольствіемъ, что содержитъ оное новые же и опыты вашей непремѣнной ко мнѣ дружбы и того намѣренія, которымъ вы начатое благодарнѣйшее во мнѣ признаніе довершить желаете.

Толь милостиво доставленнымъ мнѣ позволеніемъ отлучиться отсюда, воспользуюсь я послѣ дня рожденія короля Великобританскаго, когда Парламентъ и министри обыкновенно по деревнямъ отсюда разъѣзжаются. На время же опредитованія здѣсь титулярнаго совѣтника Василья Лизакевича, не знаю выдавать-ли ему то, что я за необходимо считаю, или сказать ему, чтобъ велъ онъ чрезвычайнымъ своимъ на то время издержкамъ счеты. Могутъ оные показаться *странными* и потому, что надобно ему будетъ ѣздить тогда и къ министрамъ, и ко двору, и, слѣдовательно, пристойнымъ образомъ отъ настоящаго отмѣниѣе и одѣваться, содержать карету и лакея, и словомъ – вести себя здѣсь на такомъ основаніи, на какомъ теперь живутъ здѣсь Гишпанскій и Португальскій, также на время опредитованные секретари. Къ тому же надобно, милостивый государь, и исправный сюда переводъ денегъ: тому уже около 9 мѣсяцевъ, какъ живемъ мы здѣсь всѣ безъ оныхъ въ долгъ (на кредитѣ), который вчера получилъ себѣ новое поврежденіе отъ банкрутства кавалера Колбрука, котораго считали однимъ изъ первѣйшихъ

здѣшнихъ богачей. Ежегодно собиралось ему чистаго доходу до 25 тысячъ фунтовъ, а теперь едва-ли остается ему что на одно пропитаніе! Ударъ сей приводитъ *циркуляцію* тѣмъ болѣе въ остановку, что находится уже въ оной болѣе 4-хъ милліоновъ фунтовъ, больше бумагъ однихъ, нежели наличныхъ денегъ или товаровъ вмѣсто оныхъ: и потому надобно, чтобъ общія дѣла пришли сперва въ уравненіе, и именно прежде, нежели кредитъ вовсе возстановится.

Первыхъ изъ Бухареста извѣстій ожидаемъ мы здѣсь изъ Варшавы, яко изъ ближайшаго мѣста. Срокъ перемиріе вышелъ тому уже 13 дней: теперь тамъ, конечно, извѣстно, чѣмъ оный кончился, а курьеръ, можетъ быть, пріѣдетъ сюда съ тѣмъ дней черезъ осемъ. Ничто не можетъ сравнятся съ нетерпѣливостію, съ коею я его ожидаю, какъ та преданность и почтеніе, которыя всегда останутся основаніемъ всѣхъ моихъ стараній и истиннымъ побужденіемъ

вашему, милостивый государь,
вѣрно-покорнѣйшему и всеусердному
А. Мусину-Пушкину.

Лондонъ, сего 3-го Апрѣля, нов. ст. 1773.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Всеобязательное письмо ваше, отъ 12-го Іюля, получилъ я здѣсь со всѣмъ тѣмъ признаніемъ, съ каковымъ надлежало мнѣ оное получить. Все ваше обо мнѣ попеченіе принимаю прямо дружески. Но несчастіе свое должень я и по нынѣ еще почитать почти непреодолимымъ, особливо потому, что извѣстіе о разбитіи визиря дошло сюда не инако, какъ чрезъ публичныя газеты почтою, прежде нежели письмо о томъ изъ Варшавы. Могло бы оное послужить мнѣ знатно, если бы могъ я вѣдать о семъ знатномъ и радостномъ происшествіи, хотя нѣсколько часовъ прежде всѣхъ другихъ. Оставляя напрасную о томъ кручину, тѣмъ по крайней мѣрѣ ласкаюсь, что будетъ, наконецъ,

преподанъ мнѣ такой случай, которымъ бы, по настоящимъ обстоятельствамъ, могъ я хотя бы нѣсколько воспользоваться, къ возстановленію прежняго моего состоянія и спокойствія. Положеніе такое не мало мѣшало и возстановленію здоровья моего; для пользы онаго, ѣду я, по совѣту докторовъ, въ Скарбору, къ тамошнимъ холоднымъ банямъ. Разстояніе такое, конечно, не позволитъ мнѣ въ Лондонъ возвратиться прежде исхода Сентября, но всякая малѣйшая во мнѣ тамъ нужда, конечно, ускоритъ и моимъ туда возвращеніемъ.

Впрочемъ, прошу быть совершенно удостовѣреннымъ, что вездѣ и всегда пребуду я вамъ, милостивый государь, непремѣнно съ нелицемѣрною преданностію и съ таковымъ же подлинно почтеніемъ,

вашимъ, милостиваго государя,
всепокорно-послушнѣйшимъ слугою
А. Мусинъ-Пушкинъ.

Бристоль, сего 4-го Августа 1773.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Возвращая въ Отечество племянника моего Кошелева, надлежало бы мнѣ возобновить и старыя мои увѣренія, о непоколебимой моей къ вамъ преданности и таковой же признательности. Неоднократно поручалъ я ему, именно изъяснить вамъ, милостивому государю, одно и другое словесно: усомнился писать къ вамъ, особенно, зная, сколько заняты вы и безъ того разными другими бумагами. Теперь же прошу только ни мало не сомнѣваться о моихъ къ вамъ сентиментахъ, кои обѣщался я честью сохранить для васъ непремѣнно: но когда же придетъ то время, т.-е., когда станете вы оные извѣдывать самымъ дѣломъ, жду дожить до того нетерпѣливо. Если кто другой можетъ отправлять вашу коммиссію лучше моего, то никто, конечно, не приложитъ къ тому болѣе моего усердія и ревности. Приложа къ тому всенскреннее почтеніе и всеусердную предан-

ность, можете вѣрно всегда надѣяться, что я пребуду на жизнь мою непремѣнно и неложно

вашимъ, милостиваго государя моего,
вѣрно-покорнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ, сего 7-го Марта 1774.

Смоленскъ, 17-го Марта 1780.

Я, мой другъ, Денисъ Ивановичъ, получилъ ваше письмо, отъ 26-го Февраля, но не могъ на прошедшей почтѣ, за недосугомъ, отвѣчать: теперь же благодарю васъ за оное и за исправленіе моихъ коммиссій. Извѣщенія съ нарочнымъ я еще не получилъ. Что-жъ принадлежитъ до тѣла Лобановыхъ, то инымъ его поправить не чѣмъ, какъ тѣмъ, чтобы дѣти, по причинѣ, что они не раздѣлены и имѣютъ общую въ одномъ мѣстѣ деревню, просили отъ Сената опекуновъ, съ тѣмъ, чтобы оные половину доходу съ ихъ деревни давали на содержаніе отцу и матери, а другую имъ, по равнымъ частямъ, доставляли; безъ сего въ правленіе ихъ имѣніемъ никто не вступится, и я не войду. Прощай, мой любезный пріятель! Пиши, что у васъ дѣлается, и вѣрь, что я искренно и непремѣнно весь вашъ навсегда.

Кн. П. Рѣпнинъ.

P. S. Скажите Гр. П. И—чу мой поклонъ отъ всей души и сердца.

Смоленскъ, 15-го Декабря 1781.

Благодарствую сердечно, любезный пріятель Денисъ Ивановичъ, за ваши письма, отъ 1-го и 3-го сего мѣсяца, которыя я оба вдругъ получилъ; третіе же, отправленное вами чрезъ Гр. П. Ивановича, я стану ожидать. Извѣстій, какъ отъ васъ Петербургскихъ, такъ и изъ чужихъ краевъ, столь мало, что я въ крайнемъ о томъ удивленіи. Происшествіе съ Лордомъ

Корнвалисомъ, коли къ тому же и флотъ Грасовъ разобьетъ флотъ Англійскій или въ нерѣшимости тамъ морскія операціи останутся, великую, кажется, перемѣну въ военныхъ обстоятельствахъ сдѣлаетъ. Если же тамъ Англійскій флотъ атакуетъ и разобьетъ Граса, то большой важности отъ того Корнвалисова плѣненія, думаю, не послѣдуетъ. Итакъ, всѣ резоны теперь настоятъ Англійскому флоту, отваживавшемуся искать жестоко подраться, а Французскому – сколь возможно отъ рѣшительнаго морскаго бою откланяться. Не прогнѣвайся, что я пустымъ разсужденіемъ наполнилъ цѣлую страницу, желая съ вами побесѣдовать. Не имѣя отсель къ тому матеріи, не почитаю таковою здѣшніе выборы, въ коихъ, кромѣ многолюдства и связаннаго съ онымъ шума, ничего нѣтъ. Благодарю васъ за извѣстіе о положеніи здоровья Гр. П. Ивановича. Пожалуй, мой дорогой другъ, продолжай со мной ваш мнѣ пріятную переписку, и будь увѣренъ, что я съ искренностію непремѣнно пребуду вамъ навсегда истиннымъ и покорнѣйшимъ слугой.

Князь Ник. Рѣпнинъ.

Смоленскъ, 31-го Декабря 1781.

Искренно благодарю васъ, любезный пріятель Денисъ Ивановичъ, за ваше письмо, отъ 24-го сего мѣсяца, и за сообщенныя въ немъ извѣстія. Болѣе сюда уже не пишите. Прошу письма ваши адресовать въ Москву. Самъ же я надѣюсь съ вами увидаться около 25 или 26 Генваря. Съ новымъ годомъ васъ поздравляю, желая вамъ отъ всего сердца всякаго добра! Отсюда вѣстей, какъ изъ ямы, никакихъ нѣтъ. Прощай, мой другъ: будь увѣренъ, что я нелицемѣрно вашъ.

Кн. Н. Рѣпнинъ.

Милостивый Государь Денисъ Ивановичъ.

Братецъ вашъ Александръ Ивановичъ поѣхалъ вчера съ господиномъ Пушкинымъ, и оба въ компаніи съ господиномъ

и госпожею Демидовыми, да княземъ Гагариным, въ Лондонъ. Передъ отходомъ, поручилъ онъ мнѣ доставить къ вамъ при семъ включаемое. Пользуясь симъ случаемъ, возобновлю я то, что́ поручилъ ему вамъ сказать, то-есть, предложить себя во всемъ къ услугамъ вашимъ. Я уже вамъ писалъ, почему я преисполненъ всевозможнымъ къ вашей особѣ высокопочитаніемъ: судя же о достоинствахъ и качествахъ вашихъ по наслышкамъ, увѣрился я о честности и добродушіи вашемъ примѣрами братцевъ вашихъ, которые и съ сей стороны кровь вашу не облыгаютъ. За симъ, имѣю я честь пребыть съ истинною навсегда преданностію и нелицемѣрнымъ почтеніемъ,

вашъ, милостивый государь,
всепокорно-нижайшій слуга,
Н. Хотинскій.

Парижъ, 19-го Мая 1773 года.

Милостивый Государь Денисъ Ивановичъ.

Въ одномъ изъ нынѣшнихъ моихъ къ его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу писемъ, изволите усмотрѣть, самый неожидаемый мнѣ случай приключился въ недостаткѣ въ деньгахъ, для отправленія находящихся на моихъ рукахъ Русаковъ, увезенныхъ изъ Камчатки. Перемѣною состоянія моего, по которому банкиръ видитъ, что денегъ у меня убудетъ, имѣетъ потому недовѣрку, тѣмъ наипаче, что я ему и безъ того уже должень. На сей годъ, не получали мы жалованья ни полушки, да и за прошлый годъ доплату получили только недѣли съ двѣ. Между тѣмъ, безъ денегъ жить нельзя. Деньгами банкиръ меня ссужалъ; потому, ему я и много должень. Какъ то ни есть, а денегъ на отправленіе ихъ надобно, и необходимо должно по полученіи моего письма, съ первою послѣ того почтою переслать, или же также написать, что въ тѣхъ людяхъ нужды нѣтъ. Такъ я ихъ расщущу. Въ семъ случаѣ, полную имѣю я довѣренность на человѣколюбіе ваше какъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ бѣднымъ несчастнымъ обманутымъ людямъ, и ожидаю съ не-

терпѣніемъ скораго и благосклоннаго вашего на сіе и по всякому случаю отвѣта. Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и чистосердечною преданностію,

вашъ, милостивый государь,
покорно-нижайшій слуга,
И. Хотинскій.

Парижъ. 1-го Іюля п. с. 1773 года.

P. S. Буде въ рѣшеніи по сему дѣлу произойдетъ какое либо замедленіе, то нанусильно прошу предувѣдомить меня, не замѣшкавъ, какого конца по оному ожидать имѣю, дабы потому расположить всякія приготовительныя мѣры.

Милостивый Государь мой, Денисъ Ивановичъ.

Подлинно пріятельскимъ вашимъ письмомъ, отъ 27-го Іюля, которымъ изволили вы меня отъ хлопотъ, заботъ и безпокойствія, обрадовали вы меня несказанно. и за оное приношу истинное мое благодареніе. Ждалъ я письмо съ нетерпѣніемъ, и по полученіи онаго 24-го Августа по здѣшнему стилю, опасался, что не пріѣдутъ мои дѣти ко времени отхода корабля, но, по счастію, все удалось, какъ вы то увидите изъ письма моего къ его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу.

Въ концѣ вашего письма, примѣтилъ я слѣдующее ваше выраженіе: *я почелъ бы себя за особенное счастіе, если бъ разсужденіи вашего собственнаго положенія могъ оказать вамъ услуги.* Будучи извѣстенъ о добродушіи вашемъ, не трудно было мнѣ догадаться о всей силѣ и смыслѣ того выраженія, которое до слезъ проняло сердце мое! Изъ признанія, мнѣ остается надѣяться на Бога и на васъ, добрыхъ людей, а въ прочемъ всего ожидать съ терпѣніемъ, которое не рѣдко исчезаетъ.

Господину Новикову сказалъ я о 15 лудорахъ, о коихъ онъ не безпокоится. Онъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

Когда бѣдные Камчатскіе люди пріѣдутъ, примите ихъ въ

свое покровительство. Они были обмануты, и потому не столь виноваты.

Я имѣю честь пребыть съ отличнымъ почтеніемъ и нелицемѣрною по вѣкъ преданностію,

вашъ, милостивый государь мой,
всепокорно-нижайшій слуга,
П. Хотинскій.

Парижъ. 29-го Августа 1773 года.

P. S. Любезнымъ братцамъ вашимъ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Государь мой и дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Прямо дружеское ваше письмо я получилъ съ равнымъ удовольствіемъ имѣющемуся къ вамъ, моему государю, дружелюбію и нелицемѣрному почтенію. При семъ прошу вложенное здѣсь къ общему нашему благодѣтелю вѣрно доставить. Братца вашего рекомендовать вамъ было не для чего: онъ самъ себя рекомендуетъ. У меня ихъ трое, какъ пріемышей, а четвертый бѣдный, то есть Трегубовъ, за случившимся припадкомъ, оставленъ на дорогѣ. Я, надѣюсь, что они всегда мною будутъ довольны. Прошу, государь мой, когда праздное время получите, посѣтить моихъ дѣтей, дать имъ хорошія наставленія къ ученію и поведенію, да и учителя ихъ, господина Ольрія, побуждать ко всевозможному ихъ обученію, а каммердинера, заболѣвшаго, коль скоро съ настоящими силами соберется, ко мнѣ на почтѣ отправить. Я есмь, съ отличнымъ почтеніемъ и усердною преданностію, вашъ,

государя моего,
покорно-послушный слуга,
А. Обрѣсковъ.

Яссы. 30-го Мая 1772.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Изъ сегодняшняго отпуска вы увидите, что Господь не благоволилъ увѣнчать всѣ мои труды ожидаемымъ успѣхомъ; однакожъ совсѣмъ опыхъ и не испроверглъ, но предоставилъ рѣшить по его всемогущему благоизобрѣтенію: судьбины его для насъ, смертныхъ, суть не исповѣдимы, и имъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, всякому, на него надѣющемуся, повиноваться должно безъ роптанія и безъ отчаянія. Мой случай самый сей, что съ одной стороны душевно страждy. видя всѣ мои труды въ пепелъ обращающимися, а съ другой, бодрствую духомъ въ надеждѣ, на него полагаемой, и чистою совѣстію въ сдѣланіи всего въ силахъ моихъ быть могущаго. Включенный при семъ пакетъ къ Льву Борисовичу Никитину покорно прошу вѣрно ему доставить, потому, что въ немъ есть вексель, отправленный съ сегодняшнимъ отпускомъ. Измайловскаго Полку унтеръ-офицеръ Ерлыковъ, мой ближній свойственникъ, котораго въ милость вашу рекомендую, и прошу исходатайствовать отъ милостиваго нашего начальника въ полкъ рекомендацію, о повышеніи его, а потомъ ко мнѣ возвратить. Я есмь, съ отличнымъ почтеніемъ и дружелюбіемъ,

вашъ, мой государь,
покорный слуга,
Алексѣй Обрѣсковъ.

Бухарестъ. 13-го Марта 1773.

Государь мой и доизанный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Послѣднее ваше дружеское письмо, отъ 7 го Марта, получилъ я по отправленіи моего отпуска, отъ 13-го того же Марта, съ котораго времени я въ край гашъ ни одной строчки полныѣ не писалъ: духъ былъ оскорбленъ малою удачею трудовъ моихъ, а къ тому же я упражненъ былъ въ снарядахъ къ ѣздѣ и въ пути. Теперь живемъ, какъ пустынники и отлученные: поободрило только содержаніе письмеца общаго нашего милостивца, отъ 19-го Апрѣля. твоей рукою писанное къ графу

Петру Александровичу. Утѣшь его, Всевышній, во всѣхъ его дѣлахъ, такъ, какъ онъ меня утѣшилъ! Вы знаете, мой любезный другъ, что я все то сдѣлалъ, что только сдѣлано быть могло, а во многомъ, безпристрастно сказать могу, почти самъ себя превзошелъ. Но когда въ чемъ есть неудача, то обыкновенно все хорошее забывается, а бросается въ глаза она одна. Въ этомъ то самомъ положеніи, я себя видя, мучился, но милостивецъ духъ мой поуспокоилъ. Денежекъ маленько здѣсь остается, а всѣ пить и ѣсть хотятъ! Пожалуйте, не уморите съ голоду, и при случаѣ припанамятуйте о посылкѣ въ свое время. Прости, мой любезный другъ, и будь увѣренъ, что преданность моя съ отличнымъ почтеніемъ будетъ во мнѣ навсегда непремѣнно; съ каковою теперь есмь

вашъ, мой государь,

покорно-послушный слуга,

А. Обрѣсковъ.

Изъ Романа. 13-го Мая 1773 года.

P. S. Съ сегодняшнимъ отпускомъ отправляю поручика Грязнова до Серпухова только, а оттуда велѣть ему ѣхать, по нѣкоторымъ моимъ нуждамъ, въ Ярославль и Тверь, а послѣ въ С.-Петербургъ. Когда онъ туда прибудетъ, прошу утостоить его вашей милости и возвратить ко мнѣ, когда время вамъ, господамъ, дозволитъ.

А. Обрѣсковъ.

Государь мой и много-дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Дружескія письма ваши, одно отъ 20-го Марта, чрезъ графа Михаила Петровича, а другое отъ 11-го Апрѣля, чрезъ поручика Грязнова, исправно получилъ, и покорнѣйше благодарю за удостоеніе оными. Отвѣтствую: брату вашему я предоставляю цѣлую свободность съѣздить въ Отечество, но онъ самъ поудерживается въ разсужденіи нашихъ *недовѣдомостей*, опасаясь, чтобъ столько трудясь и столько претерпѣвая скуки и всего непріятнаго, не отлучиться въ такой моментъ, который бы могъ

линить, по всякому правосудію, ожидаемаго удовлетворенія. О должкахъ же ниже помышлять должно: какъ разбогатѣемъ, такъ все поправимъ. За все содержаніе втораго, приношу наипризнательнѣйшую мою благодарность. Изъ него имѣю я новый опытъ истинной вашей ко мнѣ дружбы и пріязни. Я уже нѣсколько былъ успокоенъ отзывами графа П. А., а теперь вашимъ письмомъ и во всей полнотѣ. Я не признаю себя виновнымъ въ моихъ подозрѣніяхъ, а причиною тому единственно sa langue bien pendue et goguenarderie, что ему обыкновенно много недоброжелательныхъ дѣлаетъ, но въ существѣ, я и самъ знаю, онъ нимало не вредителенъ; но какъ человѣкъ, съ утра до вечера, не умолкая, говоритъ, то можно ли наполнить *конверсацію*, чтобъ кого нибудь не укусить? Въ прочемъ, наружно у насъ пріязнь нантѣснѣйшая, и я привѣтствіями и пріемами его весьма доволенъ, а преданность моя къ нему есть наслѣдственная. Грязновъ мнѣ сказывалъ, что вы собирались отправлять ко мнѣ деньги, но послѣ отмѣнили: неужели подумали, что я, взбѣсясь, уѣду? Нѣтъ, мой любезный другъ! Правда, сколько я нечувствителенъ, однако же никогда не сдѣлаю ничего противнаго долгу и званію моему. Изъ сегодняшняго моего письма къ общему нашему милостивцу, увидите вы покорнѣйшее мое прошеніе, о повышеніи чиномъ переводчика Тамару, яко человѣка достоинствами наполненнаго и годнаго не токмо въ нынѣшнемъ миротвореніи, но и въ другихъ могущихъ быть дѣлахъ, а наиначе съ полуденными націями: потому что, ежели Богъ одаритъ насъ желаемымъ миромъ, и коммерція возметъ свое порядочное теченіе, то люди таковыхъ свойствъ, какихъ есть Тамара, весьма будутъ надобны. Вы, любезный другъ, его не знаете, а можетъ быть, по рѣчамъ другихъ, нѣсколько противъ его еще и предубѣжденны: но я, зная вашу честность, преувѣренъ остаюсь, что ежелибъ вы его столько же знали, сколько я его знаю, то бы, можетъ быть, и больше меня его возлюбили: потому наиприлежнѣйше васъ прошу, употребить весь вашъ кредитъ, въ исходатайствованіи ему повышенія чина. Право, грѣшно забывать тѣхъ, которые, по несчастію въ отдаленіи трудятся. Братецъ вашъ писалъ къ вамъ о бѣдномъ Шо-

куровѣ, который по совѣту Германштадтскихъ докторовъ, вмѣсто Темесвара и Меадіи, ѣдетъ въ Буду, разстояніемъ на два дня отъ Вѣны, гдѣ, какъ слышно, воды еще лучше, нежели Меадскія. Да и неизвѣстно, если не получитъ тамъ облегченія, не поѣдетъ ли онъ куда и далѣе: чего ради, я буду просить князя Дмитрія Михайловича о поданіи ему всякихъ вспоможеній. Однако, не излишне бы было, ежелибъ вы, государь мой, у его сіятельства какую-нибудь объ немъ къ князю Дмитрію Михайловичу рекомендацію исходатайствовали. Напредъ сего, я васъ просилъ постараться повысить мальчишекъ моихъ, о чемъ и теперь прошу. Мнѣ кажется, сіе никакой важности не заслуживаетъ. Итальянцы говорятъ, только *одинъ дымъ, а жаркого нѣтъ;* то есть, одна честь, а жалованья ни копѣйки. Мы теперь съ нетерпѣливостію ожидаемъ визирскаго отвѣту, и ежели онъ будетъ податливый, то приближусь къ Фельдмаршалу: въ нужномъ же случаѣ и по требованію его, и въ лагерь къ нему поѣду. По истинѣ сказать, въ мои лѣта и по моей дряхлости, будетъ сіе нѣсколько несносно и изнурительно, но что дѣлать, послужу покамѣстъ есть силы. Я есмь съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

вашъ, государь мой,

покорно-послушный слуга,

А. Обрѣсковъ.

Романъ. 13-го Мая 1774 года.

Berlin, ce 14 May 1771.

Monsieur,

J'ai été extrêmement flatté du billet, que vous m'avés fait l'honneur de m'écrire le 26 Avril. L'incluse pour monsieur votre frère est arrivée quelques jours après son départ de Berlin; mais comme il m'a dit qu'il alloit à Varsovie auprès de monsieur de Saldern, je n'ai pas manqué de la lui y envoier, l'aiant accompagné de quelques lignes de ma part et pour qu'elle lui parvienne d'autant plus sûrement je l'ai adressée á Dantzig, parce que la voie directe

d'ici à Varsovie n'est pas sûre à cause des confederés, qui pillent souvent les malles et endommagent les lettres.

Pendant le séjour, que monsieur votre frère a fait à Berlin, j'ai eû le bonheur de me lier d'amitié aves lui. Il m'a promis la sienne, et il vient de m'en donner une preuve par une lettre que j'ai reçue de lui. Il est fort aimable et a plus ici à tout le monde.

Quoi qu'il, paraine bien interessé de ma part, qu'à la prémière lettre, que j'ai l'honneur de vous écrire, j'ose vous importuner par rapport à moi même: je me flatte cependant, monsieur, que vous ne le prendrés pas en mauvaise part. Il y a près de ... ans, que je suis secretaire d'ambassade, et il y a beaucoup de mes confrères, qui n'ont pas servi vingt cinq ans dans la carrière ministeriele, comme moi et qui ont été avancés depuis déjà plusieurs années, et je reste sans le moindre encouragement. Il est douleureux d'être oublié sur ses vieux jour. Je vous prie donc, monsieur, de dire un mot en ma faveur à m-r. le comte de Panin, pour que ce seigneur daigne se souvenir de moi à la première promotion, en me faisant avancer au grade de conseiller d'ambassade. On m'a dit tant de bien de votre façon de penser et de vos sentimens, que je ne doute point que vous ne soyés disposé à contribuer à rendre mon sort plus gracieux et moins infortuné. Ma reconnoissance sera aussi eternelle qu'est parfaite et très distinguée la considération, avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

monsieur,

votre très humble et très obéissant serviteur,

Maltzow.

Я сію минуту ѣду въ деревню. Москва n'est pas un sejour très sure pour les habitants, qui ne veulent pas encore avec tous les domestiques sortir de ce monde, le mal s'augmente de jour en jour peu a peu. — Въ моемъ домѣ нѣтъ еще ни кошки больной, ибо я всѣ способы употребляю очищать воздухъ и удалять гнилость; но въ народѣ болѣзнь, или иначе смерть, ne connoit pas la raillerie. Вручите письмо его сіятельству П. Ивановичу, и напоминайте ему о милостивомъ отвѣтѣ. Сіе письмо, ради меня,

есть крайне нужное. Montrés moi de nouveau votre amitié. Adieu.

Вашего высокородія,
милостиваго государя,
покорный и вѣрный слуга,
А. Сумароковъ.

P. S. Исполните мое прошеніе.

Москва 8-го Августа 1771 года.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Письмо вашего высокоблагородія, отъ 9-го числа прошедшаго Ноября, купно съ приложеннымъ притомъ векселемъ на сто рублей, я исправно получилъ, и не премину оныя деньги, по желанію вашему, употреблять на исправленіе нуждъ свойственника вашего Ивана Оедоровича Мамонова, который теперь здѣсь продолжаетъ инженерную и артиллерійскую науки, дабы сдѣлаться способнымъ къ назначенному для него званію.

Причемъ не могу обойтись, дабы вамъ не упомянуть, колико нужнымъ почитаю ваше особливое сему молодому человѣку напоминовеніе, чтобъ онъ въ своихъ расходахъ лучшую, противу прежняго, экономію наблюдалъ: ибо онъ не точію всѣ курьерскія деньги помѣсячно уже издержалъ, но изъ вышеписанныхъ переведенныхъ отъ васъ денегъ, теперь, за уплатою долговъ, едва только двадцать рублей оставилъ.

Правда, онъ мнѣ то самъ обѣщалъ, и я не оставлю, въ разсужденіи вашего объ немъ учавствованія, сколько можно, къ тому способствовать, однако ваше свойственническое поощреніе еще больше силы преполастъ, и я ласкаюсь, что вы мое о семъ упоминаніе примите истиннымъ знакомъ моего ему доброжелательства, вслѣдствіе того отличнаго почтенія, съ которымъ навсегда пребуду,

вашего высокоблагородія,
государя моего,
покорный слуга
Г. Иванъ Остерманъ.

Изъ Стокгольма. Декабря 9-го дня 1771 года.

Мемель. 25-го Ноября . . . . года.

Хотя мы, дорогой Денисъ Ивановичъ, уже девять недѣль въ дорогѣ, но еще не на своей землѣ, и пріятнаго природнаго воздуху не глотаемъ; чему дурныя дороги, упрямство почтальоновъ и худой кормъ почтовыхъ лошадей—главною причиною. Сіи *два рода скотовъ* отмѣнно въ Бранденбургѣ и Пруссіи скучны, но теперь пора объ нихъ не думать. Буду упражняться радостнымъ воображеніемъ, любезнымъ съ родными и друзьями свиданіемъ. Прошу сказать дядюшкѣ Никитѣ Ивановичу, что онъ первый изъ сихъ для меня, и что для спокойствія моего, безделицы не достаетъ: домъ проданъ, другаго нѣтъ: люди въ Москвѣ, и не знаю, дозволятъ ли имъ въ Петербургъ пріѣхать: экипажа и ничего нужнаго для дому и жизни не бываю; у насъ же пристойныхъ трактировъ не завелось, а то бы (хотя новое позорище представила въ столицѣ ея величества Двора ея штатсъ-дама, а притомъ, Русская уроженка, въ трактирѣ домкомъ живущая!) по дорожной привычкѣ, въ трактиръ въѣхала. Теперь же, въ подражаніе ея подвластныхъ, кочующихъ народовъ, и за неимѣніемъ палатокъ, остается въ каретѣ на улицѣ жить! Я въ Ригѣ или Нарѣ буду ожидать вашего отвѣта. Попросите отъ меня дядюшку, чтобъ онъ въ семъ случаѣ мнѣ милость сдѣлалъ, и помогъ. Если бы дорогой Петръ Ивановичъ въ Петербургѣ былъ, то бы я безпечна была, а теперь хоть не унываю, но признаюсь, что не восхищаюсь отъ радости о сей пріятной перспективѣ, и что послѣ двухлѣтняго тасканія по дорогамъ, и возвратясь домой, не безъумѣренно желать уголъ, и имѣть въ немъ нужную прислугу. Пожалуй, батюшка, не забудь о семъ дядюшкѣ напоминать. У меня никого въ вашемъ городѣ нѣтъ, кому бы дать коммиссію, и если что лучшее въ семъ случаѣ для меня сдѣлать можно, это то, что прислать, за шестьдесятъ верстъ, или менѣе, кого-нибудь изъ вашихъ колежскихъ мнѣ на встрѣчу, съ коими бы также и отъ графа Миниха выхоя повелѣніе, чтобъ меня на дорогѣ не останавливали, прислать, и меня увѣдомить, куда мнѣ въѣзжать изъ Риги, а лучше и вѣрнѣе вамъ могу сказать, когда я въ Ямбургъ пріѣду. Между тѣмъ, я на дружбу вашу и

почтеніе надѣясь, сколько-нибудь спокойнѣе до него доѣду; въ знакъ же моей благодарности, я тѣмъ начну, что окончу сію долгую и скучную эпистолу, сказавъ очень искренне, что я вамъ всякаго добра желаю, и что я навсегда пребуду

вамъ, государю моему,

покорная услужница

К. К. Дашкова.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Письмо ваше, отъ 31-го Января, я къ особливому своему удовольствію, получить честь имѣлъ. За исходатайствованіе же мнѣ отъ его сіятельства, графа Никиты Ивановича, позволенія, чтобъ остаться здѣсь долѣе, для исправленія моихъ домашнихъ нуждъ, приношу вамъ, государь мой, нижайшее и чувствительнѣйшее мое благодареніе. Рекомендуя себя продолженію вашей ко мнѣ дружбы, честь имѣю пребывать съ отмѣннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

вашъ, милостивый государь мой,

нижайшій и покорнѣйшій слуга,

Павелъ Левашевъ.

Въ Москвѣ, Февраля 11-го дня 1773 года.

P. S. Вѣдая, сколько вамъ пріятно слышать, что вся фамилія ваша здѣсь въ добромъ здравіи находится, также и то, что его сіятельство, графъ Петръ Ивановичъ, нынѣ начинаетъ чувствовать большое облегченіе отъ своей подагры, и уже нѣсколько дней, что съ постели вставать началъ, — о чемъ я вамъ, чрезъ сіе, нарочно и сообщить не преминулъ.

У насъ здѣсь пожаръ не рѣдки, и третьяго дня у главной здѣшней аптеки весь верхъ сгорѣлъ; однакожъ, какъ сказываютъ, что причиненный тѣмъ вредъ не чрезвычайно великъ. Въ самое то время, какъ оная аптека горѣла, то есть въ самую полночь, былъ здѣсь, въ сосѣдствѣ у меня, въ Воронцовомъ домѣ маскарадъ, и нѣкто, пришедъ туда, сказалъ имъ,

что оный домъ горитъ! Отъ чего многіе не только безмѣрно перепугались, но и бѣжавши вонъ изъ покоевъ, другъ друга давили; но я благодарю Бога, что тамъ не былъ, и такого печальнаго зрѣлища самъ не видалъ, а только что слышалъ отъ тѣхъ, которые тамъ были и насилу свои бока отъ толчковъ спасли! Вчера былъ день заговенія, которымъ всѣ здѣшнія веселости кончились. Присемъ я одно примѣтить могъ, что хотя въ послѣдніе дни масляницы и весьма много народу было на улицахъ какъ пѣшихъ, такъ и въ саняхъ катающихся, однакожъ не видалъ я ни толикаго пьянства въ народѣ, ни дракъ, какъ то на предъ—сего здѣсь въ таковые дни случалось.

Стокгольмъ Іюня 3-го дня 1771 года

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Настоящіе мои суеты и недосуги, по случаю воспослѣдовавшаго вчера отворенія здѣшняго сейма, а не иное что причиною тому, что до сихъ поръ умедлилъ моимъ должнымъ благодареніемъ за дружеское вашего высокоблагородія, письмо, которымъ 10-го числа Мая, при отправленіи сюда Ивана Оедоровича Мамонова, меня почтить соизволили. Извольте, милостивый другъ мой, быть увѣрены, что всячески буду стараться въ самомъ дѣйствіи заслужить себѣ продолженіе вашей дружеской довѣренности, бдѣнiемъ попеченіемъ о благополучіи Ивана Оедоровича: а напротивъ того, покорно прошу ваше высокоблагородіе пожаловать удостоить своего милостиваго покровительства подателя сего, господина Витаруга, консула нашего въ Бордо. Онъ просилъ меня, чтобъ вашимъ дружескимъ предстательствомъ доставить ему доступъ къ его сіятельству, нашему общему милостивцу, графу Никитѣ Ивановичу, и исходатайствовать его высокое покровительство, на нѣкоторыя, для пользы и распространенія нашего во Франціи торга, предложенія: особливо же онъ хочетъ доставить тамъ *поташъ* на наше желѣзо.

Всякое оказуемое оному консулу благодѣяніе, не инако,

какъ усугубить то извѣстное почтеніе и дружескую преданность, съ коими неотмѣнно пребываю,

вашего высокоблагородія,
милостиваго государя моего,
всепокорный слуга
А. Стахіевъ.

Въ Стокгольмѣ, Сентября 16-го дня 1771 года.

Милостивый мой другъ Денисъ Ивановичъ.

Канцеляріи Совѣтникъ, господинъ Сакенъ, прежде своего въ чужіе краи отъѣзда, предъявя мнѣ, что отправленныя тогда отъ меня вафельныя формы, для его императорскаго высочества, государя цесаревича, не таковы были, какъ желалось, и потому приказалъ, чтобъ постарался я достать другія полированныя; почему я и заказалъ оныя на лучшемъ здѣшнемъ заводѣ, но по несчастію не прежде, какъ на сихъ дняхъ получилъ, и пользуясь возвращеніемъ отсюда въ С.-Петербургъ нашего торговаго гальота, именуемаго Св. Іерусалимъ, въ прошлую субботу, двѣ такія вафельныя формы отправилъ съ шкиперомъ Оомою Михайловымъ, въ одномъ ящикѣ, подъ адресомъ его сіятельства графа Никиты Ивановича. О чемъ, чрезъ сіе покорно прошу ваше высокоблагородіе пожаловать, при поднесеніи моего наиглубочайшаго *респекта* его высокографскому сіятельству, доложить, и по благополучномъ прибытіи въ С.-Петербургъ, постараться оный ящикъ изъ таможни выручить и его высокографскому сіятельству доставить. Я сердечно сожалѣю, что и оныя формы не многимъ получше прежнихъ, хотя я ничего не щадилъ, чтобъ онѣ совершенно по желанію сдѣланы были.

Иванъ Осдоровичъ, слава Богу, здоровъ, и поносить вамъ свое почтеніе; а я неотмѣнно съ искреннею преданностію пребываю,

вашего высокоблагородія,
всепокорный слуга,
А. Стахіевъ.

Изъ Стокгольма, Апрѣля 26-го дня 1773 года.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

При поднесеніи должнаго благодаренія, за дружеское вашего высокоблагородія послѣднее письмо, отъ 28-го числа прошедшаго Марта, не могу предъ вами, яко ближнимъ свойственникомъ его высокородія Николая Оедоровича Дурасова, въ молчаніи оставить несправедливое его на меня нападеніе и напрасное обнесеніе, якобы я причиною былъ заблужденія находящагося здѣсь сына его Александра Николаевича. Моя въ томъ невинность будучи совершенно извѣстна; я сожалѣю точію, что Николай Оедоровичъ, можетъ быть, легко повѣрилъ паговорамъ моихъ непріятелей. Я могу, по совѣсти сказать, что Александръ Николаевичъ отъ меня никогда иныхъ совѣтовъ не слыхалъ, какъ такіе, которые я моимъ кровнымъ дѣтямъ и предъ всѣмъ свѣтомъ давать готовъ: но видя, что оные ему непріятны, я уже болѣе года на его непорядочное поведеніе издали, съ сожалѣніемъ смотрю, и не вижусь съ нимъ инако, какъ въ канцеляріи, наиначе съ той поры, какъ его сіятельство, графъ Иванъ Андреевичъ, первыя отъ его родителя на него жалобы получилъ. Я изъ оныхъ примѣтилъ намекаемый на меня подыскъ. Александръ Николаевичъ, съ самаго своего сюда пріѣзда, весьма рѣдко въ домъ мой жаловалъ, а съ нѣкотораго времени и совсѣмъ отъ того отсталъ. Теперь же я и самъ приглашать никогда не буду, для закрытія себя отъ дальнѣйшихъ нападковъ со стороны его родителя. Впрочемъ, я могу сослаться на свидѣтельство, какъ Ивана Оедоровича, такъ и Якова Аоанасьевича, что я Александру Николаевичу, въ безпутныхъ его поступкахъ, никогда не потакалъ, колико то по должности своей мнѣ прилично было, и если бы онъ моихъ благонамѣренныхъ совѣтовъ слушался, то бы, конечно, и у графа Ивана Андреевича, и у родителя своего въ любви былъ. Природное ваше правосудіе ласкаетъ меня надеждою, что вы, по дружбѣ своей ко мнѣ, Николая Оедоровича изъ своего предразсужденія выведете, чѣмъ меня премного обяжете, и усугубите во мнѣ сентименты со-

вершаго почтенія и преданности, съ коими навсегда пребываю.

Вашего высокоблагородія, покорнѣйшій слуга

А. Стахіевъ.

ПИСЬМА ФОНЪ-ВИЗИНА

КЪ

ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Принося нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 1-го Іюня, имѣю честь донести, что приложенное письмо къ графу Шелю, изъ Второй Арміи пересланное, отдалъ я ему вѣрно. Онъ и графиня препоручили мнѣ изъявить свое истинное почтеніе и благодарность, за увѣренія вашего сіятельства о вашемъ къ нимъ дружествѣ.

Приложенную присемъ реляцію Посла г. Сальдерна не могъ я ранѣе окончить, сколь ни велико было мое усердіе. Причиною тому, множество стекшихся вдругъ дѣлъ, касающихся до моей должности, препорученной мнѣ отъ моего милостиваго шефа. Изъ Петергофа, куда завтра отъѣзжаемъ, не премину я, милостивый государь, служить вашему сіятельству, обстоятельнѣйшимъ увѣдомленіемъ о дѣлахъ, достойныхъ любопытства вашего.

Реляція посла г. Сальдерна содержитъ въ себѣ все то, что̀ можетъ подать совершенную идею о настоящемъ положеніи Польскихъ дѣлъ. Мнѣ остается прибавить токмо то, о чемъ г. посолъ писалъ уже послѣ сей переведенной мною реляціи.

Въ Литвѣ Конфедераты умножаются, гетманъ графъ Огинскій сталъ въ подозрѣніи, но благоразумнымъ учрежденіемъ посла все оное смятеніе прекратится въ своемъ началѣ. Графъ Броницкій имѣлъ уже удачную стшбку съ Конфедератами.

Вслѣдствіе декларации, которой экземпляръ имѣлъ я честь послать къ вашему сіятельству, Его Польское Величество отправилъ знатную депутацію къ нашему послу, съ изъявленіемъ

благодарности своей за все содержаніе оной декларации. Король созвалъ потомъ знатнѣйшихъ особъ, для совѣтованія съ ними о успокоеніи Польши. Одинъ примасъ, человѣкъ всѣмъ бытіемъ своимъ Россіи одолженный, одинъ онъ явился неблагодарнымъ и нежелавшимъ блага своему отечеству, воспротивясь нашимъ видамъ о примиреніи Польши, и коварствуя самымъ безчестнымъ образомъ! Я думаю, однакожъ, что хитрости его уступятъ благоразумію, осторожности и силѣ г. Сальдерна.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою

пребуду, и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 18-го Іюня 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

На сихъ дняхъ, ея императорское величество опробовать изволила приложенное при семъ мнѣніе его сіятельства графа Никиты Ивановича. Оно подастъ вамъ, м. г., прямое свѣдѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ. Мнѣ остается только донести вамъ, что въ Крымъ назначенъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, и пожалованъ генералъ-порутчикомъ; а Г-нъ Веселицкій, назначенный резидовать министромъ отъ насъ въ Крыму, произведенъ въ статскіе совѣтники.

Графъ Сольмсъ сообщилъ здѣшнему Двору королевскую ценну, съ которой переводъ мой приложить здѣсь честь имѣю. Я почелъ бы за особливое счастіе узнать о ея содержаніи мнѣніе вашего сіятельства.

Для любопытства вашего, прилагаю здѣсь копіи съ рескриптовъ къ графу Петру Алекс. и къ гр. Гр. Г.: также и послѣднюю реляцію к. Вас. Михайловича.

Александръ Ильичъ не принялъ еще команды отъ г. Веймарна, но, чаятельно, скоро вступитъ въ дѣло званія своего: ибо г. Веймарнъ здѣсь уже ожидается. Посолъ нашъ весьма жалуется на худую дисциплину находящихся въ Польшѣ войскъ.

Недавно при атакѣ мѣстечка Тинникъ, близъ Кракова, наша пѣхота легла на землю и не пошла къ своей должности. На будущей почтѣ, какъ о семъ, такъ и о прочихъ Польскихъ дѣлахъ, не премину донести обстоятельно.

Препоручая себя въ непремѣнную милость вашу, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 1-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Третьяго дня прибылъ сюда генералъ-маіоръ Ступишинъ, съ извѣстіемъ, о продолженіи успѣховъ оружія нашего. Я имѣю честь приложить здѣсь и копію съ реляцій, имъ привезенныхъ, и печатные листочки, коими публикѣ объявлено о сихъ радостныхъ происшествіяхъ. Слѣдующія здѣсь въ переводѣ два письма, съ приложеніемъ отъ князя Дмитрія Михайловича, суть тѣ важныя піесы, которыя мною обѣщаны вашему сіятельству, и которыя доказываютъ, что Вѣнскій Дворъ, хотя въ существѣ сохраняетъ къ намъ свое недоброжелательство, но, по крайней мѣрѣ, перемѣняетъ свой гордый тонъ на ласковое преклоненіе насъ къ тѣмъ мирнымъ кондиціямъ, кои онъ намъ предписать желаетъ.

Отвѣтъ нашъ Прусскому королю еще не изготовленъ. Ваше сіятельство, конечно, оный получить отъ меня изволите, какъ скоро только тѣмъ вамъ услужить найдусь я въ состояніи.

За милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го сего мѣсяца, приношу нижайшее благодареніе. Господинъ Боуръ нашелся *дюпомъ* графа Петра Александровича. Вы, милостивый государь, изволили, можетъ быть, примѣтить, что онъ посылаемъ былъ осмотрѣть противный берегъ, и что онъ нашелъ на немъ неудобства. Видно, что послѣ сего отвѣта, графъ Петръ Александровичъ не открылъ ему своего расположенія, и отправя его отъ

себя, не ему, но господину Веймарну пріуготовилъ почесть побѣдителя. Господинъ Боуръ сюда еще не бывалъ, но, заѣхавъ въ пожалованныя ему прошлаго года деревни, живетъ еще тамо. Я увѣренъ, что его сіятельство, графъ Никита Ивановичъ, въ первомъ письмѣ своемъ къ вамъ, милостивый государь, напишетъ объ ономъ пространнѣе. Теперь же молчаніе его происходитъ отъ извѣстныхъ вамъ причинъ. Непрестанные труды по званію его въ толь критическихъ обстоятельствахъ Отечества, возведшаго его на толь высокую степень, составляютъ теперь всеминутное его упражненіе.

Въ С.-Петербургѣ, 11-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Я за должность почитаю начать письмо мое увѣдомленіемъ вашего сіятельства, о здравіи его императорскаго высочества. Оно ежечасно идетъ къ своему совершенству, и самая слабость проходитъ очевидно.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 4-го сего мѣсяца, не могу я имѣть счастія исполнить теперь вашу волю моими по дѣламъ дополненіями. Какъ сему, такъ и продолжавшемуся нѣсколько времени моему молчанію, причиною стала лихорадка, отъ которой я сегодня въ первый разъ всталъ съ постели. Скоро надѣюсь придти въ состояніе служить вамъ, милостивый государь, довольно важными сообщеніями.

Вручителя сего, моего брата, имѣю счастіе препоручить въ милость вашего сіятельства, и быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

21-го Ноября 1771

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

По принесеніи нижайшаго моего благодаренія, за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 21-го сего мѣсяца, позвольте изъявить мнѣ сердечное сожалѣніе о болѣзни вашей. Боже дай, чтобы вы хотя здоровье имѣли отрадою въ настоящей скукѣ вашей. Я не могу никакимъ образомъ успѣть что-либо сообщить на сей почтѣ вамъ, милостивый государь, кромѣ обстоятельной реляціи графа Петра Александровича. Стеченіе множества дѣлъ въ канцеляріи его сіятельства графа, братца вашего, лишаетъ меня счастія служить вамъ пересылкою другихъ пьесъ. Я надѣюсь, что вы, милостивый государь, удостовѣрены будучи о сей истинѣ, краткость письма моего извинить изволите.

С.-Петербургъ, 29-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Петръ Ивановичъ!

За краткостію времени, нахожу себя принужденнымъ отложить отправленіе нѣкоторыхъ вниманія достойныхъ піесъ къ вашему сіятельству до завтрашняго дня, а теперь имѣю честь препроводить здѣсь письмо его сіятельства графа, братца вашего, и объяснить вамъ, милостивый государь, что упоминаемая въ ономъ табакерка для графини Маріи Родіоновны есть та самая, которую вы получить уже изволили, предъ симъ за одну почту.

Предоставляя себѣ счастіе, при завтрашней экспедиціи, отвѣтствовать на послѣднее письмо, коимъ ваше сіятельство, меня удостоили, имѣю честь включить здѣсь въ копіяхъ реляцію графа Петра Александровича. Впрочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 3-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Въ исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ вамъ, милостивый государь, два рескрипта о перемиріи; одинъ къ графу Петру Александровичу, а другой, къ графу Алексѣю Григорьевичу. Сверхъ того, копіи съ реляцій князя В. М. здѣсь включаю.

Милостивое письмо вашего сіятельства, изъявляющее, при обновленіи года, желаніе ваше о моемъ благосостояніи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ долженъ вашему покровительству. Вѣрьте, милостивый государь, что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы не пожелалъ я доказать вашему сіятельству истинную мою благодарность и сердечное усердіе къ особѣ вашей.

Разсужденіе вашего сіятельства о толкованіяхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я его сіятельству графу, братцу вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, а для того, осмѣлюсь и здѣсь сказать оное. Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ: оно одно безпристрастно судить можетъ; ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ судимымъ. Достойный человѣкъ не долженъ огорчаться тѣмъ, что льстецы, при немъ отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы, сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику, но она, рано или поздно, отдастъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клевету отъ самой истины. Впрочемъ, милостивый государь, извольте повѣрить, что нашъ . . . . . столь открытъ, что никто, конечно, въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи спасеніе и миръ. О г. Ассебургѣ спрашивалъ я нарочно его сіятельство графа, братца вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего министра, а принятъ онъ въ службу, какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

4-го Января 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Прошедшую почту пропустилъ я за нестерпимою головною болѣзнію. Она хотя и всегда меня мучила, однако нынѣ примѣчаю, что сила ея становится часъ отъ часу нестерпимѣе. Сколь жестоко ею стражду, столь много и жалѣю, что иногда она не допускаетъ меня до сердечнаго моего удовольствія, писать къ вашему сіятельству.

Повелѣніе ваше, милостивый государь, о доставленіи к. К. Романовнѣ письма вашего, исполнилъ я тотъ же часъ, получа его при милостивомъ письмѣ вашего сіятельства, отъ 29-го Декабря.

На сей часъ, имѣю честь приложить токмо здѣсь копію съ письма, при которомъ препровожденъ былъ извѣстный рескриптъ *о перемиріи*.

Изъ Берлина получено извѣстіе (за достовѣрность котораго однакоже ручаться нельзя), что князь Кауницъ вналъ въ немилость. Если сіе правда, какой великой оборотъ возьмутъ дѣла въ Европѣ! Несчастіе Кауницово несравненно намъ полезнѣе ссылки Шуазелевой.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 10-го Января 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Получа милостивое письмо вашего сіятельства, отъ . . . сего мѣсяца, приношу за него нижайшее благодареніе. Я читалъ оное его сіятельству, братцу вашему, и онъ ко всѣмъ разсужденіямъ вашимъ о реляціяхъ князя В. М. ничего больше не прибавилъ, кромѣ сожалѣнія своего, что дѣла испорчены невѣжествомъ. Я истинно думаю, что онъ или не читаетъ, или, что еще хуже, не понимаетъ того, что къ нему пишутъ, и что до него къ вашему сіятельству писано было. Здѣсь имѣю честь

приложить реляціи изъ Второй же Арміи. Включенный тутъ рапортъ г. Веселицкаго доказываетъ, что и онъ не много сдѣлать можетъ, и что Евдокиму Алексѣевичу пора уже къ нимъ ѣхать.

Полученныя реляціи изъ Первой Арміи, отъ Александра Ильича и отъ генералъ-маіора Шипова, слѣдуютъ здѣсь къ прочтенію вашего сіятельства.

По мирному дѣлу, ничего новаго нѣтъ, кромѣ прилагаемаго здѣсь письма изъ Вѣны, отъ князя Д. М. Оно если ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключаетъ, то по крайней мѣрѣ, доказываетъ, что извѣстіе о несчастіи Куанцовомъ со всѣмъ несправедливо.

На сихъ дняхъ, отправленъ былъ маленькій рескрипт къ князю В. М. съ тѣмъ, что ему пріѣхать сюда не позволяется.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

18-го Января 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Съ сердечною благодарностію, имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 12-го Января. Откровенность, съ которою вы изъясняться со мною изволите, по содержанію онаго, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій. Правда, милостивый государь, что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другимъ, но если льстецъ и предастъ иногда потомству славу, то нельзя же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не распознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько же древнихъ историковъ, а особливо стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или во лести или во злобѣ, для того, первое стараніе читателя исторіи и со-

стоитъ въ томъ, чтобъ тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна-ли вѣры его исторія. Одинъ добрый и справедливый историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей, которые конечно, безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда-то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ, и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна выплыветъ на верхъ.

Здѣсь имѣю честь приложить письмо, достойное любопытства вашего, нижайше прося сообщить мнѣ ваше о томъ мнѣніе, для увѣдомленія онымъ его сіятельства графа, братца вашего. Включенная здѣсь другая піеса содержитъ описаніе о Камчатскомъ дѣлѣ, оттуда нынѣ полученное.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го Января 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Пользуясь отправленіемъ нынѣшней *стафеты*, имѣю честь послать къ вашему сіятельству реляціи изъ Первой Арміи и изъ Польши. Теперь, милостивый государь, упражняюсь я въ переводѣ съ полученнаго на сихъ дняхъ отвѣта изъ Берлина, на извѣстный нашъ *контра-проэктъ*. Надѣюсь изготовить сіе отправленіе къ будущей почтѣ, и ласкаю себя, что оное принято будетъ отъ вашего сіятельства новымъ знакомъ безпредѣльнаго моего къ вамъ усердія, съ коимъ, равно какъ и съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, во всю жизнь мою пребуду.

22-го Января 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Новое и великое явленіе открылось для Даніи, сего мѣсяца 6-го дня. Королева, фаворитъ ея Струензе, и множество другихъ особъ, арестованы. Она отвезена въ Кроненбергскую крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся, подъ строжайшимъ карауломъ; а какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для вашего сіятельства, включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, графа Местмахера. Къ опому остается прибавить только то, что на Графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надѣтъ орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струензе нашли 800,000 а у графа Бранта 300,000 Датскихъ талеровъ, или нашихъ рублей.

Можно сказать, милостивый государь, что исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько великихъ перемѣнъ! Сколько страшныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ!

Надѣясь сдѣлать угодное любопытству вашего сіятельства, имѣю честь приложить здѣсь переводъ, напечатанный съ нѣкоторой новой Французской піесы. Оную приписываютъ Вольтеру, а переводилъ Бергъ—Коллегіи судья Беклемишевъ, котораго я со всѣмъ не знаю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 26-го Января 1772

P. S. Здѣшній генералъ-полиціймейстеръ получилъ отъ брата своего партикулярное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что въ Камчаткѣ былъ бунтъ. Сыллошные люди возмутились, убили воеводу, ограбили городъ, учинили новую присягу Ея Высочеству, и сѣвъ на лодки, поплыли въ Америку, будто завоевывать ее великому князю. Для усмиренія сихъ глупыхъ мятежниковъ, отправленъ былъ секретно курьеръ въ Прилуцкъ, къ господину Брилю съ рескриптомъ, коего копія здѣсь прилагается.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Пребывающій здѣсь Прусскій министръ получилъ отъ короля, своего государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь, въ переводѣ, приложить честь имѣю. Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію; но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не чаю, чтобъ нашъ дворъ согласился бросить предпріятое толь твердо намѣреніе, въ разсужденіе Татарской независимости. По крайней мѣрѣ, до сего часа не взираемъ мы ни на совѣты Вѣнскаго Двора, ни на упорство явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на Австрійцевъ полагаетъ. Правда, милостивый государь, что по всему суди, кажется пельзя миновать новой войны: ибо, съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что Вѣнскій Дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ Турками примиренію, а съ другой стороны, видимъ, что Король Прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны намъ тягостно, но не легко будетъ и Цесарцамъ, когда *друзи наши* съ ними раздѣливаться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Надѣясь, что извѣстія объ оныхъ вашему сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ вамъ, милостивый государь, копіи со всѣхъ Датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ. Вслѣдствіе чего, имѣю честь включить здѣсь два письма изъ Копенгагена и одно отвѣтное отсюда.

Здѣсь слѣдуетъ полученная на сихъ дняхъ реляція изъ Второй Арміи.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 23-го сего мѣсяца, пребываю въ прочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С-Петербургѣ 31 Января 1772

Приложенія къ письмамъ Фонъ-Визина.

A.

Переводъ Королевскаго письма, писаннаго къ Его Британскому Величеству, изъ Христіанбурга, отъ 17-го Января 1772.

Государь мой, Братъ и Шуринъ!

Какъ я, по необходимымъ и важнѣйшимъ причинамъ, касающимся до блаженства собственнаго моего и областей моихъ, доведенъ до горестной, но неизбѣжной надобности, удалить отъ Двора и персоны моей королеву, супругу мою, а вашего величества сестру; то не хотѣлъ ни мало умедлить увѣдомленіемъ васъ о семъ поступкѣ, съ такимъ, однакожъ, увѣреніемъ, что сіе отнюдь не нарушитъ дружбы и добраго согласія, пребывавшаго счастливо между обоими королевскими домами, столь тѣсно соединенными родствомъ и общимъ нашихъ коронъ интересомъ. Неудовольствіе мое, въ разсужденіи королевы, супруги моей, какъ бы справедливо ни было, она однакожъ трактована будетъ со всѣми ея породѣ приличествующими уваженіями, о чемъ и прошу ваше величество быть увѣренными, равно какъ и о тѣхъ сентиментахъ, съ коими навсегда пребуду.

B.

Переводъ Королевскаго письма, писаннаго къ Ея Королевскому Высочеству, вдовствующей Принцессѣ Гальской, изъ Христіанбурга, отъ 17-го Января 1772.

Государыня моя, Сестра и Тёща!

Какъ я поведеніемъ королевы, супруги моей, а вашего королевскаго высочества дочери, доведенъ до горестной необходимости удалить ее отъ Двора и персоны моей, то не могу пре-

минуть, чтобъ не извѣстить о томъ и ваше королевское высочество, съ такимъ увѣреніемъ, что не въ моей власти было поступить иначе, и что королева хотя отъ меня и удалена, но трактована будетъ со всѣми уваженіями, приличествующими ея роду.

Въ прочемъ, государыня, прошу васъ вѣрить, что я есмь съ искреннѣйшими сентиментами почтенія и дружбы.

С.

Переводъ письма отъ его сіятельства графа Остена, писаннаго къ господину Кейту, Его Британскаго Величества чрезвычайному посланнику, при Датскомъ Королѣ находящемуся, въ Копенгагенъ, отъ 7-го Февраля 1772.

Въ отвѣтъ на дружеское мнѣ изъясненіе, о состояніи королевы, о прискорбности о томъ вашего Двора и объ утѣшеніи, кое Его Британское Величество имѣлъ бы тогда, если дружеское и конфидентное сообщеніе, обо всемъ до сего дѣла касающемся, предшествовало рѣшенію онаго, имѣю честь васъ, государя моего, увѣрить, что намѣреніе королевское было всегда и еще есть непремѣнно предъявить Его Британскому Величеству всѣ происшедшія обстоятельства, и сообщить подробно все къ тому относительное, съ тою довѣренностію, которую счастливый союзъ и ближнее свойство издавна установили между обоими королевскими домами, коль скоро обстоятельства ему оное дозволять и то сообщеніе учинять возможнымъ; но сей моментъ не пришелъ, и придти еще не долженъ. Король весьма, по своему правосудію, не снѣдимъ дѣломъ, толь близко его трогающимъ, и о которомъ его величество и весь Домъ его безъ огорченія не помышляютъ.

Медленность Королевская въ рѣшеніи, должна подкрѣпить и убѣдить вашъ Дворъ въ томъ, что его величество не поступаетъ и никогда не поступитъ съ горячностію ниже по стремленію страстей; но что старается онъ токмо согласить

нѣжность сердца своего и сожалѣніе съ безопасностію своей персоны, честію короны, королевскаго дома и блаженствомъ своихъ подданныхъ.

Мнѣ не надлежитъ, государь мой, подробнѣе объяснять вамъ дѣло персонально и столь чувствительно трогающее нашихъ государей; я думаю, что таковые два государя, каковы наши, соединенные родствомъ, знакомствомъ и персональною дружбою, не имѣютъ нужды посредствомъ своихъ министровъ объясняться и соглашаться о томъ, что̀ касается до ихъ особъ и фамилій. Думаю, что я самъ преступилъ бы долгъ и почтеніе, ихъ величествамъ должное, еслибъ осмѣлился о дѣлѣ толикой нѣжности хотя одно слово сказать, кое неточно бы мнѣ повелѣно было.

D.

Переводъ съ письма Его Величества Короля Великобританскаго къ Датскому Королю, изъ Сентъ-Жемса, отъ 29-го Января 1772.

Государь мой, братъ. Съ наивеличайшими соболѣзнованіями получилъ я сего утра письмо вашего величества, отъ 17-го числа сего мѣсяца, которымъ ваше величество увѣдомляете меня о томъ, что сильнѣйшія и важнѣйшія причины привели васъ въ печальную, но конечную необходимость, удалить отъ своего двора королеву, мою сестру, супругу вашего величества, и я не хотѣлъ ни минуты умедлить, что не сообщить вамъ объ оскорбленіи, причиненномъ мнѣ симъ поступкомъ. Союзы родства между нашими королевскими дворами и непоколебимая дружба, столь долголѣтно между нашими коронами пребывающая, подаютъ мнѣ надежду о продолженіи добраго и счастливаго согласія, царствующаго между нашими обоими Королевствами, а увѣренія вашего величества, о которыхъ я не сомнѣваюсь нимало, что королева, супруга ваша, будетъ содержана со всѣми уваженіями, приличными ея роду, суть мнѣ въ

томъ залогами. И я прошу ваше величество быть увѣрену о совершенной моей взаимности, въ разсужденіи сихъ сентиментовъ.

E.

Копія съ письма Ея Королевскаго Высочества, вдовствующей Принцессы Гальской, къ Королю Датскому, изъ Карльтонъ-Гоуса, отъ 29-го Января 1774.

Государь мой, Братъ!

Ваше величество не можете удивиться объ огорченіи, письмомъ вашимъ мнѣ приключенномъ; но обнадеживаніе ваше, что королева, дочь моя, трактована будетъ съ должнымъ достоинству и роду ея почтеніемъ, нѣсколько меня утѣшаетъ. Пребываю и проч.

F.

Переводъ съ диктованія Г-на Кейта Его Сіятельству, графу Остену.

Дружеское и полное сообщеніе между обоими государями о всемъ томъ, что можетъ касаться до будущаго и настоящаго положенія Датской королевы, начнется, какъ скоро возможно будетъ, дабы ихъ величества, разбирая и сравнивая взаимно свои виды и свои сентименты, могли миновать всякое затрудненіе и согласиться совершенно по дѣлу, оба королевскіе дома обще интересующему. Сей артикулъ, заключаетъ въ себѣ точную кондицію, чтобъ отвѣтъ Его Британскаго Величества на каждое сообщеніе или изъясненіе со стороны Его Датскаго Величества, былъ полученъ и разсмотрѣнъ прежде, нежели какое-нибудь рѣшеніе учинено будетъ.

G.

Нижеподписавшійся, чрезвычайный посланникъ Его Великобританскаго Величества, отправилъ на прошедшей недѣлѣ курьера съ предложеніемъ, учиненнымъ Его Британскому Величеству отъ Его Датскаго Величества, о трактованіи отъ государя къ государю, образомъ равномѣрно откровеннымъ и дружескимъ о всемъ томъ, что касается до нынѣшняго и будущаго состоянія Ея Величества Королевы Датской, дабы оба монарха, соединенные союзомъ крови, знакомства и персональнаго дружества, могли, разсматривая и сравнивая взаимнымъ образомъ свои виды и свои сентименты, могли согласиться совершенно по дѣлу, въ коемъ оба королевскіе дома имѣютъ общій интересъ.

Во время необходимаго ожиданія отвѣта отъ Его Великобританскаго Величества на сіе предложеніе, рѣченный посланникъ, вслѣдствіе повелѣній своего двора находится принужденнымъ настоять, чтобъ сообщеніе о всемъ, касающемся до сей важной матеріи и до намѣреній Его Датскаго Величества, для переду было ему здѣсь учинено, какъ скоро возможно, и чтобъ въ ожиданіи сего сообщенія и дальнѣйшихъ изъясненій, съ обѣихъ сторонъ не сдѣлано было никакого поступка, ни преждевременнаго рѣшенія, которое сопротивлялось бы, или предосудительно было неопровергаемымъ правамъ Его Великобританскаго Величества, содѣйствовать въ дѣлѣ, касающемся столь близко до чести его королевскаго дома и его короны, и писывать, согласно съ Его Датскимъ Величествомъ, способы окончить его совершенно, такимъ образомъ, чтобы тѣмъ удержать доброе и счастливое согласіе, пребывающее столь давно между обоими монархами и ихъ государствами.

Робертъ Муррей Кейтъ.

Въ Копенгагенѣ, 21-го Февраля 1772.

II.

Нижеподписавшійся, чрезвычайный посланникъ Его Великобританскаго Величества, повторяетъ здѣсь письменно точныя слова декларацiи, которую онъ имѣлъ уже честь сдѣлать ея величеству вдовствующей королевѣ на послѣдней своей аудiенцiи, и потомъ его сіятельству графу Остену, министру Иностранныхъ Дѣлъ Датскаго Двора.

Чрезвычайный посланникъ Его Великобританскаго Величества объявляетъ по нарочному указу своего Двора, что Его Великобританское Величество приялъ чувствительно прямыя и положительныя увѣренія, поданныя ему отъ Его Величества Короля Датскаго, повторяемыя многократно рѣченному посланнику отъ его министра Иностранныхъ Дѣлъ, что Его Великобританское Величество пріемлетъ сіи увѣренія за обѣщаніе, что Датская Королева будетъ трактована во всякое время съ почтеніемъ, должнымъ ея природѣ и ея достоинству, яко Датская Королева. Король полагается совершенно на исполненіе сего обѣщанія, во всемъ его пространствѣ.

Робертъ Муррей Кейтъ.

Въ Копенгагенѣ, 21-го Февраля 1772.

I.

Графъ Остенъ, министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Датскаго Величества, поднеся королю декларацію и меморіалъ господина Кейта, чрезвычайнаго посланника Его Великобританскаго Величества, имѣетъ честь, въ отвѣтъ, сказать сему послѣднему:

Что его величество, для избѣжанія всякой министерской декларацiи въ дѣлѣ, дотрогивающемся толь близко до чести его особы и королевскаго дома его, предпріялъ сообщить прямо Его Великобританскому Величеству съ тою довѣренностію, которую постановило счастливое соединеніе и родство между обоими королевскими дворами все то, что̀ есть относительно

до дѣла королевы: но его величество никогда не намѣревался, и не вознамѣрится, симъ дружескимъ сообщеніемъ предосуждать своимъ правамъ, кои ему принадлежатъ неопровергаемымъ образомъ, яко королю и супругу, ниже утѣсняться въ мѣрахъ, кои обстоятельства могутъ сдѣлать необходимо нужными.

Сей поступокъ короля, въ разсужденіи королевы, основанъ былъ, и будетъ, всегда на точнѣйшей справедливости и необходимости, кои честь и безопасность предписываютъ государямъ.

Что же принадлежитъ до декларації, которую какъ господинъ чрезвычайный посланникъ сказываетъ, сдѣлалъ онъ вдовствующей королевѣ, то нижеподписавшійся объ оной неизвѣстенъ, и думаетъ, что ея величество, не почитая себя, никакъ неуполномоченною къ учиненію и принятію какой либо министеріальной декларації, не можетъ почитать инако, какъ однимъ партикулярнымъ разговоромъ все то, что господинъ посланникъ ей говорилъ или будетъ говорить о дѣлахъ государственныхъ.

Сношеніе, котораго господинъ чрезвычайный посланникъ въ концѣ своего меморіала требуетъ, чтобъ ему было сдѣлано, противорѣчитъ побуждающей причинѣ, для которой сношеніе между обоими государями предвосприято было.

K.

I. Copie de la lettre du roi a sa majesté brit. d. d. Christiano, le 22 fevrier 1772.

Monsieur mon frère et beau-frère. J'ai reçu avec le plus sensible plaisir les assurances de l'amitié de votre majesté exprimées dans sa lettre du 29 du passé, que son ministre m'a remise dans une audience particulière.

La lettre que votre majesté a écrite en même temps à la reine, de même que celle de s. a. r-le la princesse de Galles lui ont d'abord été rendues. Sa majesté aurait voulu y répondre, mais quelque disposé que je sois à adoucir sa situation par toutes les

attentions, que les circonstances permettent, je n'ai pu dans ce moment me prêter à son désir, appréhendant avec raison, que dans ce moment d'agitation, elle ne cherchoit plus tôt à aigrir qu'à calmer ce qui m'auroit éloigné de mon but qui est et qui sera constamment d'entretenir et de cultiver l'amitié de votre majesté.

Je vous parle avec candeur et je suis persuadé que quelque forte que puisse être la tendresse fraternelle, elle ne tiendra pas dans le coeur juste et vertueux de votre majesté contre la voix de l'honneur, de la vérité et de la religion, quand votre majesté aura reçu les éclaircissements que je lui prépare et que je lui donnerai aussitôt qu'il me sera possible; elle reconnoitra que ce n'est pas moi, mais la reine seule qui a attiré sur nous ce chagrin domestique. Je ne sçaurais en visager autrement cet incident qui n'influera point sur mon système politique à l'égard de l'heureuse union qui a toujours subsisté entre nos royaumes, ni sur les sentiments de l'amitié tendre et sincère que j'ai voué à votre majesté. Ce sentiment est si fort qu'il ne sçauroit être comparé qu'à celui de la haute estime avec laquelle je suis, etc. etc.

II. Переводъ съ письма Короля Датскаго къ Его Величеству Королю Великобританскому отъ 22-го Февраля 1772.

Государь мой, братъ и шуринъ! Съ нанчувствительною радостію получилъ я вашего величества увѣренія о дружбѣ, изъявлены въ письмѣ вашемъ, отъ 29-го прошедшаго мѣсяца, которое министръ вашъ вручилъ мнѣ на особенной аудіенціи.

Письмо, писанное вашимъ величествомъ въ тоже время къ королевѣ, равно какъ и письмо ея королевскаго высочества принцессы Гальской, тотчасъ ей вручено было. Ея величество желала было на оное отвѣтствовать, но сколь ни склонень я къ умягченію ея состоянія, всѣми уваженіями, какія только обстоятельства дозволяютъ, не могу я, однакожъ, въ сей моментъ согласиться на ея желаніе, опасаясь не безъ причины, чтобъ въ сію минуту душевнаго колебанія, не захотѣла она больше раздражить, нежели успокоить, а сіе удалилобъ меня

отъ намѣренія моего, которое состоитъ, и непременно состоять будетъ, въ томъ, чтобъ содержать и соблюдать дружбу вашего величества.

Я говорю вамъ чистосердечно и остаюсь увѣренъ, чтобъ какова сильна ни была бы братская любовь, но она уступитъ въ справедливомъ и добродѣтельномъ сердцѣ вашего величества, гласу честности, истины и вѣры, когда ваше величество получите изъясненія, мною вамъ изготовляемыя, и которыя сообщу вамъ, какъ скоро возможно будетъ. Ваше Величество узнаете, что не я, но одна королева приключила намъ домашнюю печаль. Я не могу иначе взирать на сіе приключеніе, какъ въ томъ отношеніи, что оно не перемѣнитъ политическую мою систему, въ разсужденіи счастливаго союза, пребывающаго навсегда между нашими королевствами, ниже сентименты нѣжныя и чистосердечныя дружбы.

L.

I. Copie de la lettre du roi de la grande bretagne a s. m. la reine Caroline Mathilde d. d. Queans House, le 29 jan. 1772.

Dear Sister!

I cannot omit taking the first opportunity of expressing the sorrow I feel that your ennemies have so far incensed the King of Denmarck as to remove you from his presence. You can never doubt of having a warm advocate in me, whose advise if followed, might have preserved you from this misfortune. The King of Denmarck has in the strongest terms assured me that every kind of respect due to your rank and birth shall be shewn to you dear sister. Place your dependance on that allmighty Being that forsakoth not the distressed, the more you call on Him, the more the will give you fortitude. I shall be anxious to hear from you and ever remain

dear sister

your most affectionmate brother

George R.

Chère sœur!

Je ne puis me dispenser de saisir la première occasion à vous témoigner ma douleur de ce que vos ennemis ont excité le Roi de Danemark au point de vous éloigner de sa présence. Vous ne devez pas douter de trouver en moi un avocat très zêlé; mes avis s'ils avoient été suivis, auroient pu vous préserver de ce malheur. Le Roi de Danemarck m'a assuré dans les termes les plus forts, qu'on aura pour vous tout le respect dû à votre rang et à votre naissance. Chère sœur, mettez votre confiance dans cet Être tout puissant qui n'abandonne point les infortunés; plus vous L'invoquerez, plus Il vous donnera de force et de soutien. Je serai très inquiet pour avoir de vos nouvelles et ne cesserai d'être

chère sœur

votre très-affectionné frère

George R.

II. Переводъ съ письма Короля Великобританскаго къ Ея Величеству Каролинѣ Матильдѣ, изъ Кванзъ-Гузе, отъ 29-го Генваря 1772.

Любезная Сестра!

Я не могу пропустить перваго случая къ изъясненію вамъ моего огорченія о томъ, что непріятели ваши побудили Датскаго Короля удалить васъ отъ своего присутствія. Вы не должны сомнѣваться въ томъ, что найдете во мнѣ ревностнѣйшаго адвоката. Еслибы исполняемы были мои совѣты, то они могли бы предохранить васъ отъ сего несчастія. Король Датскій, въ напсильнѣйшихъ выраженіяхъ, увѣрилъ меня, что вамъ будетъ оказываемо всякое почтеніе, приличное рангу и роду вашему. Любезная сестра, возложи все свое упованіе на Всемогущее Существо, никогда не оставляющее несчастныхъ: чѣмъ болѣе молить Его будете, тѣмъ болѣе Онъ подастъ вамъ силы и подкрѣпленія! Я съ крайнею нетерпѣливостію ожидаю отъ васъ извѣстія, и непремѣнно пребуду, и проч.

M.

I. Copie de la lettre de S. A. R-le M-me la princesse de galles a S. M. la reine Caroline Mathilde, d. d. Carlston House le 29 jan. 1772.

Ma chère fille!

Vous pouvés juger ce qu'un cœur d'une tendre mère sent de sçavoir votre présente situation. Dieu vous fasse la grâce de veiller sur vous et vous donne la force de combattre vos ennemis.

Si vous avés la permission d'écrire donnés moi au plus tôt de vos nouvelles. Le Ciel vous conserve.

Etant votre affectionnée et affligée mère

Auguste.

II. Копія съ письма Ея Королевскаго Величества Принцессы Гальской, писаннаго къ Ея Королевскому Величеству Каролинѣ Матильдѣ, изъ Карлстона-Гузе, отъ 29-го Генваря 1722.

Любезная дочь!

Ты легко можешь себѣ вообразить, что́ сердце нѣжной матери чувствуетъ, вѣдая настоящія твои обстоятельства!....

Всевышній, да соблюдетъ тебя и да подастъ силы одолѣть тебѣ враговъ своихъ.

Если тебѣ писать дозволено, то увѣдомь меня о себѣ, какъ можно наскорѣе. Въ прочемъ, Богъ тебя да сохранитъ!

Доброжелательная и огорченная мать твоя,

Августа.

(Продолженіе писемъ Фонъ-Визина.)

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Господинъ Симолинъ въ путь отправился третьяго дня; а какое письмо отправлено съ нимъ, въ прибавокъ къ прежнему, вамъ извѣстному, оное вы, милостивый государь, усмотрѣть изволите изъ точной съ того копіи, здѣсь приложенной.

Извѣстная съ Прусскимъ Королемъ конвенція уже подписана. Его величество, получивъ изъ Вѣны извѣстіе о перемѣнѣ системы, тотчасъ прислалъ съ курьеромъ повелѣніе къ графу Сольмсу, домогаться о скорѣйшемъ подписаніи конвенціи; что вчера и дѣйствительно исполнено.

Ваше сіятельство, при настоящемъ дѣлъ положеніи, легко себѣ вообразить изволите, въ какихъ заботахъ долженъ быть мой милостивый шефъ и исполнители его повелѣній. Для сего, нижайше прошу извинить меня, что ничего теперь не отвѣтствую на почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 30-го Генваря, кромѣ принесенія за оное нижайшаго благодаренія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 7-го Февраля 1772.

P. S. Я не могу довольно изъяснить, съ какою радостію отправляю здѣсь къ вашему сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, милостивый государь, увидите тутъ истинное торжество братца вашего. Вдругъ положеніе всѣхъ дѣлъ пріяло для насъ новый, славный и полезный оборотъ! Неукротимый Вѣнскій Дворъ, почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ ихъ же за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми, и признаетъ систему нашу натуральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости братца вашего, которому Отечество наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Имѣя честь препроводить здѣсь письмо Государя Цесаревича къ вамъ, милостивый государь, исполняю тѣмъ самымъ повелѣніе его сіятельства графа, братца вашего, который самъ за множествомъ дѣлъ на сей почтѣ къ вамъ писать не можетъ.

Позвольте принести нижайшее благодареніе, за милостивыя выраженія въ послѣднемъ письмѣ вашего сіятельства, которое

имѣлъ я честь получить 27-го прошедшаго мѣсяца. Вѣрьте, милостивый государь, что усердіе мое къ вамъ вѣчно въ сердцѣ моемъ вкоренено, и что доброе мнѣніе ваше, есть одно изъ главныхъ видовъ моего честолюбія, равно какъ и то, что я долгомъ моимъ почитаю, быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

На прошедшей почтѣ, имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству письмо изъ Вѣны отъ князя Голицына. Въ ономъ вы, милостивый государь, видѣть изволили, что Вѣнскій Дворъ послалъ декларацію въ Берлинъ, съ такимъ повелѣніемъ своему тамъ министру, что если король подобную подпишетъ, то, въ такомъ случаѣ, Свитенъ послалъ бы курьера того сюда, дабы князь Лобковичъ исходатайствовалъ тоже самое и отъ Ея Императорскаго Величества. Теперь, за долгъ себѣ поставляю, донести вашему сіятельству, что Король Прусскій подписалъ помянутую пьесу, и Князь Лобковичъ, получа третьяго дня изъ Берлина курьера отъ Свитена, подалъ здѣсь приложенную присемъ въ переводѣ декларацію, съ сообщеніемъ выписки изъ Кауницовой къ себѣ депеши.

Ея Императорскому Величеству угодно подписать желаемую Вѣнскимъ Дворомъ декларацію. Оная на сихъ дняхъ и отдана будетъ князю Лобковичу, при министеріальной запискѣ, которая еще теперь не изготовлена, и которую къ вашему сіятельству въ свое время отправлю.

Можно сказать, что князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядить мѣры свои такъ неудачно, возненавидѣлъ насъ и возгордился толь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда нестерпима: но гордость, премѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія! Прибывшій вчера изъ

Берлина къ графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ Короля весьма любопытныя пьесы, въ коихъ Его Прусское Величество, своимъ *манеромъ*, отдаетъ всю справедливость страннаго поведенію князя Кауница. Жалѣю, милостивый государь, что на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумагъ послать къ вашему сіятельству, но на будущей стараться буду опое исполнить.

О Вѣнскихъ условіяхъ съ Турками, по начатіи сей войны, были здѣсь разныя извѣстія: но нынѣ конфедентно сообщена нашему Двору отъ Англійскаго посла копія съ конвенціи Австрійцевъ съ Турками. Хотя за достовѣрность сей піесы ручаться не возможно, однако, для любопытства вашего сіятельства, включаю здѣсь ее, на нашъ языкъ переведенную.

На сихъ дняхъ, получена здѣсь изъ Первой Арміи реляція, съ которой копію здѣсь поднося, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію, навсегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Исполненное милости и довѣренности письмо вашего сіятельства, отъ 12-го числа сего мѣсяца, я имѣлъ честь получить, и приношу за опое нижайшее благодареніе.

Нельзя лучше изобразить характера князя Кауница, какимъ ваше сіятельство его представляете: но при всемъ томъ, положа за правило, что всякій и совѣсти неимѣющій человѣкъ остается тогда при своихъ обязательствахъ, когда въ томъ находитъ свой интересъ, нельзя усомниться, чтобы Кауницъ непрямодушно вступалъ теперь съ нами въ общее дѣло. Всеконечно, милостивый государь, трактуя съ такимъ человѣкомъ, не надлежитъ выпускать изъ глазъ осторожности, но оная и наблюдается потольку человѣчески возможно.

Новыя депеши, привезенныя изъ Вѣны маіоромъ Тиремъ, имѣю честь включить здѣсь вашему сіятельству, равно какъ и еще нѣкоторыя піесы, достойныя вниманія вашего.

Простите мнѣ, милостивый государь, что въ приложеніи,

отправленномъ на прошедшей почтѣ, подъ № 4, забыто заглавіе, которому надлежало быть такову: *Копія съ письма Его Сіятельства Графа Никиты Ивановича, къ Посланнику Князю Голицыну, въ Гагу.*

Господинъ Ассебергъ прислалъ къ вашему сіятельству письмо свое. Какъ оное, такъ и изготовленный отъ васъ отвѣтъ имѣю честь приложить, по приказанію его сіятельства графа, братца вашего. Если вы, милостивый государь, изволите подписать его и прислать ко мнѣ, то я съ первою же почтою къ господину Ассебергу его отправлю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и нерушимою преданностію, всегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Къ сердечному моему удовольствію, имѣлъ я счастіе получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 19-го сего мѣсяца, за подписаніемъ собственной руки вашей. Позвольте принести за оное нижайшее благодареніе. На прошедшей почтѣ, не имѣлъ я чести писать къ вашему сіятельству, сколько за крайними недосугами, столько и за тѣмъ, что не имѣлъ я ничего сообщить вамъ, милостивый государь. Почта изъ Германіи, за дурными дорогами, пришла трое сутки позже обыкновеннаго, такъ что газеты, которыя надлежало отправить къ вашему сіятельству въ пятницу, принужденъ теперь только отправить.

Но дѣламъ нѣтъ никакого новаго происшествія, но нѣкоторыя піесы для любопытства вашего здѣсь включить честь имѣю. Вѣдая же, что вы, милостивый государь, желаете имѣть коллекцію *творений Князя В. М.*, прилагаю здѣсь точныя копіи съ послѣднихъ его реляцій. Къ будущей почтѣ поспѣютъ у меня нѣкоторые переводы съ піесъ, примѣчанія заслуживающихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и нерушимою преданностію во всю жизнь мою пребуду.

27-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Принося должнѣйшее и искреннѣйшее благодареніе вашему сіятельству, за милостивое письмо, отъ 26-го марта, нижайше прошу извинить меня въ томъ, что я пропустилъ прошлую почту, не писавъ ничего вашему сіятельству. Стеченіе важнѣйшихъ дѣлъ, занимающихъ, можно сказать, всякую минуту моего милостиваго шефа, занялo и все мое время въ исполненіи его повелѣній, по долгу званія моего. Истинно, милостивый государь, тому уже съ недѣлю, какъ ни днемъ, ни ночью нѣтъ отдохновенія! Чему доказательствомъ служитъ то, что я принужденъ былъ пропустить почту, не писавъ къ вашему сіятельству, и не исполнивъ тѣмъ сердечнаго долга моего. Сверхъ же того, извинитъ меня предъ вами настоящая большая моя, подъ 7-ю нумерами, экспедиція къ вашему сіятельству. По оной, вы сами заключить уже изволите, сколь стеченіе дѣлъ у насъ велико. Но прежде, нежели объясню я вамъ, милостивый государь, каждый нумеръ моихъ приложеній, позвольте мнѣ служить должнымъ отвѣтомъ, съ сердечною моею откровенностію, на послѣднее письмо ваше, наполненное выраженіями ко мнѣ милости и довѣренности вашего сіятельства. Коммиссія о изслѣдованіи преступленія Пушкиныхъ и до нынѣ продолжается. Оба они повинились такъ какъ и Сукинъ, другія же или никто не привличились, или имена ихъ такъ тайно содержутся, что узнать о томъ никакимъ образомъ не возможно.

Разсужденія вашего сіятельства, объ истинномъ *источникѣ развращенія нравовъ*, доводящаго до самаго бездѣльства, основаны на таковой истинѣ, съ каковымъ проницаніемъ ваше сіятельство вникнуть изволили въ сіе разобраніе причинъ разстройства людей, воспитанныхъ при худыхъ примѣрахъ и худыми людьми. И въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, лучше не быть никакъ воспитану, нежели такъ развращенно, какъ многіе у насъ воспитываются! Объ исправленіи ума столь много у насъ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце, есть первое достоинство чело-

вѣка, и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашея.

Что же принадлежитъ до примѣчаній вашего сіятельства относительно неудачнаго Краковскаго штурма, то я къ сожалѣнію моему не нахожу иного донести по оному вашему сіятельству, кромѣ того, что происшествіе сіе дѣлаетъ войску нашему великое предосужденіе.

По волѣ ея сіятельства графини Маріи Родіоновны, о шелкахъ въ Ливорнѣ я писалъ, и какой отвѣтъ получу, о томъ донести не премину.

Теперь пріемлю смѣлость, объяснить вашему сіятельству каждый № моихъ приложеній. Первый, заключаетъ въ себѣ переводъ съ Царяградскаго извѣстія. Я посылаю оное для того, что нѣкоторыя мѣста изъ онаго кажутся мнѣ достойными вниманія вашего сіятельства. № 2, содержитъ всю послѣднюю важную экспедицію графа Петра Александровича. Вслѣдствіе оной, назначеніе пословъ къ конгрессу стало уже публично, а росписаніе свиты съ окладами здѣсь приложить честь имѣю. Съ графомъ Гр. Гр. ѣдетъ Боуръ и Лифляндецъ Левенъ. Секретарь посольства до сихъ поръ еще не назначенъ. Кавалерами посольства назначены гвардіи офицеры: Лунинъ, Фонъ-Визинъ братъ мой, Богдановъ, Трегубовъ, и еще нѣкоторые, коихъ имена не упомню. Подъ № 3, прилагаю все то, что вчера отправлено къ графу Петру Александровичу, по содержанію чего послі наши дней черезъ десять выѣхать намѣрены. Хотя я и сообщилъ уже вашему сіятельству копію съ конвенціи о перемиріи, но какъ она, по полученіи послѣднихъ денешей изъ Первой Арміи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнена, то и почелъ я за нужное включить здѣсь экземпляръ такой, какой вчера къ Фельдмаршалу отправленъ. № 4, заключаетъ въ себѣ, при экстрактѣ изъ королевской денеши, сочиненный Его Величествомъ примѣрный манифестъ о раздробленіи Польши. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что Король дѣломъ мѣшкать не любитъ, хотя и увѣряетъ, что онъ ничѣмъ спѣшить не намѣренъ. Его сіятельство графъ, братецъ нашъ, изволилъ препоручить г-ну Веймарну, какъ человѣку имѣющему отмѣнную способность раздроблять

дѣло на самыя малѣйшія части, сочинить *дедукцію* нашихъ на Польшу претензій, которую я подъ № 5, приложить честь имѣю, равно какъ и другую піесу, сочиненіе его же Г. Веймарна, до Польши касающееся. № 6, содержитъ Датскія депеши; а подъ № 7, включаю письмо, полученное изъ Вѣны на *штафетѣ*.

За особливое почту счастіе, если вашему сіятельству угодно будетъ стараніе мое о доставленіи вамъ, милостивый государь, всего того, въ чемъ состоитъ настоящее мое отправленіе, и если удостоите меня сообщеніемъ вашего мнѣнія, по толь важнымъ дѣламъ Отечества нашего.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь,
Петръ Ивановичъ!

Зная совершенную мою къ вамъ преданность, вы, милостивый государь, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннѣйшемъ участіи, которою пріемлю я въ оскорбленіи вашемъ отъ болѣзни любезнаго сына вашего. Я съ нетерпѣливостію ожидаю будущей почты, и желаю сердечно услышать о его выздоровленіи. Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивое письмо ваше, отъ 2-го сего мѣсяца. Я непремину отправить отвѣтъ отъ имени вашего къ Ногайскому начальнику, съ первымъ въ ту сторону ѣдущимъ курьеромъ.

Реляціи гр. Петра А. и Александра Ильича, имѣю честь здѣсь приложить къ вашему сіятельству. Скоро надѣюсь удовольствовать любопытство ваше сообщеніемъ инструкціи г-мъ посламъ на конгрессъ ѣдущимъ. Она теперь еще не готова, но къ будущей почтѣ, я чаю, поспѣетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

10-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Не имѣя на сей почтѣ письма отъ вашего сіятельства, и предувѣдомлень будучи о болѣзни любезнаго сына вашего, не могу изъяснить вамъ, милостивый государь, моего сердечнаго безпокойства. Боже, дай, чтобъ будущая почта обрадовала меня извѣстіемъ о его выздоровленіи!

Инструкцію послать, на конгрессъ назначеннымъ, имѣю честь приложить здѣсь. Но чтобъ настоящее положеніе наше съ Татарами яснѣе вамъ представить, то разсудилъ я при семъ включить къ прочтенію вашему инструкцію, заготовленную для Евдокима Алексѣевича Щербинина. Третья піеса слѣдуетъ здѣсь: также инструкція для контръ-адмирала Чичагова.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

P. S. Изъ Швеціи получено извѣстіе, что сенаторъ баронъ Дебенъ выбранъ первымъ министромъ, на мѣсто покойнаго графа Экеблата, и что король назначилъ день своей коронаціи 18-го Маія.

13-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, имѣю честь по дѣламъ донести о всемъ томъ, что послѣ отправленія послѣдняго письма произошло примѣчанія достойнаго.

Ожидаемый столь долго изъ Вѣны курьеръ, наконецъ, сюда пріѣхалъ. Князь Кауницъ сообщилъ здѣшнему Двору о томъ, что́ береть на свою долю его Государь. Я не могу всѣхъ депешей сообщить теперь вашему сіятельству, за тѣмъ, что онѣ еще мнѣ не отданы: но, читая ихъ, я нарочно выписалъ для васъ то, что составляетъ существо сихъ депешей [1]). . . . . .

. . . . . .

[1]) Въ черновомъ собственноручномъ письмѣ это мѣсто вырвано.

Вотъ, что Вѣнскій Дворъ себѣ *откроить* хочетъ.

„Часть Краковскаго воеводства по правую сторону Вислы, отъ *Бѣла* (Biala) вдоль по сей рѣкѣ до *Сандомира*, а оттуда впередъ до супротивъ *Звolена* (Zwolen), по рѣкѣ *Вѣпржъ* (Wieprz): оттуда до *Баркова* въ уголъ, гдѣ соединяются границы воеводствъ: Люблинскаго, Красно-Русскаго и *Брестскаго* (Brzesciainsis), и гдѣ впадаетъ въ сію рѣку рукавъ другой рѣки, начинающейся на границѣ воеводства *Брестскаго*, до сего послѣдняго воеводства и Великой Литвы. Оттуда вдоль по границѣ воеводства Брестскаго или Великой Литвы, и между воеводствомъ *Белзскимъ* (Belscensis) и *Волзскимъ*, такъ, чтобъ цѣлое воеводство Бѣльцкое включено было въ новую границу. Потомъ вдоль Волынской границы до Подоліи, и вдоль границы сего воеводства до Днѣстра, и по ту сторону сей рѣки, внизъ по ней до Молдавіи. Наконецъ, вдоль границы Молдавской до Трансильваніи, и взаимно до Венгріи, или до уѣздовъ Мармороша и Радни такъ, чтобъ все сіе присвоеніе граничило лѣвымъ крыломъ до Силезіи, а правымъ до Трансильванской границы“.

Ваше сіятельство, по картѣ усмотрѣть изволите, что Вѣнская доля, по своему пространству велика, но князь Кауницъ въ резонъ тому поставляетъ, что наша и Прусская доля имѣютъ такія политическія выгоды, какихъ Вѣнская не имѣетъ. Для того, чтобъ во всемъ наблюсти равенство, Вѣнскій Дворъ хочетъ наградить себя пространствомъ земли,—за то, въ чемъ наши части изобилуютъ по видамъ политическимъ. Ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ особливую милость, если удостоите меня узнать ваше мнѣніе о семъ распоряженіи. Я же, съ своей стороны, осмѣлюсь донести вамъ мою объ ономъ мысль. Мнѣ кажется, что хотя требованіе Вѣнское и великовато, но съ нѣкоторыми малымъ выключеніемъ можно намъ на оное согласиться: ибо за сію цѣну купимъ мы прекращеніе большой войны, насъ изнуряющей, купимъ прекращеніе Польскихъ мятежей, которые отвлекаютъ наше вниманіе отъ другихъ дѣлъ, и причиняютъ намъ линію хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ изъ нея себѣ долю довольно выгодную. Очень бы жаль было, еслибъ за нѣсколько

милъ разрѣзаемой Польской земли, завязались новые раздоры или, избави Богъ, и новая война!

Графъ П. А. пишетъ, что онъ съ визиремъ уже согласился объ отправленіи въ Журжево коммисаровъ, для перемирія, и что г. Симонисъ туда отъѣзжаетъ.

Въ С.-Петербургѣ, 17 Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

На нынѣшней почтѣ, получилъ я отъ вашего сіятельства пакетъ, адресованный на мое имя, въ которомъ нашелъ я письмо не ко мнѣ, но къ неизвѣстной мнѣ особѣ. Видно милостивый государь, что письмо, мнѣ принадлежащее, послано ошибкою къ тому, чье включено въ мой пакетъ. Я нашелъ также въ немъ письмо къ Пелагеѣ Ѳедотьевнѣ Каменской, которое тотчасъ ей отвезъ, но ни отъ ней, и ни отъ кого другаго не могъ провѣдать о фамиліи того, къ кому слѣдовало возвращаемое здѣсь письмо вашего сіятельства.

Имѣю честь приложить здѣсь послѣднія реляціи гр. П. Александровича, Іасскія депеши и прибавленіе къ инструкціи посламъ, на конгрессъ отправляющимся. Они выѣдутъ на будущей недѣлѣ, и съ первымъ посломъ ѣдетъ братъ его, графъ Ѳедоръ Гр., не въ качествѣ полномочнаго, а для компаніи своему брату. Г. Левенъ на сихъ дняхъ пожалованъ камергеромъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 20 Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

На прошедшей почтѣ, донося вашему сіятельству, объ ошибкѣ, учиненной въ отправленіи ко мнѣ вашего письма, за меня не слѣдовавшаго, сдѣлалъ и я подобную ошибку: забылъ прило-

жить то письмо, которое тогда хотѣлъ я возвратить къ вашему сіятельству. Нынѣ, исполняя оное, нижайше прошу, милостивый государь, въ томъ извинить меня.

Краткость времени, къ сожалѣнію моему, не позволяетъ мнѣ больше, какъ только всѣмъ сердцемъ возблагодарить ваше сіятельство, за милостивое и откровенное письмо ваше, отъ 16-го нынѣшняго мѣсяца, а отвѣтствовать на оное предоставляю себѣ счастіе на будущей почтѣ.

Вчера Государыня изволила отправиться въ Царское Село, откуда завтра первый посолъ въ путь свой отправится.

Имѣю честь послать здѣсь къ вашему сіятельству рескрипты къ графу Петру Александровичу и письмо изъ Копенгагена. Вѣнскія же депеши, коихъ главное существо знать уже изволите, не успѣваю на нынѣшней почтѣ къ вамъ отправить: ибо переводъ оныхъ, со всѣмъ моимъ стараніемъ, никакъ къ сегодняшнему отправленію изготовленъ быть не могъ.

Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, изволилъ поручить мнѣ извинить его предъ вами, что такъ долго къ вамъ не пишетъ за всечасными своими упражненіями по настоящимъ дѣламъ, которыхъ важность вашему сіятельству открыта во всемъ ея пространствѣ. Онъ приказалъ мнѣ отправить къ вашему сіятельству, въ копіи, письма къ нему отъ Алек. Ильича Бибикова, которыя вы, милостивый государь, здѣсь найти изволите.

24-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Упоминаемыя во вчерашнемъ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству Вѣнскія депеши сего дня изготовлены, и я не хотя пропустить отправляющейся въ Москву *estafette*, спѣшу доставить оныя, здѣсь вашему сіятельству, съ примѣчаніемъ, что упомянутый въ сихъ депешахъ projet de l'article я здѣсь не прилагаю; ибо оный состоитъ слово въ слово въ томъ опредѣ-

ленiи Вѣнской дани, которое ваше сіятельство найти изволите въ письмѣ моемъ, отъ 17-го нынѣшняго мѣсяца.

25 Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Я не могу извѣстить ваше сіятельство, сколь много оскорбило меня то безпокойство, которое надѣлалъ я вамъ моею ошибкою, забывъ положить тогда извѣстное, не ко мнѣ слѣдующее, письмо. Но теперь ласкаюсь, что ваше сіятельство, получа уже оное, поспѣли узнать, что тутъ ни отъ кого не было коварства, а какъ видно ваше письмо ко мнѣ попало къ неизвѣстному мнѣ Ивану Александровичу. Жалѣю о томъ только, если онъ прочтетъ письмо ваше ко мнѣ, которое, можетъ быть ему откроетъ нѣчто такое, чего знать ему не должно.

Получа вчера, поздно, милостивое письмо ваше, отъ 26-го, не могъ, я увидаться ни съ Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ, ни съ Александромъ Ѳедоровичемъ Талызинымъ: но я думаю, что они, конечно, отдали бъ мнѣ принадлежащее письмо, если бъ къ нимъ въ руки попалось. Успокоиваюсь я тѣмъ, что вы, милостивый государь, уже получили теперь то извѣстное письмо, посланное мною къ вашему сіятельству на другойже почтѣ, послѣ той, на которой я его забылъ отправить. И такъ, съ будущею почтою ожидаю я, что дѣло изъяснится, и что ваше сіятельство совершенно объ ономъ успокоитесь. Жалѣю сердечно о томъ только, что ошибка моя лишила меня счастія получить на сей почтѣ милостивое письмо ваше: но на будущей онаго ожидаю. Отъ 23-го числа, письмо вашего сіятельства ко мнѣ было, и на оное имѣлъ я честь отвѣтствовать третьяго дня.

Прилагая здѣсь по реестру нѣкоторыя приложенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

4-го Мая 1772 года.

P. S. Изъ Даніи получено извѣстіе, что графи Струензе и Брандъ казнены смертію 17-го нынѣшняго мѣсяца.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 30-го, и прежнее, отъ 26-го Апрѣля. Принося за нихъ нижайшее благодареніе, радуюсь сердечно, что сомнѣніе объ отправленіи ошибкою вашего письма рѣшилось, и что въ ономъ не было ничего такого, чего бы другому открыть вамъ не было угодно.

Лучшую Польскую карту, какую могъ достать его сіятельство графъ, вашъ братецъ, при семъ посылаю, надѣясь, что изъ нея яснѣе, нежели изъ прочихъ видѣть можно, что кому достается. Ваше сіятельство предузнать изволили, что Прусскому Королю Австрійская доля великовата покажется, равно какъ и намъ. Его Величество писалъ уже объ ономъ къ гр. Сольмсу, чтобъ онъ внушилъ здѣсь, сколь чрезмѣрно кажется ему требованіе Вѣнское. Я не распространяясь объ ономъ далѣе, доношу вамъ, милостивый государь, что хотя мы и ничего до сего времени не сказали положительно князю Лобковичу, однако опредѣлено здѣсь умѣрить требованія его Двора, и поставить такимъ образомъ новую Австрійскую границу, а именно:

„Теченіе Днѣстра между Подоліею и Покуціею, отъ того „пункта, гдѣ сія рѣка касается Молдавіи, выходя до *Komnisky*, „или другого пункта по сю сторону Самбора, а оттуда линіею, „которая оставитъ въ сторонѣ Леопольскій Уѣздъ и Бельское „воеводство, до рѣки *Wieprz*, и внизъ по сей рѣкѣ, до впа„денія ея въ Вислу, потомъ теченіе Вислы вверхъ по ней до „устья рѣки *Dunaja*, и теченія сея до Венгріи, или линіи, „протянутой, съ какого нибудь пункта ея теченія, которой бы „коснулся Силезской границы, но при всемъ томъ, оставляя въ „сторонѣ соляные заводы, такъ что *сей предметъ, равно какъ „Леополь съ своимъ уѣздомъ и Бельское воеводство, составляютъ „собственно то, что хотимъ убавить отъ доли, требуемой Ав„стрійцами*“.

Изъясняя такимъ образомъ вашему сіятельству здѣшнее намѣреніе, доношу вамъ, милостивый государь, что, кажется,

Вѣна и не сдѣлаетъ затрудненія на оное согласиться. Теперь его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняться изволитъ въ сочиненіи формальнаго сообщенія объ ономъ князю Лобковичу, равно ракъ и манифеста для Поляковъ, въ слѣдствіе постановленнаго соглашенія между тремя Дворами.

Полученное изъ Вѣны письмо посылаю къ вашему сіятельству. За излишнее почитаю включить здѣсь Местмахерово письмо, о казни графовъ Струензе и Бранда: ибо оное въ Гамбургскихъ газетахъ найти изволите.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С-Петербургѣ, 8-го Мая 1772 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Собственноручное письмо вашего сіятельства, полученное мною съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь показывать ближнимъ вашимъ, въ удостовѣреніе ихъ о здоровьѣ вашемъ, и въ исполненіе вашей о томъ воли. Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняется теперь въ дѣлахъ, касающихся до Польскихъ пріобрѣтеній. и могу увѣрить васъ, милостивый государь, что по отправленіи пословъ, дѣла ни мало не уменьшались: ибо настали тотчасъ другія. кои, по своей важности, времени не терятъ.

Съ сею почтою не нахожу я ничего къ доставленію вашему сіятельству, но то токмо донести могу, что вчера изъ Царскаго Села Ея Величество изволила прибыть сюда въ Совѣтъ, гдѣ трактовано было о распоряженіяхъ, касающихся до нашей доли изъ Польши. и вотъ что, *въ крайнемъ секретѣ*. на мірѣ положено:

Наши пріобрѣтенія раздѣлены будутъ на двѣ губерніи: одна называться станетъ *Псковская*, а другая *Полоцкая*.

Первая будетъ состоять изъ провинцій: 1. Псковской, 2. Великолуцкой, 3. Дѣнискій, въ которую переименовать Польскую Лифляндію, 4. Полоцкой, состоящей изъ той части По-

лоцкаго воеводства, которая въ наши границы входитъ, и изъ Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины; губернскимъ городомъ назначается Опочка.

Вторая губернія составится изъ провинцій: 1. Могилевской, 2. Оршанской, 3. Рогачевской, 4. Витебской. Сія составится изъ лежащихъ мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы; губернскимъ городомъ будетъ Могилевъ.

Надъ обѣими губерніями поставленъ будетъ генералъ-губернаторъ; но кто, неизвѣстно. Въ каждую поплется по губернатору, и, за тайну сказываютъ, что въ одну назначаютъ генералъ-маіора Каховскаго, а въ другую генералъ-маіора Кречетникова.

Съ глубочайшимъ, и проч.

11-го Мая 1772 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Прибывшій изъ Первой Арміи вчера курьеръ привезъ пріятное извѣстіе о перемиріи, заключенномъ прошлаго Маія 19-го числа. Сія вѣдомость принята здѣсь съ искреннимъ удовольствіемъ, какъ предверіе тишины и общаго покоя.

Имѣя честь поздравить ваше сіятельство съ симъ происшествіемъ, какъ истиннаго патріота, не могу, къ сожалѣнію моему, за крайними недосугами войти теперь въ объясненіе тѣхъ приложеній, кои здѣсь вамъ, милостивый государь, подношу при особливомъ реестрѣ. Отправленіе въ Вѣну курьера съ деньгами, которыхъ коніи съ будущею почтою получить изволите, отнимаетъ у меня время и способы продолжить сіе письмо, и отвѣствовать на полученное мною съ послѣднею почтою милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 28-го Маія. Я приношу за оное нижайшее благодареніе, и пріемлю его знакомъ вашей драгоцѣнной мнѣ довѣренности, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 5-го Іюня 1772.

1. Реляція гр. П. Алек. Румянцова, отъ 20-го Маія, съ однимъ приложеніемъ.
2. Письмо его же, отъ 20-го Маія.
3. Реляція его же, отъ 25-го Маія, съ приложеніемъ.
4. Письмо его же, отъ 25-го Маія.
5. Реляція г. Синявина, отъ 13-го Маія.
6. Письмо Ея Величества къ кн. В. М. Долгорукову.
7. „ „ „ къ г-ну Щербинину.

Саркое Село. 5-го Іюня 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Прошедшую почту не могъ имѣть я счастія писать вашему сіятельству, по причинѣ нечаянной моей поѣздки въ городъ. Вчера жестокая головная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ сей долгъ исполнить, и такъ, уже пользуясь отправляющеюся теперь *estafetою* имѣю честь включить здѣсь обѣщанную мною въ Вѣну экспедицію.

Милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го Іюня, пріемлю я новымъ знакомъ довѣренности вашей, толь лестной сердцу моему. Многое могъ бы сказать по его содержанію, но истинно отъ вчерашней головной болѣзни не нахожу себя въ состояніи ни о чемъ мыслить порядочно. Извините меня симъ, милостивый государь, и будьте увѣрены, что, для сей же самой причины, не могу и ничего донести вашему сіятельству въ объясненіе тѣхъ приложеній, которыя здѣсь слѣдуютъ по реестру.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Саркое Село, 13-го Іюня 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Оправляясь мало по малу отъ болѣзни, и находя себя нѣсколько въ состояніи отвѣтствовать на милостивое вашего сіятельства письмо, отъ 11-го нынѣшняго мѣсяца, исполняю сей долгъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Разсужденія ваши, милостивый государь, о судьбѣ новыхъ нашихъ поданныхъ, неоспоримо справедливы, и таковыми находитъ ихъ его сіятельство графъ, вашъ братецъ: остается желать только, чтобы когда уже невозможно избѣжать злоупотребленія, оное было хотя въ меньшей степени.

Главнокомандующій въ Архипелагѣ нашими силами разсудилъ за благо публиковать манифестъ, который ваше сіятельство изволите найти въ приложенныхъ при семъ Гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ, между запрещенными товарами, и *свѣстныя припасы*. Сіе самое взволновало всѣ Европейскія державы, а особливо ненавидящую насъ Францію. Первая она принесла нынѣ жалобы Двору нашему на такое запрещеніе. Чѣмъ бы дѣло сіе не кончилось, но и то сказать надобно, что если флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не спуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего: ибо аттаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская нейтральныхъ Державъ судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а, можетъ быть, и подраться, въ которомъ случаѣ бой для насъ не равенъ будетъ. Казусъ въ самомъ дѣлѣ деликатный, и я, для любопытства вашего сіятельства, не пропущу конечно сообщить вамъ, какія мѣры здѣсь посему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ при семъ изъ Варшавы письмахъ, ваше сіятельство найти изволите, сколь *плохо* положеніе наше и съ Австрійцами. Словомъ сказать, отовсюду хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя! Къ тому же и здѣсь сколь мудрено согласить и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ его сіятельство гр. П. И. Божіимъ Провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется; сіе, конечно, правда: но надобно при-

знаться, что *нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію Провидѣнію, какъ у насъ.*

Петергофъ, 26-го Іюня 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 2-го нынѣшняго мѣсяца, имѣлъ честь получить, и за оное приношу нижайшее благодареніе. Включенное въ него письмо ваше къ Государю Цесаревичу вручено третьяго дня Его высочеству, чрезъ его сіятельство графа, братца вашего.

Послѣднее письмо Алексѣя М. Обрѣскова имѣю честь здѣсь включить, со всѣми къ нему приложеніями. Болѣе нѣтъ ни откуда въ полученіи пѣсъ, достойныхъ вашего вниманія. Изъ Вѣны до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта еще нѣтъ, на наше предложеніе объ уменьшеніи ихъ доли.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Изъ Петергофа, 10-го Іюля 1772.

P. S. Слухъ, происходящій въ Москвѣ о истребленіи Ладожскаго полку никакого основанія не имѣетъ. Я объ ономъ ничего не слыхалъ до полученія письма вашего сіятельства. Что же надлежитъ до бывшей экзекуціи предъ Преображенскимъ полкомъ, то сіе столь справедливо, сколь первое ложно.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Прибытіе курьера изъ Вѣны, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, стало причиною, что я не могу, милостивый государь, распространить письмо мое и войти въ дальнѣйшее объясненіе пѣсъ, здѣсь по реестру приложенныхъ. Въ прочемъ, никто не можетъ сдѣлать столь справедливаго заключенія, какъ ваше сіятельство, объ отзывахъ графа П. А., котораго характеръ вамъ извѣстенъ. Резиція его любопытна, и заслуживаетъ вниманія, въ разсужденіи будущихъ операцій, на случай, ежели бъ мирная наша негоціяція была безъ успѣха.

Вѣнскихъ депешей еще нѣтъ въ моихъ рукахъ, но предварительно имѣю честь донести, что дѣло береть хорошій оборотъ, и извѣстный дѣлежъ не встрѣчаетъ болѣе со всѣхъ трехъ сторонъ никакого препятствія.

Съ глубочайшимъ, и проч.

Петергофъ, 17-го Іюля 1772.

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 17-го Іюля 1772.

1. Реляція Александра Ильича Бибикова, отъ 27-го Іюня.
2. „ Ал. М. Обрѣскова, отъ 1-го Іюля.
3. Письмо его же, отъ того жъ числа.
4. Реляція гр. П. А. Румянцова, отъ 2-го Іюля.
5. „ его жъ, отъ того же числа, съ приложеніемъ.
6. „ Е. А. Щербинина, отъ 8-го Іюля, съ приложеніемъ.
7. Письмо его жъ, отъ того же числа.
8. „ кн. В. М. Долгорукова, отъ 18-го Іюня, съ приложеніемъ.
9. Реляція его жъ, отъ 5-го Іюля.
10. „ его жъ, отъ того же числа, съ 4-мя приложеніями.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Въ прошедшую пятницу, принужденъ будучи нечаянно ѣхать въ городъ, не могъ я никакимъ образомъ успѣть исполнить долга моего, отправленіемъ къ вашему сіятельству не только письма, ниже газетъ, которыя теперь, равно какъ и вчера полученныя, приложить здѣсь честь имѣю. Я надѣюсь, что какъ въ ономъ, такъ и въ краткости сего письма, Ваше Сіятельство меня извинить изволите. Въ разсужденіи трудной и важной негоціяціи нашей съ Вѣнскимъ Дворомъ, которая занимала насъ сряду дни и ночи цѣлую недѣлю, наконецъ приходитъ она къ конечному своему совершенію, и чрезъ нѣсколько часовъ буду я имѣть честь проводить его сіятельство графа, братца вашего

въ городъ, для подписанія тройной конвенціи съ Цесарскимъ и Прусскимъ министромъ. Черезъ недѣлю, надѣюсь я успѣть переводомъ всѣхъ новыхъ піесъ, до сей негоціяціи касающихся, кои, можно сказать, цѣлую книгу составляютъ; а теперь спѣшу удовольствовать любопытство вашего сіятельства означеніемъ здѣсь границъ доли Вѣнскаго Двора, каковую согласились мы отдать, а Цесарцы взять на часть свою, заключаемою нынѣ конвенціею.

Сіи границы суть: правый берегъ Вислы отъ Силезіи за Сандомиръ и до втеченіи рѣки Сапы, оттуда протянуть прямую линію на *Фронполь* до *Замойска*, а оттуда до *Рубежева* и до рѣки Буга, и слѣдуя по ту сторону сей рѣки по истиннымъ границамъ Красной Россіи, (оставляя въ тоже время границы Волыніи и Подоліи), даже до оконечностей *Цпараца*, оттуда прямою линіею на Днѣстръ, вдоль рѣчки, отдѣляющей малую часть Подоліи, называемой *Подоръ*, до впаденія ея въ Днѣстръ, и наконецъ обыкновенныя границы между Покуціею и Молдавіею.

Вотъ, все то, что́ я на сей разъ вашему сіятельству донести успѣваю, предоставляя себѣ счастіе отвѣтствовать на два милостивыя письма ваши, оба отъ 16-го дня сего мѣсяца, какъ скоро только время къ тому меня допуститъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда имѣю честь быть.

Въ Петергофѣ, 24-го Іюля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Наконецъ, и достальныя піесы, подъ одиннадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціяціи съ Вѣнскимъ Дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь вашему сіятельству.

Ваше сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе великаго дѣла, каковаго въ Европѣ около двухъ вѣковъ не бывало. Правда, что трудно весьма было довести Вѣнскій Дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня къ тому, мудрено же было соединить и удовлетворить интересамъ каждаго Двора.

Ужъ никакъ нельзя было отвратить Вѣнскій Дворъ отъ требованія соленыхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее, съ нашей стороны, въ ономъ упорство могло бы легко разорвать и всю негоціяцію, тогда, когда для Россіи все равно, у Австрійцовъ ли соляные заводы или у Поляковъ и когда Король Прусскій въ томъ не споритъ. Итакъ, судьба Польши, сдружившая три Двора, рѣшилась наконецъ къ посрамленію ненавиствующей намъ Франціи, которая, стремясь, сколько можно, намъ вредить и помѣшать миру нашему съ Турками, ищетъ привлечить намъ новую войну съ Шведами, способомъ тамо революціи. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь бы помѣшать тѣмъ миру нашему! Можетъ статься, или, справедливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность Турецкихъ полномочныхъ для съѣзда на конгрессъ происходитъ отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая, конечно, питаетъ Турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и, слѣдственно, новой у насъ съ Шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, если удастся умышляемая революція, то и новая для насъ война неминуема: но тогда за вѣрное полагать можно, что Датчане вооружатся противъ Шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся нынѣ въ Копенгагенъ, въ качествѣ полномочнаго министра, г. Симолину, тому самому, который заключилъ перемиріе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Въ Петергофѣ, 4 Августа 1772.

P. S. Сей моментъ получено извѣстіе, что Турецкіе Посли пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ вашему сіятельству: одну, за случившеюся у меня головною болѣзнію, а другую, для того, что, получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на

способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ вамъ, милостивый государь, черезъ письмо его сіятельства, братца вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ вашимъ сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мое донесеніе, но прежде, нежели начну оное, позвольте принести вамъ нижайшее мое благодареніе, за два милостивыя письма ваши, отъ 17-го и 24-го прошедшаго мѣсяца.

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ, не останется болѣе, какъ токмо донести вашему сіятельству, что самый опытъ доказываетъ справедливость вашихъ разсужденій. Зависть Вѣнскаго Двора къ успѣхамъ нашимъ есть очевидна: но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему горькому Двору положить преграду нашему вожделѣнному миру. По крайней мѣрѣ кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба горячествовала, а кровь невинныхъ лилась. Что же надлежитъ до особы его сіятельства, братца вашего, то излишне-бъ мнѣ было изъяснять вамъ, все мое усердіе къ славѣ его, но не могу же, милостивый государь, то оставить безъ отвѣта, *что* вы мнѣ сказать изволили, какъ брать его, и въ самое тоже время, какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтенны, и которыхъ во всемъ свѣтѣ, конечно, мало. Въ прочемъ, худа невѣжъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ, и похвала отъ невѣжъ цѣны оными не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

Достойной похвалы невѣжи не умалять;
А то не похвала когда невѣжи хвалять.

Дальнѣйшее пронесшествіе извѣстной вамъ венерской переписки оправдало совершенно благоразумное примѣчаніе вашего сіятельства, которое во второмъ письмѣ вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего,

изволите усмотрѣть, что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь же, по сей *матеріи*, слѣдуетъ конія съ письма графа Г. Гр. Хотя въ самомъ дѣлѣ, за будущее ручаться не возможно, однако Турецкое изнеможеніе, вступленіе Австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаетъ причину надѣяться, что миръ заключенъ будетъ по положенному основанію, какимъ бы *самодуромъ* на конгрессѣ поступлено не было.

Вамъ, милостивый государь, изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое, о воздаваніи справедливости отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство ваше, въ разсужденіи сего, происходитъ отъ нѣжности братскаго дружества: столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство ваше, и потому одному, что вся Европа, не говоря уже объ Отечествѣ нашемъ, знаетъ, *кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ*. Словомъ, какъ бы фаверъ не обижалъ прямое достоинство, но слава перваго исчезаетъ съ льстецами въ то время, когда *самъ фаворъ исчезаетъ*: а слава другаго — никогда не умираетъ.

Приложеніе девятое, къ страницѣ 172-ой.

НАЧЕРТАНІЕ,

для составленія толковаго словаря Словяно-Россійскаго языка.

Толковый словарь Словяно-Россійскаго языка долженъ содержать въ себѣ по алфавиту, порядкомъ этимологическимъ, всѣ извѣстныя Славяно-Россійскаго языка слова и реченія, съ истолкованіемъ оныхъ употребленія и знаменованія.

Изъ сего явствуетъ, что въ составленіи Толковаго Словаря надлежитъ принять во уваженіе: 1-е, выборъ словъ и реченій:

2-е, граматическое оныхъ употребленіе; 3-е, объясненіе ихъ знаменованія; 1-е, порядокъ алфавитный. Здѣсь на каждую изъ сихъ четырехъ статей представляется особенное положеніе.

СТАТЬЯ 1-я.

О выборѣ словъ и реченій, долженствующихъ войти въ Полный Словарь Славяно-Россійскаго языка.

Суда по существу словъ и реченій, составляющихъ собственно языкъ Славяно-Россійскій, не должны имѣть въ Словарѣ мѣста:

1-е) Собственныя имена людей, городовъ, морей и проч.

2-е) Всѣ тѣ названія техническія наукъ, художествъ и ремеслъ, кои, не находясь въ собственномъ употребленіи, мало извѣстны, и однимъ только ученымъ, художникамъ и ремесленникамъ свѣдомы.

3-е) Всѣ неблагопристойныя слова и речепія.

4-е) Всѣ тѣ иностранныя слова, кои не вошли еще въ такое употребленіе, чтобъ объясненіе ихъ въ Россійскомъ Словарѣ необходимо было нужно.

5-е) Какъ *Московское наречіе*, не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты, прочимъ справедливо предпочитается (*), то провинціальныя неизвѣстныя въ столицахъ слова и речепія не должны имѣть въ Словарѣ мѣста: ибо величина книги была бы безмѣрная и для большей части Россіянъ безполезна. Изъ сего правила исключаются тѣ провинціальныя слова и речепія, кои силою и красотою могутъ служить къ обогащенію Россійскаго языка.

6-е) Всѣ *длинныя* пословицы и присловицы, ибо оныя особливый словарь составить могутъ.

---

*) См. Грамматику Ломоносова

СТАТЬЯ 2-я.

О грамматическомъ слово-употребленіи.

По учиненіи выбора слову, надлежитъ поставить оное въ Словарь тѣмъ правописаніемъ, каковымъ пишется въ церковныхъ книгахъ и въ лучшихъ нашихъ писателяхъ. Сохраненіе правописанія весьма нужно для того, чтобъ не закрылись совсѣмъ слѣды произведенія и сложенія словъ; въ прочемъ полезно и потому, что нѣкоторыя слова весьма различнаго знаменованія произносятся одинаково, и только по правописанію распознаются; напримѣръ: слово *миръ*, когда пишется чрезъ *ми*, значитъ тишину, когда пишется чрезъ *мі*, значитъ вселенную, когда пишется чрезъ *мѵ*, значитъ масть благоуханную.

По написаніи слова правильнымъ образомъ, надлежитъ поставить удареніе надъ долгимъ его слогомъ. Сіе служитъ къ правильному произношенію, тѣмъ наипаче, что ударенія часто составляютъ разность въ самомъ знаменованіи слова: напримѣръ: *образа*, *образа*, *полонъ*, *полонъ*, *мука*, *мука*,. При *й* краткомъ надлежитъ ставить обыкновенную скобку, дабы *мой* не произносить, какъ *мои*.

Потомъ, при каждомъ словѣ, надлежитъ означить, какую часть рѣчи оно составляетъ.

При имени отмѣтить, существительное или прилагательное: также падежъ родительный: при первыхъ, означить родъ и число, при вторыхъ, равно какъ и при нарѣчіяхъ, буде уравненіе неправильное, надлежитъ представить оное во всѣхъ степеняхъ.

При мѣстоименіяхъ означать, какое-то есть: личное, или возносительное, и проч.

Глаголы ставить *во всѣхъ* неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, и означить залогъ, первое и второе лице настоящаго, изъявительнаго, прошедшее простое того же наклоненія; напримѣръ: *бросать*, *бросить*, *бросывать*: дѣйствительное: *бросаю*, *ешь*: прошедшее: *бросилъ*. Равнымъ образомъ замѣчать и всѣ роды глаголовъ, какъ то: возвратительный, безличный, и проч.: или какимъ глаголъ падежемъ управляетъ.

При нарѣчіи, предлогѣ или междометіи, надлежитъ означить, какой падежъ принимаютъ.

При союзѣ примѣчать, буде онъ посль положительныя, увеличительныя и уменьшительныя, яко произвольныя, имѣетъ мѣсто посль своихъ коренныхъ, и препровождается грамматическими примѣчаніями (?).

Послѣ сихъ частныхъ наблюденій, остается при каждомъ словѣ различить:

1-е) Славянское ли оно, напримѣръ: *вѣщати*: или Россійское, напримѣръ: *говорить*.

2-е) Буде слово чужестранное, то какое, напримѣръ: *аминь* Еврейское, *философія* Греческое, *карандашъ* Татарское, и проч.

3-е) Буде оно сложное, и упущеніемъ одной или нѣсколькихъ буквъ первообразное его, такъ скрытно, что не всякій добраться можетъ, то надлежитъ сказать, изъ чего оно сложено; напримѣръ: *полтора* сложено изъ *полъ* и *второй* надлежало-бъ выговаривать *полъ втора*, но буква *в* опущена для удобности выговора.

4-е) Всѣ грамматическія примѣчанія должни препровождаемы быть примѣрами, нарочно сочиненными, или взятыми изъ церковныхъ и лучшихъ нашихъ писателей.

СТАТЬЯ 3-я.

О знаменованіи словъ и речсній.

По совершеніи надъ словомъ всѣхъ грамматическихъ примѣчаній, предписанныхъ второю статьею, надлежитъ приступить къ объясненію его знаменованія.

Удобнѣйшій къ сему способъ составляютъ сослова (sinonim). Надлежитъ къ каждому слову приписать столькоословъ, сколько найти можно, но при семъ примѣчается, что сослова не заключаютъ въ себѣ съ точностію одинакого смысла, и что не всегда одно за другое употребляться можетъ. Посль словъ слѣдуетъ объясненіе (definitio): но какъ сіи объясненія состоятъ

въ истолкованіи одного слова чрезъ другое, то и слѣдуетъ, что должно быть необходимо такимъ словомъ, котораго никогда объяснять не надлежитъ: ибо иначе объясненія составили бы кругъ, въ которомъ одно слово было бы толкуемо другимъ, коему оно само равнымъ же образомъ служило бы толкованіемъ. Но какія же тѣ слова, кои не могутъ и не должны быть объясняемы? На сіе правило дѣлать невозможно: ибо отъ иныхъ тѣ слова почитаются могущими быть объясняемы, но таковыми отъ другихъ не почитаются; напримѣръ: *душа*, *разстояніе*, и проч. Совсѣмъ тѣмъ, много словъ есть такихъ, коимъ по общему всѣхъ согласію, не надлежитъ дѣлать объясненія. Такія слова, по бо́льшей части, бываютъ тѣ кои означаютъ всеобщія существъ собственности: напримѣръ: *бытіе*, *пространство*, *время*, и проч.

Итакъ, буде разсуждено будетъ придать слову объясненіе, то надлежитъ сдѣлать оное внятно, точно и сколь возможно кратко: ибо тутъ краткость помогаетъ ясности. Когда необходимость велитъ изъяснить идею посредствомъ другихъ сторонихъ, то стараться надобно, чтобъ число сихъ послѣднихъ было какъ можно меньше. Не краткость темноту производитъ, но худой выборъ въ идеяхъ и худой въ оныхъ порядокъ. Тотъ кратко и внятно изъясняется, кто сказываетъ что̀ однимъ словомъ и такимъ образомъ, какимъ сказать должно. Хорошія математическія объясненія неоспоримо свидѣтельствуютъ, что краткость не только ясности не уменьшаетъ, но весьма ей способствуетъ. Надлежитъ принять за правило, чтобъ объясненіе слова упадало во первыхъ на точный его смыслъ, а не на смыслъ распространенный. Слово *скорбь*, напримѣръ, относится въ нашемъ языкѣ къ болѣзненному *тѣлодвиженію* и къ душевному страданію, но точный смыслъ сего слова означаетъ тѣлесную болѣзнь, а отсюда распространенъ оный и до страданія души. Надобно, чтобъ сіе въ объясненіи весьма внятно изображено было.

Что́ сказано здѣсь о точномъ смыслѣ, относительно до смысла распространеннаго, должно сказать и о смыслѣ собственномъ. Относительно до смысла метафорическаго объясненія,

должно упадать всегда на одинъ собственный смыслъ, а метафорическій присовокупляется, яко слѣдствіе и зависимость отъ перваго. Надлежитъ великое приложить стараніе къ объясненію сего метафорическаго смысла, составляющаго главное обиліе языковъ, которое безъ размноженія словъ достигнуто. Однакожъ до изображенія толь великаго числа идей, можно примѣтить, а особливо въ стихотворныхъ и витійственныхъ сочиненіяхъ, что весьма многія слова употребляются въ нихъ въ метафорическомъ смыслѣ, и что собственный разумъ сихъ словъ почти всегда означаетъ нѣчто чувствительное. Еще есть слова, напримѣръ: *остылой*, кои въ *одномъ* только метафорическомъ смыслѣ употребляются: но хотя они и не поставляются нигдѣ въ собственномъ смыслѣ, однако объясненіе должно упадать всегда на смыслъ собственный, съ примѣчаніемъ притомъ, что обычай не позволяетъ употреблять сего слова иначе, какъ въ смыслѣ фигуральномъ. Въ прочемъ какъ метафорическое знаменованіе слова не всегда столько опредѣлено и ограничено, чтобъ не могло оно получить нѣкотораго распространенія по мѣрѣ ума и воображенія сочинительства, то изъ сего слѣдуетъ, что на Словарь строго взыскивать не можно. Всѣхъ знаменованій и присвоеній метафорическихъ довольно, если въ немъ больше употребительныхъ. По объясненіи точнаго распространеннаго метафорическаго смысла, надлежитъ различить слова, употребляемыя въ разговорахъ, отъ словъ, въ писаніи только употребляемыхъ: слова, слышимыя въ благородныхъ бесѣдахъ, отъ тѣхъ, кои языкъ черни составляютъ: слова, начинающіяся старѣться, отъ словъ вновь вводимыхъ, и проч.

Краткія пословицы должны имѣть въ Словарѣ словъ и реченій объясненія: но, съ другой стороны, сей самый порядокъ не удобенъ для пріисканія, ибо кто не знаетъ, что, напримѣръ, слово *отповѣдь*, яко сложное изъ предлоговъ *отъ* и *по* и изъ глагола *вѣдать*, имѣетъ мѣсто свое въ буквѣ *в*, подъ глаголомъ вѣдать. Для такового Этимологическій Словарь былъ бы безполезенъ: ради отвращенія сего неудобства, надлежитъ непремѣнно пріобщить къ Словарю, по примѣру Целляріева лексикона, таблицу аналогическую, т. е. списокъ всѣхъ находящихся въ

Словарѣ словъ и реченій по алфавиту. съ означеніемъ листовъ, на которыхъ въ Словарѣ каждое слово отыскать можно.

Въ порядкѣ этимологическомъ. слѣдующее наблюдать надлежитъ:

1) Коренное слово имѣетъ первое мѣсто и отличается большими буквами. За нимъ его производныя съ своими сложными. За ними сложныя съ своими производными, за коими слѣдуютъ ихъ сложныя, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока всѣ отъ коренаго происходящія и сложныя слова помѣщены будутъ.

2) Послѣ каждаго слова, слѣдуетъ грамматическое мѣсто съ истолкованіемъ: напримѣръ: *рука руку моетъ*. т.-е. одинъ другому пособляетъ взаимно.

3) Всѣ различныя употребительныя выраженія и пословицы должны быть также истолкованы, напримѣръ: *ни дать, ни взять*, т.-е. точно: *любитъ красное словцо*, то есть любитъ лгать. При именахъ отъ глаголовъ и при глаголахъ отъ именъ происходящихъ, для избѣжанія повторенія никакихъ сословъ и объясненій прибавлять не надобно, развѣ смыслъ производимыхъ бываетъ больше или меньше распространенъ, нежели смыслъ первообразнаго, или же и вовсе въ различномъ съ нимъ разумѣ употребляется.

Нужно также упомянуть, что въ Словяно-россійскомъ языкѣ есть слова совершенно между собою въ знаменованіи сходствующія, но въ разныхъ словахъ употребляются: напримѣръ: *чело*, лобъ: *око*, глазъ: *щека*, ланита. При словѣ: *око*, въ лит. *о*, надобно, приписавъ слово *глазъ*, сказать, которое въ какомъ смыслѣ употребляется; но при словѣ *глазъ*, въ лит. *г*. надлежитъ сдѣлать примѣчанія грамматическія безъ всякаго объясненія: а въ таблицѣ аналогической должно означить цифры обоихъ листовъ Словаря, гдѣ найти слова *глазъ* и *око*.

При словахъ иностранныхъ, стараться ставить равносильныя нашему языку, доселѣ извѣстныя или вновь сдѣланныя.

Послѣ объясненія, обыкновенно слѣдуетъ примѣръ, или же нѣсколько примѣровъ для большей внятности.

Буде слово, посредствомъ своихъ сословъ и примѣровъ, кажется довольно истолковано, то нѣтъ нужды прибавлять къ нему

объясненія; но буде при иномъ словѣ не токмо объясненіе показалось бы нужно, или нашлось бы невозможнымъ, да и сословъ его отыскать не было бъ удобности: то, въ такомъ случаѣ, можно довольствоваться однимъ примѣромъ, съ означеніемъ книги и листа, откуда оный почерпнутъ.

СТАТЬЯ 4-Я.

О порядкѣ алфавитномъ.

Въ самомъ началѣ сего начертанія сказано, что Толковый Словарь Словяно-Россійскаго языка долженъ быть составленъ порядкомъ этимологическимъ. Сей порядокъ весьма полезенъ для опредѣленія языка: ибо чрезъ оный открывается первообразность, происхожденіе и сложеніе примѣчанія, за ними сословія, потомъ объясненія и наконецъ примѣры.

Послѣ сего, тоже самое слово, буде нужно, повторяется въ новой строкѣ, и распространенный смыслъ объясняется и примѣрами препровождается.

4) Послѣ сего, тоже самое слово, буде нужно, паки повторяется въ новой строкѣ, и метафорическій его смыслъ объясняется, съ прибавленіемъ одного или нѣсколькихъ примѣровъ.

5) Посемъ, слѣдуютъ пословицы, присловицы и принятыя выраженія съ объясненіями.

6) Буде то самое слово есть названіе техническое, то повторяется еще въ новой строкѣ, и прибавляется къ сему объясненіе.

7) Грамматическія примѣчанія должны быть написаны сокращенно; напримѣръ: *сущ.* значитъ будетъ существительное, *дѣйств.*—дѣйствительное. Истолкованіе сихъ сокращеній можетъ быть въ началѣ Словаря напечатано на особливомъ листѣ. Для прочихъ же отличеній можно опредѣлить знаки, напримѣръ: * будетъ значить, что слово происходитъ отъ греческаго, а** отъ латинскаго, и такъ далѣе.

8) Для текста Словаря, четырехъ шрифтовъ довольно: одинъ крупный, для коренныхъ словъ: другой мельче, для повторенія

словъ въ новыхъ строкахъ: третій еще мельче, для грамматическихъ примѣчаній, для сословъ и объясненій; четвертый курсивъ, для пословицъ, присловицъ, разныхъ выраженій и примѣровъ.

СПОСОБЪ,

коимъ работа толковаго словаря словяно-россійскаго языка скорѣе и удобнѣе производиться можетъ.

Главная работа въ сочиненіи Словаря должна быть поручена тѣмъ изъ господъ членовъ, кои имѣютъ знанія и удобности къ принятію на себя сего важнаго труда, и которыхъ число не должно быть менѣе пятнадцати: прочіе же господа члены не оставятъ, по долгу знанія своего, имъ способствовать и быть полезными ихъ сотрудниками.

Во первыхъ, надлежитъ собрать всѣ тѣ печатныя и рукописныя книги, кои Словарю матеріалами служить могутъ: печатныя суть: Целляріевъ лексиконъ, Трех-язычный Словарь Поликарпова, Симфонія на Новый Завѣтъ, Симфонія на псалтырь. Словарь церковный.

Изъ рукописныхъ, сколько извѣстно, способствовать могутъ трудъ покойнаго Тауберта и Кондратовича: также Симфонія на Ветхій Завѣтъ іеромонаха Иларіона.

Собраніе сихъ матеріаловъ должно быть раздѣлено по ровну на 15-ть частей, и отдано по одной части на каждаго изъ помянутыхъ пятнадцати особъ, для выписыванія изъ сихъ матеріаловъ всѣхъ словъ и реченій, по алфавиту, аналогическимъ порядкомъ. Раздача должна быть раздѣлена по буквамъ, размѣряя труды такъ, что если, у котораго буква мала, то приняти часть другой (перемѣна двухъ печатныхъ листовъ большаго труда не составляетъ), и если каждый изъ 15-ти членовъ возьметъ на себя выписывать четыре тысячи словъ, кои обыкновенно не болѣе, какъ на двухъ печатныхъ листахъ помѣщаются, то въ

нѣсколько дней будетъ имѣть аналогическую таблицу шестидесяти тысячъ словъ коренныхъ, производимыхъ и сложныхъ. Основаніе Словарю весьма достаточное, но не составляющее однакожъ и половиннаго числа словъ и реченій — Лексикона Французской Академіи.

По выписаніи сего количества словъ и реченій по алфавиту, надлежитъ прочитать сію аналогическую таблицу въ Академіи, по разсмотрѣніи которой исключаются изъ таблицы всѣ тѣ слова и речения, коихъ предписано въ первой статьѣ начертанія сей таблицы. Должно напечатать не менѣе ста экземпляровъ для вручения господамъ членамъ и нѣкоторымъ изъ знающихъ Россійскій языкъ особамъ, дабы каждый могъ прибавить тѣ слова и речения, кои въ таблицахъ найдетъ опущенными. Сіи дополненія доставляются господамъ секретарямъ Академіи, и дабы Словарь былъ сколь возможно полнѣе, весьма было бы полезно, чтобы господа члены, желающіе споспѣшествовать воспріявшимъ главную работу пятнадцати особамъ, подѣлили между собой прочтеніе нашихъ церковныхъ книгъ и лучшихъ писателей: изъ нихъ заслуживаютъ особливаго примѣчанія: Маргаритъ. Ирмологъ. Октоихъ. Тріодь Постная. Тріодь Цвѣтная, Минея праздничная. книга Назіанзина, Бесѣды Златоустовы на Новыя Завѣты, Несторовъ Лѣтописецъ. Лѣтописецъ Архангелогородскій и Новгородскій; сочиненія: господъ Ломоносова и Сумарокова, Іоанна Вивліоѳика. Трудолюбивая Пчела. Труды Вольнаго Россійскаго Собранія, Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова.

Еслибъ при чтеніи былъ принятъ трудъ выписывать съ означеніемъ книжной страницы всѣ тѣ слова и речения, коихъ нѣтъ въ таблицѣ, и кои достойны имѣть въ Словарѣ мѣсто, то Словарь содержалъ бы въ себѣ дѣйствительно истинныя сокровища нашего языка.

Между тѣмъ какъ сіе способствованіе происходитъ, помянутыя 15 особъ раздѣлять между собою аналогическую таблицу, дабы изъ оной составить порядокъ этимологическій, наблюдая все то, что предписано первымъ пунктомъ четвертой статьи начертанія. Сія работа многаго времяни не востребуетъ, тѣмъ паче, что число сотрудниковъ можетъ быть умножено и от-

сутствующими членами; ибо всякой, кто хочетъ, можетъ, получа аналогическую печатную таблицу, взять букву и привести ее въ порядокъ этимологически; въ раздѣленіи буквъ наблюдать должно то только, чтобъ двое не взяли одинаковой буквы, ибо здѣсь двойная работа была бы совершенно безполезна.

Какъ скоро приведеніе всѣхъ словъ и реченій въ этимологическій порядокъ совершится, то помянутыя пятнадцать особъ раздѣляютъ между собою обработываніе каждаго слова и речения на три части, слѣдующимъ образомъ: пять человѣкъ отдѣляются для исполненія по второй статьѣ начертанія, и сей отдѣлъ называться будетъ *грамматикальнымъ;* пять человѣкъ, исполняющіе предписанное третіею статьею начертанія, будутъ составлять *отдѣла объясняющій;* наконецъ, пять человѣкъ, исполняющіе четвертую статью начертанія, составятъ *отдѣлъ издателей.*

Какъ работа отдѣловъ перваго и втораго независимо одна отъ другой производиться можетъ, то по обработываніи каждой буквы, и тотъ и другой отдѣлъ доставляютъ свои работы къ издателямъ, кои, приведя всѣ слова и речения въ порядокъ, предписанный четвертою статьею начертанія, приносятъ всю трехъ отдѣловъ работу на разсмотрѣніе въ общее собраніе Академіи, послѣ чего возвращается она къ издателямъ для печатанія.

Остается сдѣлать положеніе, относительно до техническихъ названій. Довольно, если въ Россійскомъ Словарѣ будетъ ощихъ столько, сколько, напримѣръ, въ Лексиконѣ Французской Академіи. Но какъ наша Академія никакихъ матеріаловъ къ составленію техническихъ названій, сколько извѣстно, не имѣетъ, и оными аналогической таблицы сдѣлать не изъ чего, то наилучшій способъ къ собранію ихъ состоитъ, кажется, въ томъ, чтобъ поручить двумъ или тремъ изъ господъ членовъ выписываніе таковыхъ названій изъ Лексикона Французской Академіи на особенныхъ листахъ: то есть: богословскія особливо, математическія особливо, и проч. Потомъ каждый членъ Академіи, по мѣрѣ знанія своего въ наукахъ и художествахъ, по охотѣ своей къ ремесламъ и по удобности своего времени, беретъ выписанныя на особенномъ листу слова и речения той науки или ху-

дожества, въ чемъ болѣе имѣетъ знанія, и, переведя оные на Россійскій языкъ, придастъ къ нимъ довольное объясненіе: труды же свои отсылаетъ къ господамъ секретарямъ для доставленія къ издателямъ, кои объясненное техническое названіе вносятъ въ надлежащее въ Словарѣ мѣсто, и представляютъ потомъ Академіи на разсмотрѣніе.

Сверхъ тѣхъ названій техническихъ, кои находятся въ Лексиконѣ Французской Академіи, необходимо должны имѣть въ Словарѣ мѣсто и тѣ, кои употребляемы были въ древнемъ Россійскомъ законодательствѣ и въ разныхъ граматахъ. Объясненіе таковыхъ словъ, для разбирательства разныхъ случаевъ и дѣлъ, получившихъ основаніе свое и право въ древности, весьма можетъ быть полезно въ разсужденіи провинціальныхъ словъ, употребляемыхъ въ промыслахъ, рукодѣліяхъ, и проч. Отсутствующіе члены не оставятъ, въ мѣстахъ своего пребыванія, таковыя слова собирать и сообщать Академіи. Для другихъ же мѣстъ, гдѣ она своихъ членовъ не имѣетъ, можетъ просить тамошнихъ господъ начальниковъ, чтобъ препоручили они знающимъ людямъ сдѣлать собраніе техническимъ словамъ по представленію Академіи. Симъ образомъ, кажется, работа Толковаго Словяно-Россійскаго Словаря пройдетъ съ успѣхомъ и всякой членъ, по мѣрѣ знанія и удобностей своихъ, можетъ способствовать тѣмъ своимъ сочленамъ, кои главный трудъ на себя принять благоволятъ. Польза своихъ сограждан и чувство ихъ признательности за труди, безкорыстно для нихъ подъемлемые, есть достойная награда всѣмъ подвигамъ гражданъ благомыслящихъ.

(Обѣ эти статьи приписываются Болтину).

Приложеніе десятое, къ страницѣ 176-й.

СМЕРТЬ АВЕЛЯ.

(Отрывокъ изъ первой пѣсни, переведенной Фонъ-Визинымъ).

Ною громкими стихами приключенія нашихъ прародителей по ихъ несчастномъ паденіи! Я прославляю того, кто первый возвратилъ землѣ персть свою, поражень будучи яростію своего брата. Спокойся нынѣ сладкая свирѣль, которою прежде восхвалъ я пріятную простоту и нравы уединеннаго человѣка.

Приди ко мнѣ на помощь, священный восторгъ, оживляющій душу стихотворца, на единѣ размышляющаго въ спокойномъ уединеніи, или въ срединѣ лѣса, или близъ текущаго между терев источника, во время ночной тишины, когда мѣсяцъ освѣщаетъ міръ блѣднымъ своимъ сіяніемъ. Какъ скоро восхищается душа, то и воображеніе сильно тогда устремляется и, пролетая смѣлою страну созданныхъ существъ, проницаетъ оно въ царство удаленное отъ возможности, повсюду открываетъ оно чудеса, удивляющія и красоту являющую. Обремѣненное симъ сокровищемъ, возвращается оно соединять и распоряжать различныя свои орудія, въ самое то время, когда управляющій разумъ, соображая все, опредѣляетъ всему употребленіе. Сей-то разумъ избираетъ и отвергаетъ непріятія нечего такова, которое бы не могло составить согласнаго отношенія. Когда сей священный жаръ приводитъ въ сладкое забвеніе стихотворца, тогда часы, часы драгоцѣнные пролетаютъ стремительно. Достойное упражненіе великихъ душъ! Похвальное терпѣніе не предаваться сну во время ночнаго явленія насѣкомыхъ до восхожденія утренней звѣзды, дабы пріобрѣсть почтеніе и любовь тѣхъ, коихъ просвѣщенной разумъ знаетъ цѣну каждой красоты, и дабы возбудить чувствованіе добродѣтели въ чувствительныхъ сердцахъ. — Справедливость повелѣваетъ потомкамъ почитать прахъ того стихотворца, который посвятилъ дарованія свои правамъ и невинности. Не по

гибнетъ во вѣки имя его! Слава его всегда процвѣтать будетъ, въ то время, какъ трофеи гордыхъ побѣдителей истлѣютъ, и какъ великолѣпные гробы недостойныхъ государей обстиаютъ кабвеніями, среди терновыхъ кустовъ, покрытые сѣроватымъ мохомъ, и на конхъ путешествующей, потерявъ дорогу, рѣдко поконтся. Правда, что мало изъ тѣхъ, кои предпринимали воспѣть сіи достойные предметы, имѣли отъ природы дарованіе воспѣть ихъ по достоинству. Но одно ихъ стараніе похвалу заслуживаетъ. Сему посвящаю я всѣ уединенныя мои увеселенія и всѣ досужныя минуты.

Спокойные часы возвращали румяную Аврору и склоняли ночные пари на тѣнистую землю: солнце испуская первые лучи свои изъ за черныхъ кедровъ, на горѣ стоящихъ, одѣвало блестящею синевою летающія по воздуху облака, еще слабо освѣщенныя: тогда Авель съ возлюбленною своею Тирзою пошелъ изъ шалаша своего въ ближайшую бесѣдку, изъ ясмина составленную и розами переплетенную. Нѣжнѣйшая любовь и чистѣйшая добродѣтель вливали въ прекрасныя Тирзины очи сладкое веселіе и прелестную пріятность на румянецъ ланить ея. Бѣлые власы покрывали шею, или играя на плечахъ, украшали тонкій ея станъ.

Въ семъ то видѣ, шла она подлѣ Авеля. Возвышенное чело его покрывали своею тѣнью черные власы, которые далѣе плечъ не простирались: видъ, изъявляющій мысли и разсужденія его, соединялся съ ясностію его взоровъ. Шелъ онъ съ тою восторгающею пріятностію, которую имѣетъ Ангелъ, пріявшій на себя тѣло, являющійся смертнымъ и посланный съ радостнымъ благовѣстіемъ отъ Господа къ благочестивому мужу, молящему Небеса въ своемъ уединеніи.

О, Каинъ, Каинъ! если бы ты любилъ насъ, ты старался бы отирать слезы наши и удалять ужасъ, жизнь нашу покрывающій. Ахъ! если ты еще почитаешь Всемогущаго, который видитъ внутреннее: если малѣйшая искра дѣтской любви горитъ еще въ сердцѣ твоемъ, то заклинаю тебя, сею любовью и симъ почтеніемъ, возврати ты намъ покой нашъ, возврати утраченную радость нашу: не питай долѣе злобу свою и закоренѣлую не-

навистъ къ брату своему, который тебя любитъ и старается избавить тебя отъ яда, душу твою заразившаго. О, Каинъ! что возмущаетъ душу твою? не тѣ ли радостныя слезы, которыя проливаемъ мы, видя благочестіе брата твоего? Не тотъ ли восторгъ, въ который приводитъ насъ его добродѣтель? Ангелы, насъ окружающіе, радуются о всякомъ добромъ дѣлѣ, и Всемогущій съ высоты небесъ взираетъ на оное милостивымъ взоромъ. Неужели хочешь ты премѣнить природу? Невозможно то для насъ. а если-бъ и возможно было, то скажи мнѣ, Каинъ, къ чему, къ чему сопротивляться той радости, тому восторгу, который объемлетъ душу?

Ночная буря, страшный громъ не производятъ на лицѣ веселія: страданіе души не вселяетъ радости въ человѣческое сердце. Не вѣчно-ль гонимъ я буду таковыми упреками? отвѣтствовалъ Каинъ. Если веселіе на мнѣ не изображено, если нѣжныя слезы не текутъ по лицу моему: развѣ важность мою должно приписывать гнуснѣйшей злобѣ? Рожденный съ твердѣйшимъ свойствомъ, избиралъ я всегда отважнѣйшія предпріятія и трудиѣйшія работы. Не могу и важный взоръ мой премѣнить въ нѣжнѣйшія слезы: не обыкъ орелъ воздыхать, какъ нѣжная горлица.

Приложеніе одиннадцатое.

КОПІИ.

Съ справокъ Разряднаго Архива, съ родословныхъ росписей и со списковъ грамотъ фамиліи Фонвизиныхъ.

1) *По Разрядному Архиву о службахъ.* По справкѣ въ томъ Архивѣ о фамиліи Фонвизиныхъ, оказалось, по Москвѣ въ книгѣ, въ коей писаны бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы,

и дворяне, и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, и всякіе служилые и приказные люди, которые во 126 и 127 годахъ, въ приходъ Литовскаго Владислава Королевича, были на Москвѣ въ осадѣ, и за ту Московскую осадную службу пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ бояръ, и окольничихъ, и думныхъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и дьяковъ, и жильцовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, и приказныхъ людей — велѣлъ имъ дати изъ ихъ помѣстій въ вотчину, по своему указу: и по прочтемъ написано: дѣти боярскія-жъ въ списку воеводамъ даны, а въ прежнихъ смотренныхъ спискахъ и въ послѣднемъ смотрѣ въ естьхъ и въ нѣтѣхъ не написаны: а послѣ смотровъ, по отпискамъ отъ воевод Ноября въ 27-й день и въ 28-й день и Декабря въ 3-й день и въ 19-й день написаны, что они съ ними въ полкѣхъ были во всю осаду до Королевичева отходу ленегъ имъ болшая статья двадцать рублевъ, другая статья пятнадцать рублевъ. Потомъ значутъ Нѣмци, коть тѣмъ написать. Ротмистръ Денисъ Фонвисенъ, а отечества не значитъ, и въ окончаніи оныхъ написано тако, и надъ тою статьею помѣта думнаго діака Сидавнаго Васильева —: велѣно выписать при Царѣ Василѣ, были ли имъ вотчины? Въ смотренныхъ спискахъ, въ 1-мъ, за скрѣпою по листамъ думнаго діака Любима Доминна, въ коемъ въ заглавіи написано: лѣта 7205 Апрѣля въ 6-й день, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича и по наказу изъ разряду, за приписью дьяка Ивана Кобякова, велѣно быть на Его Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича службѣ боярину и воевод Алексѣю Семеновичу Шеину съ большимъ полкомъ, для промыслу и поиску надъ непріятельскими воинскими Турецкими и Крымскими людми, и надъ Кубанцы, и надъ Нагайцы, и надъ иными ихъ басурманскими народы, которые кочуютъ въ приналежаніи новозавоеванным подъ Его Великаго Государя высокодержавную руку городомъ, Азову и Таганю, и для строенія-жъ вновь города-жъ ниже Азова, на морской пристани, на урочищѣ Таганѣ Рогу; и по прочтемъ значитъ: на службѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя

Петра Алексѣевича, подъ Азовымъ, въ большомъ полку боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шеина, были съ пріѣзду и до отпуску въ чинѣхъ; и по протчемъ написано у ротъ Московскихъ чиновъ людей въ ротмистрахъ, и въ порутчикахъ, и въ хорунжихъ; потомъ явствуетъ у стряпчихъ, и по протчемъ значитъ у 14-й, и, въ числѣ другихъ, написанъ порутчикъ Андрей Афонасьевъ, сынъ Фонвисинъ, подъ именемъ его написано: въ его мѣсто, сынъ его Василій по пріѣзду, сверхъ списка во 2-мъ, 164-го и 165-го годовъ, за скрѣпою по листамъ діака Василья Брехова, въ заглавіи онаго написано: Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича полку стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и Романовскіе Мурзы, и дворяне, и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, по указу Его Великаго Государя, на службу въ Смоленскъ пріѣхали, Маія съ 11 числа 164 году: потомъ значутъ стольники, подъ тѣмъ написано Маія: потомъ явствуетъ въ 24-й день, и, въ числѣ протчихъ, написанъ Аѳонасій Денисовъ, сынъ Фонвисинъ. Въ томъ же списку значитъ: за Великимъ Государемъ были отъ Полоцка до Смоленска и по смотру въ Смоленску, Ноября въ 22-й день, 165 году, въ естѣхъ, а послѣ смотру изъ Смоленска отпущены по домамъ; и по протчемъ значитъ: голова стольникъ Князь Алексѣй, Княжъ Андреевъ, сынъ Голицынъ, подъ тѣмъ написано его сотни стольники, и, въ числѣ протчихъ, значитъ Аѳонасій Денисовъ, сынъ Фонвисинъ. Въ боярскихъ книгахъ нижеписанныхъ лѣтъ, въ коихъ писаны бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе выборные, и жильцы изъ тѣхъ чиновъ, которые служатъ въ начальныхъ людѣхъ и въ рейтарѣхъ, и діаки, изъ коихъ книгъ въ первой 165, за скрѣпою по листамъ діака Василья Брехова, по протчемъ написано: въ 161 году Государь пожаловалъ въ стольники, и въ числѣ протчихъ, значитъ *новокрещенъ* Аѳонасій Денисьевъ, сынъ Фонвисинъ, подъ именемъ его другою рукою написано 164 году, по памяти, изъ Иноземскаго Приказу, за приписью діака Якова Ушакова, учиненъ окладъ въ 161 году Апрѣля въ 8 день, для крещенія Православныя Христіянскія Вѣры, помѣстной: семь сотъ четьи, де-

нетъ пятьдесятъ рублевъ, Аѳонасью жъ, что онъ во 164 году ѣхалъ за Государемъ, въ сотнѣ, отъ Могилева до Москвы, придачи шестьдесятъ четьи, денегъ пять рублевъ, ему-жъ за службу, за Литовской походъ, потомъ на полѣ, противъ имяни, написано тако: 162, 163 и 164, придачи помѣстнаго окладу сто пятьдесятъ четьи, денегъ двѣнадцать рублевъ; во второй 176, за скрѣпою по листамъ діака Василья Семенова, написаны стольники, и въ числѣ другихъ значитъ Аѳонасій Денисовъ, сынъ Фонвизинъ; въ третьей 183, за скрѣпою по листамъ думнаго Діака Герасима Докторова, по протчемъ написаны стольники, и въ числѣ другихъ значитъ Аѳонасій Денисовъ, сынъ Фонвизинъ: въ четвертой 184, безъ закрѣпы, въ числѣ другихъ написанъ въ стольницѣхъ Аѳонасій Денисовъ, сынъ Фонвизинъ. Потомъ, по протчемъ написано жъ: во 190 году, Великій Государь пожаловалъ въ стряпчіе, и въ числѣ другихъ явствуетъ Андрей Аѳонасьевъ, сынъ Фонвизинъ; въ пятой 194, безъ закрѣпы, по протчемъ значитъ: стольники, и въ числѣ протчихъ написанъ Андрей Аѳонасьевъ, сынъ Фонвизинъ; подъ именемъ его другою рукою написано: 200 году, Февраля въ 18-й день, по помѣтѣ на выпискѣ думнаго Діака Василья Григорьевича Семенова, учиненъ ему окладъ вновь помѣстной, шесть сотъ пятьдесятъ четьи, денегъ тридцать пять рублевъ; ему жъ придачи, за Троицкой походъ 191 году, пятьдесятъ четьи, денегъ пять рублевъ: для вѣчнаго миру съ Польскимъ королемъ 194 году, двѣсти четьи, денегъ двадцать рублевъ: за службу Крымскаго походу 195 г., сто четьи, денегъ рядовыхъ и за перехожіе за восемьдесятъ четьи, двадцать два рубли: за службу другаго Крымскаго походу 197 г., денегъ рядовыхъ и за перехожіе за двѣсти и четьи тридцать пять рублевъ; а былъ онъ въ Крымскомъ походѣ въ порутчикахъ: въ шестой 200 годовъ, безъ закрѣпы, по протчемъ написано: стольники, и въ числѣ другихъ, значитъ Андрей Аѳонасьевъ, сынъ Фонвизинъ.

2) Въ родословныхъ росписяхъ, поданныхъ въ бывшій Разрядъ съ нарисованными гербами, и въ спискахъ съ грамотъ ихъ же фамиліи Фонвизиныхъ, написано, а имянно: въ родословныхъ, въ 1-й, лѣта отъ Рождества Іисусъ Христова 1238, повелѣні-

емъ кесаря Римскаго Фредрикуса втораго, утвержденіемъ папы Григорья девятаго, учинено воинское выбранство отъ высокихъ честнѣйшихъ породъ, которые были сами въ разныхъ земляхъ владѣтели своихъ градовъ и гербы ихъ про то высокое ихъ древнее честное шляхество свидѣтельствуютъ, и королевскія дѣти въ томъ учиненномъ воинскомъ выбранствѣ были и нарѣчено было то великое честнѣйшее войсковое выбранство, Мѣчиносящее равное Братство, они жъ звались и *Крыжаны*, и служили ему кесарю Римскому; и то честное выбранство Мѣчиносящее равное Братство кесарь Римскій послалъ войною на Лифлянскую и на Прускую земли, и они взяли и завладѣли всею Лифлянскою и Прускою землями, и были всѣ равны Братствомъ владѣтели, избирая свою равную братью мистровъ (магистровъ) для разсужденія воинскаго Братства, а не для владѣтельства, и были въ томѣ войсковомъ Братствѣ равны, и владѣли всею Лифлянскою и Прускою землями многіе годы своею вольностію, и о томъ свидѣтельствуютъ Лифлянскія и иныхъ земель кроники (хроники); и въ Царство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, какъ онъ Великій Государь воевалъ Лифлянскую землю, взялъ въ плѣнъ того вышеписаннаго честнаго выбранства Мѣчиносящаго, Братства брата Петра, барона Володимерова, сына Фонвисина съ сыномъ его Денисомъ, и иныхъ того же честнаго братства шляхтовъ; и даны имъ въ Московскомъ Государствѣ помѣстья многія въ разныхъ городѣхъ, и служили они Великимъ Государемъ въ Нѣмецкой вѣрѣ. И въ царство блаженныя памяти Великаго Князя Михаила Оеодоровича, всея Россіи Самодержца, баронову сыну Володимеровича, Денису, за службы его и осадное Московское сидѣнье въ Королевичевъ приходъ, изъ того его вышисаннаго помѣстья дано ему въ вотчину, и на тѣ вотчины даны ему Государевы жалованныя грамоты. И въ царство блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловача, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Денисовъ сынъ Петровича Юрій крестился въ Православную Христіанскую Вѣру, нарѣченъ въ святомъ крещеніи Аоонасіи, пожалованъ первый чинъ въ стольники въ

61 году; новичной окладъ семь сотъ четвертей, денегъ пятьдесятъ рублевъ, да у руки Великаго Государя жалованья: кубокъ въ три фунта, да денегъ сто шестьдесятъ семь рублевъ, да Государева жъ жалованья помѣстья въ Ярославскомъ уѣздѣ, изъ чужаго роду сорокъ четыре двора, да вотчинъ братей его шестьдесять шесть дворовъ; а братьямъ его, вмѣсто деревень, Великаго Государя жалованья былъ денежной кормъ по шести сотъ рублевъ на годъ брату, а другому тожъ, потому что они были въ Нѣмецкой вѣрѣ. И по указу блаженныя памяти Великихъ Государей, онъ Аѳонасій Денисовичъ былъ у Государевыхъ дѣлъ воеводою и разборщикомъ; а дѣдъ его Аѳонасьевъ, Петръ, баронъ Володимеровичъ, съ двумя своими меньшими сыновьями, съ Борисомъ да съ Юрьемъ, отъ Ростриги побиты, въ Нѣмецкой вѣрѣ; Борисъ, бездѣтенъ; а Дениса Петровича дѣти Борисъ умре въ Нѣмецкой вѣрѣ, бездѣтенъ; Денисъ умре въ Нѣмецкой же вѣрѣ, Владимiръ убитъ подъ Ригою въ Нѣмецкой же вѣрѣ, бездѣтенъ; а Юрьевъ сынъ Петровича, Борисъ умре въ Нѣмецкой же вѣрѣ, бездѣтенъ; а Денисовъ сынъ Денисовича, Иванъ умре въ Нѣмецкой же вѣрѣ, бездѣтенъ: и роду Фонвизиныхъ въ Московскомъ Государствѣ, опричь Аѳонасья Денисовича, дѣтей нѣтъ; а у Аѳонасья Денисовича дѣти: Оедоръ, Андрей, Иванъ: у Андрея сынъ Василiй; а на свидѣтельство той вышеписанной шляхты Фонвизиныхъ древней ихъ чесной породы шляхетскiй гербъ. На подлинной росписи руки приложени тако: „Къ сей росписи Оедоръ Фонвизинъ руку приложилъ. Къ сей росписи Андрей Фонвизинъ руку приложилъ. Къ сей росписи Иванъ Фонвизинъ руку приложилъ“. Во 2-й, лѣта 7161 году, въ царство блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержца, иноземецъ Лифлянскiя земли, полоныя шляхты, Денисовъ, сынъ Бертновича Фонвизина, Юрiй крестился въ Православную Христiанскую вѣру, нарѣченъ въ Святомъ Крещенiи Аѳонасiй: пожалованъ первой чинъ въ стольники въ 161 году; новичной окладъ семь сотъ четвертей, денегъ пятьдесятъ рублевъ, да Государева жалованья у руки: кубокъ, да денегъ сто шестьдесятъ семь рублевъ, да помѣстья

изъ чужаго роду сорокъ четыре двора, да вотчинъ братей его шестьдесятъ шесть дворовъ, а братьямъ его, вмѣсто деревень, Государева жалованья былъ денежной кормъ по шести сотъ рублевъ брату на годъ, а другому тожъ, потому что они были въ Нѣмецкой вѣрѣ; а дѣдъ его Леонасьевъ, Петръ Верпъ, и отецъ, и дядья, и братья побиты на Государевѣ службѣ, и померли въ Нѣмецкой вѣрѣ, бездѣтны; и роду Фонвизиныхъ, опричь Леонасья Денисьевича, дѣтей никого въ Московскомъ Государствѣ нѣтъ. И по указу блаженныя памяти Великихъ Государей, онъ Леонтій Денисьевичъ былъ у Государевыхъ дѣлъ воеводою и разборщикомъ; а у Леонасья Денисьевича дѣти: Ѳедоръ, Андрей, Иванъ; у Андрея сынъ Василій; а на свидѣтельство шляхты Фонвизиныхъ древней ихъ породы шляхетскій гербъ.

3) *Въ списках съ грамоты*: Въ 1-мъ, Божіею Милостію, Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, пожаловали есмы ротмистра Нѣмецкаго Дениса Бертновича Фонвизина, за его къ намъ и ко всему Московскому Государству прямую службу, какъ въ прошломъ во 126 году пришелъ подъ наше Государство, подъ царствующій градъ Москву Литовскаго короля Жигимонтовъ сынъ Владиславъ, и въ нынѣшнемъ во 127 году стоялъ онъ подъ Москвою со многими Польскими и Литовскими и съ Нѣмецкими людьми, и съ Черкасы, и Московскаго Государства всякими умыслы и прелестію прельщалъ, и жестокими приступы достуналъ, и хотѣлъ Московское Государство взять и разорить до основанія, и церкви Божія осквернить и святую нашу истинную непорочную Православную Христіанскую Вѣру попрать, а учинить свою еретическую Латинскую вѣру; и онъ Денисъ, помня Бога, и Пречистую Богородицу, и Православную Вѣру, и наше крестное цѣлованіе, съ нами Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ всея Русіи, на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и за Православную Христіанскую Вѣру, и за Святыя Божія церкви, и за насъ, Великаго Государя, противъ Королевича Владислава, и Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, и Черкасъ стоялъ крѣпко

и мужественно на боѣхъ, и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей, и ни на какія Королевичевы прелести не прельстился, и многую службу и правду къ намъ и ко всему Московскому Государству показалъ; и будучи въ осадѣ, во всемъ оскудѣніе и нужду теривлъ. И Королевичь Владиславъ, и Гетманъ Хоткѣевъ, и всѣ паны Рада, и Польскіе и Литовскіе и Нѣмецкіе люди, и Черкасы, слыша нашихъ людей за Православную Христіанскую Вѣру и за насъ Великаго Государя крѣпкостоятельство и твердость, и отъ бояръ нашихъ и воеводъ, которые были на Москвѣ и которые съ Москвы изъ осады посланы были по городамъ, видя надъ собою промыслъ и крѣпкое стоятельство, учинили съ бояры нашими и со всею землею Московскаго Государства перемирье. И изъ Государства нашего изъ земли Королевичь и Гетманъ со всѣми Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми, и съ Черкасы вышелъ въ Литву и въ Польшу, и городи, которые было поймалъ, намъ Великому Государю отдалъ: и то сдѣлалось Божіею милостію, и Пречистыя Богородицы помощію, и заступленіемъ великихъ Московскихъ Чудотворцевъ, и Отца нашего. Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи. и Матери нашей, Великія Старицы Марѳы Ивановны молитвами, и нашимъ Царскимъ счастіемъ. и бояръ нашихъ. и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей къ намъ прямою службою, и радѣньемъ. и твердостію. И за тѣ службы. мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Михайлъ Ѳедоровичъ. всея Русіи Самодержецъ. пожаловали его Дениса съ помѣстнаго его окладу, съ осьми соть съ пятидесять четвертей, со ста четвертей по двадцати четвертей, и того сто семьдесятъ четвертей; изъ его жъ помѣстья въ Галицкомъ Уѣздѣ, въ Турковѣ стану. деревнею Васуковою. деревнею Курьяновою. деревнею Останиною, деревнею Палиною, пустошью Скорбѣжевою, пустошью Корюковою, пустошью Меринцовою, да въ Теприновской волости деревнею Власовицы, да въ Атуевѣ стану тремя жеребьи деревни Одинцовы. на рѣчкѣ на Куси. въ вотчину со всѣми угодьи. А по дачѣ 98 года и по отдѣльнымъ книгамъ. отдѣлу Галицкаго Городоваго Прикащика Ивана Лазарева 97 и 98. въ тѣхъ деревняхъ

и въ пустошахъ написано: пашни паханыя и перелогу и лѣсомъ поросло сто тридцать четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, и не дошло у него въ той вотчинѣ по нашему указу сорока четвертей, а на ту вотчину велѣли есмы ему дати сю нашу Царскую жалованную грамоту, за нашею Государскою красною печатью; и по нашему Царскому жалованью, въ той вотчинѣ онъ Денисъ, и его дѣти, и внучата, и правнучата вольны, и вольно ему, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ ту вотчину продать и заложить, и въ приданое дать, и въ монастырь по душѣ до выкупу дать; а кто будетъ роду его тою вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить, и ему ту вотчину выкупать цѣною по нашему Государеву указу, противъ дачъ, сколько въ ней въ дачѣ четвертей пашни написано, а дать за четверть по полтинѣ; а будетъ продастъ въ чужей родъ, а кто будетъ его роду захочетъ ту вотчину выкупить, и ему выкупить по прежнему нашему уложенью, какъ ихъ родовыя куплены вотчины выкупаютъ; а будетъ у него роду не останется, или останется, а выкупать не похотятъ, и та вотчина изъ монастыря взять на насъ, а деньги въ монастырь дать за нее изъ нашей Государскія казны, по той же цѣнѣ, по полтинѣ за четверть; а въ монастырь та вотчина, по прежнему нашему уложенью, не крѣпка; а только у него дѣтей и роду не останется, а останется одна жена, и женѣ тою вотчиною владѣти по свой животъ, а послѣ своего живота та вотчина для мужа своего и своего помника отдать въ монастырь до выкупу, а изъ монастыря ту вотчину выкупить на насъ, и дать за нее изъ нашія Царскія казны деньги, по полтинѣ же за четверть; а будетъ послѣ его жена его учнетъ сидѣть во вдовѣхъ или постриженется, и ей та вотчина вольно продать и заложить; а будетъ жена его останется бездѣтна и вдовствомъ сидѣть и постричся не похощетъ, а пойдетъ за мужъ, и ту вотчину взять на насъ въ помѣстныя земли, а за мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ нашія казны деньги противъ того, какъ изъ монастыря указано выкупить; а жениха ея пожалуемъ изъ тоя вотчины въ помѣстье по своему Царскому разсмотрѣнію, что доведется. Писанъ нашего Государства въ царствующемъ градѣ

Москвѣ, лѣта 7127 года Іюля въ 30-й день. А у подлинной Грамоты, позади писано тако: Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ; а подписалъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи дьякъ Герасимъ Мартемьяновъ: справилъ подъячій Тимоха Андреяновъ. Во 2 мъ, Божіею милостію, Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, пожаловали есмы Нѣмецкаго ротмистра Дениса Бертновича Фонвисина, за его къ намъ и ко всему Московскому Государству прямую службу, какъ въ прошломъ во 126 году пришелъ подъ наше Государство, подъ царствующій градъ Москву Литовскаго Короля Жигимонтовъ сынъ Владиславъ, и въ прошломъ же во 127 году стоялъ подъ Москвою со многими Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми, и съ Черкасы, и Московскаго Государства всякими умыслы и прелестію прельщалъ, и жестокими приступы доступалъ, и хотѣлъ Московское Государство взять и разорить до основанія, и церкви Божія осквернить, и святую нашу истинную непорочную Православную Христіанскую Вѣру попрать, а учинить свою еретическую Латинскую вѣру: а онъ Денисъ, помня Бога и Пречистую Богородицу и Православную Христіанскую Вѣру и наше крестное цѣлованье съ нами, Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Оедоровичемъ всея Русіи на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и за Православную Христіанскую Вѣру, и за святыя Божія церкви, и за насъ Великаго Государя противъ Королевича Владислава, и Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, и Черкасъ стоялъ крѣпко и мужественно, и на боѣхъ и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей, и ни на какія Королевичевы прелести не прельстился, и многую свою службу и правду къ намъ и ко всему Московскому Государству показалъ; и будучи въ осадѣ, во всемъ оскудѣніе и нужду терпѣлъ. Королевичъ Владиславъ, и Гетманъ Хоткѣевъ, и всѣ паны Рада Польскіе и Литовскіе и Нѣмецкіе люди, и Черкасы, слыша нашихъ людей за Православную Христіанскую Вѣру и за насъ Великаго Государя крѣпкостоятельство и твердость, и отъ бояръ нашихъ и воеводъ, которые были на

Москвѣ, и которые съ Москвы изъ осады посланы были по городамъ, видя надъ собою промыслъ и крѣпкостоятельство, учинили съ бояры нашими и со всею землею Московскаго Государства перемирье. Изъ Государства нашего изъ земли Королевичъ Владиславъ и Гетманъ Хоткѣевъ со всѣми Польскими и Литовскими и съ Нѣмецкими людьми, и съ Черкасы вышелъ въ Литву и въ Польшу, и города, которые было поималъ, намъ Великому Государю отдалъ: и то сдѣлалося Божіею милостію, и Пречистыя Богородицы помощію, и заступленіемъ великихъ Московскихъ Чудотворцевъ, и Отца нашего Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи, и Матери нашея Великія Старицы Марьи Ивановны молитвами, и нашимъ Царскимъ счастьемъ, и бояръ нашихъ, и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей къ намъ прямою службою, и радѣньемъ и твердостію. И за тѣ службы мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, пожаловали его Дениса съ помѣстнаго его оклада, съ осьми сотъ съ пятидесяти четвертей, со ста четвертей по двадцати четвертей, что ему не дошло въ вотчину въ Галицкомъ уѣздѣ сорока четвертей изъ его же Денисова помѣстья въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ Деревенскомъ стану, въ деревнѣ Денежниковѣ, на рѣчкѣ на Медвѣжкѣ, въ вотчину, со всѣми угодьи. А по книгамъ письма и мѣры Данила Житова съ товарищами, лѣта 7086 года, въ томъ Денисовѣ помѣстьѣ Фонвизина, въ деревнѣ Денежниковѣ написано: пашни перелогу и лѣсомъ поросло середней и доброй земли съ наддачею пятьдесятъ двѣ четверти въ полѣ, а въ двухъ по тому же, и перешло у него за вотчинною дачею, сверхъ нашего указу, пашни двѣнадцать четвертей, и тѣмъ переходомъ указали есмы владѣть ему жъ Денису въ помѣстья, и на вотчину велѣли есьмы дать ему Денису сю нашу Царскую жалованную грамоту, за нашею Государскою красною печатью и по нашему Царскому жалованью. Въ той вотчинѣ онъ Денисъ, и его дѣти, и внучата, и правнучата вольны, и волно ему, и его дѣтямъ, и внучатамъ и правнучатамъ ту вотчину продать, и заложить, и въ приданое дать, и въ монастырь по душѣ до выкупу дать: а кто будетъ его роду

тое вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить, и ему та вотчина выкупать, цѣною по нашему Государскому указу противъ дачъ, сколько въ ней въ дачѣ четверты нашии написано, а дать за четверть по полтинѣ; а будетъ продастъ въ чужой родъ, а кто будетъ его роду захочетъ тое вотчину выкупить, и ему выкупать по прежнему нашему уложенью, какъ ихъ родовыя и купленныя вотчины выкупаютъ; а будетъ у него роду не останется, или останется, а выкупать не похотятъ, и та вотчина изъ монастыря взять на насъ, а деньги въ монастырь дать за нее изъ нашія Царскія казны, по той же цѣнѣ, по полтинѣ за четверть: а въ монастырь та вотчина, по прежнему нашему уложенью, не крѣпка; а только у него дѣтей и роду не останется, а останется одна жена, и женѣ тою вотчиною владѣть по свой животъ, а послѣ своего живота та вотчина и для мужа своего и своего помина отдать въ монастырь до выкупу: а изъ монастыря ту вотчину взять на насъ, а дать за нее изъ нашія Царскія казны деньги, по полтинѣ жъ за четверть: а будетъ послѣ его жена его учнетъ сидѣть во вдовѣхъ или пострижется, и ей ту вотчину вольно продать и заложить: а будетъ жена его останется бездѣтна, а вдовствомъ сидѣть и постричся не похочетъ, а пойдетъ за мужъ, и ту вотчину взять на насъ, въ помѣстныя земли, а съ мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ нашія казны деньги противъ того, какъ изъ монастыря указано выкупать: а жениха ея пожалуемъ изъ тоя вотчины въ помѣстье, по своему Царскому разсмотрѣнію, что доведется. Писанъ нашего Государства, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7128, Марта въ осьмый на десять день. А у подлинной грамоты позади писано тако: „Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ, всея Русіи Самодержецъ: а подписалъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Оедоровича всея Русіи дьякъ Герасимъ Мартемьяновъ: справилъ Ивашко Оедотьевъ“.

Къ подлинной родословной росписи и къ спискамъ руки приложили: „Оедоръ Аѳонасьевъ, сынъ Фонвизинъ; а подлинныя къ себѣ взялъ Андрей Аѳонасьевъ, сынъ Фонвизинъ“.

А у Герольдмейстерскихъ дѣлъ, проситель господинъ Бре-

гадиръ Павелъ Ивановичъ Фонвизинъ, противу оказавшейся въ справкѣ архивской о несходствіи въ фамиліи его въ литерѣ, прежеупотребляемой *с*, а не *земля*, показуетъ, что Фонвизинымъ началъ писаться отецъ его статской совѣтникъ Иванъ Андреевичъ; да и потому, что сначала предки его подписывались понѣмецки, то и неудивительно, что фамилія ихъ въ переводахъ по-русски употреблялась *Фонъ-Висинымн*, а не *Фонъ-Визинымн*, по незнанію тогда нѣмецкаго языка: ибо на ономъ языкѣ литера *сс* въ чистомъ произношеніи должна выговариваться какъ *з*, отъ чего сія столь малая разность и послѣдовала.

1785 года Декабря 22-го дня, по Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Правительствующаго Сената Герольдмейстерскихъ Дѣлъ, дана сія копія Господину Бригадиру и Императорскаго Московскаго Университета Директору Павлу Ивановичу Фонъ-Визину, по челобитью его, для объявленія, въ силу Высочайше изданной на дворянское право жалованной грамоты, къ предводителямъ дворянства съ тѣмъ, что вышеписанныя въ архивской справкѣ въ родословныхъ росписяхъ и въ спискахъ съ грамотъ имена въ родствѣ ли ему просителю причтутся и какъ близки? Герольдмейстерскія дѣла не извѣстны. И сего ради ему просителю предоставляется доказывать о томъ въ силу означенной же состоявшейся и изданной дворянству грамоты у губернскихъ предводителей. Генваря 29 го дня 1786 года. На подлинной копіи подписано тако: „Алексѣй Молчановъ. Подлинная копія, за скрѣпою по листамъ секретаря Семена Попова, за скрѣпою подканцеляриста Никиты Данилова. У подлинной копіи Ея Императорскаго Величества Канцеляріи Правительствующаго Сената печать. Печатныхъ пошлинъ $25^1/_2$ взято".

II.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О СЛУЖБѢ ФОНЪ-ВИЗИНА,

ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ ОФФИЦІАЛЬНЫХЪ БУМАГЪ.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ находился сперва въ Императорскомъ московскомъ университетѣ студентомъ; потомъ, въ 1755 году, вступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ, и по именному Ея Императорскаго Величества указу, пожалованъ армейскимъ поручикомъ. Въ 1762 году, онъ принятъ въ Коллегію переводчикомъ съ Латинскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, съ жалованьемъ по 800 рублей; а по увольненіи его отъ Коллегіи, находился при Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества титулярнымъ совѣтникомъ. Въ 1769 году, 9-го декабря, по именному указу, пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ и опредѣленъ въ Коллегію, съ жалованьемъ по 1300 рублей; потомъ помѣщенъ на вакансію канцеляріи совѣтника при секретной экспедиціи, съ прибавкою къ окладу жалованья 500 рублей. Въ мирное торжество 10-го іюля 1775 года, по состояніи 28-го января 1779 года, штата Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, повелѣно ему быть помощникомъ при членахъ Коллегіи, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ Бакунинихъ и статскихъ совѣтникахъ Крокѣ и Урбіѣ, съ жалованьемъ по 1200 рублей.

III.

КОПІЯ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Переводчику Денису Фонъ-Визину, числясь при Иностранной Коллегіи, быть, для нѣкоторыхъ дѣлъ, при нашемъ статскомъ совѣтникѣ Елагинѣ, получая жалованье по-прежнему изъ оной коллегіи.

На подлинномъ собственною Ея
Величества рукою подписано:
«ЕКАТЕРИНА».

7-го октября 1763.

Помѣта: Получено въ Коллегіи 8-го октября 176.

ПИСЬМА

А. П. БИБИКОВА КЪ Д. П. ФОНЪ-ВИЗИНУ.

Государь мой Денисъ Ивановичъ!

Отправленныя отъ васъ курьеры, все трое, третьева дни благополучно пріѣхали. Получилъ я съ ними и пріятнѣйшее ваше письмо. Благодарю васъ какъ за отправленіе ихъ, такъ и за извѣстіи, въ письмѣ вашемъ сообщенныя и со столь хорошимъ произшествіемъ въ Архипелагѣ, яко до всѣхъ насъ касающаго, и васъ поздравляю.

О здѣшнемъ писать и увѣдомлять васъ за нужное не считаю. Сюріозное вы все изъ депешей посольскихъ свѣдаете, а комическова ничево такова нѣтъ, чтобъ стопло вамъ сообщить. Что-жъ до меня собственно принадлежитъ, я учусь и перенимаю здѣшнія дѣла. Живу очень скучно и кромѣ своихъ ни съ кѣмъ еще знакомства не здѣлалъ. Что впередъ будетъ—не знаю; а ежели таково, такъ въ монастырь ходить непошто, я уже въ немъ и такъ. Пріятель твой Морковъ еще отъ меня дичится. хотя я его и ласкаю. Напиши къ нему, чтобъ онъ по-просту, а не по-политически со мною обходился. За тѣмъ прощай. Пожалуй не лѣнись, сообщай буде что поваго сообщить будетъ нужно, и будь увѣренъ, что я всегда съ непремѣнною преданностью вездѣ буду вашъ вѣрный и преданный слуга

А. Бибиковъ.

26 Сентября 1771 года. Варшава.

Варшава. Генваря 25 дня 1772 году.

Не ошибаешся, мой любезный Денисъ Ивановичъ, что я васъ всегда душевно люблю, хотя не получилъ ты съ послѣдними курьерами моихъ писемъ, такъ какъ въ дружескомъ письмѣ отъ 30 декабря говоришь: но дошли до меня ваши и съ приложеніями, которыя куда надлежало доставлены вѣрно, будь въ томъ спокоенъ; но чтобъ ты былъ безъ сумнительства, то упомяну, что и со нитафетою присланное, отъ 4 генваря, Маркову вѣрно отданожъ. Съ самаго начала произшествія съ твоимъ другомъ интересовался я въ ево дѣло по стольку, по сколку и ево невинность и ваша ко мнѣ дружба требовала: да и теперь еще не оставилъ всего того употребить, что толко въ моей силѣ и возможности состоитъ. Ево дней чрезъ восемъ отправить обѣщаютъ. Не знаю, вѣрно ли то или нѣтъ, однако и о этомъ часто сколько можно напоминаю и напоминать буду. О прочемъ желалъ бы въ самой дружеской откровенности отъ васъ знать мысли, почитаемаго всѣми графа Никиты Ивановича: какой судъ мои писма въ его разсужденіяхъ имѣлъ и въ какомъ положеніи онъ въ разсужденіи неумѣренности и страшной запалчивости здѣшняго старика? Я сказавъ въ моихъ письмахъ ему хотя самую и безпристрастную истинну, колеблюсь однако, чтобъ по привычкѣ ево къ нему не здѣлало то какого мнѣ предосуждения въ заключеніяхъ сего предостойнаго человѣка. Вы докажете мнѣ чрезъ сію откровенность прямо вашу ко мнѣ дружбу, естли со всѣми подробностями здѣлаете мнѣ увѣдомленіе. Радуюсь тому, что Маркова бѣдняка судъ рѣшился столь правосудно. Слышу я, что и на меня есть жалоба, а между прочимъ что мало пишу, а предмѣстникъ же мой многимъ письмомъ обвиняемъ былъ; а я вотъ какъ мало въ письмѣ упражняюсь, что часа по четыре сряду при обыкновенныхъ дѣлахъ за письмомъ просижеваю; а какъ нужда, такъ и до десятку доходитъ. Божусь тебѣ, что ни лутчей дьякъ въ Комѣтномъ Приказѣ въ мѣсяцъ тово не испишетъ, что я иногда въ нед.лю. А для скуки читаю ouvrage par Mr. de Weimarn en 60 volumes in folio. Sur les affaires politique, economique et militaire en Pologne. Разуди пожалуй, вить есть тѣмъ позабавится. Шутки въ сторону; толко

едакой собацкой жизни никогда не имѣлъ. Кромѣ другихъ безпокойствъ, которыя отъ нетерпенія и запальчивости безпутной терплю (entre nous): ежелибъ не убѣждала меня безпредѣльная преданность къ графу Никитѣ Ивановичу, тобъ быть превеликимъ схваткамъ; но я спошу и сносить буду. Причины не знаю — только нѣсколко тому недѣль, что сталъ гораздо тише и вежливѣе. Думать надобно, не писано ли чево отъ васъ. Писмо сто доказывает мою съ вами откровенность, да и надѣюсь я, что кромѣ васъ о томъ никто изъ смертныхъ знать не будетъ. Прости и будь увѣренъ, что я любя васъ всегда везде и буду вѣрной и всегдашнѣй слуга

А. Б.

Государь мой Денисъ Ивановичъ!

Господа Потемкинъ и Бороздинъ, доѣхавшія суда, привезли мнѣ между прочимъ дружеское ваше писмо отъ 6 февраля, а вручитель сего господинъ адъютантъ отдалъ второе, отъ 18 того же мѣсяца писанное. Не имѣю я нужди упоминать о всемъ томъ, что въ первомъ ко мнѣ пишите, ибо увѣдомя васъ о полученіи, узнаете вы, что и содержаніе его мнѣ извѣстно. Но то только здѣсь примолвить должно, что я несказанно вами одолженъ и знаю совершенно цѣну сего дружескаго обязательства. Чувствителное и вамъ всегда преданное мое сердце не будетъ то того покойно, доколѣ не получу я способовъ доказать вамъ — сколко вамъ обязанным себя почитаю. Чтожъ до брата ранева касается, съ радостью и съ распростертыми руками ево пріемлю, считая за новой знакъ вашей ко мнѣ дружбы и доверенности. Пришлите толко ево суда, я ево у себя держать буду и все употреблю, что толко въ возможности моей къ полезѣ ево сдѣлать будетъ удобно. Въ прошедшую субботу съ отправленною отсель нагафетою писалъ я къ графу Никиту Ивановичу писмо о новыхъ здѣсь по военной части здѣланныхъ у васъ учрежденіяхъ, приложилъ я писмо къ Ея Величеству, оставя на собственное ево свѣтельства усмотрѣніе. Крайне желалъ бы я въ-

дать—какое употребленіе изъ него здѣлано? и произведетъ ли оно желаемое мною дѣйствіе? Естьли будетъ можно во умноженіе вашихъ дружескихъ мнѣ одолженій о семъ ко мнѣ отозвался. Маркова теперь считаю уже къ вамъ пріѣхавшимъ. Онъ разскажетъ вамъ все здѣшнее наше пребываніе: ибо слабая была бы картина когдабъ я описывать вамъ вздумалъ. Присовокуплю только то, что истинно почти нѣтъ возможности всѣхъ тѣхъ заботъ, досадъ и безпокойствъ описывать, какія переносить должно. Затѣмъ прощай, любезный Денисъ Ивановичъ, и будь увѣренъ, что я какъ былъ, такъ на всегда останусь вѣрный и искреннѣй вашъ слуга Александръ Бибиковъ.

P. S. Пожалуй г. Северину письма свои къ Васильеву въ моемъ пакетѣ посылать не вели, ибо открытіе ихъ письменно отъ меня требовать хотятъ. Приложенныя письма покорно прошу разослать вѣрно. А Маркову поклонись.

Варшава 6 (17) дня Марта 1772 году.

---

20 (31) маія 1772 году. Варшава.

Собирался я отвѣчать и благодарить васъ, любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятное письмо отъ 24 апрѣля, но курьеръ отправляемъ будучи всякій день продолжился до сего вечера. Танерь онъ ѣдетъ и отъ меня везетъ вѣсти о сокрушеніи преславутаго здѣшняго витязя Заремба, а что посылается отъ *цфики* и *дрополитики*, того не знаю. Думаю, что отвѣтъ на послѣднія депеши. О семъ поговорить съ вами имѣю пространную матерію, но какъ между вами и нами пропасть велика утвердился, то не могу бумагѣ ввѣрить искреннѣй моей къ вамъ бесѣды. Доволствовался буду изъявленіемъ той благодарности и признанія, которыми вамъ за письма ваши долженъ, и за увѣдомленія въ письмѣ отъ 24 апреля, что вы ко мнѣ писали. Второе же отъ 5 мая, какъ ни коротко, но оно мнѣ потому было пріятно, что и въ самой скорости, успѣли хотя нѣсколькими строками меня посѣтить и показать, что вы меня помните. Я и въ севоднишнемъ письмѣ къ графу Никитѣ Ивановичу коснулся нѣсколко странной политики, которая мнѣ

не нравится; но не знаю, какъ будетъ принято. Претительно мнѣ бываетъ всегда о томъ писать, но умолчать кажется отяготится моя предъ графомъ Никитою Ивановичемъ чистая совѣсть и душевная преданность. Буде что узнаете, крайнее одолженіе сдѣлаешь, мой любезной Денисъ Ивановичъ, когда скажешь мнѣ въ дружескомъ писмѣ съ тою откровенностью, съ которою я отъ тебя сіе ожидаю, имѣя дружбы и довѣренности ко мнѣ... . . . . *) Что вы отозвались на вопросъ: не пишу ль я чево къ вамъ? Такимъ образомъ, какъ вы пишите, весма я доволенъ. Прошу и теперь сохранить, чтобъ писма мои къ вамъ никому кромѣ васъ извѣстны не были, тѣмъ умножите вашу ко мнѣ дружбу. Что Г. Сумо: отсуда отзывается, сказывалъ онъ мнѣ то и самъ, хотя писма писаннаго къ нему до нынѣ не показываетъ: толко кажется, что до сентября цѣлое столѣтіе. Не можешь представить какъ тяжело, ибо на всякомъ шагу тово и гляди, что ввалишся съ нимъ въ какія либо непріятности, или и самую дурноту.

Благодарю васъ душевно за посѣщеніе моихъ домашнихъ и неоставленіе тѣхъ прозбъ, которыми вамъ скучаю. Отъ брата вашего въ доказательство, что онъ въ добромъ здоровіи, присемъ писмо приложено. Я его здѣсь держу и держать буду, покуда черниговскій полкъ суда будетъ, коему уже и быть я приказалъ. Онъ прежде былъ изъ него выключенъ для того, что не былъ у меня еще тогда этотъ полкъ въ командѣ; но нынѣ паки его въ тотже причислить велю. Затѣмъ прости, мой другъ сердечной. Приложенное писмо прошу вѣрно доставить; а курьеру потверди, чтобъ онъ къ женѣ моей писемъ не удерживалъ, такъ какъ уже нѣкоторыя по недѣли ихъ у себя держали. Обнимаю тебя душевно и останусь вѣрной и истинной слуга А. Бибиковъ.

Ежели сынъ мой выздоровелъ, помогите, чтобъ онъ скорѣй отправленъ быть могъ.

P. S. Постарайся, мой другъ, чтобъ мой секретарь Картумъ скорѣй суда пріѣхалъ. Онъ вами очень доволенъ, меня за васъ

*) Оторвано.

благодарить. Хорошо колибъ съ моимъ сыномъ вы его отправили.

---

6 (17) Іюля 1772 г. изъ Варшавы (*).

Брата вашего помѣстилъ опять въ Черниговскій полкъ, изъ котораго было выключилъ по бывшимъ тогда обстоятельствамъ, ибо онъ выбывалъ въ Элмтову команду. Приложенныя при семъ письма вручить или отдать покорно прошу. А обо мнѣ вѣрить, что я съ совершенною дружбою на вѣкъ останусь вашъ вѣрный слуга. А. Б.

О дѣйствіяхъ Сумо: ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать нельзя. Толко уже упоминать болше не буду; пусть что хотятъ, то думаютъ. Толко по милости ево стали мы совершенные почти Гишпанцы въ Америкѣ въ глазахъ Но.... (**), хотя не дѣйствіемъ, да всѣми замашками и тверженіемъ.

Іюня 14 дня 1772 году. Варшава.

Не хотѣлъ отпустить этихъ курьеровъ, мой любезной Денисъ Ивановичь, чтобъ съ тобою хотя нѣсколькихъ словъ не молвить. Пріятно мнѣ и отсудственно съ вами говорить, а по крайнѣй мѣрѣ приводя на мысль твою дружбу, пріятно о васъ и размышлять. Дѣла наши военныя и политическія увидите вы изъ общихъ бумагъ. Толко Сумо: выходитъ изъ всѣхъ вонъ предѣловъ, а вотъ что скутилъ. Нѣкто есть подскарбій Тизенъ-гоузенъ, изстари нашъ другъ былъ и есть и не по подземелью, да явно. У него жили дѣти маленкія брата ево, которыхъ онъ воспитывалъ. Невеска ево вышла за Казаковскаго, славнаго Казаковскава брата роднова, которой хоть не явно, да внутри тово-же мнѣнія. Онъ далъ тайно отъ меня писмо къ Элмту, Борхше подканцлерши Литовской, которой мужъ главной нашъ злодѣй, а братъ ей родной Заберсъ явной маршалъ конфедераціи. Ко-

*) Письмо это напечатано въ текстѣ (стр. 46—47) съ опущеніемъ конца.

**) Такъ въ подлинномъ письмѣ.

ховскій съ Борхшею приполъ съ командою въ домъ. Дѣтей у Тизенгаузена взяли, хотѣли увести. Тизенгаузена не было въ Гродиѣ. Люди встревожились, сдѣлали Садомъ, дѣтей отняли; но по рекомендаціи посла прислалъ Елмтъ 4 роты солдатъ и двѣ пушки, домъ развоевали, дѣти со страху ушли въ лѣсъ. 14 часовъ пропадали, на силу отыскали и взявъ отдали Борхиѣ. Скажи мой другъ: теперь лутче ли быть намъ злодѣемъ или пріятелемъ? Когда Тизенгузенъ ему въ глаза о этомъ говорилъ, такъ онъ сказалъ: ты—де ко мнѣ рѣдко ѣздишь; да и для чево моей протекціи въ этомъ дѣлѣ не искалъ? Онъ отвѣчалъ: думалъ ли я, ваше превосходительство, что посолъ Русской войдетъ въ наши домашнія дѣла, и думалъ ли я, чтобъ меня промѣнять когда либо Дворъ Російскій могъ на Казаковскова. Заберса и Борка, первыхъ и главныхъ своихъ противниковъ. Словомъ сказать, мой другъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Такъ мы поступаемъ. Жаль бѣдненкой Руси, а все то на ее щотъ ложится. Пожалуй постарайся, чтобъ Кортумово дѣло скорѣй кончилось и онъ ко мнѣ былъ отправленъ. Это будетъ. Сумозбр... чирей на сердцѣ. Братецъ твой захотѣлъ ѣхать съ княземъ Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ въ деташементъ. Я охотно на то согласился. Желаю, чтобъ онъ что нибудь для себя успѣлъ; а во все время ево здѣсь пребыванія я очень имъ былъ доволенъ. Прости, мой другъ Денисъ Ивановичь, будь здоровъ и веселъ, а мнѣ скучно и досадно, однако въ какомъ положеніи ни буду всегда вашъ вѣрной и истинной слуга.

А. Бибиковъ.

Октября 5 дня 1772 году. Варшава.

Отправляя къ вамъ, любезный Денисъ Ивановичь, посылку, отданную мнѣ отъ полковника Тутолмина, и письмо на имя графа Петра Ивановича, имѣю пріятной случай свидетельствовать непремѣнное мое къ вамъ почтеніе и дружбу, увѣдомя васъ и о томъ, что любезной вашъ братъ здѣсь здоровъ и живетъ со мною. Г. Тутолминъ вмѣсто 120 чер. потребовалъ отъ меня

140, которыя я ему и выдалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по комиссіи, порученной ему, ста дватцати червонныхъ не доволно, чтобъ я ихъ получить могъ; оставляю вашему попеченію и прошу толко меня увѣдомить: отъ ково я ихъ имѣть буду. Военныя дѣйствія здѣсь престали и нѣтъ о возмутителяхъ слуху. Слѣдовательно живу я съ этой стороны покоенъ; а благоразумное и пріятное поведѣніе новаго здѣсь нашего министра избавили меня и отъ тѣхъ безпокойствъ, отъ которыхъ я слишкомъ годъ мучился. Что здѣсь будетъ—предугадать не можно; а безъ войны жить здѣсь скучно и убыточно. Прости, мой другъ; я тебя всегда любилъ и любить буду, какъ вашъ вѣрной слуга.

А. Б.

Варшава. Генваря 26 дня 1773 году.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Пропустилъ я нѣсколько времяни, не писавъ щитая васъ быть еще въ Москвѣ; но какъ думаю, что вы теперь уже возвратились, то, ползуясь настоящимъ отправленіемъ, захотѣлось съ вами побесѣдовать и потвердить ту дружбу и преданность сердца моего, которыя всегда къ вамъ храню, а ожидать буду отъ васъ увѣдомленіе—какъ Москву нашли? И живъ ли еще тотъ, котораго ни подъ Хотинымъ, ни въ Молдавіи Турецкія пули и чума истребить не были въ состояніи?... *). Не видалъ ли, par hazard, И: Федор... и каковы мои акціи? А думаю, что они совсѣмъ уже упали, потому что ни слуху, ни духу нѣтъ; развѣ ей Баринъ этому причиною? Вотъ, мой другъ, какъ все на свѣтѣ перемѣнѣ подвержено. Поклонись отъ меня пожалуй Маркову и скажи ему, что я отъ него давно, давно никакой грамотки не получалъ. Со ляхи люди не мрутъ, а впередъ имъ вѣры... **). Въ будущей понедѣлникъ будетъ здѣсь извѣстной вамъ сенатской совѣтъ, только пріѣзжихъ сенаторовъ вновь очень мало. А стоимъ ли мы Поляковъ на сеймъ, то Всемо-

*) Такъ въ подлинномъ письмѣ.

**) Такъ въ подлинномъ письмѣ.

гущему извѣсно, а намъ только время показать можетъ. Штакельбергъ чѣмъ болѣе со мною живетъ тѣмъ, болѣе его любить начинаю. Онъ прямо любезный человѣкъ. Но долго ли мнѣ здѣсь проживатся? Истинно войду въ неоплатныя долги, и боюсь, чтобъ не сдѣлатся полковникомъ Потемкинымъ, котораго за долги, не одни Полскія да и нашихъ собственныхъ людѣй, отсуда не выпускаютъ. Вы вѣдаете, мой другъ, что я далъ полковнику Тутолмину на покупку графа Петра Ивановича 140 черв. которыя вы мнѣ перевести обѣщали, но по се время я о томъ ничево не знаю; отъ ково я ихъ получу? Я послалъ щотъ къ Александру Федоровичу Талызину о издержкахъ на князя Куракина и просилъ его, чтобъ онъ о переводѣ ко мнѣ денегъ пожаловать постарался: для чего и васъ прилежно прошу, къ заплатѣ денегъ руководствовать и употребить дружеское ваше вспоможеніе.

О мирѣ у насъ еще ничево вѣрново не слышно, и будетъ ли, нѣтъ ли—Богу извѣстно. Фельдмаршалскія увѣдомленіи похожи всегда на оракулъ. Прости, мой другъ Денисъ Ивановичъ; будь увѣренъ, что я васъ душевно люблю. Любите же и вы меня столко, сколко я отъ всей души и сердца имъ на вѣкъ вѣрной и покорной слуга Александръ Бибиковъ.

P.S. Щоту къ Александру Федоровичу Талызину не послано, а пришлю впередъ; только о данныхъ Тутолмину деньгахъ прошу постарается.

Февраля 28 дня (Марта 1 дня) 1773 года *).

Благодарю васъ, любезной Денисъ Ивановичъ, за писмо ваше отъ 12-го февраля, которое мнѣ привезъ пріѣхавшій сюда курьеръ. Сообщаемыя извѣстія одолжаютъ меня напризнательнѣйше васъ благодарить. Увѣренъ будучи о дружбѣ вашей, крѣпко надѣюсь, что не поскучите вы и впередъ время отъ времени сообщать извѣстіи нужныя для сужденія моего, и тѣмъ одол-

*) Отрывки изъ этого письма напечатаны въ текстѣ, стр. 47—48.

жите дружески тово, кто отъ дружбы вашей всегдашнихъ опытовъ къ одолженію своему ожидаетъ, знавши ей въ полной цѣнѣ и силѣ... За симъ.... Здѣлай дружбу, мой другъ Денисъ Ивановичь, добейся, чтобъ деньги ко мнѣ переслали или отдали женѣ моей, такъ какъ я прежде писалъ. Мнѣ право нужда. Что брата своего вы отправили — я отнюдь не досадую. Пусть онъ будетъ въ твоей волѣ доколѣ тебѣ надобно. Дѣло и безъ него здѣсь обойдется. О Голстинскомъ адвокатѣ отъ васъ же пишутъ, что онъ въ великой будто чести. А правда ли то или нѣтъ вамъ ближе знать надобно: а то истинно кажется, что онъ въ неописанныхъ интригахъ. Право пора ево отправить или въ Голстинію, или къ водамъ: онъ кромѣ накостей ни на что у васъ ненадобенъ, а толко то истинно, что преопаснѣйшее животное. Приложенное прошу дружески вѣрно доставить и быть увѣрену, что я съ совершенною дружбою вашъ вѣрный и истинный слуга

А. Бибиковъ.

Марта 13 (24) дня 1773 года. Варшава.

Благодарю васъ, любезный Денисъ Ивановичь, за пріятное и дружеское письмо, что отъ 24-го февраля ко мнѣ писали. Всѣ сообщенныя дружескія извѣстія пріемлю новымъ опытомъ продолженія вашей ко мнѣ дружбы и тѣхъ пріятельскихъ обязательствъ, которые мое къ вамъ почтеніе и преданность навсегда въ душѣ моей впечатлѣли.

О деньгахъ 1500 р. жена моя увѣдомляетъ меня, что получены, за что васъ признательно благодарю, хотя плата ассигнаціями нѣсколько меня и амбаранируетъ, да о семъ и говорить труда не стоитъ.

Всѣ извѣстія, приходящія къ намъ изъ вашева города, описующія положенія Двора, таковы-жъ ясны, какъ слова Евангелиста Іоанна, въ первомъ началѣ Евангелія написанныя: „В началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“; слѣ-

довательно не можно намъ отсудственнымъ никакой прямой картины изъ всего этого составить, а остается ожидать розвѣзи всему отъ времени. Вы желаете, чтобъ козни французскія столко жъ были неудачны, какъ злоба и хитрость. Чертоноловы у васъ не страшны; но сюда приходящіи извѣстіи и пріѣзжія его предтечи Нонинской и Коховской не то проповѣдуютъ. Они возвѣщаютъ, что нѣтъ дѣла важнаго, въ которое бы онъ призыванъ не былъ, и нѣтъ ни одного чужестраннаго министра, которой бы не чрезъ него о дѣлахъ своихъ старался. Сказываютъ притомъ, что и съ вами живетъ не въ большомъ ладу, но держится совсѣмъ противной стороны. Удивляюсь, ежели то толко правда, что сего мрачнаго аспида по се время не познаютъ и не проводятъ ево къ водамъ или доѣдать Голстинцовъ, которыхъ онъ довольно отгрызъ. Я истинно не для того говорю, что ево не терплю и конечно не щитаю ево для себя опаснымъ, но вреденъ онъ цѣлому обществу, и конечно опасенъ почтенному нашему общему благодѣтелю; кто ево прямо и искренѣ любитъ, тотъ ево въ семъ пунктѣ оберегать конечно повиненъ.

Миръ нашъ по всѣмъ извѣстіямъ не такъ близокъ, какъ мы прежде щитали, однакожъ послѣднія писма съ Дунаю не совсѣмъ еще надежду отнимали. Теперь ждемъ рѣшительнаго извѣстія, ибо и срокъ перемирія минулъ; а не будетъ миру, не окончутся и здѣшнія дѣла, какъ мы Поляковъ ни придавили, сохрани Боже подлинно и отъ голодныхъ Шведовъ, а Французовъ со все это станетъ. Дивится надобно, что друзья наши свои добрыя офиціи не столько горячо употребили, сколкобъ казалось намъ требовать отъ нихъ было можно. Вотъ они Польшу-то подѣлили не потерявъ ни одной души, ниже копѣйки, такъ бы не грѣхъ Туркамъ-то и серіозиѣе поговорить?

Ежели то истинно, что П. Ф. со своимъ чортомъ разводится, то жалѣю я о ея безпокойствахъ: ибо такія обороты сопряжены съ безконечными хлопотами. Я ей отъ всей души лучшаго желаю—съ нимъ ли вмѣстѣ или порознь.

Приложенныя писма прошу, мой другъ, вѣрно отдать и продолжать ко мнѣ вашу дружбу; а обо мнѣ вѣрьте, что я какъ

былъ, такъ и на всегда съ истинною преданностію и нелицемѣрною дружбою останусь вѣрной и прямой вашъ слуга

А. Бибиковъ.

Марта 23-го д. 1773 году. Варшава.

Благодарю васъ, мой другъ Денисъ Ивановичъ, за короткое, но любезное и дружеское ваше письмо, что съ послѣдними курьерами, отъ 5-го марта, я получилъ. Оно и короткостію своею довольно было утѣшить меня и сдѣлать пріятное о васъ и дружбѣ вашей напоминовеніе. Если вамъ нѣтъ время или заняты, не требую я и не требовалъ пространнаго разговора, довольно нѣсколькихъ словъ къ моему отъ васъ утѣшенію. О мирѣ кажется мнѣ сказали вы по прежнимъ извѣстіямъ, то-есть, когда посолъ турецкій взялъ артикулы нашихъ требованій ad referendum къ солтану: но свѣжія здѣсь имѣю я изъ Бухареста извѣстія, то-есть отъ 7 (18) марта, что тамъ хотя и есть нѣкая надежда, но и полное сумнѣніе: ибо рейсъ-ефендій ни объ отъѣздѣ своемъ не говоритъ, ниже отвѣту изъ Царяграда не показываетъ: слѣдовательно думаютъ, чтобъ, молчаніемъ отдѣлавшись, по истеченіи перемирія сказать, что не они, а мы конгрессъ развели: но я однакожъ всего лутчего желаю, пусть я въ моихъ гаданіяхъ обманусь и всѣ тѣ со мною, которыя о мирѣ почти всю надежду потеряли: но только что лишь бы онъ былъ.

Друзья наши и союзники вряд вправду хотятъ ли насъ вытянуть изъ сей войны и интересы ихъ не сопротивляются ли сему. Вамъ лутче знать надобно: дѣло ваше министерское.

О пріѣздѣ къ вамъ Германскаго князя мы здѣсь знаемъ, да не знаемъ только того, что все ли будетъ по-старому? Есть слухъ, что ѣдемъ брать Цареградъ и нѣтъ молебенъ въ Софійской церкви при помощи великаго квартермистра Бура *).

Приложенныя письма пожалуй, мой другъ, вѣрно достань и обо мнѣ будь увѣренъ, что я съ непремѣнною дружбою и душевною преданностію на всегда останусь вамъ вѣрной и истинной слуга А. Бибиковъ.

*) Отъ словъ „Здѣсь Сеймики“ до „и тому подобное“ напечатано въ текстѣ. стр. 48.

P. S. Грамоту ету написалъ я третьева дни; а вчера пріѣхали сюда ваши курьеры, съ которыми однако жъ ни одной строчки ни отъ васъ, ни отъ домашнихъ моихъ не получилъ, да и съ почтою отъ нихъ писемъ не имѣю. По написаніи сего же письма уѣхалъ отсюда и Гренадскій архіепископъ. Баронъ Штакельберъ дастъ самъ уповательно о всемъ прямое извѣстіе въ своихъ депешахъ, а я только то прибавлю, что онъ, какъ ни взбалмошенъ и помѣшенъ, только кредитъ ево въ землѣ великъ..

Fanatisme est une grande chose partout.

Апрѣля 12-го дня 1773 году. Варшава.

Пріѣхавшей сюда мой братъ отдалъ мнѣ пріятнѣйшее ваше и дружеское письмо отъ 16-го марта. Препроводилъ онъ ево со всѣмъ тѣмъ, что вы ему разсказать мнѣ поручили. Писмо и слова ваши возобновили во мнѣ тѣ напріятнѣйшія чувствованія, которыми меня мой любезной и дорогой Денисъ Ивановичь одолжать продолжаешь. Не въ состояніи тебѣ, мой другъ, право объяснить—сколко себя обязаннымъ вамъ щитаю и сколько сердце мое утѣшается вашею дружбою. Продолжай меня любить, доколѣ я того стоить буду; а прослужится мнѣ предъ вами конечно никогда не можно по искренѣй къ вамъ привязанности которую храню сначала нашева знакомства.

О дѣлахъ здѣшнихъ писать къ вамъ не буду: письма б. Штакельберга обо всѣмъ увѣдомятъ. Только то скажу, что при началѣ сейма не дѣла уже, но персона Понинскова дѣлаетъ всѣмъ претительность: но какъ то ни есть, однако онъ маршеломъ сталася.

Отъ бѣдниикой Н. Федо получилъ жалосное письмо, она ретировалась отъ гоненій отца подъ кровъ своей матери. Требуетъ моей помочи, чтобъ я ево принудилъ, дабы онъ хотя приданое ея отдалъ. Разсуди, мой другъ, естли какая нибудь ловкость отсюда мнѣ ей помочь, хотя я душою бы былъ радъ. Приложенное письмо чрезъ ково нибудь постарайся доставить въ ея руки.

Теперь оно можетъ быть отдано безъ всякаго препятствія въ ея руки, ибо она въ домѣ у матери. Только чтобъ кто ни есть ево ей отдать взялся.

Ну, братецъ! Миръ нашъ уплылъ по вешнѣй водѣ, какъ М.... Чтожъ теперь мы будемъ дѣлать? Все мнѣ кажется, что Вѣнцамъ надобно покрѣпче поговорить, чтобъ они сюріозно Туркамъ сказали, а безъ того ничѣму не бывать, развѣ на пустякахъ согласятся. Ей! пора пора сдѣлать Греческую омегу, а Русской конецъ. Прости, мой другъ: я твой истинной и вѣрной на вѣкъ А. Б.

P.S. Штакельберу приложенное при письмѣ моемъ отдалъ вѣрно.

Варшава. Апрѣля 26-го 1773.

Послѣдній курьеръ привезъ мнѣ пріятное и дружеское писмо. Благодарю васъ, любезный мой Денисъ Ивановичъ, и утѣшаясь твоею дружбою; ожидаю впредь дружескихъ увѣдомленій. Ничѣмъ больше одолжить меня не можете. А дружба ваша надѣится мнѣ того отъ васъ дозволяетъ *).... Поницкова персона больше здѣсь сдѣлала шуму и затрудненія при маршолствѣ, нежели самое дѣло. Вить здѣсь онъ отъ всѣхъ вообще за сущаго скареда почитается. Боже милосердый! какъ персональность главныя дѣла обсорбируетъ **).

Заклинаю дружбою ни одной душѣ не говорить. Двоюродному брату вашему, которой мнѣ писмо ваше отдалъ, всякую услугу показать готовъ, лишь чтобъ только было возможно.

Приложенное писмо прошу доставить вѣрно и продолжать ваш ко мнѣ дружбу; я истинно ей по моей къ вамъ душевной преданности достоинъ. Прости.

*) Отъ словъ «Здѣшнія дѣла» до «настоитъ вопросъ», напечатано въ текстѣ, стр. 48.
**) Отъ слова „Подлинно“ до „между нами“ напеч. на стр. 48.

Варшава. Маія 24 дня 1773 году. с. ст.

Прежде полученія вашего дружескаго писма, отъ 26 апрѣля отправленнаго со штафетомо, я уже въ одномъ моемъ далъ вамъ, любезный Денисъ Ивановичъ, знать, что я увѣренъ будучи о твоей ко мнѣ дружбѣ чувствовалъ какое дружеское участіе въ перемѣнѣ чина моего вы возмете: потому и не остается мнѣ въ настоящемъ о томъ ничево прибавить, кромѣ душевнаго благодаренія за ваше писмо, наполненное дружбою вашею.

За отправленіе Московскаго писма обязанъ вамъ несказанно, и крайнѣ доволенъ, естли оно дошло стараніемъ вашимъ до рукъ той особы, къ которой писано. Ну, коли бы и отвѣтъ былъ, куда какъ бы я былъ доволенъ!

Курьера мы отъ васъ ожидаемъ ежедневно и тѣмъ онъ нужнѣе становится, что время къ трактованію съ делегаціею часъ отъ часу коротаетъ. А у Штакельберга, сказываютъ, полномочія нѣтъ. Баронъ Ревицкой свое недавно получилъ и дѣло началъ, а Бенoа понукаютъ.

Напиши, мой другъ, что будетъ можно при отправленіи курьера, дабы не забыть ранту карту, потому что давно давно никакова свѣдѣнія не имѣю. Каково свѣтятъ звѣзды? Что растетъ и что умаляется? Да любопытенъ знать и о *Чертополохѣ* Сумозбродовѣ — что онъ такое? За тѣмъ прости, мой другъ, люби меня столко, сколко я всею душою и сердцемъ тебя люблю.

Лагерь при деревни Грудко. Іюня 16 дня 1773 года *).

Хотѣлъ бы я тебе, мой любезной Денисъ Ивановичъ, столько жъ сообщить нужныхъ и интересующихъ артикуловъ изъ здѣшняго мѣста, чтобъ показать равно и мою готовность къ твоимъ свѣденіямъ и благодарности за всѣ ваши дружескія прямо довѣренности. Но здѣсь не найдемъ и одной статьи, которая бы заслуживала вниманіе ваше. Военныхъ нѣтъ, а политическія извѣстія вамъ будутъ по письмамъ б. Штакельберга. Позволь только мнѣ себѣ, любезной Денисъ Ивановичъ, поблагодарить и сказать вамъ мое истинное и сердечное признаніе за

*) Точками означены тѣ мѣста, которыя въ подлинникѣ вырваны.

вашу дружбу. Вѣдайте, что ощущаю я ее въ полной силѣ. Писмо ваше въ тоже самое время какъ получилъ, прочтя предалъ огню; но въ настоящемъ прошу васъ.... мнѣ дружескія ваши увѣдомленія, котор.... интересны для любопытства столь..... по моему положенію.

Я и самъ тово мнѣнія, что турковъ не побивши хор... миру добраго намъ не толко не видать, да думаю, что чуть ли допустятъ друзья съ добрыми офиціами покончить и здѣшнія дѣла, вить свободнѣе имъ . . . . руки заняты. Не знаю я связи политической . . . . толко чуть ли бы не лутче Англія намъ . . . пособила, нежели друзья наши соучастники . . . . Полскомъ, а миру быть право пора. Здѣсь пошло часъ отъ часу тиши, а оттово, что всякому поболше . . . хочется, да чуть можно ли и помѣшать. Управи Боже путь вашъ политическій; а я спроста прежде конца турецкій войны и здѣшнимъ дѣламъ не жду окончанія. Сумозбродова положенія съ твоимъ командиромъ здѣсь не тайна, и потому желѣю, естли оно тайно быть долженствовало, а вышло наружу. Тужу потому, что ты ко мнѣ подъ условіемъ тайны, мой другъ, пишешъ; я это конечно сохраню. Но слишкомъ два мѣсяца назадъ какъ всѣмъ сіе извѣстно, а новопріѣзжіе еще болѣе подтвердили; сказываю съ удовольствіемъ, что цѣну сей съумозбродной канальи прямую у насъ знаютъ. Пора пора, и дай Боже поскорѣй, чтобъ сей чорной аспидъ отъ насъ исчезъ; я до того покоенъ не буду и право не для себя; потому что я ево кознѣй уже теперь противъ себя не опасаюсь, да онъ безъ пакостныхъ своихъ интригъ и безъ вреда честнымъ людемъ жить не можетъ . . . мой другъ, что братцу твоему не могу . . . никакова удовольствія по моему здѣшнему . . . . Но пріятно мнѣ было ево узнать любезный . . . . въ писмѣ изреченіе; продолжай ко мнѣ свою дружбу и будь увѣренъ, что я не оставлю всею силою во всякое время старатся, чтобъ вамъ показать — съ какою искренностію и прямою . . . . къ вамъ останусь вашъ вѣрной . . . . Бибиковъ. Маркову пожалуй отъ меня поклонись, буде онъ . . . приложенное писмо вѣрно прошу доставить.

Августа 7 дня 1773 году. Варшава [1]).

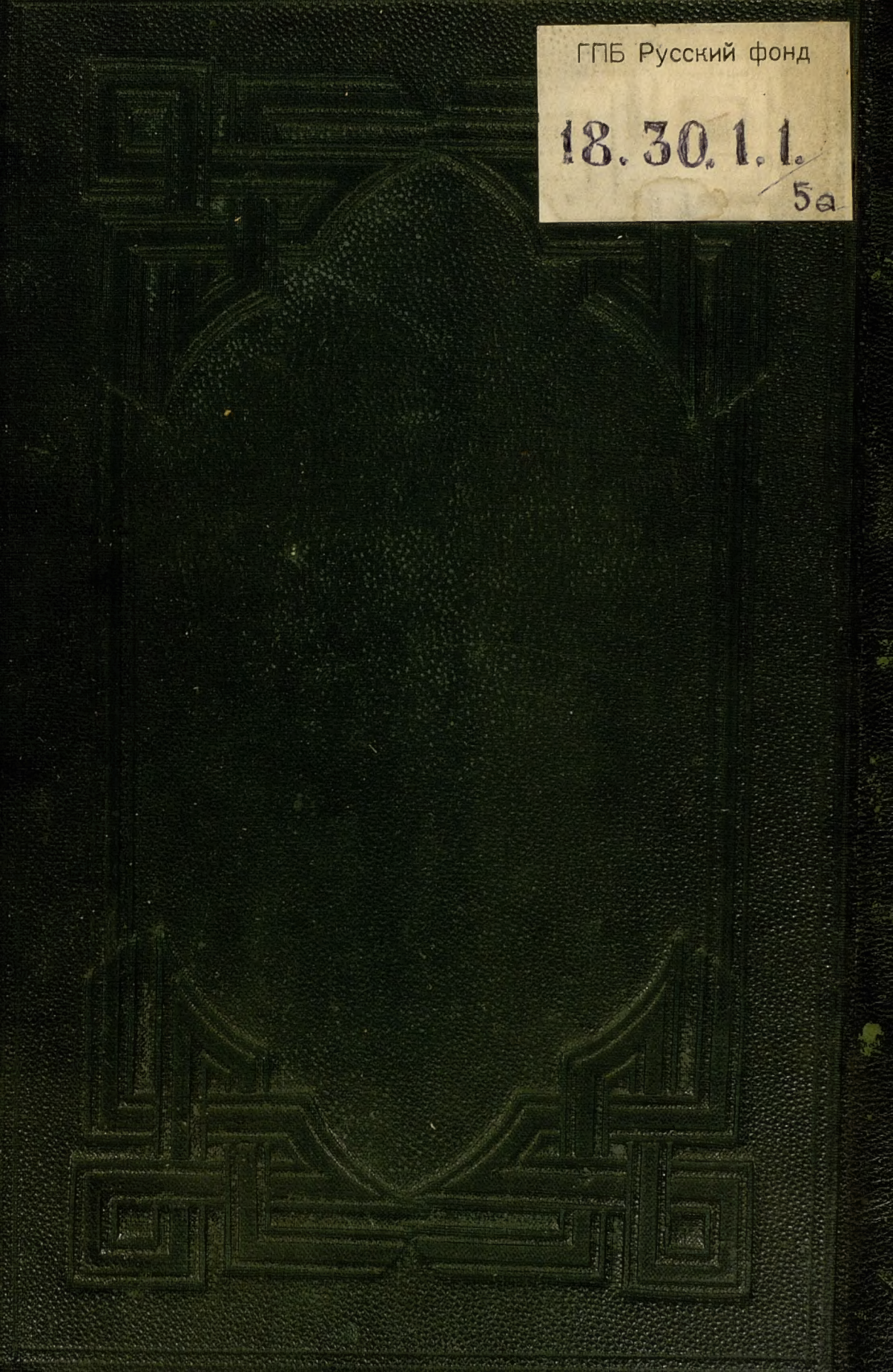
„... Ежели не исправлюсь, а исправится Богъ знаетъ чѣмъ и какъ? Древицу даны деревни за то, что я ево отъ грабительства унялъ; а Елмту, что онъ нигдѣ и нечево не дѣлавъ, умѣетъ показать видъ важной, и здѣсь бывши, укралъ Родзивиловы деревни на аренду тихонька, никому не сказавъ и бывъ подъ моею командою. Но сему я не дивлюсь, а долженъ востенать и проч.

.... Чувствуется нѣкое тогда облегченіе. Писалъ я, чтобъ меня на нѣсколько дней отпустили побывать у васъ, потому что я еще съ полками вмѣстѣ на Дунай къ тому времями поспѣю, какъ они придутъ; но щитаю напередъ, что и въ семъ откажутъ. Однако жъ попытка не шутка, спросъ не бѣда. Сумозбродовъ, сказываютъ по писмамъ здѣсь полученнымъ, поѣхалъ въ Голстинію. Ему же дано 24 т. на дорогу. О, Господи! доколѣ сіе будетъ, что бездѣльники успѣваютъ во всемъ?

Конецъ пятаго тома.

[1]) Начало этого письма напечатано въ текстѣ (стр. 49) до слова „все что имѣю“ включительно. Кромѣ того напечатано: отъ словъ „Ты мой другъ“ до слова „угнѣтать“ включительно, и отъ слова «Ежели отпустятъ» до слова «одолженія», и отъ слова «прими» и до конца.

ГПБ Русский фонд

18.30.1.1.

5а